

Anna Acunamoda

Anna Acunamoda

2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Анна Ахматова

СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ
✱
ТОМ ВТОРОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1990

84Р
А95

Издание выходит
под общей редакцией
Н. Н. С к а т о в а

Составление
и
подготовка текста
М. М. К р а л и н а

А $\frac{4702010200-2227}{080(02)-90}$ 2227-90

© Издательство «Правда». «Огонек». 1990.
(Составление. Примечания)

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЛИЛИИ

Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинный рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.

И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,
И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...

22 июня 1904
Одесса

* * *

Посвящ. А. М. Ф.

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

24 июля 1904

О, молчи! От волнующих страстных речей
 Я в огне и дрожу,
 И испуганно нежных очей
 Я с тебя не свожу.

О, молчи! В сердце юном моем
 Пробудил что-то странное ты.
 Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,
 Где лобзанья — цветы.

Отчего ты так низко нагнулся ко мне,
 Что во взоре моем ты прочел,
 Отчего я дрожу? отчего я в огне?
 Уходи! О, зачем ты пришел.

«1904—1905»

Я умею любить.

Умею покорной и нежною быть.

Умею заглядывать в очи с улыбкой

Манящей, призывной и зыбкой.

И гибкий мой стан так воздушен и строен,

И нежит кудрей аромат.

О, тот, кто со мной, тот душой неспокоен

И негой объят...

Я умею любить. Я обманно-стыдлива.

Я так робко-нежна и всегда молчалива.

Только очи мои говорят.

Они ясны и чисты,

Так прозрачно-лучисты.

Они счастье сулят.

Ты поверишь — обманут,

Лишь лазурнее станут

И нежнее и ярче они —

Голубого сиянья огни.

И в устах моих — алая нега.

Грудь белее нагорного снега.

Голос — лепет лазоревых струй.

Я умею любить. Тебя ждет поцелуй.

* * *

На руке его много блестящих колец —
Покоренных им девичьих нежных сердец.

Там ликует алмаз и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.

Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.

Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:

«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам никому, никогда.

1907

* * *

I

Герб небес изогнутый и древний.
Что на нем, почти не разобрать.
Девочке, сидевшей у харчевни,
Я велел меня сегодня ждать.

А она на луг глядела вешний,
Пальчиками чистя апельсин.
Улыбнулась: «Верно, вы не здешний?!»
И ушла, отдав мне взгляд один.

Ни дорог не видно, ни тропинок.
Я карету здесь останавливаю.
Никогда я не любил блондинок,
А теперь уже не люблю.

Мы за полночь проиграли в кости,
Мне везло чертовски в этот день...
И когда еще прощались гости,
Поредела за окошком тень.

Шел я, напевая «Встречи мая»,
По неровным шатким ступеням.

Мне светил трактирщик, повторяя:
«Не шумите, в доме много дам!»

II

По полу лучи луны разлились.
Сердце сразу замерло, зажглось,
И блаженно пальцы опустились
В волны светлых, словно лен, волос.

Молния блеснула, точно спичка,
И на тусклом небе умерла.
В белом платье ласковая птичка
На кровати у меня спала.

Встрепенулась и сложила руки,
Зашептав: «О Боже, где же Ты?»
Голоса пленительные звуки
Помню, помню, как они чисты.

<До 1909>

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно, звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка,
А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце.

1909
Киев

* * *

Ночь моя — бред о тебе,
День — равнодушное: пусть!
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.

Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.

Долго ль мне биться в огне,
Дальнего тайно кляня?..
В страшной моей западне
Ты не увидишь меня.

1909
Киев

* * *

То ли я с тобой осталась,
То ли ты ушел со мной,
Но оно не состоялось,
Разлученье, ангел мой!
И не вздох печали томной,
Не затейливый укор,
Мне внушает ужас темный
Твой спокойный ясный взор.

1909

* * *

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден,
Никого мне, никого не жаль.

Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она наверное ответит,
А быть может, будет целовать.

16 января 1910
Киев

Н. Г.

Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom à l'abîme
Qui me servira de Tombeau
Baudelaire¹

I

Пришли и сказали: «Умер твой брат!»

Не знаю, что это значит.

Как долго сегодня кровавый закат

Над крестами лаврскими плачет...

. . . . .

А то, что прежде пело во мне,

Куда-то вдаль улетает.

II

Брата из странствий вернуть могу,

Милого брата найду я,

Я прошлое в доме моем берегу,

Над прошлым тайно колдую.

III

«Брат! Дождалась я светлого дня.

В каких скитался ты странах?»

«Сестра, отвернись, не смотри на меня,

Эта грудь в кровавых ранах».

«Брат, эта грусть — как кинжал остра,

Отчего ты словно далёко?»

«Прости, о прости, моя сестра,

Ты будешь всегда одинока».

25 января 1910

Киев

---

¹ Я не заслужу той высшей чести
Даровать мое имя той бездне,
Что послужит мне могилой.

Бодлер (франц.).

Тебе, Афродита, слагаю танец,
 Танец слагаю тебе.
 На бледных щеках розовеет румянец...
 Улыбнись моей судьбе.
 По ночам ты сходила в чертоги Фрины,
 Войди в мой тихий дом.
 Лиловый туман пробрался в долины.
 Луна над твоим холмом.
 Скольжу и тружусь в заревом бессилье.
 Богиня! тебе мой гимн.
 Руки, как крылья, руки, как крылья,
 Над челом золотистый нимб.

Январь 1910

МАСКАРАД В ПАРКЕ

Луна освещает карнизы,
 Блуждает по гребням реки...
 Холодные руки маркизы
 Так ароматно-легки.

«О принц! — улыбаясь, присела, —
 В кадрили вы наш vis-à-vis», —
 И томно под маской бледнела
 От жгучих предчувствий любви.

Вход скрыл серебрящийся тополь
 И низко спадающий хмель.
 «Багдад или Константинополь
 Я вам завоюю, ma belle! ¹»

«Как вы улыбаетесь редко,
 Вас страшно, маркиза, обнять!»
 Темно и прохладно в беседке.
 «Ну что же! пойдем танцевать?»

Выходят. На вязах, на кленах
 Цветные дрожат фонари,
 Две дамы в одеждах зеленых
 С монахами держат пари.

¹ Моя красавица! (франц.)

И бледный, с букетом азалий,
Их смехом встречает Пьеро:
«Мой принц! О, не вы ли сломали
На шляпе маркизы перо?»

6 ноября 1910
Киев

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

9 ноября 1910.
Киев

* * *

На столике чай, печения сдобные,
В серебряной вазочке драже.
Подобрала ноги, села удобнее,
Равнодушно спросила: «Уже?»
Протянула руку. Мои губы дотронулись
До холодных гладких колец.
О будущей встрече мы не условились.
Я знал, что это конец.

9 ноября 1910
Киев

СТАРЫЙ ПОРТРЕТ

Посвящ. А. А. Экстер

Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама;
Негр за тобой с голубым опахалом,
Стройная белая дама.

Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.

Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...
В чьих это пальцах дрожала палитра,
В этом торжественном зале?

И для кого эти жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво.

Осень 1910
Киев

* * *

«Я смертельна для тех, кто нежен и юн.
Я птица печали. Я — Гамаюн.
Но тебя, сероглазый, не трону, иди.
Глаза я закрою, я крылья сложу на груди,
Чтоб, меня не заметив, ты верной дорогой пошел.
Я замру, я умру, чтобы ты свое счастье нашел...»
Так пел Гамаюн среди черных осенних ветвей,
Но путник свернул с осиянной дороги своей.

7 декабря 1910
Царское Село

* * *

Стояла долго я у врат тяжелых ада,
Но было тихо и темно в аду...
О, даже Дьяволу меня не надо,
Куда же я пойду?..

23 декабря 1910
Царское Село

В комнате моей живет красивая
Медленная черная змея;
Как и я, такая же ленивая
И холодная, как я.

Вечером слагаю сказки чудные
На ковре у красного огня,
А она глазами изумрудными
Равнодушно смотрит на меня.

Ночью слышат стонущие жалобы
Мертвые, немые образа...
Я иного, верно, пожелала бы,
Если б не змеиные глаза.

Только утром снова я, покорная,
Таю, словно тонкая свеча...
И тогда сползает лента черная
С низко обнаженного плеча.

1910

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.

И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous»¹.

Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих севрских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгинов,

---

¹ «Господь, смилуйся над нами» (франц.).

И, как во сне, я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.

21 января 1911
Киев

АЛИСА

1

Всё тоскует о забытом,
О своем весеннем сне,
Как Пьеретта о разбитом
Золотистом кувшине...

Все осколочки собрала,
Не умела их сложить...
«Если б ты, Алиса, знала,
Как мне скучно, скучно жить!

Я за ужином зеваю,
Забываю есть и пить,
Ты согласишься, забываю
Даже брови подводить.

О Алиса! дай мне средство,
Чтоб вернуть его опять;
Хочешь, все мое наследство,
Дом и платья можешь взять,

Он приснился мне в короне,
Я боюсь моих ночей!»
У Алисы в медальоне
Темный локон — знаешь, чей?!

22 января 1911
Киев

2

«Как поздно! Устала, зеваю...»
— «Миньона, спокойно лежи,
Я рыжий парик завиваю
Для стройной моей госпожи.

Он будет весь в лентах зеленых,
А сбоку жемчужный аграф;
Читала записку: «У клена
Я жду вас, таинственный граф!»

Сумеет под кружевом маски
Лукавая смех заглушить,
Велела мне даже подвязки
Сегодня она надушить».

Луч утра на черное платье
Скользнул, из окошка упав...
«Он мне открывает объятия
Под кленом, таинственный граф».

23 января 1911
Киев

* * *

Мне больше ног моих не надо,
Пусть превратятся в рыбий хвост!
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост.

Не надо мне души покорной,
Пусть станет дымом, легок дым,
Взлетев над набережной черной,
Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьих я слов не повторяю
И не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально-нем?
Что слышу? Целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»

12 февраля 1911
Царское Село

* * *

Шелестит о прошлом старый дуб.
Лунный луч лениво протянулся.
Я твоих благословенных губ
Никогда мечтою не коснулся.

Бледный лоб чадрой лиловой сжат.
Ты со мною. Тихая, больная.
Пальцы холодеют и дрожат,
Тонкость рук твоих припоминая.

Я молчал так много тяжких лет.
Пытка встреч еще неотвратима.
Как давно я знаю твой ответ:
Я люблю и не была любима.

Февраль 1911

* * *

Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!
Буду ли нежной опять, как сестра?
В старых часах притаилась кукушка.
Выглянет скоро. И скажет: «Пора».

Чутко внимаю бездумным рассказам.
Не научился ты только молчать.
Знаю, таким вот, как ты, сероглазым
Весело жить и легко умирать.

Март 1911
Царское Село

* * *

А. А. Смирнову

Когда умрем, темней не станет,
А станет, может быть, светлей.

Май 1911
Париж

* * *

В углу старик, похожий на барана,
Внимательно читает «Фигаро».
В моей руке просохшее перо,
Идти домой еще как будто рано.

Тебе велела я, чтоб ты ушел.
Мне сразу всё твои глаза сказали...
Опилки густо устилают пол,
И пахнет спиртом в полукруглой зале.

И это юность — светлая пора

. . . . .
Да лучше б я повесилась вчера
Или под поезд бросилась сегодня.

Весна 1911 (?)
Париж

* * *

Целый день провела у окошка
И томилась: «Скорей бы гроза».
Раз у дикой затравленной кошки
Я такие заметил глаза.

Верно, тот, кого ждешь, не вернется
И последние сроки прошли.
Душный зной, словно олово, льется
От небес до иссохшей земли.

Ты тоской только сердце измучишь,
Глядя в серую тусклую мглу.
И мне кажется — вдруг замаячишь,
Изгибаясь на грязном полу.

Лето 1911
Слепнево

* * *

Словно тяжким огромным молотом
Раздробили слабую грудь.

Откупиться бы ярким золотом,—
Только раз, только раз вздохнуть!
Приподняться бы над подушками,
Снова видеть широкий пруд,
Снова видеть, как над верхушками
Сизых елей тучи плывут.
Всё приму я: боль и отчаянье,
Даже жалости острие.
Только пыльный свой плащ раскаянья
Не клади на лицо мое!

Осень 1911

В ЛЕСУ

Четыре алмаза — четыре глаза,
Два совиных и два моих.
О, страшен, страшен конец рассказа
О том, как умер мой жених.

Лежу в траве я, густой и влажной,
Бессвязно-звонки мои слова,
А сверху смотрит такую важной,
Их чутко слушает сова.

Нас ели тесно обступили,
Над ними небо — черный квадрат.
Ты знаешь, знаешь, его убили,
Его убил мой старший брат —

Не на кровавом поединке
И не в сраженьи, не на войне,
А на пустынной лесной тропинке,
Когда влюбленный шел ко мне.

[1911]

НАД ВОДОЙ

Стройный мальчик пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок
На свою беду.

Если встану — упаду,
Дудочка поет: ду-ду!

Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».
Если встану — упаду,
Дудочка поет: ду-ду!

О глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.
И без крика упаду,
А вдали звучит ду-ду.

[1911]

* * *

Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.

Зима 1912

* * *

Ф. К. Сологубу

Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная, томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей.

*16 марта 1912
Царское Село*

* * *

Сегодня мне письма не принесли:
Забыл он написать, или уехал;

Весна как трель серебряного смеха,
Качаются в заливе корабли,
Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной еще совсем недавно,
Такой влюбленный, ласковый и мой,
Но это было белою зимой,
Теперь весна, и грусть весны отравна,
Он был со мной еще совсем недавно...

Я слышу: легкий трепетный смычок,
Как от предсмертной боли, бьется, бьется,
И страшно мне, что сердце разорвется,
Не допишу я этих нежных строк...

[1912]

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь на сером полотне
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

[1912]

* * *

Ты поверь, не змеинное острое жало,
А тоска мою выпила кровь.
В белом поле я тихую девушкой стала,
Птичьим голосом кличу любовь.

И давно мне закрыта дорога иная,
Мой царевич в высоком кремле.
Обману ли его, обману ли? — Не знаю!
Только ложью живу на земле.

Не забыть, как пришел он со мною проститься,
Я не плакала: это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
Но бессильна моя ворожба.

Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых ворот,
Иль уже светлоокая, нежная Сирина
Над царевичем песню поет?

[1912]

* * *

Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»

Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!

Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.

[1912]

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

О спутник мой неосторожный,
Мой друг, ревнивый и тревожный,

Ты не пришел за мной сюда.
Сентябрь, печаль и холода,
А возвращенье невозможно
В таинственные города —
Их два, один другому равен
Суровой красотой своей
И памятью священной славен,
Улыбкой освящен твоей.
Несносен ты и своенравен,
Но почему-то всех милей.
Мне нестерпимо здесь томиться,
По четкам костяным молиться
И точно знать, что на обед
Ко мне придет мой сосед.
Подумай, день идет за днем,
Снег выпал, к вечеру растает,
И за последним журавлем
Моя надежда улетает.
К моей тоске сосед приучен,
И часто сам вздыхает он:
«Простите, грустен я и скучен».
А в самом деле он влюблен.
В саду под шум берез карельских
О днях мечтаю царскосельских,
О долгих спорах, о стихах
И о пленительных губах.
Но чувствую у локтя руку
Ведущего меня домой
И снова слышу, что со мной
Нельзя перенести разлуку;
Какою страшною виной
Я заслужила эту скуку?
Когда камин в гостиной топят
И гость мой стройный не торопит
Свою коляску подавать,
А словно что-то вспоминая,
Глядит на пламя не мигая,
И я люблю припоминать...
Уже, друзья, мою божницу
Устали видеть вы пустой,
И каждый новую царицу
Подводит к двери золотой.
А ты, конечно, всех проворней,
Твоя избранница покорней
Других; и скоро фимиам
Волной прильнет к ее ногам...

Тогда припомни час единый,
Вечерний удаленный час,
И крик печали лебединой,
И взор моих прощальных глаз.
Мне больше ничего не надо —
Мне это верная отрада.

Осень 1913
Слепнево

* * *

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она — последняя усталость,
Так вот оно — преддверье царства славы.

Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда,
И лебедю заросла дорожка,
А мне б идти по ней — такая радость.

Чтобы песок хрустел и лапы елок —
И черные и влажные — шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

ОТВЕТ

И при луне новорожденной
Вновь зажигаю шесть свечей.

Я получила письмо,
Не поверила нежным словам,
Читала, смотрела в трюмо,
Удивлялась себе и Вам.

В окна широкий свет
Вплывал, и пахло зимой...
Знаю, что Вы поэт,
Значит, товарищ мой.

Как хорошо, что есть
В мире луна и шесть
Вами зажженных свеч.

Думайте обо мне,
Я живу в западне
И боюсь неожиданных встреч.

1913

* * *

За узором дымных стекол
Хвойный лес под снегом бел.
Отчего мой ясный сокол
Не простившись улетел?

Слушаю людские речи.
Говорят, что ты колдун.
Стал мне узок с нашей встречи
Голубой шушун.

А дорога до погоста
Во сто раз длинней,
Чем тогда, когда я просто
Шла бродить по ней.

1913

* * *

Я видел поле после града
И зачумленные стада,
Я видел грозди винограда,
Когда настали холода.

Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной тиши...
Но страшно мне опустошенье
Твоей замученной души.

Так много нищих. Будь же нищей —
Открой бесслезные глаза.
Да озарит мое жилище
Их неживая бирюза!

1913

* * *

Ничего не скажу, ничего не открою.
Буду молча смотреть, наклонившись, в окно.
Как-то раз и меня повели к аналою,
С кем — не знаю. Но помню — давно..*

Из окна моего вижу красные трубы,
А над трубами легкий клубящийся дым.
Но глаза я закрою. И нежные губы
Прикоснулись к ресницам моим.

То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это — ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.

1913

* * *

Георгию Иванову

Бисерным почерком пишете, Lise,
Уже не подруге, не старой тетке.
Голуби взлетели на карниз,
Луч заиграл на балконной решетке.

Ваше окошко опять найду
Под веночком, длинной стрелой пронзенным.
Как хорошо в осеннем саду!
Как хорошо быть совсем влюбленным!

Желтое солнце светло блестит,
Желтое платье в окне золотится...
Знаю — она никогда не простит,
Если осмелюсь я ей поклониться.

[1913]

* * *

Пустые белые святки.
Мети, метель, мети.
Пусть дороги гладки,—
Мне не к кому идти!

Январь 1914

ТАМАРЕ ПЛАТОНОВНЕ КАРСАВИНОЙ

Как песню, слагаешь ты легкий танец —
О славе он нам сказал,—
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.

И с каждой минутой все больше пленных,
Забывших свое бытие,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое.

Март 1914

* * *

А. А. Блоку

От тебя приходила ко мне тревога
И уменье писать стихи.

Весна 1914

* * *

Сергею Судейкину

Спокоен ход простых суровых дней,
Покорно все приемлю превращенья.
В сокровищнице памяти моей
Твои слова, улыбки и движенья.

Весна 1914

Петербург

БЕЛАЯ НОЧЬ

Небо бело страшной белизною,
А земля как уголь и гранит.
Под иссохшей этою луною
Ничего уже не заблестит.

Женский голос, хриплый и задорный,
Не поет — кричит, кричит.

Надо мною близко тополь черный
Ни одним листком не шелестит.

Для того ль тебя я целовала,
Для того ли мучилась, любя,
Чтоб теперь спокойно и устало
С отвращеньем вспоминать тебя?

7 июня 1914
Слепнево

* * *

На Казанском или на Волковом
Время землю пришло покупать.
Ах! под небом северным шелковым
Так легко, так прохладно спать.

Новый мост еще не достроят,
Не вернется еще зима,
Как руки мои покроет
Парчовая бахрама.

Ничьего не вспугну веселья,
Никого к себе не зову.
Мне одной справлять новоселье
В свежевыкопанном рву.

8 июля 1914
Слепнево

ЗАВЕЩАНИЕ

Моей наследницею полноправной будь,
Живи в моем доме, пой песнь, что я сложила.
Как медленно еще скудеет сила,
Как хочет воздуха замученная грудь.

Моих друзей любовь, врагов моих вражду,
И розы желтые в моем густом саду,
И нежность жгучую любовника — все это
Я отдаю тебе — предвестница рассвета.

И славу, то, зачем я родилась,
Зачем моя звезда, как некий вихрь, вьвилась
И падает теперь. Смотри, ее паденье
Пророчит власть твою, любовь и вдохновенье.

Мое наследство щедрое храня,
Ты проживешь и долго, и достойно.
Все это будет так. Ты видишь, я спокойна.
Счастливой будь, но помни про меня.

1914

Слепнево

* * *

За то, что я грех прославляла,
Отступника жадно хваля,
Я с неба ночного упала
На эти сухие поля.

И встала. И к дому чужому
Пошла, притворилась своей,
И терпкую злую истому
Принесла с июльских полей.

И матерью стала ребенку,
Женою тому, кто пел.
Но гневно и хрипло вдогонку
Мне горный ветер свистел.

1914

* * *

Кому-то желтый гроб несут,
Счастливый кто-то будет с Богом,
А я забочусь о немногом,
И тесен мой земной приют.

1914

* * *

Отлетела от меня удача,
Поглядела взглядом ястребиным

На лицо, померкшее от плача,
И на рану, ставшую рубином
На груди моей.

1914

* * *

Не убил, не проклял, не предал,
Только больше не смотрит в глаза.
И стыд свой темный поведал
В тихой комнате образам.

Весь согнулся и голос глуше,
Белых рук движенья верней...
Ах! когда-нибудь он задушит,
Задушит меня во сне.

1914

* * *

Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря.

Над дальним лугом белые челны
Нездешние сопровождают тени...
Час горьких дум, о, час разуверений
При свете возникающей луны!

[1914]

* * *

Цветы, холодные от рос
И близкой осени дыханья,
Я рву для пышных, жарких кос,
Еще не знавших увяданья.

В их ночи душно-смоляной,
Повитой сладостною тайной,

Они надышатся весной
Ее красы необычайной.

Но в вихре звуков и огней
С главы сияющей, порхая,
Они падут—и перед ней
Умрут, едва благоухая.

И, движим верною тоской,
Их усладит мой взор покорный,—
Благоговеющей рукой
Сберет любовь их прах тлетворный.

[1914]

* * *

Я любимого нигде не встретила:
Столько стран прошла напрасно.
И, вернувшись, я Отцу ответила:
«Да, Отец!—Твоя земля прекрасна.

Нежило мне тело море синее,
Звонко, звонко пели птицы томные.
А в родной стране от ласки инея
Поседали сразу косы темные.

Там в глухих скитах монахи молятся
Длинными молитвами, искусными...
Знаю я: когда земля расколется,
Поглядишь ты вниз очами грустными.

Я завет Твой, Господи, исполнила
И на зов Твой радостно ответила,
На Твоей земле я все запомнила,
И любимого нигде не встретила».

[1914]

* * *

Ал. Блоку

Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой.

Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый—полуночника.
Но годы страшные пройдут,
Ты скоро снова будешь молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.

1914 (?)

* * *

В последний год, когда столица наша
Первоначальное носила имя
И до войны великой оставалось
Еще полгода, совершилось то,
О чем должна я кратко и правдиво
В повествовании моем сказать.
И в этом помешать мне может только
То, что в дома всегда без спроса входит
И белым закрывает зеркала.
Иль тот, кто за море от нас уехал
И строго, строго плакать запретил.

<1914—1915>

* * *

. . . . .
О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

1916 (?)

* * *

В городе райского ключаря,
В городе мертвого царя
Майские зори красны и желты,
Церкви белы, высоки мосты.

И в темном саду между старых лип
Мачт корабельных слышится скрип.
А за окошком моим река—
Никто не знает, как глубока.
Я вольно выбрала дивный град,
Жаркое сердце земных отрад,
И все мне казалось, что в раю
Я песню последнюю пою.

1917

* * *

С первым звуком, слетевшим с рояля,
Я шепчу тебе: «Здравствуй, князь».
Это ты, веселя и печалю,
Надо мной стоишь, наклонясь,

Но во взоре упорном и странном
Угадать ничего не могу,
Только в сердце моем окаянном
Золотые слова берегу.

Ты когда-нибудь, скукой томимый,
Их прочтешь на чужом языке
И подумаешь: мне серафимы
Оснащают корабль на реке.

1917

* * *

Я горькая и старая. Морщины
Покрыли сетью желтое лицо.
Спина согнулась, и трясутся руки.
А мой палач глядит веселым взором
И хвалится искусною работой,
Рассматривая на поблекшей коже
Следы побоев. Господи, прости!

1919

* * *

Поглядишь, как будто спросишь,
Отчего все это так...
Ты недаром, милый, носишь
Анненский темляк.

1910-е годы

* * *

В промежутки между грозами,
Мрачной яркостью богатые,
Над притихшими березами
Облака стоят крылатые.
Чуть гроза на запад спрячется
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная.

1910-е годы

Слепнево

Записала на Илью в Комарове

1961

* * *

Справа Днепр, а слева клены,
Высь небес тепла.
В день прохладный и зеленый
Я сюда пришла.

Без котомки, без ребенка,
Даже без клюки,
Был со мной лишь голос звонкий
Ласковой тоски.

Не спеша летали пчелки
По большим цветам,
И дивились богомолки
Синим куполам.

1910-е годы

* * *

Сочтенных дней осталось мало,
Уже не страшно ничего,
Но как забыть, что я слыхала
Биенье сердца твоего?
Спокойно знаю—в этом тайна
Неугасимого огня.
Пусть мы встречаемся случайно
И ты не смотришь на меня.

1910-е годы

* * *

Если в небе луна не бродит,
А стынет — ночи печать...
Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать.

В шкатулке резного дуба
Он помнит тайный замок,
Стучат по паркету грубо
Шаги закованных ног.

Сверяет часы свиданий
И подписей смутный узор.
Разве мало ему страданий,
Что вынес он до сих пор?

1910-е годы

* * *

(Графу В. П. Зубову)

Как долгод праздник новогодний,
Как бел в окошках снежный цвет.
О Вас я думаю сегодня
И нежный шлю я Вам привет.

Пускай над книгою в подвале,
Где скромно ночи провожу,
Мы что-то мудрое решали,
Я обещанья не сдержу.

А Вы останьтесь верным другом
И не сердитесь на меня,
Ведь я прикована недугом
К моей кушетке на три дня.

И дом припоминая темный
На левом берегу Невы,
Смотрю, как ласковы и томны
Те розы, что прислали Вы.

1910-е годы

* * *

В. Срезневской

Жрицами божественной бессмыслицы
Назвала нас дивная судьба,
Но я точно знаю—нам зачислятся
Бденья у позорного столба,

И свиданье с тем, кто издевается,
И любовь к тому, кто не позвал...
Посмотри туда — он начинается,
Наш кроваво-черный карнавал.

1910-е годы

* * *

Улыбнулся, вставши на пороге,
Умерло мерцание свечи.
Сквозь него я вижу пыль дороги
И косые лунные лучи.

1910-е годы
Балаклава

* * *

И через все, и каждый миг,
Через дела, через безделье
Сквозит, как тайное веселье,
Один непостижимый лик.

О Боже! Для чего возник
Он в одинокой этой келье?

1910-е годы

* * *

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя.

1910-е годы

* * *

Не смущаюсь я речью обидною,
Никого ни в чем не виню.
Ты кончину мне дашь не постыдную
За постыдную жизнь мою.

1910-е годы

* * *

Пива светлого наварено,
На столе дымится гусь...
Поминать царя да барина
Станет праздничная Русь—

Крепким словом, прибауткою
За беседу хмельной;
Тот—забористою шуткою,
Этот—пьяною слезой.

И несутся речи шумные
От гульбы да от вина...
Порешили люди умные:
— Наше дело — сторона.

*1921. Рождество
Бежецк*

* * *

Не странно ли, что знали мы его?
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного поэта своего.

Август 1921

* * *

Для Л. Н. Замятиной

Здравствуй, Питер! Плохо, старый,
И не радуется апрель.
Поработали пожары,
Почудили коммунары,
Что ни дом — в болото щель.
Под дырявой крышей стынем,
А в подвале шепот вод:
«Склеп покинем, всех подыдем,
Видно, нашим волнам синим
Править городом черед».

24 сентября 1922

* * *

Вечер тот казни достоин,
С ним я не справлюсь никак.
Будь совершенно спокоен —
Ты ведь мужчина и враг.

Тот, что молиться мешает,
Мучке не хочет помочь,
Тот, что твой сон нарушает,
Тихая, каждую ночь.

Ты ль не корил маловерных
И обличал, и учил!
Ты ли от всякия скверны
Избавить тебя не молил!

— Сам я не знаю, что случилось,
К гибели, что ли, иду?

Ведь как ребенок металась
Передо мною в бреду.

Выпил я светлые капли
С глаз ее — слезы стыда.
Верно, от них и ослабли
Руки твои навсегда.

<1922>

* * *

Хорошо поют синицы,
У павлина яркий хвост,
Но милее нету птицы
Вашей славной «Алконост».

<1922>

* * *

Скучно мне оберегать
От себя людей,
Скучно кликать благодать
На чужих друзей.

1922 (?)

* * *

Я именем твоим не оскверню уст.
Ничто греховное мой сон не посещает,
Лишь память о тебе как тот библейский куст
Семь страшных лет мне путь мой освещает.

И как приворожить меня прохожий мог,
Веселый человек с зелеными глазами,
Любимец девушек, наездник и игрок.

. . . . .

Тому прошло семь лет. Прославленный Октябрь,
Как листья желтые, сметал людские жизни.
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов пылающей отчизны.

1925 (?)

* * *

И ты мне все простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнем тлетворный дым,
Слилась навеки клевета глухая.

1925 (?)

* * *

Ты прости мне, что я плохо правлю,
Плохо правлю, да светло живу,
Память в песнях о себе оставлю,
И тебе приснилась наяву.

Ты прости, еще меня не зная,
Что навеки с именем моим,
Как с огнем веселым едкий дым,
Сочеталась клевета глухая.

23 августа 1927

* * *

Десять лет и год твоя подруга
    Не слышала, как поет гроза.
Десять лет и год святого юга
    Не видали грешные глаза.

1927
Кисловодск

* * *

И неоплаканною тенью
Я буду здесь блуждать в ночи,
Когда зацветшею сиренью
Играют звездные лучи.

1927 или 1929

* * *

Конечно, мне радости мало
Такая сулила гроза,
Зато я случайно узнала,
Какие у счастья глаза...

1920-е годы

ЭПИГРАММА

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят.

1920-е годы

* * *

...За ландышевый май
В моей Москве кровавой
Отдам я звездных стай
Сияния и славы.

1937 <?>
Москва

* * *

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была веселая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:
— Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.

Но светла свеча негасимая
За тебя у престола Божьего.
Что же ты на земле замешкалась?
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полунощи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру — голубицу-схимницу,
Своего печалишь ребеночка...—
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою невзвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.

13—14 марта 1940. Ночь

* * *

Соседка — из жалости — два квартала,
Старухи, — как водится, — до ворот,
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.

И встанет совсем один на свете
Над черной, рыхлой, родной землей,
И громко спросит, но не ответит
Ему, как прежде, голос мой.

17 августа 1940

* * *

Любо вам под половицей
Перекликнуться с синицей
И присниться кой-кому,
Кто от вас во сне застонет,
Но и слова не проронит
Даже другу своему.

Июнь 1942

* * *

Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама,
Если ты радость — то радость такой не бывает.

Ноябрь 1942
Ташми

* * *

В. Г.

Глаз не свожу с горизонта,
Где мятели пляшут чардаш...
Между нами, друг мой, три фронта:
Наш и вражий и снова наш.
Я боялась такой разлуки
Больше смерти, позора, тюрьмы.
Я молилась, чтоб смертной муки
Удостоились вместе мы.

1942
Ташкент

* * *

Ленинградские голубые,
Три года в небо глядевшие,
Взгляните с неба на нас.

1 января 1943 (в бреду)
Ташкент

* * *

А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет
И думает, что он незаменим,
Что все на свете он переиначит,
Что Пастернака перепастерначит,
А я не знаю, что мне делать с ним.

2 мая 1943, 1960
Ташкент

И все, кого сердце мое не забудет,
Но кого нигде почему-то нет...
И страшные дети, которых не будет,
Которым не будет двадцать лет,
А было восемь, а девять было,
А было... — Довольно, не мучь себя,
И все, кого ты вправду любила,
Живыми останутся для тебя.

6 ноября 1943

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ЛЕНИНГРАДСКОМУ ЦИКЛУ»

Разве не я тогда у креста,
Разве не я утонула в море,
Разве забыли мои уста
Вкус твой, горе!

3 января 1944
Ташкент

НАДПИСЬ НА ПОЭМЕ «ТРИПТИХ»

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда...

Я не такой тебя когда-то знала,
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.

Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.

И ночь идет, и сил осталось мало.
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму.

6 января 1944
Ташкент

* * *

Последнюю и высшую награду —
Мое молчанье — отдаю
Великомученику Ленинграду.

1944
Ташкент

* * *

Ты, Азия,— родина родин!
Вместилище гор и пустынь...
Ни с чем предыдущим не сходен
Твой воздух — он огнен и синь.
Невиданной сказочной ширмой
Соседний мерещится край,
И стаи голубок над Бирмой
Летят в нерушимый Китай.
Великая долго молчала,
Закутавшись в пламенный зной,
И вечную юность скрывала
Под грозной своей сединой.
Но близилась светлая эра
К навеки священным местам.
Где ты воспевала Гесера,
Все стали Гесерами там.
И ты перед миром предстала
С оливковой веткой в руках —
И новая правда звучала
На древних твоих языках.

1944
Ташкент

СТЕКЛЯННЫЙ ЗВОНОК

Стеклянный звонок
Бежит со всех ног.
Неужто сегодня срок?

Постой у порога,
Подожди немного,
Меня не трогай
Ради Бога!

1944

* * *

И очертанья «Фауста» вдали
Как города, где много черных башен,
И колоколен с гулкими часами,
И полночей, наполненных грозою,
И старичков с негётевской судьбою,
Шарманщиков, менял и букинистов,
Кто вызвал черта, кто с ним вел торговлю
И обманул его, а нам в наследство
Оставил эту сделку...
И выли трубы, зазывая смерть,
Пред смертью смычки благоговели,
Когда какой-то странный инструмент
Предупредил, и женский голос сразу
Ответствовал. И я тогда проснулась.

8 августа 1945

ОТРЫВОК

*Ин. Басалаеву на память
о нашем Ташкенте*

Не знала б, как цветет айва,
Не знала б, как звучат слова
На вашем языке,
Как в город с гор ползет туман,
И что проходит караван
Чрез пыльный Бешагач,
Как луч, как ветер, как поток...

*

И город древен, как земля,
Из чистой глины сбитый.
Вокруг бескрайние поля
Тюльпанами залиты.

Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Тошкент! — прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам и цветам,
И маленьким баранчукам
У черноколых матерей
На молодых руках...
Я восьмьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей
Тобой дышала, жгучий сад...

28 сентября 1945
Ленинград

ДВА ГОЛОСА

Первый

Мы запретное вкусили знанье
И в бездонных пропастях сознанья
Чем прозрачней, тем страшнее зданья,
И уже сквозит последний час...

Второй

И уже грохочет дальний гром...
А та, кого мы музыкой зовем
За наименьшем лучшего названья,
Спасет ли нас?

1946

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я над этой колыбелью
Наклонилась черной елью.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

Я не вижу сокола
Ни вдали, ни около.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

26 августа 1949 (днем)
Фонтанный Дом

* * *

Отстояли нас наши мальчишки.
Кто в болоте лежит, кто в лесу.
А у нас есть лимитные книжки,
Черно-бурую носим лису.

1940-е годы

* * *

Блаженный мир — зеленый мир
За каждым поворотом.
Багдад ли то или Каир?
Лечу, как пчелы к сотам.
Каир ли то или Багдад?
Нет, то обыкновенный сад,
И голос шепчет: «Кто там?»

Над белоснежную стеной
Слегка качались ветки эти
С изяществом и простотой,
Которым равных нет на свете.

. . . . .

И я все расскажу тебе:
Как промчался «афганец» дикий
И чей лик на белой луне,
Что нашепчут еще арыки,
Что подслушаю в чайхане.

Как луч, как ветер, как туман
Шел через город караван
В пустыню из пустыни.
И там я видела орлов
И маленьких баранчуков

У чернооких матерей
На молодых руках.

*1940-е годы
Ташкент*

* * *

Уходи опять в ночные чаши,
Там поет бродяга-соловей,
Слаще меда, земляники слаще,
Даже слаще ревности моей.

1940-е годы (?)

* * *

Что-то неладно со мною опять...
Сердце колотится сиром.
Кровь мою солнцу пора показать,
Старому лекарю мира!

1940-е годы (?)

ИЗ СБОРНИКА «СЛАВА МИРУ!»

І. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Вражье знамя
Растает, как дым,
Правда за нами,
И мы победим.

1941

Копай, моя лопата,
Звени, кирка моя.
Не пустим супостата
На мирные поля.

1941

Пускай огонь сигнальный не горит
И город в мраке небывалом тонет.
Нам голос Ленинграда говорит:
— Готов к труду и обороне!

1941

ПОБЕДА

1. В МАЕ

Сталинградской страды
Золотые плоды:
Мир, довольство, высокая честь.
И за каждым окном
Шелестит ветерком
Нам о радости будущей весть.

2

За наши пламенные зори
И за всемирный Первомай,
За тех, кто в воздухе и в море
Родимый охраняет край.

3. 27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА

И в ночи январской беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

2 марта

4. ОСВОБОЖДЕННАЯ

Чистый ветер ели колышет,
Чистый снег заметает поля.

Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.

18 февраля

5

Нам есть чем гордиться и есть что беречь,—
И хартия прав, и родимая речь,
И мир, охраняемый нами.
И доблесть народа, и доблесть того,
Кто нам и родней, и дороже всего,
Кто — наше победное знамя!

6

Навстречу знаменам, навстречу полкам
Вернувшейся армии нашей
Пусть песня победы летит к облакам,
Пусть чаша встречается с чашей.

И грозную клятву мы ныне даем
И детям ее завещаем,
Чтоб мир благодатный, добытый огнем,
Стал нашим единственным раем.

1944—1945

«ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА»

(Отрывок)

Я в два часа четыре долгих года
Вновь прожила, дыханье затая,
Я видела,
        о Родина моя,
Как спасена была твоя свобода
Рукой твоих отважнейших сынов
И мудростью вождя непобедимой...
Как сбылся лучший из заветных снов.
...И наши танки мчались, как судьба,
Пересекая чуждые равнины,
И русской песни голос лебединый
        Плыл в музыке.

Всё, всё, что нам мерещилось в тумане,
 Что слушали у рупора в ночи,
 Всё озарили новые лучи —
 Всё ожило пред нами на экране:
 Историей пропитанные дни
 Удушливы,

уже не дни, а даты.

В дыму Берлин — на штурм идут солдаты.
 Последний штурм,—

и вспыхнули огни.

И с отзвуком последнего раската
 Блаженная настала тишина.

Мир — миру...

*Октябрь 1949
 Москва*

II. СЛАВА МИРУ

21 ДЕКАБРЯ 1949 ГОДА

Пусть миру этот день запомнится навеки,
 Пусть будет вечности завещан этот час.
 Легенда говорит о мудром человеке,
 Что каждого из нас от страшной смерти спас.

Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
 И радости чистейшей нет преград,—
 И древний Самарканд, и Мурманск заполярный,
 И дважды Сталиным спасенный Ленинград.

В день новолетия учителя и друга
 Песнь светлой благодарности поют —
 Пускай вокруг неистовствует выюга
 Или фиалки горные цветут.

И вторят городам Советского Союза
 Всех дружеских республик города
 И труженики те, которых душат узы,
 Но чья свободна речь и чья душа горда.

И вольно думы их летят к столице славы,
К высокому Кремлю — борцу за вечный свет,
Откуда в полночь гимн несется величавый
И на весь мир звучит, как помощь и привет.

* * *

И Вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля,
Как пышно залита лучами
Преображенная земля.

И с самой середины века,
Которому он имя дал,
Он видит сердце человека,
Что стало светлым, как кристалл.

Своих трудов, своих деяний
Он видит спелые плоды,
Громады величавых зданий,
Мосты, заводы и сады.

Свой дух вдохнул он в этот город,
Он отвратил от нас беду,
Вот отчего так тверд и молод
Москвы необоримый дух.

И благодарного народа
Вождь слышит голос:
«Мы пришли
Сказать,—
где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!».

1949

* * *

Где дремала пустыня, там ныне сады,
Поля и озерная гладь.
Мы раз навсегда сотрем следы
Войны, чтоб жизнь созидать.

Если мы захотим, осядет Памир,
Путь изменит любая река,
Но для блага и счастья нам нужен мир,
И будут нами гордиться века.

И нам не страшна зарубежная ложь,—
Мы правдой своей сильны.
Он создан уже — великий чертеж
Грядущего нашей страны.

[1950]

* * *

И в великой нашей отчизне
На глазах наших стал человек
Настоящим хозяином жизни,
Повелителем гор и рек.

И в устах его мудрое слово,
Лучезарное слово — мир,
Что звучит, как благовест новый
Над простыми летя людьми,

Что звездой путеводной светит
Среди зарубежной тьмы
И ответ всех народов встретит:
«Мира ищем и жаждем мы!»

[1950]

КЛЕВЕТНИКАМ

I

Напрасно кровавою пеленой
Вы страну нашу мните покрыть,—
Восстанут народы живой стеной
И скажут: «Тому не быть!»

Уже полмиллиарда новых друзей
Прислали нам свой привет,
И в старой Европе все больше людей,
Которым с каждой минутой ясней,
Откуда приходит свет.

[1950]

II

Когда б вы знали, как спокойно
Здесь трудовая жизнь течет,
Как вдохновенно, как достойно
Страна великая живет,

Как все здесь говорит о мире,
Восходят новые леса,
Все полновучнее и шире
Звучат поэтов голоса,

Осуществленную мечтою
И счастьем полон каждый час,
И вы постыдной клеветою
Не смеее тревожить нас!

[1950]

ТОСТ

За вновь распаханное поле,
За наши юные леса,
За то, чтобы в советской школе
Ребят звенели голоса,
За целость драгоценных всходов
Великих мыслей и трудов,
За то, чтоб воля всех народов
Сковала происки врагов!

[1950]

МОСКВЕ

Как хорошеешь ты день ото дня,
Но остаешься всегда неизменной,
Верность себе нерушимо храня,
Жаркое сердце вселенной!

Плавный твой говор, рассвет голубой,
Весен твоих наступленья!
Солнечный праздник нам — встреча с тобой,
Мысли и чувств обновленье.

Слышны в раскатах сирен трудовых
Отзвуки славы московской...

Горький здесь правде учил молодых,
Жизнь прославлял Маяковский.

Везде, где еще на планете Земля
Народы в путях томятся,
Алые звезды на башнях Кремля
Всем жаждущим мира снятся.

[1950]

ПЕСНЯ МИРА

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети голубкой мира,
О песня звонкая моя!
И расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем ныне и живет и дышит
В твоей отчизне человек.
Ты не одна — их будет много,
С тобой летящих голубей,—
Вас у далекого порога
Ждет сердце ласковых друзей.
Лети в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым,
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.

[1950]

30 ИЮНЯ 1950

Бессмертен день, когда одною грудью
Страна труда восстала против зла
И молвила:

— Я подлому орудью
Не дам творить бесчестные дела.
Кто хартию Стокгольмскую подпишет
И кто бороться до конца готов,
Он в этот миг великий зов услышит —
То эхо миллионов голосов,—
Оно к своим врагам неумолимо,
Оно не замолчит и не простит,
А каждое подписанное имя,
Как новый шаг по верному пути.

[1950]

Пятидесятый год — как бы водораздел,
Вершина славного невиданного века,
Заря величия, свидетель мудрых дел,
Свершенных волей человека.

Там — в коммунизм пути, там юные леса,
Хранители родной необозримой шири,
И, множась, дружеские крепнут голоса,
Сливаясь в песнь о вечном мире.

Там волны наших рек нетерпеливо ждут
Великолепное цветущее мгновенье,
Когда они степям бесплодным понесут
От черствой засухи спасенье.

А тот, кто нас ведет дорогою труда,
Дорогою побед и славы неизменной,—
Он будет наречен народом навсегда
Преобразителем вселенной.

[1949]

ПОКОРЕНИЕ ПУСТЫНИ

Чей дух извечно-молодой
Над этим краем веял,
Пустыню напоил водой,
Прохладною
и золотой
Пшеницею засеял...

Там, где, рождаясь, суховея
С тупым упорством дул,
Сжигая дальний цвет степей,—
Там легонькая тень ветвей,
Через и саксаул.

Цветут хлопковые поля
И великаны тополя,
Где птица не летала.
Чья воля провела канал
Там, где верблюды изнемогал
И вихрь песчаный заметал
Иссохший труп шакала.

[1950]

СЕВМОРПУТЬ

Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда ничьи не шли следы,
Где замерзает ртуть,
Там каждый миг и каждый час
Всему конец готов,
Но чуток слух и зорек глаз
Советских моряков.
Под северным сиянием,
Когда цветут снега,
Под злобным завыванием,
Когда летит пурга —
Вернейшей из всех дорог
Корабль доверив свой,
Не ослабел, не изнемог
Тот разум огневой!

[1950]

* * *

Ах, закройте, закройте глаза газет!..

Где ароматом веяли муссоны,
Где тополя, как факелы, чадят,
А гор алмазных голубые склоны
Едва в дыму пожарища сквозят,
И хочется на помощь звать скорее,
Не может быть, чтоб длился этот ад!
Рыдая, дети на полях Кореи
В родное небо с ужасом глядят...
А их заокеанские соседи,
Погрязшие в непоправимом бреде,
Еще вопят о правоте своей,—
Убийцы и мучители детей.

[1950]

ПОДЖИГАТЕЛЯМ

И чем грозите вы?
Пожаром?
Уничтожением детей?

Но знайте: не пройдет вам даром
Яд клеветнических речей.
Одним порывом благородным
Фронт мира создан против вас,
И труженику стать свободным
Приходит долгожданный час.

[1950]

* * *

Прошло пять лет,— и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя,
                                и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят.
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.

Где танк гремел — там ныне мирный трактор,
Где выл пожар — благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки,—
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

                                Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

Май 1950

ГОВОРЯТ ДЕТИ

В садах впервые загорелись маки,
И лету рад, и вольно дышит город
Приморским ветром свежим и соленым.
По рекам лодки пестрые скользят,
И юных липок легонькие тени —
Пришелиц милых — на сухом асфальте,
Как свежая улыбка...
Вдруг горькие ворвались в город звуки,
Из хора эти голоса — из хора сирот, —
И звуков нет возвышенной и чище,
Негромкие, но слышны на весь мир.
И в рупоре сегодня этот голос,
Пронзительный, как флейта. Он несется
Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из Рима древнего.

И он доходчив,
Как жаворонка утренняя песня.
Он — всем родной и до конца понятный...
О, это тот сегодня говорит,
Кто над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели,
Как две звезды, —

и это тот,

Кто спрашивал:

«Когда отца убили?»

Ему никто не смеет возразить,
Остановить его и переспорить.
Вот он, светлоголовый, ясноглазый,
Всеобщий сын, всеобщий внук.

Клянемся,

Его мы сохраним для счастья мира!

1 июня 1950

ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре, была покрыта мхом
и ледяною пеною омыта.

Скучали там две-три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья
в песке прибрежном грустно догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

Но ранним утром вышли ленинградцы
бесчисленными толпами на взморье.
И каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустынной,
на память о великом Дне Победы.

И вот сегодня — это светлый сад,
привольный, ясный, под огромным небом:
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели, и бабочки порхают,
и соком наливаются дубки,
а лиственницы нежные и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале, любят себя собой...
И там, где прежде парус одинокий
белел в серебряном тумане моря, —
десятки быстрокрылых, легких яхт
на воле тешатся...

Издалека
восторженные клики с стадиона
доносятся...

Да, это парк Победы.

1950

В ПИОНЕРЛАГЕРЕ

Ане Каминской

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!..

Пушкин

Как будто заблудившись в нежном лете,
Бродила я вдоль липовых аллей
И увидала, как плясали дети
Под легкой сеткой молодых ветвей.

Среди деревьев этот резвый танец,
 И сквозь загар пробившийся румянец,
 И быстрые движения смуглых рук
 На миг заморозили все вокруг.
 Алмазами казались солнца блики,
 Волшебный ветерок перелетал
 И то лесною веял земляничкой,
 То соснами столетними дышал.
 Под ярко-голубыми небесами
 Огромный парк был полон голосами,
 И даже эхо стало молодым...
 ... Там дети шли с знаменами своими,
 И Родина сама,
 любуясь ими,
 Незримое чело склонила к ним.

Июль 1950
 Павловск

---

* * *

Особенных претензий не имею
 Я к этому сиятельному дому,
 Но так случилось, что почти всю жизнь
 Я прожила под знаменитой кровлей
 Фонтанного дворца... Я нищей
 В него вошла и нищей выхожу...

1952

* * *

(Из цикла «Сожженная тетрадь»)

Пусть мой корабль пошел на дно,
 Дом превратился в дым...
 Читайте все — мне всё равно,
 Я говорю с одним,
 Кто был ни в чем не виноват,
 А впрочем, мне ни сват, ни брат.

.....

Как в сердце быть уколотым
 И слышать крик: умри!
 Что по Фонтанке золотом
 Писали фонари?

1956

* * *

Меня и этот голос не обманет,
Пора, пора вам, гость случайный, в путь.
Но, говорят, убийцу часто манит
На труп еще хоть издали взглянуть.
Но говорят... Совсем не в этом дело,
Настало время отходить ко сну,
Как стрекоза крыловская пропела
Я лето, зиму, осень и весну.
И, кажется, исполнена программа,
Есть в этом мире пожалеть о чем,
И вот идет шекспировская драма
И страшен призрак в зеркале чужом...

1956

* * *

Меня влекут дороги Подмосковья,
Как будто клад я закопала там,
Клад этот называется любовью,
И я его тебе сейчас отдам.

И в кронах лип столетняя дремота
И Пушкин, Герцен. Что за имена!
Мы близки от такого поворота,
Где вся окрестность на века видна.

А та дорога, где Донской когда-то
Вел рать свою в немыслимый поход,
Где ветер помнит клики супостата
И клич победы на крылах несет.

1956

АВГУСТ

Он и праведный и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом Августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.

Разрешенье вина и елея...
Спас, Успение... Звездный свод!..
Вниз уводит, как та аллея,
Где остаток зари алеет,
В беспредельный туман и лед
Вверх, как лестница, он ведет.

Притворялся лесом волшебным,
Но своих он лишился чар.
Был надежды «напитком целебным»
В тишине заполярных нар...

. . . . .

А теперь! Ты, новое горе,
Душишь грудь мою, как удав...
И грохочет Черное Море,
Изголовье мое разыскав.

27 августа 1957
Комарово

* * *

Позвони мне хотя бы сегодня,
Ведь ты все-таки где-нибудь есть,
А я стала безродных безродней
И не слышу крылатую весть.

9 июня 1958

ПРИ МУЗЫКЕ

Не теряйте отчаянья.

Н. П.

Опять проходит полонез Шопена...
О Боже мой! — как много вееров
И глаз потупленных, и нежных ртов...
Но как близка, как шелестит измена.
Тень музыки мелькнула по стене,
Но прозелени лунной не задела.
О, сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне.

. . . . .

И как ужасен взор безносых статуй,

«АННА АХМАТОВА». 1920-е годы.

Портрет работы *Е. Данько*

«АННА АХМАТОВА». 1914.

Портрет работы *Н. Альтмана*

Но уходи и за меня не ратуй
И не молись так горько обо мне...

. . . . .

И голос из тринадцатого года
Опять кричит: «Я здесь, я снова твой!..
Мне ни к чему ни слава, ни свобода,
Я слишком знаю», — но молчит природа
И сыростью пахнуло гробовой.

20 июля 1958
Комарово

* * *

От меня, как от той графини,
Шел по лесенке винтовой,
Чтоб увидеть рассветный, синий,
Страшный час над страшной Невой.

1958

* * *

И все пошли за мной, читатели мои,
Я вас с собой взяла в тот путь неповторимый.

1958

* * *

Непогребенных всех — я хоронила их,
Я всех оплакала, а кто меня оплачет?

1958

* * *

Не мешай мне жить — и так не сладко.
Что ты вздумал, что тебя томит?
Иль неразрешимая загадка
Ледяной звездой в ночи горит?

Или галереями бессонниц
Ты ко мне когда-то приходил?
Иль с давно погибших белых звонниц
Мой приезд торжественный следил?

В прежних жизнях мы с тобою счеты
Плохо подвели, о бедный друг!
Оттого не спорится работа,
Сухо в горле, кровь бормочет что-то
И плывет в глазах кровавый круг.

Иль увидел взор очей покорных
В тот для памяти запретный час,
Иль в каких-то подземельях черных
Мертвой оставлял меня не раз.

И при виде жертвы позабытой
Места не найти тебе теперь...
Что там — окровавленные плиты
Или замуванная дверь?

В самом деле — сотни километров,
Как ты и сказал мне, — сущий вздор,
И знакомый с детства голос ветра
Продолжает наш старинный спор.

Июнь 1959
Комарово

СКОРОСТЬ

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Все исказила и всем овладела
И ничего не взяла.

8 августа 1959, утро
Комарово

* * *

Пространство выгнулось и пошатнулось время,
Дух скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.

Отравленным в земле прозябло семя,
И знали все, что наступает срок.

1959

* * *

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на всё свои законы
И, быть может, одичалый нрав.

Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,
Чтобы где попало очутиться,
Покорить любую высоту.

24 октября 1959
Кр. Конница
Ленинград

ТВОРЧЕСТВО

... говорит оно:

Я помню все в одно и то же время,
Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу, а в недрах тайно зреет семя
Грядущего...

14 ноября 1959
Ленинград

* * *

Хвалы эти мне не по чину,
И Сафо совсем ни при чем.
Я знаю другую причину,
О ней мы с тобой не прочтем.
Пусть кто-то спасается бегством,
Другие кивают из ниш,

Стихи эти были с подтекстом
Таким, что как в бездну глядишь.
А бездна та манит и тянет,
И ввек не доищешься дна,
И ввек говорить не устанет
Пустая ее тишина.

1959

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Сегодня я туда вернусь,
Где я была весной.
Я не горюю, не сержусь,
И только мрак со мной.
Как он глубок и бархатист,
Он всем всегда родной,
Как дерева летящий лист,
Как ветра одинокий свист
Над гладью ледяной.

12 октября 1959

Ордынка

* * *

Но тебе не дала я кольца,
Снег платочка к глазам прижимая.
Я не знаю жесточе конца
И безвиннее жертвы не знаю.

1959

* * *

И черной музыки безумное лицо
На миг появится и скроется во мраке,
Но я разобрала таинственные знаки
И черное мое опять ношу кольцо.

1959

* * *

Я бросила тысячи звонниц
В мою ледяную Неву,
И я королевой бессонниц
С той ночи повсюду слыву.

1959 (?)

МАРТОВСКИЕ ЭЛЕГИИ

I

Если бы ты музыкой была,
Я тебя бы слушал неотрывно,
И светлел бы мой померкший дух.

Если бы звездою ты была,
Я в окно глядел бы до рассвета,
И покой бы в душу мне вошел.

Если б ты была моей женой,
Сразу б я тебя возненавидел,
Проклял трижды и навек забыл —

И безмерно счастлив был с другою.

*

Но она не это, и не то,
И не третье...
Что же делать с нею?

1959 (?)

* * *

Не то чтобы тебя ищу,
Мне долю не принять такую,
Но в этот кадр тебя вмещу,
В тот пейзаж тебя врисую.

1950-е годы

* * *

Я поднимаю трубку — я называю имя,
Мне отвечает голос — какого на свете нет...
Я не так одинока, проходит тот смертный холод,
Тускло вокруг струится, едва голубея, свет.
Я говорю: «О Боже, нет, нет, я совсем не верю,
Что будет такая встреча в эфире двух голосов».
И ты отвечаешь: «Долго ж ты помнишь свою потерю,
Я даже в смерти услышу твой, ангел мой, дальний зов».

.....
Похолодев от страха, свой собственный слышу стон.

1950-е годы

* * *

Еще говорящую трубку
Она положила обратно,
И ей эта жизнь показалась
И незаслуженно долгой,
И очень заслуженно — горькой
И будто чужою. Увы!
И разговор телефонный...

1950-е годы

* * *

Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой!
О, как ты рано возвратился.
Я вовсе не ждала — ты так со мной простился
Какой-то странной и чужой зимой.

1950-е годы

* * *

Хулимые, хвалимые!
Ваш голос прост и дик.
Вы — непереводимые
Ни на один язык.

Надменные, безродные,
Бродившие во тьме,
Вы самые свободные,
А родились в тюрьме.

Мое благословение
Я вам сегодня дам.
Войдете вы в забвение,
Как люди входят в храм.

1 июля 1960
Ордынка

* * *

И меня по ошибке пленило,
Как нарядная пляшет беда...
Все тогда по-тогдашнему было,
По-тогдашнему было тогда.

.....
Я спала в королевской кровати,
Голодала, носила дрова,
Там еще от похвал и проклятий
Не кружилась моя голова...

13 августа 1960

САМОЙ ПОЭМЕ

...и слово в музыку вернись.

О. М.

Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке.
Я тебя на новые муки
Воскресила — дала врагу...
Восемь тысяч миль не преграда,
Песня словно звучит у сада,
Каждый вздох проверить могу.
И я знаю — с ним ровно то же,
Мне его попрекать негоже,
Эта связь выше наших сил,—
Оба мы ни в чем не виновны,
Были наши жертвы бескровны —
Я забыла, и он — забыл.

20 сентября 1960
Комарово

* * *

И юностью манит, и славу сулит,
Так снова со мной сатана говорит:

«Ты честью и кровью платила своей
За пять неудачно придуманных дней,

За то, чтобы выпить ту чашу до дна,
За то, чтобы нас осветила луна.

За то, чтоб присниться друг другу опять,
Я вечность тебе предлагаю, не пять

До света тянувшихся странных бесед.
Ты видишь, я болен, растерзан и сед.

Ты видишь, ты знаешь — я так не могу».
Я руку тогда протянула врагу,

Но он превратился в гранатовый куст,
И был небосклон над ним огнен и пуст.

Горы очертания — полночь — луна,
И снова со мной говорит сатана,

И, черным крылом закрывая лицо,
Заветное мне возвращает кольцо,

Но стонет и молит: «Ты мне суждена,
О, выпей со мною хоть каплю вина».

К чему эти крылья и это вино,—
Я знаю тебя хорошо и давно,

И ты — это просто горячечный бред
Шестой и не бывшей из наших бесед.

1960

* * *

И это б могла, и то бы могла,
А сама, как береза в поле, легла,
И кругом лишь седая мгла.

1960

* * *

Ты первый сдался — я молчала
Пред тем, что нас постигло. Ты!
Ты первый поднял покрывало,
Открыл бессмертные черты.

1960

* * *

Вы чудаки, вы лучший путь
Избрать себе могли бы
И просто где-то отдохнуть,
Чем быть со мной на дыбе.

1960

* * *

Как слепоглухонемая,
Которой остались на свете
Лишь запахи, я вдыхаю
Сырость, прелость, ненастье
И мимолетный дымок...

1960 (?)

* * *

А я говорю, вероятно, за многих:
Юродивых, скорбных, немых и убогих,
И силу свою мне они отдают,
И помощи скорой и действенной ждут.

30 марта 1961
Кр. Конница

СОСНЫ

Не здороваются, не рады!
А всю зиму стояли тут,
Охраняли снежные клады,
Вьюг подслушивали рулады,
Создавая смертный уют.

9 мая 1961

* * *

И анютиных глазок стая
Бархатистый хранит силуэт —
Это бабочки, улетаая,
Им оставили свой портрет.
Ты — другое... Ты б постыдился
Быть, где слезы живут и страх.
И случайно сам отразился
В двух зеленых пустых зеркалах.

3 июня 1961
Комарово

* * *

Угощу под заветнейшим кленом
Я беседой тебя не простой,
Тишиною с серебряным звоном
И колодезной чистой водой —
И не надо страдальческим стоном
Отвечать... Я согласна, — постой, —
В этом сумраке темно-зеленом
Был предчувствий таинственный зной.

1961
Комарово

* * *

Больничные молитвенные дни
И где-то близко за стеною — море
Серебряное — страшное, как смерть.

1 декабря 1961
Больница

* * *

Недуг томит — три месяца в постели.
И смерти я как будто не боюсь.
Случайной гостьей в этом страшном теле
Я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

1961

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

...и третье, что нами владеет всегда
И кажется призрачным раем...
Чувство оно или просто беда —
Мы никогда не узнаем.
Может быть, где-нибудь вместе живем,
Бродим по мягкому лугу,
Здесь мы помыслить не можем о том,
Чтобы присниться друг другу.
Как я безмолвно благодарю
Рок мой за подвиг жестокий
И как свободно кому-то дарю
Эти волшебные строки.

12 июня 1962

Ленинград

* * *

Что у нас общего? Стрелка часов
И направление ветра?
Иль в глубине оснеженных лесов
Очерк мгновенного кедра.

Сон? — что как будто ошибся дверьми
И в красоте невозвратной
Снился ни в чем не повинной — возьми
Страшный подарок обратно...

7 июля 1962 (день)

Комарово

* * *

Все это было — твердая рука
И полувиноватая улыбка,
Но делать нечего, и пусть пока
Все это именуется ошибкой
Жесточкой...

1962

* * *

И северная весть на севере застыла
Средь вереска, зацветшего вчера,
Жасмина позднего и даже этой алой
Не гаснущей зари.

13 августа 1962

ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ

(Отрывок)

И требовала, чтоб кусты
Участвовали в бреде,
Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...
Я говорила облакам:
«Ну, ладно, ладно, по рукам».
А облака — ни слова,
И ливень льется снова.
И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник,
И ты приснился мне — один
Всех бед моих виновник.

Осень 1962
Комарово

* * *

Разлука призрачна — мы будем вместе скоро.
И все запретное как призрак Эльсинора.

14 августа 1963

* * *

Если бы брызги стекла,
    что когда-то, звеня, разметались,
Снова срослись — вот бы что
    в них уцелело теперь.

20 августа 1963

Будка

* * *

И было этим летом так отратно
Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине, почти что виноградной,
И в яви, отработанной под сон.

И музыка со мной покой делила,
Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила
К концу существованья моего.

И возвращалась я одна оттуда,
И точно знала, что в последний раз
Несу с собой, как ощущение чуда,
Что...

21 августа 1963. Утро

Будка

* * *

Стряслось небывалое злое,
Никак не избудешь его,
И нас в этой комнате трое,
Что, кажется, хуже всего.
С одной еще сладить могу я,
Но кто мне подсунул другую,
И как с ней теперь совладать.
В одной и сознание, и память,
И выдержка лучших времен.
В другой — негасимое пламя.
Другая — два светлые глаза
И облачное крыло.

1963

* * *

Из-под смертного свода кургана
Вышла, может быть, чтобы опять
Поздней ночью иль утром рано
Под зеленой луной волховать.

21 сентября 1963
Комарово

* * *

Я играю в ту самую игру,
От которой я и умру.
Но лучшего ты мне придумать не мог,
Зачем же такой переполох?

17 декабря 1963

* * *

Я выбрала тех, с кем хотела молчать
В душистом спокойном тепле.
Какое мне дело, что тень та опять
На черном мелькнула стекле?

1963

* * *

...и умирать в сознании горделивом,
Что жертв своих не ведаешь числа,
Что никого не сделала счастливым,
Но незабвенною для всех была.

1963
Будка

* * *

Может быть, потом ненавидел
И жалел, что тогда не убил.
Ты один меня не обидел,
Не обидевши — погубил.

1963

* * *

Оставь нас с музыкой вдвоем,
Мы сговоримся скоро:
Она бездонный водоем —
Я призрак, тень укора.
Я не мешаю ей звенеть,
Она поможет — умереть.

1963

* * *

Так уж глаза опускали,
Бросив цветы на кровать,
Так до конца и не знали,
Как нам друг друга назвать.
Так до конца и не смели
Имя произнести,
Словно замедлив у цели
Сказочного пути.

25 февраля 1963 (?)

РОМАНС

Что тоскуешь, будто бы вчера
Мы расстались: между нами вечность —
Без особенных примет дыра,
С неприглядной кличкой — бесконечность.

Между тысячами тех разлук
Наша превосходно уместилась.
Сколько отсчитал ей кто-то мук,
Так оно и вправду совершилось.

Что тоскуешь, будто бы вчера...
Нет у нас ни завтра, ни сегодня.
Рухнула незримая гора,
Совершилась заповедь Господня.

27 июля 1964 (днем)
Комарово

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В РИМЕ

Заключенье не бывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла,
Мне не нужно почти ничего,—

Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо,— стоят.

В Сочельник (24 декабря) 1964

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ДНЕВНИКА (МЭЧЕЛЛИ)

Мы по ошибке встретили год —
Это не тот, не тот, не тот...
Что мы наделали, Боже, с тобой,
С кем еще мы поменялись судьбой?

Лучше б нас не было на земле,
Лучше б мы были в небесном кремле,
Летали, как птицы, цвели, как цветы,
Но все равно были — я и ты.

Декабрь 1964

* * *

Беспамятна лишь жизнь — такой не назовем
Ее сестру — последняя дремота.
В назначенный вчера, сегодня входит дом,
И целый день стоят открытыми ворота.

1964

К МУЗЫКЕ

Стала я, как в те года, бессонной,
Ночь не отличаю ото дня,
Неужели у тебя — бездонной
Нет утешенья для меня?..

1964

* * *

(Из цикла «В пути»)

Совсем вдали висел какой-то мост.
И в темноте декабрьской влажной, грязной
Предстала ты как будто во весь рост:
Чудовищной, преступной, безобразной.
Во мраке та, а завтра расцветет
Венецией — сокровищницей мира —
Я крикнула: «Бери все, твой черед,
Мне больше не нужны ни лавр, ни лира».

17 января 1965

* * *

Пускай австралийка меж нами незримая сядет
И скажет слова, от которых нам станет светло.
Как будто бы руку пожмет и морщины разгладит,
Как будто простит, наконец, непростимое зло.
И пусть все по-новому — нам время опять неподвластно,
Есть снова пространство и даже безмолвие есть.

Ночь на 26/27 августа 1965

* * *

Я еще сегодня дома,
Но уже
Все немножко незнакомо —
Вещи в тайном мятеже.
И шушукаются, словно
Где им? что им? — без меня,
Будто в деле уголовном
Возникает западня.

. . . . .

1965

МУЗЫКА

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любясь и собой давясь,

Не ты ль, увы, единственная связь
Добра и зла, земных низин и рая?
Мне кажется, что ты всегда у края.

1965

МУЗЫКЕ

Ты одна разрыть умеешь,
То, что так погребено,
Ты томишься, стонешь, млеешь,
А потом похолодеешь
И летишь в окно.

1960-е годы

* * *

И любишь ты всю жизнь меня, меня одну.
Да, если хочешь знать, и даже вот такую.
Пусть я безумствую, немотствую, тоскую,
И вечная разлука суждена.

Ты мне не обещал, и мы смеялись оба.

1960-е годы

ПОДРАЖАНИЕ КОРЕЙСКОМУ

Приснился мне почти что ты.
Какая редкая удача!
А я проснулась, горько плача,
Зовя тебя из темноты.

Но тот был выше и стройней
И даже, может быть, моложе.
И тайны наших страшных дней
Не ведал. Что мне делать, Боже?

Что!.. Это призрак приходил,
Как предсказала я полвека
Тому назад. Но человека
Ждала я до потери сил.

1960-е годы

* * *

Не лги мне, не лги мне, не лги мне,
Я больше терпеть не могу.
В каком-то полуночном гимне
Живу я на том берегу.

1960-е годы

* * *

Поэт не человек, он только дух —
Будь слеп он, как Гомер,
Иль, как Бетховен, глух, —
Все видит, слышит, всем владеет...

1960-е годы

* * *

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе все пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад — не сад, и дом — не дом,
Свиданье — не свиданье.

1960-е годы

* * *

Моею Музой оказалась мука.
Она со мною кое-как прошла
Там где нельзя, там где живет разлука,
Где хищница, отведавшая зла.

1960-е годы

* * *

Там оперный еще томится Зибель
И закликает милые цветы,

А здесь уже вошла хозяйкой — гибель,
И эта гибель — это тоже ты.

1960-е годы

* * *

Оставь, и я была как все,
И хуже всех была,
Купалась я в чужой росе,
И пряталась в чужом овсе,
В чужой траве спала.

1960-е годы

* * *

Нет, ни в шахматы, ни в теннис...
То, во что с тобой играю,
Называют по-другому,
Если нужно называть...

Ни разлукой, ни свиданьем,
Ни беседой, ни молчаньем...
И от этого немного
Холодеет кровь твоя.

<1964—1965 годы>

Лаврушинский переулок

* * *

И по собственному дому
Я иду, как по чужому,
И меня боятся зеркала.
Что в них, Боже, Боже! —
На меня похоже...
Разве я такой была?

1960-е годы

ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО И «ЗАБЫТОГО»

ЗАБЫТОЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

1909(?)

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛЬКА

А княгиня моя, где захочет жить,
Пусть будет ей вольной воля,
А мне из могилы за тем не следить,
Из могилы средь чистого поля.
Я ей завещаю все серебро

. . . . .

1909(?)

* * *

Здесь беда со мной случилась,
Первая моя беда.
Из линючих туч сочилась
Леденистая вода.

День был скудный и жестокий,
Всех минувших дней бледней.
Где же были вы, упреки
Чуткой совести моей?

. . . . .
. . . . .

И себя я помню тонкой
Смуглой девочкой в чадре.
. . . . бубенчик звонкий,
Кони ждали на дворе.

Июнь 1914
Слепнево

* * *

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Те семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
. . . . . судьбой.

1917
Петербург
Боткинская, 9

* * *

Как вышедший из западных ворот
Родного города и землю обошедший
К восточным воротам смущенно подойдет
И думает: «Где дух, меня так мудро ведший?» —
Так я...

1910-е годы
Слепнево

* * *

Угадаешь ты ее не сразу
. . . . . заразу,
Ту, что люди нежно называют,
От которой люди умирают.
Первый признак — странное веселье,
Словно ты пила хмельное зелье,
А второй — печаль, печаль такая,
Что нельзя вздохнуть, изнемогая,

Только третий — самый настоящий:
Если сердце замирает чаще
И горят в туманном взоре свечи,
Это значит вечер новой встречи...

1910-е годы

* * *

Я не люблю цветы — они напоминают
Мне похороны, свадьбы и балы,
Для ужина покрытые столы

.....
Но лишь предвечных роз простая красота,
Та, что всегда была моей отрадой в детстве,
Осталась и досель единственным наследством,
Как звуки Моцарта...

1910-е годы
Царское Село

(ИЗ ЗАБЫТОГО)

Ах! — где те острова,
Где растет трин-трава
Густо

.....
Где Ягода-злодей
Не гоняет людей
К стенке
И Алёшка Толстой
Не снимает густой
Пенки.

1920-е годы

* * *

.....
Ты смертною не можешь сделать душу,
А мудрое согласие с землей
Я никогда и в мыслях не нарушу.

1920-е годы

ОТРЫВОК ИЗ УНИЧТОЖЕННЫХ СТИХОВ

...Оттого, что мы все пойдем
По Таганцевке, по Есенинке
Иль большим маяковским путем...

1930-е годы

* * *

И кружку пенили отцы,
И уходили сорванцы,
Как в сказке, на войну.
(А к нам пришла сама.)
Но это было где-то там —
Тот непонятный тарарам,
Та страшная она.

. . . . .

И нет Ленор, и нет баллад,
Погублен царскосельский сад,
И словно мертвые стоят
Знакомые дома.
И равнодушие в глазах,
И сквернословье на устах,
Но только бы не страх, не страх,
Не страх, не страх... Бах, бах!

1942

* * *

Лежала тень на месяце двурогом...
. . . . . страх.
А там трусили по кривым дорогам
Большие старики на маленьких ослах.

1942

* * *

А умирать поедem в Самарканд
На родину предвечных роз...

1943

Пусть грубой музыки обрушится волна,
Пусть хриплый марш пересечет молчанье.
Мне праздником всегда казалось окончанье
Чего б то ни было, но твой конец
Меня оледенил...

1945

<ИЗ ПОГИБШЕЙ ПОЭМЫ>

<1>

Гаагский голубь реял над вселенной
И в клюве нес оливковую ветку.
И деды в мир тогда играли,
Как ныне внуки — не в мир...

<2>

Красавицы тогдашние мне мнятся
Чудовищными...

. . . . .
О, это море обрезных воланов
И шляп, как утки... или петухи.
Казалось, дама крякнет или крикнет
Ку-ка-ре-ку...

<3>

...Обрывки пыльных опер
И ангельские голоса из смерти:
Карузо, Тито Руффо и Шаляпин.

<4>

И женщина с зеркальными глазами
Подростка-нищенки — властительница сцены
И королева русского модерна.
. . . . .

<5>

Тот век, что сам в себя уже не верит...
И в ужасе хватается за третий,
Где все так ясно, просто и достойно:
Война, разводы, длинные романы —
«Новь», «Воскресенье», «Рудин» и «Нанá».

<6>

Тогда в подобных чувствах жили мы.
А будущее в комнате соседней
Еще топталось, как толпа статистов,
Шепчась между собою и зевая
И зная все . . . . наперед.

*1940-е годы
Ташкент — Ленинград*

* * *

Дострадать до огня над могилой.
1946

* * *

Удивляйтесь, что была печальней
Между молотом и наковальней,
Чем когда-то в юности была...

(После 1948)

* * *

Сама себя считая только эхом
Пещерным, непонятым и ночным.

*27 мая 1956. Больница
Москва*

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ СЕДЬМОЙ ЭЛЕГИИ

...Пауки в окне...
Я их любила за единодушие,
За полную готовность присудить
Меня к чему угодно...

А у присяжных то же изумленье
В глазах застыло — тридцать пятый год.
В инфаркте выносили прокуроров,
Десятки лет искали адвоката,
И третье поколение конвойных
Винтовку лихо ставило к ноге.

Он где-то был, вот здесь, почти сейчас.
Как хорошо теперь — защитник будет,
И значит можно беззаботно спать.

. . . . .
Нет, умер он от старости, и это
Был не он, а кто-то в маске...

Скамейка подсудимых
Была мне всем: больничной койкой
И театральной ложей...

. . . . .
Но, может быть, о ней уже довольно.
Я пропотелый ватник и калоши
Высокие — ношу тридцатый год.
И муху, что ползет по лбу, не сгонишь...

...У кого-то
Рождались дети, кто-то получал
Высокие награды — кто-то умер,
А я еще вдыхала дух махорки
И крепкий душный запах
Сапог солдатских.

. . . . .
И страшный голос протокол читал,
И всем казалось — это человек,
А это черный рупор надрывался,
И повторял все те же тридцать фраз
Все тридцать лет.
Все помнили всё это наизусть,
Все с каждою сроднились запятою.

Я защищаю
Не голос, а молчание мое.

. . . . .
И я не знаю — лето за окном
Иль моросит холодный серый дождик,

Иль май идет и расцвела сирень,
Та белая — что обо мне забыла,
Как все и всё...

. . . . .
. . . . .

А я сижу — опять слюну глотаю
От голода.

А рупор говорит.

Я узнаю, какой была я скверной
В таком году, как после становилась
Еще ужасней.

. . . . .
. . . . .

Как в тридцать лет считалась стариком,
А в тридцать пять обманами и лестью
Кого-то я в Москве уговорила
Прийти послушать мой унылый бред,
Как дочь вождя мой читала книги
И как отец был горько поражен.

. . . . .

О сказочка про белого бычка!
Мне кажется, что был бычок обязан
В моем гербе найти себе покой.

. . . . .

А после выступают стукачи..
Их было много, и они казались
Всех благородней, сдержанней, скромнее.
С каким достоинством, с каким уменьем
И ... они себя держали.

. . . . .

1958

* * *

Завещать какой-то дикой скрипке
Ужас и отчаянье свое.

1958

* * *

И будешь ты из тех старух,
Что всех переживут,
Теряя зренье, память, слух...

1958

* * *

Стеклянный воздух над костром
Струится и дрожит,
И сквозь него я вижу дом

.....

Не мне принадлежит.

1958

* * *

Это с тобой я встречала тогда
Первую старость.

4 февраля 1959

БРЕДЫ

Самолет приблизился к Парижу

.....

Кроме сосен никого не вижу,
С соснами короткий разговор.

14 августа 1959

Комарово

* * *

И отнять у них невозможно
То, что в руки они берут,
Хищно, бережно, осторожно,
Как ... меж ладоней трут.

..... поэта убили,
Николай правей, чем Ликург.
Чрез столетие получили
Имя — Пушкинский Петербург.

Безымянная здесь могила

.....

Чтобы область вся получила
Имя «мученика сего».

26 декабря 1959

ГОРОДУ

Весь ты сыгранный на шарманке,
Отразившийся весь в Фонтанке,
С ледоходом уплывший весь
И подсунувший тень миража,
Но довольно — ночная стража
Не напрасно бродила здесь

. . . . .
Ты как будто проигран в карты
За твои роковые марты
И за твой роковой апрель

. . . . .
1950-е годы
Крещение

* * *

И не дослушаю впотьмах
Неконченную фразу.
Потом в далеких зеркалах
Всё отразится сразу.

1950-е годы

* * *

Зазвонили в Угличе рано,
У царевича в сердце рана.

1950-е годы

* * *

И луковки твоей не тронул золотой,
Глядели на нее и Пушкин, и Толстой.

1950-е годы

* * *

И прекрасней мраков Рембранта
Просто плесень в черном углу.

1950-е годы

* * *

...подснежники белеют,
Давным-давно простившие меня.

1950-е годы

* * *

Ни вероломный муж, ни трепетный жених,
. . . . . кто-то третий,
Который предпочел моим чужие сети,
Не снится мне давно уже никто из них.

Пройденные давно, все сожжены мосты
И смертные врата меня принять готовы.

1960

* * *

...И теми стихами весь мир озарен
. . . . .
А вдруг это только священных имен
Надгробное в ночи сиянье?..

13 марта 1961
Кр. Конница

* * *

Если бы тогда шальная пуля
Легкою тропинкою июля
Увела меня куда-нибудь...

1962

* * *

Не с такими еще разлучалась,
Не таких еще слала во тьму,
Отчего же палящая жалость
К сердцу черному льнет моему?
Нам домучиться мало осталось...
Дай мне . . . . . и тюрьму

1963

* * *

Как жизнь забывчива, как памятлива смерть.

1963

* * *

Я не сойду с ума и даже не умру.

1963

СОНЕТ

Я тебя сама бы увенчала
И бессмертного коснулась лба.
Да за это Нобелевки мало,
Чтоб такое выдумать, Судьба!

Перерыла ль ты свои анналы,
Прибежала ль демонят гурьба,
Иль туман вокруг поднялся алый,
Или мимо пронесли гроба?..

. . . . .
1963

<НАБРОСКИ К ЦИКЛУ «СЕМИСВЕЧНИК»>

<1>

За плечом, где горит семисвечник,
Где тень иудейской стены,
Вызывает невидимый грешник
Подсознанье предвечной вины.

Многоженец, поэт и начало
Всех начал и конец всех концов.

<2>

Шелестит, опадая, орешник.
Где алмазный сиял семисвечник,
Там мне светит — одна темнота.

«АННА АХМАТОВА». 1922.

Портрет работы К. Петрова-Водкина

АННА АХМАТОВА и ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ. 1945

АННА АХМАТОВА и БОРИС ПАСТЕРНАК. 1946

Недостойные видеть друг друга
.....
Мы с того заповедного луга.

<3>

По самому жгучему лугу,
Туда, где вскипала вода,
Ничто нас не бросит друг к другу.
1964

* * *

Напряги и голос и слух.
Говорю я, как с духом дух.
Я зову тебя — не дозовусь.
А со мной только мрак и Русь.
1964

ПИСЬМО

Не кралось полуденным бродом,
Не числилось в списке планет,
Но прочно своим неприходом
Куда-то запрятало свет.

Пусть так теряют смысл слова,
И забываю бредни я,
Пышнее нету торжества,
Чем твой уход, Последняя!

.....
.....
С какую легкостью тогда
Ошибкой притворяешься.

1964

* * *

Смерть одна на двоих. Довольно!
.....
Я уверена, что не больно,
Ты уверен в чем-то другом.

У тебя не глаза, а очи
И не голос, а впрочем... Нет,
Сами мы из недр полуночи
И . . . . .

1964

* * *

...и это грозило обоим,
И это предчувствовал ты...
Мы жили под огненным зноем
Незримой и черной звезды.
Конечно, нам страшно встречаться...

1964

ЗАПРЕТНАЯ РОЗА

Ваша горькая божественная речь...

А. Н.

Ты о ней как о первой невесте
Будешь думать во сне и до слез.
Мы ее не вдыхали вместе,
И не ты мне ее принес.

Мне принес ее тот крылатый
Повелитель богов и муз,
Когда первого грома раскаты
Прославляли наш страшный союз,

Тот союз, что зовут разлукой
И какою-то сотою мукой,
Что всех чище и всех черней.

. . . . .

10 октября 1964

* * *

Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый
На самом доньшке припас Такое мне.

1964

* * *

И возникает мой сонет,
Последний, может быть, на свете.

1965

* * *

То лестью новогоднего сонета,
Из каторжных полученного рук,
То голосом бессмертного квартета,
Когда вступала я в волшебный круг...

1965

* * *

Не напрасно я носила
Двадцать лет ярмо —
Я почти что получила
От него письмо
Не во сне, а в самом деле,
Просто наяву.

. . . . .

1965

* * *

И я не имею претензий
Ни к веку, ни к тем, кто вокруг.

1965

* * *

Чьи нас душили кровавые пальцы?..

1965

* * *

Для суда и для стражи незрима,
В эту залу сегодня войду
Мимо, мимо, до ужаса мимо...

1965

* * *

Быть страшно тобою хвалимой...
Все мои подсчитала грехи.
И в последнюю речь подсудимой
Ты мои превратила стихи.

1965

* * *

Под рукоплесканья клеветы
И зависти змеиный свист.

1965

* * *

...и даже просмотреть те сотни тысяч строк,
где сказано, как я бесчестна и преступна.

1965

* * *

Не знаю, что меня вело
Тогда над безднами такими.

1965

* * *

Я сказала, в глаза не глядя:
«Ты не знаешь главного, дядя,
Ведь поэма совсем не та».

1965

* * *

Нужен мне он или не нужен —
Этот титул мной заслужен.

1965

* * *

Я там иду.
И никогда здесь не наступит утро
. . . . .
Луна — кривой обломок перламутра —
Покоится на влажной черноте.

1965

* * *

Что там клокотало за дверью стеклянной,
То, может быть, не было мной.

1965

* * *

В скорбях, в страстях, под нестерпимым гнетом
. . . . .
Где смерть стоит за каждым поворотом,
И гибели достаточно для всех.

1965

* * *

Что таится в зеркале? — Горе.
Что шумит за стеной? — Беда.

1965

* * *

Врачуй мне душу, а не то
Я хуже, чем умру.

1965

СОНЕТ

Il me remet en mon premier Malheur¹

Luise Labé. Quatre Sonnets, VIII

Приди как хочешь: под руку с другой,
Не узнавая, в вражеском отряде,
В каком угодно шутовском наряде,
В кровавой маске или в никакой.

Тебя я трону ледяной рукой
И ты наверно скажешь: Бога ради
Не надо. Знаю — все — Вы — в Ленинграде
Вкушаете божественный покой...

Но я тебя и тут перешучу,
Я буду остроумна беспощадно
. . . . всех знакомых дур.

Я для тебя из лучших заклинаний
Какие-нибудь выберу.— Иди.

1965 (?)

* * *

Сама Нужда смирилась, наконец,
И отошла задумчиво в сторонку.

Февраль 1966

* * *

Мне безмолвие стало домом
И столицею — немота.

1960-е годы

* * *

Мне веселее ждать его,
Чем пировать с другим.

1960-е годы

---

¹ Он меня повергает в мое первое несчастье. Луиза Лабэ. Четыре сонета, VIII (франц.).

* * *

Хозяйка румяна, и ужин готов,
И царствует где-то Борис Годунов...

1960-е годы

* * *

Ты любила меня и жалела,
Ты меня как никто поняла.
Так зачем же твой голос и тело
Смерть до срока у нас отняла?

1960-е годы

* * *

Это ты осторожно коснулся
Заколдованной жизни моей.

1960-е годы

* * *

Твой месяц май, твой праздник — Вознесенье.

1960-е годы

* * *

И странный спутник был мне послан адом,
Гость из невероятной пустоты.
Казалось, под его недвижным взглядом
Замолкли птицы — умерли цветы.

В нем смерть цвела какой-то жизнью черной.
Безумие и мудрость были в нем
. . . . . и тлетворной...

1960-е годы

* * *

На свиданье с белой ночью
Скоро я от вас уеду.

Знаю все ее уловки —
Как она без солнца светит,
Что она в себе таит.

. . . . .
Слушать ей — а мне молчать.

1960-е годы

ОТРЫВОК

Так вот где ты скитаться должна,
Тень от тени, чужая невеста!
Неужели же ты не нашла
Для прогулок отраднее места?
Эти пашни припудрив чуть-чуть,
Здесь предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
Разве плохо казалось тебе
У зеленого темного моря,
Что, покорствуя страшной судьбе,
Ты пошла на такое, не споря?
Ты, запретнейшая из роз,
Ты, на царство венчанная дважды,
Здесь убьет тебя первый мороз.

. . . . .
Набок съехавший куполок,
Лужи, гуси и поезда звуки.
А сожженный луной тополек
Тянет к небу распятые руки

. . . . .
Звезд загадочные изумруды,
Ржавой прелой душистой листвы
Под ногою шуршащие груды.

. . . . .
Но молчит, заколдована, тень,
Мне ни слова не отвечает.

1960-е годы

О, как меня любили ваши деды,
Улыбчиво, и томно, и светло.
Прощали мне и дольки и бреды
И киевское помело.
Прощали мне (и то всего милее)
Они друг друга...

1960-е годы

<НАБРОСКИ К ЦИКЛУ «МУЗЫКА»>

<1>

И в недрах музыки я не нашла ответа,
И снова тишина, и снова призрак лета.

1960-е годы

<2>

И жесткие звуки влажнели, дробясь,
И с прошлым и с будущим множилась связь.

1960-е годы

<3>

Там музыка рыдала без меня
И без меня упала на колени.

1960-е годы

<4>

Когда уже к неведомой отчизне
Ее рука незримая вела,
Последней страстью этой черной жизни
Божественная музыка была.

. . . . .

Прощенье ли услышать ожидала,
Прощанье ли вставало перед ней,

. . . . .

Иль тайна тайну к жизни вызывала
И тайна тайну хоронила там,

Иль музыка ей возвращала снова
Последнюю из тех пяти бесед,
И чудилось несказанное слово
И с того света присланный привет.

1 августа 1959
Комарово

* * *

Превращая концы в начала,
Верно, людям я спать мешала.

1960-е годы

* * *

Не давай мне ничего на память.
Знаю я, как память коротка.

1960-е годы

* * *

От этих антивстреч
Меня бы убережь
Ты мог...

1960-е годы

* * *

...что с кровью рифмуется,
кровь отравляет
и самой кровавою в мире бывает.

1960-е годы

* * *

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым.

1960-е годы

* * *

...Но в мире нет власти грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта.

1960-е годы

ПРОЗА

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Мой предшественник П. Е. Щеголев кончает свой труд о дуэли и смерти Пушкина рядом соображений, почему высший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними.

После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и неполетик, родственничков Строгановых, идиотов-кавалергардов, сделавших из дантесовской истории *une affaire de régiment* (вопрос чести полка), ханжеских салонов Нессельроде и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, — после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говаривал сам Александр Сергеевич) и уж, конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«Il faut que j'arrange ma maison <Мне надо привести в порядок мой дом>», — сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий.

Он победил и время и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин — или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, — они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный, аере регennius.

26 мая 1961
Комарово

ПУШКИН И ДЕТИ

Хотя Пушкин сам меньше всего представлял себя «детским писателем»¹, как теперь принято выражаться, хотя его сказки вовсе не созданы для детей, и знаменитое «Вступление» к «Руслану» тоже не обращено к детскому воображению, этим произведениям волею судеб было суждено сыграть роль моста между величайшим гением России и детьми.

Нет и не было ни одной говорящей по-русски семьи, где дети могли бы вспомнить, когда они в первый раз слышали это имя и видели этот портрет.

¹ Когда Пушкина попросили написать что-нибудь для детей, он пришел в столь свойственную ему ярость: «Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь Бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем же мне sot-действовать «Детскому журналу»? уж и так говорят, что я в детство впадаю...» (Из письма А. С. Пушкина к В. Ф. Одоевскому. Декабрь. 1836 г. — Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, М., «Наука», 1965, стр. 616; sot-действовать — каламбур: sot — дурак (франц.) — там же, стр. 757. — Прим. Анны Ахматовой.

Но все мы бесчисленное количество раз слышали от трехлетних исполнителей «Кота ученого» и «Ткачиху с поварихой» и видели, как розовый пальчик тянулся к портрету в детской книге: и это навывалось — «дядя Пушкин»¹.

Стихи Пушкина дарили детям русский язык в самом совершенном его великолепии, язык, который они, может быть, никогда больше не услышат и на котором никогда не будут говорить, но который все равно будет при них как вечная драгоценность.

В 1937 г., в юбилейные дни, соответственная комиссия постановила снять неудачный памятник Пушкину в темноватом сквере на П<ушкин>ской ул. в Ленинграде². Послали грузовик-кран — вообще все, что полагается в таких случаях.

Но затем произошло нечто беспримерное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить куда следует и спросить: «Как быть?» — Ответили: «Оставьте им памятник», и грузовик уехал пустой.

Февраль 37 г. — расцвет ежовщины. Можно с полной уверенностью сказать, что у доброй половины этих малышей уже не было пап (а у многих и мам), но охранять дядю Пушкина они считали своей священной обязанностью.

1965

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

1

Известно, что в первый период своего творческого пути (когда вышли «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и ранняя лирика) Пушкин был любим своими современниками, литературный путь его был прям и блистателен. И вот где-то около 1830 года читатели и критика отшатнулись от Пушкина. Причина этого лежит прежде всего в самом Пушкине. Он изменился. Вместо «Кавказ-

---

¹ «Конька-Горбунка» Ершова тоже все знают и любят. Однако я никогда не слышала «Дядя Ершов»! А вы? — Прим. Анны Ахматовой.

² Поставленный в 1884 году в той части города, которая еще не существовала в пушкинское время. — Прим. Анны Ахматовой.

ского пленника» он пишет «Домик в Коломне», вместо «Бахчисарайского фонтана» — «Маленькие трагедии», затем «Золотого петушка», «Медного всадника». Современники недоумевали, враги и завистники ликовали. Друзья отмалчивались. Сам Пушкин в 1830 году пишет:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда...

(VI, 183)¹

В чем же и как изменился Пушкин?

В предисловии, предполагавшемся к VIII и IX главам «Онегина» (1830), Пушкин полемизирует с критикой: «Век может идти себе вперед», но «поэзия остается на одном месте... <...> Цель ее одна, средства те же» (VI, 540, 541).

Однако в том же году в набросках статьи о Баратынском Пушкин совершенно иначе рисует отношения поэта с читателем: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от них, и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (XI, 185).

Странно, что до сих пор нигде не отмечено, что эту мысль подсказал Пушкину сам Баратынский в письме 1828 года, где он так объясняет неудачу «Онегина»: «Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманно-

---

¹ Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949. — Прим. Анны Ахматовой.

стью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие» (Пушкин, XIV, 6).

Из сравнения этих двух цитат видно, как Пушкин развил мысль Баратынского.

Итак, не поэзия неподвижна, а читатель не поспевает за поэтом.

В герое «Кавказского пленника» с восторгом узнавали себя все современники Пушкина, но кто бы согласился узнать себя в Евгении «Медного всадника»?

2

К числу зрелых произведений Пушкина, не услышанных не только современниками, но и друзьями поэта¹, относятся его «Маленькие трагедии». Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Сложность эта бывает иногда столь велика, что в связи с головокружительным лаконизмом даже как будто затемняет смысл и ведет к различным толкованиям (например, развязка «Каменного гостя»). Мне кажется, объяснение этому дает сам Пушкин в заметке о Мюссе (24 октября 1830 года), где он хвалит автора «Contes d'Espagne et d'Italie» за отсутствие морализирования и вообще не советует «ко всякой всячине приклеивать нравоучения» (XI, 175—176). Это наблюдение дает отчасти ключ к пониманию якобы шутильной концовки «Домика в Коломне» (9 октября 1830 г.):

Да нет ли хоть у вас нравоученья?
Нет... или есть: минуточку терпенья...
Вот вам мораль...

(V, 93)

и далее следует явно вызывающая пародия на нравоучительную концовку («Больше ничего // Не выжмешь из рассказа моего»).

---

¹ В дневниковой записи Вяземский холодно перечисляет «Маленькие трагедии» как новости, привезенные Пушкиным из Болдина (П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 9, СПб, 1884, стр. 152), а Жуковский в 1831 году пишет Пушкину: «Напрасно сердиться на Чуму: она едва ли не лучше Каменного гостя» (XIV, 203). Восторги Белинского относятся уже к 1841 году («...величайшее создание Пушкина — его «Каменный гость» — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 424). — Прим. Анны Ахматовой.

Понятно, что для поэта, так поставившего вопрос о морализировании, многие обычные пути изображения страстей были закрыты. Все сказанное выше в особенности относится к «Каменному гостю», который все же является обработкой мировой темы возмездия, а у предшественников Пушкина, касавшихся этой темы, не было недостатка в прямом морализировании.

Пушкин идет другим путем. Ему надо, с первых же строк и не прибегая к морализированию, убедить читателя в необходимости гибели его героя. Что и для Пушкина «Каменный гость» — трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие («Каменный гость», а не «Дон Жуан»). Поэтому все действующие лица — Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна — только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой:

Все к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь...
(VII, 153)

А Лепорелло говорит:

...Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
(VII, 140)

После проделанной пушкинистами работы мы знаем, чем похож пушкинский Дон Гуан на своих предшественников. И теперь имеет смысл определить, в чем он самобытен.

Характерно для Пушкина, что о богатстве Дон Гуана упомянуто только раз и вскользь, в то время как для Дапonte и для Мольера это существенная тема. Пушкинский Гуан и не дапонтский богач, который хочет «наслаждаться за свои деньги», и не мольеровский унылый резонер, обманывающий кредиторов. Пушкинский Гуан — испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король. Внимательно читая «Каменного гостя», мы делаем неожиданное открытие: Дон Гуан — поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя «Импровизатором любовной песни» (VII, 153).

Это приближает его к основному пушкинскому герою: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...», — говорит в «Египетских ночах» Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина

(VIII, 1, 266). Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего Дон Жуана поэтом.

Сама ситуация завязки трагедии очень близка Пушкину. Тайное возвращение из ссылки — мучительная мечта Пушкина 20-х годов. Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи (как было еще в черновике — Севилья извечный город Дон Жуана) в Мадрид: ему была нужна столица. О короле Пушкин, устами Дон Гуана, говорит:

Пошлет назад.

Уж верно головы мне не отрубят.

Ведь я не государственный преступник.

(VII, 138)

Читай — политический преступник, которому за самовольное возвращение из ссылки полагается смертная казнь. Нечто подобное говорили друзья самому Пушкину, когда он хотел вернуться в Петербург из Михайловского¹. А пушкинский Лепорелло по этому поводу восклицает, обращаясь к своему барину: «Сидели б вы себе спокойно там» (VII, 138).

Пушкин, правда, не ставит своего Дон Гуана в самое смешное и постыдное положение всякого Дон Жуана — его не преследует никакая влюбленная Эльвира и не собирается бить никакой ревнивый Мазетто; он даже не переодевается слугой, чтобы соблазнить горничную (как в опере Моцарта); он герой до конца, но эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому пушкинский Гуан, несмотря на свое изящество² и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников.

Обе героини, каждая по-своему, говорят об этом: Дона Анна — «Вы сущий демон»; Лаура — «Повеса, дьявол».

Если Лаура, может быть, просто бранится, то «демон»

---

¹ «Сиди смиренно, пиши, пиши стихи» (П. А. Вяземский — Пушкину, 10 мая 1826 года; XIII, 276); «Всего благоразумней для тебя остаться покойно в деревне» (В. А. Жуковский — Пушкину, 12 апреля 1826 года; XIII, 271). — Прим. Анны Ахматовой.

² Если естественно, что вся речь Лепорелло и Лауры построена на просторечии, то выражения вдовы Командора — «Я страх как любопытна» и «Нет, отроду его я не видала» — объясняются много раз высказанным убеждением Пушкина, что просторечие — отсутствие жеманства и признак хорошего воспитания. Напомним, что в заметке «Изо всех родов сочинений» Пушкин отмечает в романтической трагедии «смешение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных выражений» (XI, 39). — Прим. Анны Ахматовой.

в устах Доны Анны точно передает впечатление, которое Дон Гуан должен был производить по замыслу автора.

В отличие от других Дон Жуанов, которые совершенно одинаково относятся ко всем женщинам, у пушкинского Гуана находятся для каждой из трех, таких разных женщин, разные слова.

Герой «Каменного гостя» так же ругается со своим слугой, как и Дон Жуаны Моцарта и Мольера; но, например, буффонская сцена финала оперы — обжорство слуги и хозяина — совершенно невозможна в трагедии Пушкина.

Первоначально Пушкин хотел подчеркнуть то обстоятельство, что Гуан предполагает встречаться с вдовой Командора около его памятника, но затем возмущенная реплика Лепорелло: «Над гробом мужа... Бессовестный; не сдобровать ему!» (VII, 308, 309) показалась Пушкину слишком нравоучительной, и он предоставил читателю самому догадаться, где происходят эти встречи.

В «Каменном госте» ни в окончательном тексте, ни в черновиках нигде ни одним словом не объяснена причина дуэли Дон Гуана с Командором. Это странно. Я полагаю, что причина этого необъяснимого умолчания такова: у всех предшественников Пушкина, кроме Мольера, где, в противоположность «Каменному гостю», Командор дан как совершенно отвлеченная фигура, ничем не связанная с действием, Командор гибнет, защищая честь своей дочери Доны Анны. Пушкин сделал Дону Анну не дочерью, а женой Командора, и сам сообщает, что Гуан ее прежде никогда не видел. Прежняя причина отпала, а придумать новую, которая могла бы отвлечь внимание читателя от самого главного, Пушкин не захотел. Он только подчеркивает, что Командор был убит на дуэли —

Когда за Эскурьялом¹ мы сошлись...

(VII, 153)

а не в ночной безобразной драке (в которой принимает участие и Дона Анна)², что не соответствовало бы характеру его Гуана.

---

¹ Эскуриал — королевский дворец — едва ли подходящее место для дуэли. Пушкин, вероятно, намекает на то, что ссора произошла во дворце, чем еще раз подчеркивается близость Гуана ко двору. Ведь так же вскользь Гуан говорит про короля: «Меня он удалил, меня ж любя» (VII, 138). — *Прим. Анны Ахматовой.*

² Уже обсуждавшийся вопрос о том, был ли Дон Карлос братом Командора, как мне кажется, надо решать положительно: трудно себе представить, чтобы Гуан имел две дуэли с двумя испанскими грандами и убил обоих, но почему-то боится мести семьи только одного из них

Если сцена объяснения Гуана с Доной Анной и восходит к «Ричарду III» Шекспира, то ведь Ричард — законченный злодей, а не профессиональный соблазнитель, и действует он из соображений политических, а отнюдь не любовных, что он тут же и разъясняет зрителям.

Этим Пушкин хотел сказать, что его Гуан может действовать по легкомыслию как злодей, хотя он только великосветский повеса.

Второе, никем до сих пор не отмеченное и, по-моему, более значительное восхождение к Шекспиру находится в заключительной сцене трагедии «Каменный гость»:

Дона Анна
...Но как могли придти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

В черновике:

узнать могли бы люди.

(VII, 169, 315)

Juliet
How cam'st thou hither, tell me, and wherefore?..
And the place death, considering who thou art,
If any of my kinsmen find thee here.

(«Romeo and Juliet», act II, sc. 2) ¹

Даже сцена приглашения статуи, единственная совпадающая с традицией, открывает настоящую бездну между пушкинским Дон Гуаном и его прототипами. Неуместная шутка моцартовского и мольеровского Дон Жуанов, выванная и мотивированная тем, что он прочел на памятнике оскорбительную для себя надпись ², превращена Пушкиным в демоническую браваду. Вместо нелепого и традици-

и гнева короля только за одно из этих убийств. Здесь та же пушкинская лаконичность создает некоторую недоговоренность. Кроме того, всякое уточнение повело бы к дополнительной исповеди Дон Гуана в заключительной сцене с Доной Анной, которая в это время должна была бы оплакивать гибель своего деверя.— Прим. Анны Ахматовой.

¹ Как ты пришел сюда, скажи мне, и каким путем?..

И это место для тебя — смерть, потому что это ты,

Если кто-либо из моих родичей найдет тебя здесь.

(«Ромео и Джульетта», акт II, сц. 2).

² См. у Дапonte: «Dell'empio che mi trasse al passo estremo. // Qui attendo la vendetta». («Здесь ожидаю отмщения нечестивцу, который убил меня»). Дон Жуан Дапonte (так же, как и Лепорелло) говорит статуе «вы». Пушкинский Гуан сразу обращается к статуе на «ты». Это не высокий стиль, а остаток их прижизненных добрых отношений. Также и с Карлосом Гуан сразу же на «ты».— Прим. Анны Ахматовой.

онного приглашения статуи к себе на ужин, мы видим нечто беспримерное:

Я, командор, прошу тебя придти
К твоей вдове¹, где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?

(VII, 162)

т. е. Гуан говорит со статуей, как счастливый соперник.

Пушкин оставил своему герою репутацию безбожника, идущую от *Ateista fulminado* (героя духовной драмы, которая представлялась в церквах и монастырях).

Бессовестным, безбожным Дон Гуаном (монах)
Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец (Дон Карлос)
...Я вам представлен ... без совести, без веры (сам Гуан)
Вы, говорят, безбожный развратитель (Дона Анна)

(VII, 141, 145, 315, 169)

Обвинения в атеизме были привычным аккомпанементом в жизни молодого Пушкина.

Зато другую характерную черту всех Дон Жуанов — странствия — Пушкин совершенно изгнал из своей трагедии. Вспомним хотя бы Дон Жуана Моцарта и знаменитую арию Лепорелло — каталог побед (в Италии — 641, в Германии — 231, сто во Франции, 91 в Турции, а вот в Испании — так тысяча и три). Пушкинский гранд ведет (кроме, разумеется, своей ссылки) совершенно оседлый столичный образ жизни в Мадриде, где его могут узнать каждая «Гитана» (было: цыганка) или пьяный музыкант (VII, 137)².

3

Пушкинский Дон Гуан не делает и не говорит ничего такого, чего бы не сделал и не сказал современник Пушкина, кроме необходимого для сохранения испанского местного колорита («вынесу его под епанчою и положу на перекрестке»; VII, 151). Точно так же поступает Дальти, герой «Portia» Мюссе, с трупом соперника, которого находят на другой день «le front sur le pavé» («лицом на мостовой»).

Гости Лауры (очевидно, мадридская золотая молодежь — друзья Дон Гуана) больше похожи на членов

---

¹ В черновике еще страшнее: «К жене твоей» (VII, 312).— *Прим. Анны Ахматовой.*

² «Пьяный музыкант» потому, что музыкантов нанимали заказчики серенад, а затем было принято поить музыкантов (см. «Le Diable boiteux» Лесажа).— *Прим. Анны Ахматовой.*

«Зеленой лампы», ужинающих у какой-нибудь тогдашней знаменитости, вроде Колосовой, и беседующих об искусстве, чем на знатных испанцев какого бы то ни было века. Но автор «Каменного гостя» знает, что это ему совсем не опасно. Он уверен, что коротким описанием ночи он создаст яркое и навеки неизгладимое ощущение того, что это Испания, Мадрид, юг:

Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной...

(VII, 148)

Гуан резвится с Лаурой, как любой петербургский по-веса с актрисой, меланхолично вспоминает погубленную им Инесу, хвалит суровый дух убитого им Командора и соблазняет Дону Анну по всем правилам «адольфовской» светской стратегии. Однако затем случается нечто таинственное и до конца не осмысленное. Последнее вослицание Дон Гуана, когда о притворстве не могло быть и речи:

Я гибну — кончено — о Дона Анна!

(VII, 171)

убеждает нас, что он действительно переродился во время свидания с Доной Анной, и вся трагедия в том и заключается, что в этот миг он любил и был счастлив, а вместо спасения, на шаг от которого он находился, пришла гибель. Заметим еще одну подробность: «Брось ее», — говорит статуя. Значит, Гуан кинулся к Доне Анне, значит, он только ее и видит в этот страшный миг.

В самом деле, ведь если бы Дон Гуана убил Дон Карлос, никакой трагедии бы не было, а было бы нечто вроде «Les Marrons du feu» Мюссе, которыми Пушкин так восхищался в 1830 году за отсутствие нравоучения и где донжуановский герой («Mais c'est du don Juan») гибнет случайно и бессмысленно. Статуя Командора — символ возмездия, но если бы еще на кладбище она увлекла с собой Дон Гуана, то тоже еще не было бы трагедии, а скорее театр ужасов или *l'Ataista fulminado* средневековой мистерии. Гуан не боится смерти. Мы видим, что он несколько не испугался шпаги Дон Карлоса и даже не подумал о своей возможной гибели. Потому-то Пушкину и нужен поединок с Дон Карлосом, чтобы показать Гуана в деле. Совсем не таким мы видим его в финале трагедии. И вопрос вовсе не в том, что статуя — потустороннее явление: кивок в сцене на кладбище тоже

потустороннее явление, на которое, однако, Дон Гуан не обращает должного внимания. Гуан не смерти и не смертной кары испугался, а потери счастья. Оттого-то его последнее слово: «о Дона Анна!» И Пушкин ставит его в то единственное (по Пушкину) положение, когда гибель ужасает его героя. И вдруг мы узнаем в этом нечто очень хорошо нам известное. Пушкин сам дает мотивированное и исчерпывающее объяснение развязки трагедии. «Каменный гость» помечен 4 ноября 1830 года, а в середине октября Пушкин написал «Выстрел», автобиографичность которого никто не оспаривает. Герой «Выстрела» Сильвио говорит: «Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем... Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!» (VIII, I, 70).

Из этого можно заключить, что Пушкин считал гибель только тогда страшной, когда есть счастье. То же говорит Гуан на вопрос Доны Анны — «И любите давно уж вы меня?»:

*Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово Счастье...—*

(VII, 157)

т. е. с тех пор, как он счастлив, он узнал цену мгновенной жизни. И в «Выстреле», и в «Каменном госте» при расплате присутствует любимая женщина, что противоречит донжуановской традиции. У Моцарта, например, там находится только буффонящий Лепорелло, у Мольера — Сганарель.

В то время (1830) проблема счастья очень волновала Пушкина: «В вопросе счастья я атеист; я не верую в него», — пишет он П. А. Осиповой на другой день по окончании «Каменного гостя» (XIV, 123; подлинник по-французски); «Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан», — Плетневу (XIV, 110); «Ах, что за проклятая штука счастье!» — Вяземской (XIV, 110; подлинник по-французски). Легко привести еще ряд подобных цитат и можно даже, рискуя показаться парадоксальным, сказать, что Пушкин так же боялся счастья, как другие боятся горя. И насколько он был всегда готов ко всяким огорчениям, настолько же он трепетал перед счастьем, т. е., разумеется, перед перспективой потери счастья.

Однако это еще не все. Кроме аналогий с автобиографическим «Выстрелом», необходимо привести цитаты из переписки Пушкина. Первая — из письма к будущей теще, Н. И. Гончаровой (5 апреля 1830 года): «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» (XIV, 75—76; подлинник по-французски). Как это близко к признанию Дон Гуана:

Молва, быть может, не совсем права,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет... Так, разврата
Я долг был покорный ученик.

(VII, 168)

А также: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой *безнравственный*» (VII, 1, 408; автобиографический отрывок, 13 мая 1830 года). Здесь «безнравственный», — конечно, смягчение «развратный». А это как раз передает голос молвы.

В тот же год Пушкин говорит то же самое в ненапечатанном при жизни стихотворении «Когда в объятия мои...»:

Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья...
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей...

(III, 1, 222)

В этом стихотворении подразумеваются все реплики Доны Анны. Только что женившийся Пушкин пишет Плетневу: «Я... счастлив... Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился» (XIV, 154—155); ср. с «Каменным гостем»:

Мне кажется, я весь переродился.

(VII, 168)

Про Командора Гуан говорит: «Вкусил он *райское блаженство!*» (VII, 164); ср. с письмом к А. П. Керн: «Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая» (XIII, 208; подлинник по-французски).

В «Онегине» Пушкин обещает, что когда будет описывать любовные объяснения, то вспомнит

...речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык...

(VI, 57)

Сходство этих цитат говорит не столько об автобиографичности «Каменного гостя», сколько о лирическом начале этой трагедии.

5

Если «Скупого рыцаря» Пушкин не печатал шесть лет, боясь, как тогда говорили, «применений», то что же подумать о «Каменном госте», которого он вовсе не напечатал (в скобках замечу, что «Пир во время чумы» был напечатан в 1832 году, т. е. почти сразу по написании — и не потому ли, что «Пир» — простой перевод). Как бы то ни было, «Каменный гость» — единственная из «Маленьких трагедий», не напечатанная при жизни Пушкина. Действительно, можно легко себе представить, что то, что мы теперь раскапываем с превеликими трудностями, для самого Пушкина плавало на поверхности. Он вложил в «Каменного гостя» слишком много самого себя и относился к нему, как к некоторым своим лирическим стихотворениям, которые оставались в рукописи независимо от их качества. Пушкин в зрелый свой период был вовсе не склонен обнажать «раны своей совести» перед миром (на что, в какой-то степени, обречен каждый лирический поэт)¹, и я полагаю, что «Каменный гость» не был напечатан потому же, почему современники Пушкина не прочли окончания «Воспоминания», «Нет, я не дорожу...» и «Когда в объятия мои...», а не потому, почему остался в рукописи «Медный всадник».

Кроме всех приведенных мною сопоставлений, лирическое начало «Каменного гостя» устанавливается связью, с одной стороны, с «Выстрелом» (проблема счастья), с другой — с «Русалкой», которая вкратце (как и подобает предыстории) рассказана в воспоминаниях Гуана об

---

¹ Несмотря на это, тема уязвленной совести возникает в лирике Пушкина в конце 20-х годов: грандиозное «Воспоминание» (1828) и написанная через несколько дней «Грузинская песня» («Не пой, красавица, при мне...»), где «роковой» образ «далеской бедной девы» напоминает бедную Инесу. — Прим. Анны Ахматовой.

Инесе. Свидания Гуана с Инесой происходили на кладбище Антониева монастыря (что явствует из черновика):

Постойте: вот Антоньев монастырь —
А это монастырское кладбище...
О, помню все. Езжали вы сюда...

(VII, 307)

Гуан так же, как князь в «Русалке», узнает место, вспоминает погубленную им женщину. И там и тут это дочь мельника. И Гуан не случайно говорит своему слуге: «Ступай же ты в деревню, знаешь в ту, где мельница» (VII, 309). Затем он называет это место проклятой *вентой*. Окончательная редакция стихов отчасти стерла это сходство, но теперь, когда черновики разобраны, для нас нет сомнения, что трагедия Пушкина начинается с глухого упоминания о преступлении героя, которого рок приводит на то самое место, где это преступление было совершено и где он совершает новое преступление. Этим предreshено все, и призрак бедной Инесы играет в «Каменном госте» гораздо большую роль, чем это принято было думать.

6

Все сказанное выше относится к донжуановской линии трагедии «Каменный гость». Но в этой вещи есть, очевидно, и другая линия — линия Командора. Здесь у Пушкина тоже полный разрыв с традицией. У Моцарта — Дапonte Дон Жуан так не хочет вспоминать о Командоре, что когда Лепорелло просит разрешения что-то сказать, его хозяин отвечает: «Хорошо, если ты не будешь говорить о Командоре».

А пушкинский герой сам почти непрерывно говорит о Командоре.

Но что всего существеннее, так это то, что и в легенде, и во всех ее литературных обработках статуя является усовещивать Жуана, чтобы он раскаялся в грехах. В трагедии Пушкина это бы не имело смысла, потому что Гуан без всякого принуждения сам только что покаялся:

Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

(VII, 168)

Командор приходит в момент «холодного, мирного» поцелуя, чтобы отнять у Гуана свою жену. Везде у других авторов Командор — ветхий старик, оскорбленный отец.

У Пушкина он ревнивый муж («А я слышал, покойник был ревнивец. Он Дону Анну взаперти держал») (VII, 307—308), и ни из чего не следует, что он старик. Гуан говорит:

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, страстным поминаньем
Супруга...

(VII, 312)

— на что Дона Анна возражает: «Так вы ревнивы» (VII, 163).

Мы имеем все основания рассматривать Командора как одно из действующих лиц трагедии «Каменный гость». У него есть биография, характер, он действует. Мы даже знаем его внешность: он «мал был, худощав» (VII, 310). Он женился на не любившей его красавице и сумел своей любовью заслужить ее расположение и благодарность. Из всего этого нет ни слова в донжуановской традиции. С первой минуты мысль о его ревности приходит в голову Дон Гуану (в черновике — даже когда он еще не знает Дону Анну); и тогда-то Лепорелло и говорит о своем господине: «Над гробом мужа... Бессовестный; не сдобровать ему!» (VII, 308, 309).

И пушкинский Командор больше похож на «разгневанного ревнивца» юношеского стихотворения Пушкина «К молодой вдове», где мертвый муж чудится неверной его памяти вдове (и где покойник тоже называется счастливецом, как в «Каменном госте»), чем на загробное виденье, призывающее героя отречься от нечестивой жизни.

Темы загробной ревности касается Пушкин в седьмой главе «Онегина» в связи с могилой Ленского и изменой Ольги:

Смутится ли певец унылый
Измены вестью роковой...

(VI, 143)

По крайней мере, из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая Тень.
И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых...

(VI, 422)

— как бы разочарованно говорит Пушкин и ищет сюжет, где бы разгневанная и ревнующая тень могла бы явиться. Для этого он изменяет сюжет Дон Гуана и делает Командора не отцом Доны Анны, а ее мужем.

Трогательная невеста-вдова Ксения Годунова, плачущая над портретом мертвого жениха, которого она никогда в жизни не видела, говорит: «я и мертвому буду ему верна» (VII, 42).

Знаменитая отповедь Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна —

(VI, 188)

только бледное отражение того, что утверждают Ксения Годунова и Дона Анна («Вдова должна и гробу быть верна»; VII, 164).

Но что всего удивительнее, это то, что в цитированном выше письме к матери Н. Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 года Пушкин пишет: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа,— эта мысль для меня — ад». И еще разительнее: «...если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (XIV, 76; подлинник по-французски)¹. Ср. в «Каменном госте»:

Нет, мать моя
Велела дать мне руку Дон Альвару

(VII, 164)

— и дальше вся ситуация — как в письме, так и в трагедии.

Итак, в трагедии «Каменный гость» Пушкин карает самого себя — молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (т. е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия.

Так, внимательный анализ «Каменного гостя» приводит нас к твердому убеждению, что за внешне заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными лирическими переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом.

¹ Напомним, что это письмо Пушкин написал сразу после получения согласия родителей невесты на его брак с Н. Н. Гончаровой, когда эти слова звучали, по крайней мере, неожиданно. Ими Пушкин совершенно точно предсказал свою судьбу: он, действительно, умер из-за Наталии Николаевны и оставил ее молодой, блистательной вдовой, свободной выбирать нового мужа.— *Прим. Анны Ахматовой.*

Перед нами — драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта. В отличие от Байрона, который (по оценке Пушкина) «бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя» (XI, 51), Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру.

Вот почему самопризнания в его произведениях так незаметны, и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа. Откликаясь «на каждый звук», Пушкин вобрал в себя опыт всего своего поколения. Это лирическое богатство Пушкина позволило ему избежать той ошибки, которую он заметил в драматургии Байрона, раздавшего «по одной из составных частей» своего характера своим персонажам и, таким образом, раздробившего свое создание «на несколько лиц мелких и незначительных» (XI, 51).

1947

<ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЕ
«„КАМЕННЫЙ ГОСТЬ” ПУШКИНА»
(1958—1959 гг.)>

1

Головокружительная краткость, о которой я говорила в начале этой статьи, очень характерна для Пушкина. В 1829 году («Роман в письмах») он писал: «Я и в Вальтер Скотте нахожу лишние страницы». Это стремление к краткости очень сильно сказалось и в «Маленьких трагедиях», в частности в «Каменном госте»¹. Эта маленькая трагедия подразумевает очень большую предысторию, которая благодаря чудесному умению автора уместается в нескольких строках, там и сям вкрапленных в текст. Этот прием в русской литературе великолепно и неповторимо

¹ В сущности, в «Каменном госте» трагедия начинается, когда падает занавес, так же как в «Мozарте и Сальери» с сомнений Сальери, имел ли он право убить Моцарта (гений и злодейство) или

не был
Убийцею создатель Ватикана?

До тех пор Сальери совершенно уверен в своей правоте, и никакой трагедии нет.

30 июля 1958

развил Достоевский в своих романах-трагедиях: в сущности, читателю-зрителю предлагается присутствовать только при развязке. Таковы «Бесы», «Идиот» и даже «Братья Карамазовы». Все уже случилось где-то там, за границами данного произведения: любовь, ненависть, предательство, дружба. Таков же и «Каменный гость» Пушкина: буйная столичная жизнь молодого гранда, его трагический роман с мельничихой, ссылка и продолжение любовных походов в стране, где «небо... точный дым», вся биография Доны Анны, ее великолепное испанское вдовство, своей суровостью изумляющее даже монаха, и т. д.

И не случайно, конечно, появляются «лавры и лимоны» «Дядюшкиного сна» при описании пародийной Испании в самом начале творческого пути Достоевского, а в своей предсмертной (1880 г.) речи о Пушкине Достоевский называет «Каменного гостя» как образец и доказательство всемирности Пушкина и как одно из величайших произведений.

2

В какой-то мере все первые персонажи маленьких трагедий Пушкина чем-то похожи друг на друга. Гуан, Моцарт и Альбер — это один и тот же человек в разных костюмах и в разных положениях. Они веселы, добры, беспечны, благородны... но Моцарт, кроме того, одарен несравненным талантом.

3

На примере того, как Пушкин изображает Дону Анну, можно еще раз изумиться, с каким искусством он отделяет свое к ней отношение (авторский голос¹) от отношения к ней Дон Гуана, что, казалось бы, в этом жанре почти невозможно. Для Дон Гуана — Дона Анна ангел² и спасение,

¹ Авторский голос я слышу в данном случае скорее всего в реплике Лепорелло:

О, вдовы, все вы таковы.

² ...И мнится...

Гробницу эту ангел посетил...

По этому поводу надо заметить следующее. Едва ли черноволосая женщина, с ног до головы укутанная в траурные вуали, похожа на ангела, который всегда должен быть белым, светлым, лучезарным. Предлагаю такую разгадку. В английском «Пире» (The City of the Plague) центральная героиня, отсутствующая в пушкинском «Пире» — Магдалена, — всегда в белом платье, о чем до назойливости часто говорит автор. И когда она на могиле — ее сравнивают с ангелом:

для Пушкина — это очень кокетливая, любопытная, малодушная женщина и ханжа. В. Типичная католическая дэвотка под стать Каролине Собаньской:

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Пушкин не прощает ей посмертной измены Командору, который был безупречен по отношению к ней и даже

Не принял бы к себе влюбленной дамы,
Когда б он овдовел.

(Снова та же тема.)

Мы даже не знаем ее судьбу — умерла она или упала в обморок, это совершенно неважно, ведь это не Татьяна, не Русалка, которых надо возвеличить, а нечто вроде Ольги Лариной.

Насколько она противна автору, явствует из сравнения тона, каким он говорит о двух других женщинах. От Лауры автор в восторге — ей все разрешено, вплоть до любовного свидания при трупе убитого из-за нее Дона Карлоса; так и кажется, что автор сам готов тешить ее серенадами и убивать соперников на перекрестках. Она — в сиянии бессмертного искусства. Это — юность Пушкина, это — музыка.

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает...

Она — «милый демон». (Замечу вскользь, что Демон — было прозвище Собаньской и так называл ее Пушкин в письме от 2 февраля 1830 г.)

4

Еще замечательнее отношение автора к Инезе (по донжуанской традиции Церлина — крестьяночка лукавая и простоватая, невеста такого же простачка Мазетто), и хотя Гуан говорит о ней вскользь, всего один раз, и как бы случайно, и как бы только в связи с местом, на котором неожиданно оказался, т. е. чуть ли не на ее могиле, — какие слезы отчаяния и раскаяния проливает над ней автор:

Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Ты на коленях, в белом, — вся как дух...
(с. 44)

Ты на коленях ангелу подобна.
Ты молишься — и даже я надеюсь...
(с. 45)

«Вы черные волосы на мрамор бледный» — ср. «Дон Жуан» Байрона о султанше в V песне.

И таких глаз он, Гуан, уже не видел никогда больше в жизни. И от нее расходятся стрелки ко всем покаянным стихам Пушкина («Черты далекой бедной девы», «Русалка») (см. статью Берковского).

5

Еще одно могло попасть в «Каменного гостя» из «Города Чумы». Кто-то говорит о прячущем свое лицо Незнакомце (с. 158) — преступнике:

В тряпье до глаз и в шляпе до бровей
Широкополой...

Ср. в «Каменном госте» о скрывающемся Дон Гуане:

Усы плащом закрыв, а брови шляпой...
Испанский гранд как вор...

6

В конце III главы

Очевидно, получив согласие родителей невесты на брак, Пушкин понял, что попал в совершенно безвыходное положение. При этом мы вправе ждать стихов от лирического поэта на так мучившую его тему. Однако таких стихов нет¹.

Зато к вопросу о счастье при самых невероятно неблагоприятных обстоятельствах, когда уже ни на что ни рассчитывать, ни надеяться нельзя, Пушкин подходит в другом жанре — в прозаической повести. Этим, по моему твердому убеждению, объясняются все *harpu end'ы* или, вернее, «игрушечные развязки» «Повестей Белкина».

Созданные в дни горчайших размышлений и колебаний², они представляют собою удивительный психологиче-

¹ Кроме элегии «Безумных лет...», где счастливый жених пишет 8 сентября 1830 г.:

Мой путь уныл. Судит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море,—

и только в конце смеет надеяться, что

И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

² Кроме того, сравнительно недавно напечатанные письма кн. П. А. Вяземского к жене сообщают довольно неожиданные подробности пушкинского сватовства 1830 г. Князь очень долго не верит слухам об этом событии; наконец, уверившись, восклицает: «Как можно, любя одну женщину, свататься к другой». Княгиня Вера, вероятно, должна была понять, кого подразумевает ее муж под пер-

ский памятник. Автор словно подсказывает судьбе, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого, когда он задумал жениться на 17-летней красавице, которая его не любит и едва ли полюбит. Об этом Пушкин прямо написал несколько раньше (12 мая 1830 г.): «Я никогда не хлопотал о счастье — я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих — а где мне взять его». Автобиографичность этого отрывка («Участь моя решена. Я женюсь...») Пушкин задумал скрыть под заголовком «С французского», но, по всей вероятности, тут же отказался от этой мысли¹.

Автор поэм со страшными и кровавыми развязками («Цыганы», «Полтава») и якобы жизнерадостного романа («Евгений Онегин»), где герой и героиня остаются с неоправдимо растерзанными сердцами, внезапно с необычным тщанием занимается спасением всех героев «Повестей Белкина».

Тут же я должна оговориться. Образ обиженного «маленького человека» — родоначальника стольких несчастных героев, трогательного и величественного в своем горе, — не должен все же заставить нас забыть о «благополучной развязке» повести «Станционный смотритель». К тому же сам Вырин погибает именно потому, что он не верит в возможность этой счастливой развязки.

Счастливые концы вовсе не характерны для прозы Пушкина. Нет ничего более траурно-мрачного и фатально-торжественного, чем развязка «Пиковой дамы»² (сумасшедший дом Германа, немилый брак Лизы и будущая мученица — девочка-воспитанница). Итак, дело не в прозе, а в том, как глубоко Пушкин запрятал свое томление по счастью, свое своеобразное заклинание судьбы, и в этом кроется мысль: так люди не найдут, не будут обсуждать, что невыносимо (см. «Ответ анониму»). Спрятать в ящик

зой женщиной. Но мы очень далеки от этого понимания. Привожу эту (еще не вошедшую в обиход) цитату только для того, чтобы показать, как сложна была психологическая обстановка 1830 г. и как неизбежно Пушкин должен был, создавая своего Гуана, обращаться к собственной биографии.

1957, ноябрь

Москва

¹ Отрывок «Участь моя решена. Я женюсь...» был напечатан только после смерти Пушкина.

² Еще ужаснее сюжет «Марии Шонинг», который Пушкин до конца записывает по-французски (1834 г.). Там публичная смертная казнь героини, обвинившей себя в детоубийстве.

с двойным, нет, с тройным дном: 1) А. П. 2) Белкин. 3) Один из повествователей. Так вернее. И пусть это будет тихая нестилизованная провинция, которую всегда так любил и так хорошо знал Пушкин. Тихая пристань!

И пусть это будет совсем как в жизни (проблема правдоподобия). Все детали, которые он выписывает с необычайным старанием и соп амоге <с любовью> (вплоть до полосатого бланманже — «Барышня-крестьянка»), должны убедить читателя, что иначе и быть не может, что все это в высокой степени достоверно. От этого, естественно, возникает забота о языке: говор девичьей («Барышня-крестьянка»), почтовой станции («Станционный смотритель»), мещан-ремесленников («Гробовщик»), захолустных офицеров («Выстрел»), мелких помещиков («Метель»), — при этом изысканные эпитафии — Жуковский, Вяземский, Фонвизин, Марлинский, Державин — все русские...

Пушкин, наверно, не хуже нас знал, как кончалась любовь барчука к крепостной девке (Ольга Калашникова), знал, что Дуня, несомненно, должна была мести мостовую «с голью кабацкой» (поллицейское наказание проституток) и что героине «Метели», обвенчанной неведомо с кем, предстояло влачить одинокие дни.

Простейший случай («Гробовщик»), когда все ужасы оказываются сном.

Несколько выбивается «Выстрел», где развязка псевдоблагополучная, потому что Пушкин приводит к ней своего героя через страх и срам, но почему он так поступает — объяснено до конца выше сравнением со стихами «Каменного гостя», в которых совершенно совпадает взгляд на ценность жизни.

1957. Весна
Москва

7

В заключение

А то, что в «Каменном госте» Пушкин как бы делит себя между Командором и Гуаном, явление совсем другого порядка, что, как я надеюсь, доказано в этой статье.

8

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Каменный гость» важен еще тем, что он показывает Пушкина родоначальником великой русской литературы XIX века, как моралиста. Это — столбовая дорога русской

литературы, по которой шли и Толстой и Достоевский. «Нет правды на земле!» — Дона Анна свободна выбрать нового мужа, Командор не отомщен, брошенная девушка утопилась («Русалка»), героиня «Метели» обречена остаться одинокой, убежавшая с гвардейцем дочь станционного смотрителя стала проституткой. Нет, нет, нет! Пушкин бросает Онегина к ногам Татьяны, как князя к ногам дочери мельника. У Пушкина женщина всегда права — слабый всегда прав. Пушкин видит и знает, что делается вокруг, — он не хочет этого. Он не согласен, он протестует — и борется всеми доступными ему средствами со страшной неправдой. Он требует высшей и единственной Правды. И тут Пушкин выступает (пора уже произнести это слово) как моралист, достигая своих целей не прямым морализированием в лоб, с которым, как мы только что доказали, Пушкин вел непримиримую войну, а средствами искусства.

9

С другой стороны, моя работа помогает установить до сих пор не уловленные комплексы Пушкина: боязнь счастья, т. е. потери его (т. е. неслыханного жизнелюбия), и загробной ревности = загробной верности (примеры: Ленский, Командор, Ксения Годунова, Дона Анна).

Однако гораздо существеннее всего этого, что после работы Берковского оказывается, что мы (совершенно независимо друг от друга) каким-то образом и различными методами пришли к сходному выводу. Так можно решить задачу и арифметическим и алгебраическим способом. То, что говорит Берковский о «Русалке», я говорю о «Каменном госте». (И еще, как я знаю, это можно и *должно* сказать о «Повестях Белкина»). Корень, очевидно, в жадной и неистребимой жажде Пушкина *Истины* (справедливости), самой высокой и самой сокровенной. Поэтому он отдает князя *во власть* погубленной им девушки, Дон Гуана *во власть* убитого им Командора. И так как ни то, ни другое не может случиться естественным образом, то в первом случае он пользуется фольклором, во втором легендой о <El> Burlador <de> Sevilla <Севильский озорник>, и «бедная Инеза» оказывается мостиком, связавшим оба эти произведения, и дело не в том, что она дочь или жена мельника (мельница могла быть и ветряной из Дон Кихота...).

В статью

1

Строго говоря, Пушкин в «Каменном госте» сделал для своего героя то же, что Гёте сделал для народного мифа — «Фауст» и Байрон для своего Фауста — «Манфреда». Во всех трех случаях «миф» (комплекс моральных черт) получает некую реальную биографию, кроме контрастного слуги, который находится во всех мифах.

Байрон совершенно явственно приближает Манфреда к своему постоянному герою, т. е. к себе (напр., воспоминание об Астарте).

Полагаю, что и Гёте уступил своему герою большую часть своей души и биографии (напр., всю линию Гретхен, естественно, отсутствующую в мифе, где Фауст просто развратник и некромант, любовник призрака Елены Троянской).

2

Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбирать из семи бесов самого «скоростного», думать, что примерно через 150 лет скорость станет идолом человечества. Очевидно, она ею всегда была (см. миф о Фаусте, его постоянные полеты и мгновенные возвращения).

ВСЕ БЫЛО ПОДВЛАСТНО ЕМУ

Это было странное, загадочное существо — царскосельский лейб-гусар, живший на Колпинской улице и ездивший в Петербург верхом, потому что бабушке казалась опасной железная дорога, хотя не казались опасными передовые позиции, где, кстати говоря, поручик Лермонтов был представлен к награде за храбрость. Он не увидел царские парки с их растреллиями, камеронами, лжеготикой, зато заметил, как «сквозь туман кремнистый путь блестит». Он оставил без внимания знаменитые петергофские фонтаны, чтобы, глядя на Маркизову Лужу, задумчиво произнести: «Белеет парус одинокий...»

Он, может быть, много и недослушал, но твердо запомнил, что «пела русалка над синей рекой, полна непонятной тоской...».

Он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему. Но совершенно очевидно, что это невозможно, ибо он владеет тем, что у актера называют «сотой интонацией». Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы. Слова, сказанные им о влюбленности, не имеют себе равных ни в какой из поэзий мира.

Это так неожиданно, так просто и так бездонно:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно.

Если бы он написал только это стихотворение, он был бы уже великим поэтом.

Я уже не говорю о его прозе. Здесь он обогнал самого себя на сто лет и в каждой вещи разрушает миф о том, что проза — достояние лишь зрелого возраста. И даже то, что принято считать недоступным для больших лириков — театр, — ему было подвластно.

...До сих пор не только могила, но и место его гибели полны памяти о нем. Кажется, что над Кавказом витает его дух, переключаясь с духом другого великого поэта:

Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье...

<1964>

СЛОВО О ДАНТЕ

Sopra candido vel cinta d'uliva
Donna m'apparve, sotto verde manto
Vestita di color di fiamma viva¹.

Гвельфы и гибеллины давно стали достоянием истории, белые и черные — тоже, а явление Беатриче в XXX песни «Чистилища» — это явление навеки, и до сих пор перед всем миром она стоит под белым покрывалом, подпоясанная оливковой ветвью, в платье цвета живого огня и в зеленом плаще.

---

¹ В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

Д а н т е. Чистилище. XXX, 31—33.

Перевод М. Лозинского.

Я счастлива, что в сегодняшний торжественный день могу засвидетельствовать, что вся моя сознательная жизнь прошла в сиянии этого великого имени, что оно было начертано вместе с именем другого гения человечества — Шекспира на знамени, под которым начиналась моя дорога. И вопрос, который я осмелилась задать Музе, тоже содержит это великое имя — Данте.

...И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Для моих друзей и современников величайшим недостижимым учителем всегда был суровый Алигьери. И между двух флорентийских костров Гумилев видит, как

Изгнанник бедный Алигьери
Стопой неспешной сходит в ад.

А Осип Мандельштам положил годы на изучение творчества Данте, написал о нем целый трактат «Разговор о Данте» и часто упоминает великого флорентийца в стихах:

С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.

Подвиг перевода бессмертных терцин «Божественной комедии» на русский язык победоносно завершил Михаил Леонидович Лозинский. Эта работа была в моей стране высоко оценена критикой и читателями.

Все мои мысли об искусстве я соединила в стихах, освященных тем же великим именем:

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть,—
Но босой, в рубаше покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, нежной, долгожданной...

<1965>

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ

В Петербурге осенью 1913 года, в день чествования в каком-то ресторане приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый (то есть только для курсисток) вечер. Кому-то из устроительниц пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение «На деревянном мостике у края света».

Но я представила себе пышное петербургское ресторанный чествование, почему-то всегда похожее на поминки, фраки, хорошее шампанское, и плохой французский язык, и тосты — и предпочла курсисток.

На этот вечер приехали и дамы-патронессы, посвятившие свою жизнь борьбе за равноправие женщин. Одна из них, писательница Ариадна Владимировна Тыркова-Вергежская, знавшая меня с детства, сказала после моего выступления: «Вот Аничка для себя добилась равноправия».

В артистической я встретила Блока.

Я спросила его, почему он не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямотушием: «Оттого, что там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски».

К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он — с упреком — в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора». В это время он уже был известнейшим поэтом России. Я уже два года довольно часто читала мои стихи в Цехе поэтов, и в Обществе Ревнителей Художественного Слова, и на Башне Вячеслава Иванова, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада что-то вроде плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гидрой. Владеть залой очень трудно — гением этого дела был Зоженко. Хорош на эстраде был и Пастернак.

Меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» Блок посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь». Я стала отказываться: «Когда я читаю «Я надела узкую юбку», — смеются». Он ответил: «Когда

я читаю «И пьяницы с глазами кроликов», — тоже смеются.

Кажется, не там, но на каком-то литературном вечере Блок прослушал Игоря Северянина, вернулся в артистическую и сказал: «У него жирный адвокатский голос».

В одно из последних воскресений тринадцатого года я принесла Блоку его книги, чтобы он их надписал. На каждой он написал просто: «Ахматовой — Блок». (Вот «Стихи о Прекрасной Даме».) А на третьем томе поэт написал посвященный мне мадригал: «Красота страшна, вам скажут...» У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. Не случайно это стихотворение написано испанской строфой романсеро. И в последнюю нашу встречу за кулисами Большого драматического театра весной 1921 года Блок подошел и спросил меня: «А где испанская шаль?» Это последние слова, которые я слышала от него.

* * *

В тот единственный раз, когда я была у Блока, я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой».

Летом 1914 года я была у мамы в Дарнице, под Киевом. В начале июля я поехала к себе домой, в деревню Слепнево, через Москву. В Москве сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то, у какой-то пустой платформы, паровоз тормозит, бросают мешок с письмами. Перед моим изумленным взором неожиданно вырастает Блок. Я вскрикиваю: «Александр Александрович!» Он оглядывается и, так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов, спрашивает: «С кем вы едете?» Я успеваю ответить: «Одна». Поезд трогается.

Сегодня, через 51 год, открываю «Записную книжку» Блока и под 9 июля 1914 года читаю: «Мы с мамой ездили осматривать санаторию за Подсолнечной. — Меня беспробудно дразнит. — Анна Ахматова в почтовом поезде».

Блок записывает в другом месте, что я вместе с Дельмас и Е. Ю. Кузьминой-Караваевой измучила его по телефону. Кажется, я могу дать по этому поводу кое-какие показания.

Я позвонила Блоку. Александр Александрович со свойственной ему прямою и манерой думать вслух спросил: «Вы, наверное, звоните, потому что Ариадна Владимировна Тыркова передала вам, что я сказал о вас?» Умирая от любопытства, я поехала к Ариадне Владимировне на какой-то ее приемный день и спросила, что сказал Блок. Но она была неумолима: «Аничка, я никогда не говорю одним моим гостям, что о них сказали другие».

«Записная книжка» Блока дарит мелкие подарки, извлекая из бездны забвения и возвращая даты полузабытым событиям: и снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы, а я с моим спутником с ужасом глядим на это невиданное зрелище, и у этого дня есть дата — 11 июля 1916 года, отмеченная Блоком.

И снова я уже после Революции (21 января 1919 г.) встречаю в театральной столовой исхудалого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете».

А вот мы троим (Блок, Гумилев и я) обедаем (5 августа 1914 г.) на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилев уже в солдатской форме). Блок в это время ходит по семьям мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».

А через четверть века все в том же Драматическом театре — вечер памяти Блока (1946), и я читаю только что написанные мною стихи:

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

1965

ЛОЗИНСКИЙ

Завтра день молитвы и печали.

Меня познакомила с ним Лиза Кузьмина-Караваяева в 1911 на втором собрании Цеха поэтов¹ (у нее) на Манежной площади. Это была великолепная квартира Лизи-

¹ На этот вечер не пошел Блок (См. «Записные книжки») — Прим. Анны Ахматовой.

ной матери (Пиленко), рожденной чуть ли не Нарышкиной. Сама Лиза жила с Митей Кузьминым-Караваяевым по-студенчески. Внешне Михаил Леонидович был тогда элегантным петербуржцем и восхитительным остряком, но стихи были строгие, всегда высокие, свидетельствующие о напряженной духовной жизни¹. Я считаю, что лучшее из написанных тогда мне стихов принадлежит ему («Не забывшая»).

Дружба наша началась как-то сразу и продолжалась до его смерти (31 января 1955 г.). Тогда же, т. е. в 10-х годах, составилась некий триумвират: Лозинский, Гумилев и Шилейко. С Лизой Гумилев играл в карты, они были на «ты» и называли друг друга по имени-отчеству. Целовались, здороваясь и прощаясь. Пили вместе так называемый «флогистон» (дешевое разливное вино). Оба, Лозинский и Гумилев, свято верили в гениальность третьего (Шилея) и, что уже совсем непростительно,— в его святость. Это они (да простит им Господь) внушили мне, что равного ему нет на свете. Но это уже другая тема.

Лозинский окончил два факультета СПб университета (юридический для отца и филологический для себя) и был образованнее всех в Цехе. (О шилейкинском чаромутии не берусь судить). Это он при мне сказал Осипу, чтобы тот исправил стих «И отравительница Федра», потому что Федра никого не отравляла, а просто была влюблена в своего пасынка. Гуму он тоже не раз поправлял мифологические и прочие оплошности².

Шилейко толковал ему Библию и Талмуд. Но главное, конечно, были стихи.

Гумилев присоветовал Маковскому пригласить Лозинского в секретари в «Аполлон». Лучшего подарка он не мог ему сделать. Бездельник и болтун Маковский (Рарà Масó, или «Моль в перчатках») был за своим секретарем, как за каменной стеной. Лозинский прекрасно знал языки и был до преступности добросовестным человеком. Скоро он начал переводить, счастливо угадав, к чему «ведом»³. На этом пути он достиг великой славы и оставил образцы непревзойденного совершенства. Но все это гораздо позже. Тогда же он ездил с Татьяной Борисовной

---

¹ Это те стихи, которые нынче никто не любит. Его и не любили. «Горный ключ» успеха не имел.— *Прим. Анны Ахматовой.*

² Например, «Самотрасская победа — Самофракийская...».— *Прим. Анны Ахматовой.*

³ См. Бенвенуто Челлини. Пер. Лозинского.— *Прим. Анны Ахматовой.*

в оперу, постоянно бывал в «Бродячей Собаке» и возился с аполлоновскими делами. Это не помешало ему стать редактором нашего «Гиперборея»¹ (ныне библиографическая редкость) и держать корректуры моих книг. Он делал это безукоризненно, как все, что он делал². Я капризничала, а он ласково говорил: «Она занималась со своим секретарем и была не в духе». Это на «Тучке», когда мы смотрели «Четки»³, и через много, много лет («Из шести книг», 1940): «Конечно, раз Вы так сказали, так и будут говорить, но может быть лучше не портить русский язык?» И я исправляла ошибку. Последняя его помощь мне: чтение рукописи «Марьон Делорм». Смотрел он и мои «Письма Рубенса», для чего заходил в Фонтанный Дом после работы в Публичной библиотеке.

Во время голода М. Л. и его жена еле на ногах держались, а их дети были толстые, розовые с опытной и тоже толстой няней. М. Л. был весь в фурункулах от недоедания...

* * *

В 30-ых годах — тяжелые осложнения в личной жизни: он полюбил молодую девушку. Она была переводчицей⁴ и его ученицей. Никаких подробностей я не знаю, и, если бы знала, не стала бы, разумеется, их сообщать, но на каком-то вечере во «Всемирной литературе» (Моховая, 36) она потребовала, чтобы он на ней женился, оставив семью. Все кончилось тем, что М. Л. оказался в больнице⁵. Она вышла замуж, но скоро умерла. Когда она умирала, он ходил в больницу — дежурил всю ночь.

* * *

Хворал он долго и страшно. В 30-х годах его постигло страшное бедствие: разрастание гипофиза, искажившее

---

¹ И даже устраивать гиперборейские пятницы в своем доме. См. «По пятницам в „Гиперборее“».

Расцвет акмеистичных роз...» — *Прим. Анны Ахматовой.*
² А какие-то чудачки читали доклады: «Пунктуация Ахматовой» — *Прим. Анны Ахматовой.*

³ «Вечер» он не смотрел. — *Прим. Анны Ахматовой.*

⁴ Конечно, и сама писала, и даже неплохо. — *Прим. Анны Ахматовой.*

⁵ Он много и подолгу лежал в больницах. Я всегда его навещала. Раз он сказал мне: «У меня так болела нога, что когда я увидел первого человека с воли — я заплакал». А когда показал мне (в Марининской больнице) фотоснимок разросшегося гипофиза, сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру». Сказал это совершенно спокойно. — *Прим. Анны Ахматовой.*

его. У него так болела голова, что он до 6-ти часов не показывался даже близким. Когда наконец справились с этим и с горловой чахоткой, пришла астма и убила его.

В прошлогодней телевизионной передаче (которую все же имеет смысл найти) я вспомнила много мелочей о Лозинском, кот. не следует забывать (о методе перевода «Divina Comedia» и др.).

В моей книге должна быть глава о моем дорогом незабвенном друге, образце мужества и благородства. (Это развить).

* * *

Последней его радостью были театральные постановки его переводов. Он пригласил меня на «Валенсианскую вдову». В середине действия я шепнула ему: «Боже мой, Михаил Леонидович,— ни одной банальной рифмы. Это так странно слышать со сцены». — «Кажется,— да», — ответил этот чудодей.

«Собака на сене» всегда имела оглушительный успех.

1. О переводе «Гамлета» и испанцев (с цитатой). Мелкие завистливые и невежественные люди уверяют, что «Гамлет» — тяжел, темен и т. п. Им не приходит в голову, что он именно таков в оригинале, а что Лозинский умел быть легким, прозрачным, летучим, как никто, мы знаем хотя бы из испанских комедий:

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . . (цитата)

2. О его советах (не читать чужой перевод, пока не кончишь свой), «Иначе память может сыграть с вами злую шутку».

* * *

Он был с нами в первые дни войны 1914 г. Ему я всегда давала Колины стихи с фронта (для «Аполлона»). Наша переписка сохранилась.

Мой рисунок Судейкина, который всегда висел в кабинете М. Л., возник так. Я пришла с Судейкиным в редакцию «Аполлона». К Лозинскому, конечно. (У Макó я никогда не была). Села на диван. Сергей Юрьевич нарисовал меня на бланке «Аполлона» и подарил Михаилу Леонидовичу.

* * *

Как все люди искусства, Лозинский влюблялся довольно легко. К моей Вале (она одно время работала в Публичной библиотеке) относятся «Тысячелетние глаза // И с цепью маленькие руки»¹ (браслет). И как истинный поэт предсказал свою смерть:

И будет страшное к истлению готово.

Это про свое тело. Еще молодой и здоровый, он словно видит себя искаженным грозным недугом. (Стихи от нач. 20-х годов)².

* * *

Лозинский до тонкости знал орфографию и законы пунктуации чувствовал, как люди чувствуют музыку: «Точка-тире — такого знака нет по-русски, а у Вас есть», — говаривал он, когда держал корректуру моих стихов.

Ах! одна в семье умеет
Грамоте она,—

постоянно говорил про него Гумилев.

Нечего говорить, что «Гиперборей» весь держался на Лозинском. Он, вероятно, почти всегда выкупал номер в типографии (кажется, 40 рублей), держал корректуру и совместно с синдиками приглашал сотрудников.

В другом месте я уже писала («Листки из дневника»), что когда был прокламирован акмеизм (1911), Лозинский (и В. В. Гиппиус) отказались примкнуть к новой школе. Кажется, даже от Бальмонта М. Л. не хотел отречься, что на мой взгляд уже чрезмерно.

* * *

«Многомятежно ремесло твое, о Царица», — часто говорил мне Лозинский, а я так и не знаю, откуда это. Очевидно из каких-то древних русских письменных источников.

* * *

Когда Шилейко женился на мне, он почти перестал из-за своей сатанинской ревности видаться с Лозинским.

¹ Цитата из стихотворения М. Л. Лозинского «Тебе ль не петь пэан хвалебный...» (1919) — «Дракон: Альманах стихов», 1-й вып. Пб., 1921, с. 14—15.

² Цитата из стихотворения М. Л. Лозинского «Так много милого, и сердцу не снести...» — «Альманах Цеха Поэтов» кн. 2. Пг., 1921, с. 25.

М. Л. не объяснялся с ним и только грустно сказал мне: «Он изгнал меня из своего сердца».

* * *

Ивановский, ученик и секретарь М. Л., сказал мне, что Лозинский ни одно письмо не отправлял, не оставив себе копии. Таким образом я могу быть уверена, что все его письма ко мне существуют, несмотря на то, что оригиналы большинства из них погибли у меня, потому что все, что у меня, неизбежно гибнет.

* * *

Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю. Какие-то дальние поездки на извозчике, когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов (Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон Царско-сельской железной дороги (это целый мир), и собрания Цеха, когда М. Л. говорил своим незабываемым голосом. (Как страшно мне было услышать этот голос на вечере Его памяти в Союзе, когда откуда-то сверху М. Л. стал читать которую-то песнь «Ада»).

* * *

О гражданском мужестве Лозинского знали все вокруг, но когда на собрании (1950) Правления, при восстановлении меня в Союзе ему было поручено сказать речь, все вздрогнули, когда он припомнил слова Ломоносова о том, что скорее можно отставить Академию от него, чем наоборот. А про мои стихи сказал, что они будут жить столько же, как язык, на котором они написаны.

Я с ужасом смотрела на потупленные глаза «великих писателей Земли Русской», когда звучала эта речь. Время было серьезное...

* * *

Теперь, когда я еду к себе в Будку, в Комарово, мне всегда надо проезжать мимо огромного дома на Кировском проспекте, и я вижу мраморную доску («Здесь он жил...») и думаю: «Здесь он жил, а теперь он живет в сердцах тех, кто знал его и никогда не забудет, потому что доброту, благородство и великодушие нельзя забыть».

1966

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ

Я очень верю тем, кто описывает его не таким, каким я его знала, и вот почему. Во-первых, я могла знать только какую-то одну сторону его сущности (сияющую) — ведь я просто была чужая, вероятно, в свою очередь, не очень понятная двадцатилетняя женщина, иностранка; во-вторых, я сама заметила в нем большую перемену, когда мы встретились в 1911 году. Он весь как-то потемнел и осунулся.

В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз. Тем не менее он всю зиму писал мне¹. Что он сочинял стихи, он мне не сказал.

Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли. Он все повторял: «*On communique*»². Часто говорил: «*Il n'y a que vous pour réaliser cela*»³.

Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни: его — очень короткой, моей — очень длинной. Дыхание искусства еще не оуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И всё божественное в Амедее только искрилось сквозь какой-то мрак.

У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, — он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

Жил он тогда (в 1911 году) в *Impasse Falguière*. Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

¹ Я запомнила несколько фраз из его писем, одна из них «*Vous êtes en moi comme une hantise*». («Вы во мне, как наваждение»). — *Прим. Анны Ахматовой.*

² О, передача мыслей (франц.).

³ О, это умеете только вы (франц.).

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или художника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевидно, он стал пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах. Очевидной подруги жизни у него тогда не было. Он никогда не рассказывал новелл о предыдущей влюбленности (что, увы, делают все). Со мной он не говорил ни о чем земном. Он был учтив, но это было не следствием домашнего воспитания, а высоты его духа.

В это время он занимался скульптурой, работал во дворике возле своей мастерской (в пустынном тупике был слышен стук его молоточка) в обличи рабочего. Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется — от пола до потолка). Воспроизведения их я не видела — уцелели ли они? — Скульптуру свою он называл *la chose*¹ — она была выставлена, кажется у *Indépendants*² в 1911 году. Он попросил меня пойти посмотреть на нее, но не подошел ко мне на выставке, потому что я была не одна, а с друзьями. Во время моих больших пропаж исчезла и подаренная им мне фотография этой вещи.

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (*tout le reste*) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют *Période nègre*³.

Он говорил: «*Les bijoux doivent être sauvages*»⁴ (по поводу моих африканских бус) и рисовал меня в них. Водил меня смотреть *le vieux Paris derrière le Panthéon*⁵ ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: «*J'ai oublié qu'il y a une île au milieu*»⁶. Это он показал мне настоящий Париж.

---

¹ Вещь (франц.).

² У Независимых (общество молодых художников) (франц.).

³ Негритянский период (франц.).

⁴ Драгоценности должны быть дикарскими (франц.).

⁵ Старый Париж за Пантеоном (франц.).

⁶ Я забыл, что посредине находится остров (Святого Людовика) (франц.).

По поводу Венеры Милосской говорил, что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях.

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни ходил с огромным очень старым черным зонтом. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксембургском саду, шел теплый летний дождь, около дремал *le vieux palais à l'Italienne*¹, а мы в два голоса читали Верлена, которого хорошо помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

Я читала в какой-то американской монографии, что, вероятно, большое влияние на Модильяни оказала Беатриса Х², та самая, которая называет его «*perle et pourceau*»³. Могу и считаю необходимым засвидетельствовать, что ровно таким же просвещенным Амедей был уже задолго до знакомства с Беатрисой Х., т. е. в 10-м году. И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить. Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни, в ноябре 1945 года в Фонтанном Доме, сказал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу «ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом.

Люди старше нас показывали, по какой аллее Люксембургского сада Верлен, с оравой почитателей, из «своего кафе», где он ежедневно витийствовал, шел в «свой ресторан» обедать. Но в 1911 году по этой аллее шел не Верлен, а высокий господин в безукоризненном сюртуке, в цилиндре, с ленточкой «Почетного легиона», — а соседи шептались: «Анри де Ренье!»

Для нас обоих это имя никак не звучало. Об Анатоле Франсе Модильяни (как, впрочем, и другие просвещенные парижане) не хотел и слышать. Радовался, что и я его тоже не любила. А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника, который был открыт в том же году. Да, про Гюго Модильяни просто сказал: «*Mais Hugo — c'est déclamatoire?*»⁴

* * *

Как-то раз мы, вероятно, плохо сговорились и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его не-

¹ Старый дворец в итальянском вкусе (франц.).

² Цирковая наездница из Трансвааля (см. статью P. Guillaume «*Les arts à Paris*», 1920, № 6, с. 1—2). Подтекст, очевидно, такой: «Откуда же провинциальный еврейский мальчик мог быть всесторонне и глубоко образованным?» — Прим. Анны Ахматовой.

³ Жемчужина и поросенок (франц.).

⁴ А Гюго — это декламатор? (франц.)

сколько минут. У меня в руках была охапка красных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я, от нечего делать, стала бросать в мастерскую цветы. Не дождавшись Модильяни, я ушла.

Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть,— они так красиво лежали...»

Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я, оторвавшись от стола, подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами...

То, чем был тогда Париж, уже в начале двадцатых годов называлось «*vieux Paris*» или «*Paris avant guerre*»¹. Еще во множестве процветали фиакры. У кучеров были свои кабачки, которые назывались «*Au rendez-vous des cochers*»², и еще живы были мои молодые современники, которые скоро погибли на Марне и под Верденом. Все левые художники, кроме Модильяни, были признаны. Пикассо был столь же знаменит, как сегодня, но тогда говорили «Пикассо и Брак». Ида Рубинштейн играла Соломею, становились изящной традицией дягилевские *Ballets Russes*. (Стравинский, Нижинский, Павлова, Карсавина, Бакст).

Мы знаем теперь, что судьба Стравинского тоже не осталась прикованной к десяткам лет, что творчество его стало высшим музыкальным выражением духа XX века. Тогда мы этого еще не знали. 20 июня 1910 года была поставлена «Жар-птица». 13 июня 1911 года Фокин поставил у Дягилева «Петрушку».

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в *Taverne de Panthéon* два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы — тут большевики, а там меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (*jupes-culottes*), то почти пеленали ноги (*jupes entravées*). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые ученики с превеликой неохотой слушали мэтра.

¹ «Старый Париж» или «Довоенный Париж» (франц.).

² «Встреча кучеров» (франц.).

Католическая церковь канонизировала Жанну д'Арк.

Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu'Anglois brûlerent à Rouen...¹

Я вспомнила эти строки бессмертной баллады, глядя на статуэтки новой святой. Они были весьма сомнительного вкуса, и их начали продавать в лавочках церковной утвари.

* * *

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в «Аполлоне» 1911 г.). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся.

* * *

Меня поразило, как Модильяни нашел красивым одного заведомо некрасивого человека и очень настаивал на этом. Я уже тогда подумала: он, наверно, видит все не так, как мы.

Во всяком случае, то, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе.

Рисовал он меня не с натуры, а у себя дома, — эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей комнате. Они погибли в царскосельском доме в первые годы революции. Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...

Больше всего мы говорили с ним о стихах. Мы оба знали очень много французских стихов: Верлена, Лафорга, Малларме, Бодлера.

Данта он мне никогда не читал. Быть может, потому, что я тогда еще не знала итальянского языка.

Как-то раз сказал: «J'ai oublié de vous dire que je suis juif»². Что он родом из-под Ливорно — сказал сразу, и что ему двадцать четыре года, а было ему двадцать шесть...

Говорил, что его интересовали авиаторы (по-теперешнему — летчики), но когда он с кем-то из них познакомился, то разочаровался: они оказались просто спортсменами (чего он ждал?).

---

¹ И добрая Жанна из Лотарингии, сожженная англичанами в Руане... (старофранц.)

² Я забыл вам сказать, что я еврей (франц.).

В это время ранние, легкие¹ и, как всякому известно, похожие на этажерки, аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современницей (1889) — Эйфелевой башней.

Она казалась мне похожей на гигантский подсвечник, забытый великаном среди столицы карликов. Но это уже нечто гулливеровское.

* * *

...а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск, а по парижским бульварам разгуливало в качестве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило — Чарли Чаплин. «Великий немой» (как тогда называли кино) еще красноречиво безмолвствовал.

* * *

«А далеко на севере»... в России умерли Лев Толстой, Врубель, Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоянии кризиса, и Александр Блок пророчествовал в стихах:

«О, если б знали, дети, вы
Холод и мрак грядущих дней...»

и

«Земле несущий динамит...»

и в прозе:

«Когда Великий Китай двинется на нас...» (1911 г.).

Три кита, на которых ныне покоится XX век, — Пруст, Джойс и Кафка — еще не существовали как мифы, хотя и были живы как люди.

* * *

В следующие годы, когда я, уверенная, что такой человек должен просиять, спрашивала о Модильяни у приезжающих из Парижа, ответ был всегда одним и тем же: не знаем, не слышали².

Только раз Н. С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его «пьяным чудовищем»

¹ См. у Гумилева:

На тяжелых и гулких машинах

Грозовые пронзять облака.— *Прим. Анны Ахматовой.*

² Его не знали ни А. Экстер (художница, из школы которой вышли все «левые» художники Киева), ни Б. Анреп (известный мозаичист), ни Н. Альтман, который в эти годы (1914—1915) писал мой портрет.— *Прим. Анны Ахматовой.*

или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того, что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно три года, и обоих ждала громкая посмертная слава.

К путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия — это подмена истинного действия. «Les chants de Maldoror»¹ постоянно носил в кармане; тогда эта книга была библиографической редкостью. Рассказывал, как пошел в русскую церковь к пасхальной заутрене, чтобы видеть крестный ход, так как любил пышные церемонии. И как некий, «вероятно очень важный господин» (надо думать — из посольства) похристосовался с ним. Модильяни, кажется, толком не разобрал, что это значит...

Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не услышу... А я услышала о нем очень много...

* * *

В начале нэпа, когда я была членом Правления тогдашнего Союза писателей, мы обычно заседали в кабинете Александра Николаевича Тихонова (Ленинград, Моховая, 36, издательство «Всемирная литература»). Тогда снова наладились почтовые сношения с заграницей, и Тихонов получал много иностранных книг и журналов. Кто-то (во время заседания) передал мне номер французского художественного журнала. Я открыла — фотография Модильяни... Крестик... Большая статья типа некролога; из нее я узнала, что он — великий художник XX века (помнится, там его сравнивали с Боттичелли), что о нем уже есть монографии по-английски и по-итальянски. Потом, в тридцатых годах, мне много рассказывал о нем Эренбург, который посвятил ему стихи в книге «Стихи о канунах» и знал его в Париже позже, чем я. Читала я о Модильяни и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала», и в бульварном романе, где автор соединил его с Утрилло. С уверенностью могу сказать, что это существо на Амедея десятого-одиннадцатого годов совершенно не похоже, а то, что сделал автор, относится к разряду запрещенных приемов.

Теперь у нас его знают все люди, интересующиеся современным искусством. А за границей он так знаменит, что ему посвящен фильм «Монпарнас, 19».

Болиево, 1958 — Москва, 1964

18 апреля 1964

¹ «Песни Мальдорора» (франц.).

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА¹

(О МАНДЕЛЬШТАМЕ)

1

...28 июля 1957 г.

...И смерть Лозинского каким-то образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспоминать что-то, что он уже не может подтвердить (о Цехе поэтов, акмеизме, журнале «Гиперборей» и т. д.). Последние годы из-за его болезни мы очень редко встречались, и я не успела договорить с ним чего-то очень важного и прочесть ему мои стихи тридцатых годов (т. е. «Реквием»). Вероятно, потому он в какой-то мере продолжал считать меня такой, какой знал когда-то в Царском. Это я выяснила, когда в 1940 году мы смотрели вместе корректуру сборника «Из шести книг».

Нечто похожее было с Мандельштамом (который, конечно, все мои стихи знал), но по-другому. Он вспоминать не умел, вернее, это был у него какой-то иной процесс, названия которому сейчас не подберу, но несомненно близкий к творчеству. (Пример — Петербург в «Шуме времени», увиденный сияющими глазами пятилетнего ребенка.)

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не слышала, чтобы он повторялся или пускал заигранные пластинки. С необычайной легкостью О. Э. выучивал языки. «Божественную комедию» читал наизусть страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю выучить его английскому языку, которого совсем не знал. О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например, к Блоку. О Пастернаке говорил: «Я так много думал о нем, что даже устал» и «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки». О Марине: «Я — антицветаевец».

В музыке О. был дома, и это крайне редкое свойство. Больше всего на свете боялся собственной немоты, называя

¹ Текст в настоящем виде опубликован В. Я. Виленкиным в журн. «Вопросы литературы», 1989, № 2. За основу публикатором принят наиболее полный по составу список «Листков из дневника», принадлежавший Л. Д. Большинцовой-Стенич. Недостающие в этом списке фрагменты взяты из других списков (ГПБ) и заключены в квадратные скобки. Подробнее об этом см. примечания.

ее удушьем. Когда она настигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия. Вторым и частым его огорчением были читатели. Ему постоянно казалось, что его любят не те, кто надо. Он хорошо знал и помнил чужие стихи, часто влюблялся в отдельные строки, легко запоминая прочитанное ему. Например:

На грязь горячую от топота коней
Ложится белая одежда брата-снега...

(Я помню это только с его голоса. Чье это?) Любил говорить про то, что называл своим «истуканством». Иногда, желая меня потешить, рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме «La jeune mère allaitant son enfant» он будто бы в ранней юности перевел так: «И молодая мать, кормящая со сна». Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на «Тучке» и хохотали до обморочного состояния, как кондитерские девушки в «Улиссе» Джойса.

Я познакомилась с Мандельштамом на «Башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, [с пылающими глазами и] с ресницами в полщеки. Второй раз я видела его у Толстых на Старо-Невском, он не узнал меня, и А<лексей> Н<иколаевич> стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя.

Это был мой первый Мандельштам, автор зеленого «Камня» (изд. «Акмэ») с такой надписью «Аннѣ Ахматовой — вспышки сознания в беспамятствѣ дней. Почти-точно — Авторъ».

Со свойственной ему прелестной самоиронией Осип любил рассказывать, как старый еврей, хозяин типографии, где печатался «Камень», поздравляя его с выходом книги, пожал ему руку и сказал: «Молодой человек, вы будете писать все лучше и лучше».

Я вижу его как бы сквозь редкий дым — туман Васильевского острова и в ресторане бывш. «Кинши» (угол Второй линии и Большого проспекта; там теперь парикмахерская), где когда-то, по легенде, Ломоносов пропил казенные часы и куда мы (Гумилев и я) иногда ходили завтракать с «Тучки». Никаких собраний на «Тучке» не бывало и быть не могло. Это была просто студенческая комната Николая Степановича, где и сидеть-то было не на чем.

Описания файфклока на «Тучке» (Георгий Иванов, «Поэты») выдуманы от первого до последнего слова. Н. В. Не-доброво > не переступал порога «Тучки».

Этот Мандельштам — щедрый сотрудник, если не соавтор «Антологии античной глупости», которую члены Цеха поэтов сочиняли (почти все, кроме меня) за ужином. («Лесбия, где ты была», «Сын Леонида был скуп».)

Странник! Откуда идешь? — Я был в гостях у Шилея.
Дивно живет человек, за обедом кушает гуся,
Кнопки ль коснется рукой, — сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,
Странник, ответствуй, молю, кто же живет на Восьмой?)

Помнится, это работа Осипа. Зенкевич того же мнения. Эпиграмма на Осипа:

Пепел на левом плече, и молчи -
Ужас друзей! — Златозуб.

(Это — «Ужас морей — однозуб»).

Это, может быть, даже Гумилев. Куря, Осип всегда стряхивал пепел как бы за плечо, однако на плече обычно нарастала горка пепла.

Может быть, стоит сохранить обрывки сочиненной «Цехом» пародии на знаменитый сонет Пушкина («Суровый Дант не презирал сонета»):

Valère Brussoff не презирал сонета,
Венки из них Иванов заплетал,
Размеры их любил супруг Анеты,
Не плоше ль их Волошин лопотал.

И многие пленялись им поэты,
Кузмин его извощиком избрал,
Когда, забыв воланы и ракеты,
Скакал за Блоком, да не доскакал!

Владимир Нарбут, этот волк заправский,
В метафизический сюртук <его> облек,
И для него Зенкевич пренебрег
Алмазными росинками Моравской.

Вот стихи (триолеты) об этих пятницах (кажется, В. В. Гиппиуса):

1

По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз.

.....
Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя,
Рукой лаская исполинской
Свое журнальное дитя.

2

У Николая Гумилева
 Высоко задрана нога,
 Для романтического сева
 Разбрасывая жемчуга.
 Пусть в Царском громко плачет Леда,
 У Николая Гумилева
 Высоко задрана нога.

3

Печальным взором и манящим
 Глядит Ахматова на всех.
 Был выхухолем настоящим
 Ее благоуханный мех.
 Глядит в глаза гостей молчащих
 . . . . .
 . . . . .

4

. . . Мандельштам Иосиф,
 В акменстическое ландо сев...

Недавно найдены письма О. Э. к Вячеславу Иванову (1909). Это письма участника Проакадемии (по «Башне»). Это Мандельштам-символист. Следов того, что Вяч. Иванов ему отвечал, пока нет. Их писал мальчик 18-ти лет, но можно поклясться, что автору этих писем — сорок. Там же множество стихов. Они хороши, но в них нет того, что мы называем — Мандельштамом.

Воспоминания сестры Аделаиды Герцык утверждают, что Вяч. Иванов не признавал нас всех. В 1911 году никакого пиетета к Вячеславу Иванову в Мандельштаме не было. Цех бойкотировал «Академию стиха». См., например:

Вячеслав, Чеслав Иванов,
 Телом крепкий как орех,
 Академию диванов
 Колесом пустил на Цех...

Когда в 191[5] году Вяч. Иванов приехал в Петербург, он был у Сологубов на Разъезжей. Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной подошел ко мне Мандельштам и сказал: «Мне кажется, что один мэтр — это зрелище величественное, а два — немного смешное».

В десятые годы мы, естественно, всюду встречались: в редакциях, у знакомых, на пятницах в «Гиперборее», т. е. у Лозинского, в «Бродячей собаке», где он, между прочим,

представил мне Маяковского, о чем очень потешно рассказывал Харджиеву в 30-х годах. Как-то раз в «Собаке», когда все шумно ужинали и гремели посудой, Маяковский вздумал читать стихи. Осип Эмильевич подошел к нему и сказал: «Маяковский, перестаньте читать стихи. Вы не румынский оркестр». Это было при мне (1912—1913). Остроумный Маяковский не нашелся что ответить. [Встречались и] в «Академии стиха» (Общество ревнителей художественного слова, где царил Вячеслав Иванов) и на враждебных этой «Академии» собраниях Цеха поэтов, где Мандельштам очень скоро стал первой скрипкой. Тогда же он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про черного ангела на снегу. Надя утверждает, что оно относится ко мне.

С этим черным ангелом дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное. Оно, кажется, никогда не было напечатано. По-видимому, это результат бесед с Вл. К. Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще «не умел» (его выражение) писать стихи «женщине и о женщине». «Черный ангел», вероятно, первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам:

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу растут.
(«Четки»)

Мне эти стихи Мандельштам никогда не читал. Известно, что беседы с Шилейко вдохновили его на стихотворение «Египтянин».

Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже. (См.: конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Н. Ст. был напудрен и в цилиндре).

Но в Петербурге акмеист мне ближе,
Чем романтический Пьеро в Париже.

Символисты никогда его не приняли.

Приезжал О. Э. и в Царское. Когда он влюблялся, что происходило довольно часто, я несколько раз была его confidentкой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его на синем фоне с закинутой головой (1914, на Алексеевской улице). Анне Михайловне он стихов не писал,

на что сам горько жаловался — еще не умел писать любовные стихи. Второй была Цветаева, к которой были обращены крымские и московские стихи; третьей — Саломея Андроникова (Андреева, теперь Гальперн, которую Мандельштам обессмертил в книге «Tristia» — «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне...»). Там был стих: «Что знает женщина одна о смертном часе...». Сравните мое — «Не смертного ль часа жду». Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове).

В Варшаву О. Э. действительно ездил, и его там поразило гетто (это помнит и М. А. Э.), но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила.

В начале революции (1920), в то время, когда я жила в полном уединении и даже с ним не встречалась, он был одно время влюблен в актрису Александринского театра Ольгу Арбенину, ставшую женой Ю. Юркуна, и писал ей стихи («За то, что я руки твои...» и т. д.). Рукописи якобы пропали во время блокады, однако я недавно видела их у Х.

Замечательные стихи обращены к Ольге Ваксель и к ее тени — «В холодной стокгольмской постели...» Ей же: «Хочешь, валенки сниму».

Всех этих дореволюционных дам (боюсь, что, между прочим, и меня) он через много лет назвал «нежными европейками»:

И от красавиц тогдашних, от тех европейок нежных,
Сколько я принял смущенья, насады и горя!

В 1933—34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. Ей посвящено, вернее, к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое), на мой взгляд лучшее любовное стихотворение 20 века («Мастерица виноватых взоров...»). Мария Сергеевна говорит, что было еще одно совершенно волшебное стихотворение о белом цвете. Рукопись, по-видимому, пропала. Несколько строк М. С. знает на память.

Надеюсь, можно не напоминать, что этот донжуанский список не означает перечня женщин, с которыми Мандельштам был близок.

Дама, которая «через плечо поглядела», — это так называемая Бяка (Вера Артуровна), тогда подруга жизни С. Ю. Судейкина, а ныне супруга Игоря Стравинского.

В Воронеже Осип дружил с Наташей Штемпель.

Легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана.

Архистратиг вошел в иконостас...
В ночной тиши запахло валерьяном.¹
Архистратиг мне задает вопросы,
К чему тебе . . . . . косы
И плеч твоих сияющий атлас...—

т. е. пародию на стихи Радловой — он сочинил из веселого зловредства, а не *rag dépit*² и с притворным ужасом где-то в гостях шепнул мне: «Архистратиг дошел!», т. е. Радловой кто-то сообщил об этом стихотворении.

Десятые годы — время очень важное в творческом пути Манделъштама, и об этом еще будут много думать и писать. (Виллон, Чаадаев, католичество...) О его контакте с группой «Гилея» — см. воспоминания Зенкевича.

Как воспоминание о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 г., кроме изумительных стихов к О. Арбениной, остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени — о вечерах поэзии, где имя Манделъштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком.

Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином дворе можно было собрать большой букет полевых цветов. Догнивали знаменитые петербургские торцы. Из подвальных окон «Крафта» еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность. Но стихи люди любили (главным образом, молодежь), почти так же, как сейчас, т. е. в 1964 г.

В Царском, тогда — «Детское имени товарища Урицкого», почти у всех были козы; их почему-то всех звали Тамарами.

Царское в 20-х годах представляло собою нечто невообразимое. Все заборы были сожжены. Над открытыми люками водопровода стояли ржавые кровати из лазаретов Первой войны, улицы заросли травой, гуляли и орали петухи всех цветов... На воротах недавно великолепного дома гр. Стенбок-Фермора красовалась огромная вывеска: Случной пункт. Но на Широкой так же терпко пахли по осеням дубы — свидетели моего детства, и вороны на соборных крестах кричали то же, что я слушала, идя по соборному скверу в гимназию, и статуи в парках глядели, как в 10-х

¹ Намек на Валерьяна Адольфовича Чудовского — верного рыцаря Радловой.

² С досады (франц.).

годах. В оборванных и страшных фигурах я иногда узнавала царскоселов. Гостиный двор был закрыт.

Все каменные циркули да лиры...—

мне всю жизнь кажется, что Пушкин это про Царское сказал. И еще потрясающее:

В великолепный мрак чужого сада —

самая дерзкая строчка из когда-нибудь прочитанных или услышанных мной (однако неплохо и «священный сумрак»)].

НАБРОСОК С НАТУРЫ

Что же касается стихотворения «Влоборота», история его такова. В январе 1914 г. Пронин устроил большой вечер «Бродячей собаки» не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители терялись там среди множества «чужих» (т. е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20—30) пошли в «Собаку» на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как вы стояли, как вы читали» и еще что-то про шаль (см. о Мандельштаме в воспоминаниях В. С. Срезневской). Таким же наброском с природы было четверостишие «Черты лица искажены». Я была с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (10-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строки.

О ЦЕХЕ ПОЭТОВ

Мандельштам довольно усердно посещал собрания «Цеха», но в зиму 1913/14 (после разгрома акмеизма) мы стали тяготиться «Цехом» и даже дали Городецкому и Гумилеву составленное Осипом и мною Прошение о закрытии «Цеха». Городецкий наложил резолюцию: «Всех повесить, а Ахматову заточить — (Малая, 63)». Было это в редакции «Северных записок».

Собрания Цеха поэтов с ноября 1911 по апрель 1912 (т. е. наш отъезд в Италию): приблизительно 15 собраний (по три в месяц). С октября 1912 по апрель 1913—приблизительно десять собраний (по два в месяц). (Не-

плохая пожива для «Трудов и Дней», которыми, кстати сказать, кажется, никто не занимается.) Повестки рассылала я (секретарь?!); Лозинский сделал для меня список адресов членов «Цеха». (Этот список я давала японцу Наруми в 30-х годах.) На каждой повестке было изображение лиры. Она же на обложке моего «Вечера», «Дикой порфиры» Зенкевича и «Скифских черепков» Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой.

ЦЕХ ПОЭТОВ 1911—1914

Гумилев, Городецкий — синдики; Дмитрий Кузьмин-Караваев — стряпчий; Анна Ахматова — секретарь; Осип Мандельштам, Вл. Нарбут, М. Зенкевич, Н. Бруни, Георгий Иванов, Адамович, Вас. Вас. Гиппиус, М. Моравская, Ел. Кузьмина-Караваева, Чернявский, М. Лозинский. Первое собрание у Городецких на Фонтанке: был Блок, французы... Второе — у Лизы на Манежной площади, потом у нас в Царском (Малая, 63), у Лозинского на Васильевском острове, у Бруни в Ак. Художеств. Акмеизм был решен у нас в Царском Селе (Малая, 63).

2

Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом.

[Душа его была полна всем, что свершилось].

Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огромным событием, и слово народ не случайно фигурирует в его стихах.

Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917—18 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9) — не в сумасшедшем доме, а в квартире старшего врача Вяч. Вяч. Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны.

Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию Художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной О. Э. на концерте Бутото-Незвановой в Консерватории, где она пела Шуберта (см. «Нам пели Шуберта...»). К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: «Я не искал в цве-

тушие мгновенья...» (декабрь 1917 г.), «Твое чудесное про-
изношение...»; ко мне относится странное, отчасти сбывшее-
ся предсказание:

Когда-нибудь в столице шалой,
На диком празднике у берега Невы,
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

А следующее — «Что поют часы-кузнечик (это мы вместе
топили печку; у меня жар — я мерю температуру). // Лихо-
радка шелестит, // И шуршит сухая печка, // Это красный
шелк горит...»

Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре
четверостишия:

1. «Вы хотите быть игрушечной...» (1911 г.).
2. «Черты лица искажены...» (10-е годы).
3. «Привыкают к пчеловоду пчелы...» (30-е годы).
4. «Знакомства нашего на склоне...» (30-е годы).

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих
записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам
не следует так часто встречаться, что это может дать
людям материал для превратного толкования наших отно-
шений.

После этого, примерно в марте, Мандельштам ис-
чез. [Однако тогда все вокруг было так раздрызгано, бес-
форменно, — кто-то исчезал навсегда, кто-то не навсегда,
и всем казалось, что они почему-то на периферии, — конеч-
но, не в теперешнем значении этого слова, — а центра-то
и не было (наблюдение Лозинского), — что исчезновение
Осипа Эмильевича меня не удивило.

О. М. в 3-м Зачатьевском].

В Москве Мандельштам становится постоянным со-
трудником «Знамени труда». Таинственное стихотворение
«Телефон», возможно, относится к этому времени:

На этом диком страшном свете
Ты, друг полночных похорон,
В высоком строгом кабинете
Самоубийцы — телефон!

Асфальта черные озера
Изрыты яростью копыт,
И скоро будет солнце: скоро
Безумный петел прокричит.

А там дубовая Валгалла
И старый пиршественный сон;
Судьба велела, ночь решала,
Когда проснулся телефон.

Весь воздух выпили тяжелые портьеры,
На театральной площади темно,
Звонок — и закружились сферы:
Самоубийство решено.

Куда бежать от жизни гулкой,
От этой каменной уйти?
Молчи, проклятая шкатулка!
На дне морском цветет: прости!

И только голос, голос-птица
Летит на пиршественный сон.
Ты — избавление и зарница
Самоубийства — телефон!

<Москва. Июнь 1918>

Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве осенью 1918 года. В 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила [особняк кн. Волконского. Там у меня была «казенная» квартира]. Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе — меньшевиками. В 1920 г. О. М. пришел ко мне на Сергиевскую, 7, чтобы сказать о смерти Н. В. Н<едоброво> в Ялте, в декабре 1919 г. Он узнал об этом несчастье в Коктебеле у Волошина. И никогда никто больше не мог сообщить мне никаких подробностей. Вот какое было время!

Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют *laide mais charmante*¹. С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день.

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не выходил из больницы и все время жил в каморке у больничного швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление.

В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе. И Надя, и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру, которая была неизменно повышенной, и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. О. Э. каждый день уезжал в Ленинград, пытаюсь наладить работу, получить за

¹ Некрасива, но очаровательна (франц.).

что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и так же по секрету записала («Хочешь, валенки сниму...»). Там он диктовал П. Н. Л <укницкому> свои воспоминания о Гумилеве.

Одну зиму Мандельштамы (из-за Надиного здоровья) жили в Царском Селе, в Лицее. Я была у них несколько раз — приезжала кататься на лыжах. Жить они хотели в полуциркуле Большого дворца, но там дымили печки или текли крыши. Таким образом возник Лицей. Жить там Осипу не нравилось. Он люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского и спекуляцию на имени Пушкина. К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение — в нем мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий пушкинизм был ему противен. О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» — Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е годы).

Мою «Последнюю сказку» — статью о «Золотом петушке» — он сам взял у меня на столе, прочел и сказал: «Прямо — шахматная партия».

Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад, сияло всем
(декабрь 1917 г.),—

конечно, тоже Пушкин. (Так он передает мои слова.)

[Вообще же темы «Мандельштам в Царском Селе» — нет и не должно быть. Это был корм не для него!]

Была я у Мандельштамов и летом в Китайской деревне, где они жили с Лившицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели и зияли дыры прогнивших полов. Для О. Э. нисколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский, и Карамзин. Уверена, что он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: «Пойдем в европейскую часть города», будто это Бахчисарай или что-то столь же экзотическое. То же подчеркнутое невнимание в строке — «Там улыбаются уланы». В Царском сроду уланов не было, а были гусары, желтые кирасиры и конвой.

В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Н. С. <Гумилева>):

«Дорогая Анна Андреевна,
пишем Вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой, хочется видеть Вас. Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется.

В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено. Мы уговорили П. Н. остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам»

Юг и море были ему почти так же необходимы, как Надя.

(На вершок бы мне синего моря
На игольное только ушко...).

Попытки устроиться в Ленинграде были неудачными. Надя не любила все, связанное с этим городом, и тянулась в Москву, где жил ее любимый брат Евгений Яковлевич Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот. В этой биографии поражает меня одна частность: в то время (в 1933 г.) как О. Э. встречали в Ленинграде как великого поэта, регопа grata и т. п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет и вспоминают еще и сейчас (1962), в Москве никто не хотел его знать и, кроме двух-трех молодых и неизвестных ученых-естественников, О. Э. ни с кем не дружил. (Знакомство с Белым было коктебельского происхождения.) Пастернак как-то мялся, уклонялся, любил только грузин и их «красавиц-жен». Союзное начальство вело себя подозрительно сдержанно.

Из ленинградских литературоведов всегда хранили верность Мандельштаму — Лидия Яковлевна Гинзбург и Борис Яковлевич Бухштаб — великие знатоки поэзии Мандельштама. Следует в этой связи не забывать и Цезаря Вольпе, который, несмотря на запрещение цензуры, напечатал в «Звезде» конец «Путешествия в Армению» (подражание древнеармянскому).

Из писателей-современников Мандельштам высоко ценил Бабеля и Зошенко. Михаил М<ихайлович> знал это и очень этим гордился. Больше всего М. почему-то ненавидел Леонова.

Кто-то сказал, что Н. Ч<уковск>ий написал роман. Осип отнесся к этому недоверчиво. Он сказал, что для романа нужна по крайней мере каторга Достоевского или десятины Льва Толстого. [В 30-х годах в Ленинграде О. М., встретив Федина где-то в редакции, сказал ему:

во относился к мирискусническому любованию старым (и не старым) Петербургом.

Кроме того, очень интересны подробности политических манифестаций у Казанского собора, которые свидетельствуют об очень пристальном внимании к этим событиям и заставляют вспомнить о том, что сам Осип сообщил для помещения в книгу «Писатели советской эпохи» (цитата).

Эта проза, такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя. Но зато я постоянно слышу, главным образом от молодежи, которая от нее с ума сходит, что во всем 20-м веке не было такой прозы. Это — так называемая «Четвертая проза».

Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. О. Э., который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: «Стихи сейчас должны быть гражданскими» и прочел «Под собой мы не чуем...» Примерно тогда же возникла его теория «знакомства слов». Много позже он утверждал, что стихи пишутся только как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических. О своих стихах, где он хвалит Сталина: «Мне хочется сказать не Сталин — Джугашвили» (1935), он сказал мне: «Я теперь понимаю, что это была болезнь».

Когда я прочла Осипу мое стихотворение «Уводили тебя на рассвете» (1935), он сказал: «Благодарю вас». Стихи эти в «Реквиеме» относятся к аресту Н. Н. П<унина> в 1935 году.

На свой счет Мандельштам принял (справедливо) и последний стих в стихотворении «Немного географии» («Не столицей европейской...»):

Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными — и тобой.

13 мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда (где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым). Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России (мне принесли его уже после бегства Ремизова — 1921 г.), и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.) для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей.)

Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выбро-

шенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной у Кирсанова играла гавайская гитара. Следователь при мне нашел «Волка» («За гремучую доблесть грядущих веков...») и показал О. Э. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в семь утра. Было совсем светло. Надя пошла к брату, я — к Чулковым на Смоленский бульвар, 8, и мы условились где-то встретиться. Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять они, опять обыск. Евг. Як. Хазин сказал: «Если они придут еще раз, то уведут вас с собой». Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Известия» к Бухарину, я — в Кремль к Енукидзе. (Тогда проникнуть в Кремль было почти чудом. Это устроил актер (Театра имени Е. Б. Вахтангова) Русланов, через секретаря Енукидзе.) Енукидзе был довольно вежлив, но сразу спросил: «А может быть, какие-нибудь стихи?» Этим мы ускорили и, вероятно, смягчили развязку. Приговор — три года Чердыни, где Осип выбросился из окна больницы, потому что ему казалось, что за ним пришли (см. «Стансы», строфа 4-я), и сломал себе руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место. Потом звонил Пастернаку. Остальное слишком известно.

Вместе с Пастернаком я была и у Усиевич, где мы застали и союзное начальство, и много тогдашней марксистской молодежи. Была у Пильняка, где видала Балтрушайтиса, Шпета и С. Прокофьева. Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш.

(А в это время бывший синдик Цеха поэтов бывший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: «Это строки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию», — так что даже в «Лит. газете», которая напечатала отчет об этом собрании, подлинное слово оратора были смягчены (см. «Лит. газету» 1934 года, май).

Б<ухарин> в конце своего письма к Сталину написал: «И П<астерна>к тоже волнуется». Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. «Если б мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?» — «Писательские организации не занимаются этим с 1927

года». — «Но ведь он ваш друг?» Пастернак замялся, и С<талин> после недолгой паузы продолжил вопрос: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Это не имеет значения»... Б. Л. думал, что С<талин> его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы.

...«Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить». — «О чем?» — «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку.

Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чем его не молила, как пишет Роберт Пейн. Эти сведения идут от Зины, которая знаменита бессмертной фразой: мои мальчики (сыновья) больше всего любят Сталина — потом маму. Женщин в тот день приходило много. Мне запомнилось, что они были красивые и очень нарядные, в свежих весенних платьях: еще не тронутая бедствиями Сима Нарбут, красавица «пленная турчанка» (как мы ее прозвали) — жена Зенкевича; ясноокая, стройная и необыкновенно спокойная Нина Ольшевская. А мы с Надей сидели в мятых вязанках, желтые и одеревеневшие. С нами были Эмма Герштейн и брат Нади.

Через пятнадцать дней, рано утром, Наде позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено, Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку все содержимое своей сумочки.

На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. День был ясный и светлый. Из каждого окна на нас глядели тараканьи усища «виновника торжества». Осипа очень долго не везли. Он был в таком состоянии, что даже они не могли посадить его в тюремную карету. Мой поезд (с Ленинградского вокзала) уходил, и я не дождалась. Братья, т. е. Евгений Яковлевич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам, проводили меня, вернулись на Казанский вокзал, и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась и он меня не видел, потому что от этого ему в Чердыни стало казаться, что я непременно погибла. (Ехали они под конвоем читавших Пушкина «славных ребят из железных ворот ГПУ».)

В это время шла подготовка к первому съезду писателей (1934 г.), мне тоже прислали анкету для заполнения. Арест Осипа произвел на меня такое впечатление, что

у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Д. Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе.

В феврале 1936 года я была у Мандельштамов в Воронеже и узнала все подробности его «дела». Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало, а арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда.

Пастернак и я ходили к очередному верховному прокурору просить за Мандельштама, но тогда уже начался террор, и все было напрасно.

Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

И в голосе моем после удущья
Звучит земля — последнее оружие...

Вернувшись от Мандельштамов, я написала стихотворение «Воронеж». Вот его конец:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед,

И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

О себе в Воронеже Осип говорил: «Я по природе ожидальщик. Оттого мне здесь еще труднее».

В начале 20-х годов (1922) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати («Русское искусство», №№ 1, 2—3). Этого мы с ним никогда не обсуждали. Но и о своем славословии моих стихов он тоже не говорил, и я прочла его только теперь (рецензия на «Альманах Муз» (1916) и «Письмо о русской поэзии», 1922, Харьков).

Там (в Воронеже) его, с не очень чистыми побуждениями, заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых». На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался совсем не таким уж хорошим, как мы думали. Он, очевидно, страдал какой-то разновидностью мании величия, если ему казалось, что стихи пишет не Осип, а он — Рудаков. Рудаков убит на войне, и не хочется подробно описывать его поведение в

Воронеже. Однако все идущее от него надо принимать с великой осторожностью.

Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах «Петербургские зимы» Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале двадцатых годов, и зрелого Мандельштама вовсе не знал,— мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи¹. Все годится и все приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой две-три книги достаточно «пикантных» мемуаров («Петербургские зимы» Г. Иванова, «Полутораглавый стрелец» Бен. Лившица, «Портреты русских поэтов» Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. Материальная часть черпается из очень раннего справочника Козьмина «Писатели современной эпохи» (М. 1928). Затем из сборника Мандельштама «Стихотворения» (1928) извлекается стихотворение «Музыка на вокзале» (точнее, «Концерт на вокзале») — даже не последнее по времени в этой книге. Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно — 1945 г. (на семь лет позже действительной смерти — 27 декабря 1938 года). То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама, хотя бы великолепный цикл «Армения» в «Новом мире» в 1930 г., Шацкого нисколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении «Музыка на вокзале» Мандельштам кончился, перестал быть поэтом, сделался жалким переводчиком, опустился, бродил по кабакам и т. д. Это уже, вероятно, устная информация какого-нибудь парижского Георгия Иванова.

И вместо трагической фигуры редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи, мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся существо. И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т. п. университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души лучший, старейший университет Америки.

Чудак? Конечно, чудак! Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают.

---

¹ Там фигурируют «саратовская деревня» Блока, рыжий Комаровский и я, собирающая подаяние.—Прим. Анны Ахматовой.

Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?»

С. Липкин и А. Тарковский и посейчас охотно повествуют, как Мандельштам ругал их юные стихи.

Артур Сергеевич Лурье, который близко знал Мандельштама и который очень достойно написал об отношении О. М. к музыке, рассказывал мне (10-е годы), что как-то шел с Мандельштамом по Невскому и они встретили невероятно великолепную даму. Осип находчиво предложил своему спутнику: «Отнимем у нее все это и отдадим Анне Андреевне» (Точность можно еще проверить у Лурье).

Очень ему не нравилось, когда молодые женщины любили «Четки». Рассказывают, что он как-то был у Катаевых и приятно беседовал с красивой женой хозяина дома. Под конец ему захотелось проверить вкус дамы, и он спросил ее: «Вы любите Ахматову?», на что та, естественно, ответила: «Я ее не читала», после чего гость пришел в ярость, нагрубил и в бешенстве убежал. Мне он этого не рассказывал.

Зимой в 1933—34 гг., когда я гостила у Мандельштамов на Нащокинском в феврале 1934 г., меня пригласили на вечер Булгаковы. Осип волновался: «Вас хотят сводить с московской литературой!» Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: «Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТа». Осип совсем рассердился. Он бегал по комнате и кричал: «Как оторвать Ахматову от МХАТа?»

Однажды Надя привезла Осипа встречать меня на вокзал. Он встал рано, озяб, был не в духе. Когда я вышла из вагона, сказал мне: «Вы приехали со скоростью Анны Карениной».

Комнатку (будущую кухню), где я у них жила, Осип прозвал — Капище. Свою называл Запьястье (потому что в первой комнате жил Пяст). А Надю называл Маманас (наша мама). Почему мемуаристы известного склада (Шацкий-Страховский, Э. Миндлин, С. Маковский, Г. Иванов, Бен. Лившиц) так бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, главным образом обывательскую точку зрения на поэта, а не склоняют голову перед таким огромным и ни с чем не сравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают совершенством и ниоткуда не идут?

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!

В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву, «к себе» в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне все свои новые стихи, но переписывать не давал никому. Много говорил о Наташе (Штемпель), с которой дружил в Воронеже. (К ней обращены два стихотворения: «Клейкой клятвой пахнут почки...» и «К пустой земле невольной припадая...».)

Уже год как, все нарастая, вокруг бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштамов была занята человеком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире. Разрешения остаться в столице Осип не получил. Х. сказал ему: «Вы слишком нервный». Работы не было. Они приезжали из Калинина и сидели на бульваре. Это, вероятно, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы — нищие» и «Нищим летом всегда легче».

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа, — «Как по улицам Киева-Вия...» (1937). Это было так. Мандельштамам было негде ночевать. Я оставила их у себя (в Фонтанном Доме). Постелила Осипу на диване. Зачем-то вышла, а когда вернулась, он уже засыпал, но очнулся и прочел мне стихи. Я повторила их. Он сказал: «Благодарю вас» и заснул. В это время в Шереметевском доме был так называемый «Дом занимательной науки». Проходить к нам надо было через это сомнительное заведение. Осип озабоченно спросил меня: «А может быть, есть другой занимательный выход?»

В то же время мы с ним одновременно читали «Улисса» Джойса. Он — в хорошем немецком переводе, я — в подлиннике. Несколько раз мы принимались говорить об «Улиссе», но было уже не до книг.

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятным упорством требовал, чтобы в Союзе писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, по-видимому, «забыли» послать повестки, и никто не пришел. О. Э. по телефону приглашал Асеева. Тот ответил: «Я иду на «Снегурочку». А Сельвинский, когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они — он и Надя — приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню, куда. Все было, как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, сказал, у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу.

Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания О. Э. о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?..

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории около станции Черустье (в разгаре террора). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца (с 10 марта). О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы (Эммы Григорьевны Герштейн): «У подружки Лены (Осмеркиной) родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», — писала она.

От Осипа было всего одно письмо (брату Александру) из того места, где он умер. Письмо у Нади. Она показала мне его. «Где моя Надинька?» — писал Осип и просил теплые вещи. Посылку послали. Она вернулась, не застав его в живых.

Настоящим другом Нади все эти очень для нее трудные годы была Василиса Георгиевна Шкловская и ее дочь Варя.

Сейчас Осип Мандельштам — великий поэт, признанный всем миром. О нем пишут книги — защищают диссертации. Быть его другом — честь, врагом — позор. Готовят

академическое издание его произведений. Находка одного его письма — событие.

Для меня он не только великий поэт, но и человек, который, узнав (вероятно, от Нади), как мне плохо в Фонтанном Доме, сказал мне, прощаясь, — это было на Московском вокзале в Ленинграде: «Аннушка (он никогда в жизни не называл меня так), всегда помните, что мой дом — ваш». Это могло быть только перед самой гибелью...

8 июля 1963

Комарово

ПИСЬМА

С. В. фон ШТЕЙНУ

1

<1906>

Мой дорогой Сергей Владимирович, простите и Вы меня, я в тысячу раз более виновата в этой глупой истории, чем Вы.

Ваше письмо бесконечно обрадовало меня, и я буду очень счастлива возвратиться к прежним отношениям, тем более что более одинокой, чем я, даже быть нельзя.

Мой кузен Шутка называет мое настроение «неземным равнодушием», и мне кажется, что он-то совсем не равнодушен, и, на горе мое, ко мне.

Все это, впрочем, скучная чепуха, о которой так не хочется думать.

Хорошие минуты бывают только тогда, когда все уходит ужинать в кабак или едут в театр, и я слушаю тишину в темной гостиной. Я всегда думаю о прошлом, оно такое большое и яркое. Ко мне здесь все очень хорошо относятся, но я их не люблю.

Слишком мы разные люди. Я все молчу и плачу, плачу и молчу. Это, конечно, находят странным, но так как других недостатков я не имею, то пользуюсь общим расположением.

С августа месяца я день и ночь мечтала поехать на Рождество в Царское к Вале, хоть на три дня. Для этого я, собственно говоря, жила все это время, вся замирая от мысли, что буду там, где... ну, да все равно.

И вот Андрей объяснил мне, что ехать невысказанно, и в голове такая холодная пустота. Даже плакать не могу.

Мой милый Штейн, если бы Вы знали, как я глупа и наивна! Даже стыдно перед Вами сознаться: я до сих пор люблю В. Г.-К. И в жизни нет ничего, ничего, кроме этого чувства.

У меня невроз сердца от волнений, вечных терзаний и слез. После Валиных писем я переносу такие припадки, что иногда кажется, что уже кончаюсь.

Может быть, глупо, что я Вам это говорю, но хочется быть откровенной и не с кем, а Вы поймете. Вы такой чуткий и так хорошо меня знаете.

Хотите сделать меня счастливой? Если да, то пришлите мне его карточку. Я дам переснять и сейчас же вышлю Вам обратно. Может быть, он дал Вам одну из последних. Не бойтесь, я не «зажилю», как говорят на юге.

Вы хороший, что написали мне. Я Вам страшно благодарна. Что Вы делаете, думаете и выдаете ли Валерию?

Ваша Аня

Р. С. Тоника советую сунуть в... Андрей говорил мне, что он все тот же. Куда Вам писать?

Мой адрес: г. Киев, Меринговская ул., д. № 7, кв. 4, А. А. Горенко.

2

<1906>

Киев, Меринговская ул., 7, кв. 4

Мой дорогой Сергей Владимирович, совсем больна, но села писать Вам по очень важному делу: я хочу ехать на Рождество в Петербург. Это невозможно во-первых, потому, что денег нет, а во-вторых, потому, что папа не захочет этого. Ни в том, ни в другом Вы помочь мне не можете, но дело не в этом. Напишите мне, пожалуйста, тотчас же по получении этого письма, будет ли Кутузов на Рождество в Петербурге. Если нет, то я остаюсь с спокойной душой, но если он никуда не едет, то я поеду. От мысли, что моя поездка может не состояться, я заболела (чужое средство добиться чего-нибудь), у меня жар, сердцебиение, невыносимые головные боли. Такой страшной Вы меня никогда не видели.

Денег нет. Тетя пилит. Кузен Демьяновский объясняется в любви каждые 5 минут (узнаете слог Диккенса?). Что мне делать?

Когда я приеду, расскажу Вам одну удивительную историю, только напомните, я теперь все забываю.

Знаете, милый Сергей Владимирович, я не сплю уже четвертую ночь. Это ужас, такая бессонница. Кузина моя уехала в имение, прислугу отпустили, и когда я вчера упа-

да в обморок на ковер, никого не было в целой квартире. Я сама не могла раздеться, а на обоях чудились страшные лица! Вообще скверно!

У меня есть предчувствие, что я так-таки и не поеду в Петербург. Слишком уж я этого хочу.

Между прочим, могу сообщить Вам, что бросила курить. За это кузены чествовали меня.

Сергей Владимирович, если бы Вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное, ненужная, никому, никогда. Умереть легко. Говорил Вам Андрей, как я в Евпатории вешалась на гвоздь и гвоздь выскочил из известковой стенки? Мама плакала, мне было стыдно — вообще скверно.

Летом Феодоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом.

Милый, света нет.

Стихов я не пишу. Стыдно? Да и зачем?

Отвечайте же скорее о Кутузове.

Он для меня — в с е.

Ваша *Аннушка*

Р. С. Уничтожайте, пожалуйста, мои письма. Нечего и говорить, конечно, что то, что я Вам пишу, не может быть никому известно.

Аня

3

31 декабря 1906 г.

Дорогой Сергей Владимирович, сердечный припадок, продолжавшийся почти непрерывно 6 дней, помешал мне сразу ответить Вам. Неприятности сыпятся как из рога изобилия, вчера мама телеграфировала, что у Андрея скарлатина.

Все праздники провела у тети Вакар, которая меня не выносит. Все посылно издевались надо мной, дядя умеет кричать, не хуже папы, а если закрыть глаза, то иллюзия полная. Кричал же он два раза в день: за обедом и после вечернего чая. Есть у меня кузен Саша. Он был товарищем прокурора, теперь вышел в отставку и живет эту зиму в Ницце. Ко мне этот человек относится дивно, так что я сама была поражена, но дядя Вакар его ненавидит, и я была, право, мученицей из-за Саши.

Слова «публичный дом» и «продажные женщины» мер-

но чередовались в речах моего дядюшки. Но я была так равнодушна, что и ему надоело, наконец, кричать, и последний вечер мы провели в мирной беседе.

Кроме того, меня угнетали разговоры о политике и рыбный стол. Вообще скверно!

Может быть, Вы пришлете мне в заказном письме карточку Кутузова? Я только дам сделать с нее маленькую для медалиона и сейчас же вышлю Вам. Я буду Вам за это бесконечно благодарна.

Что он будет делать по окончании университета? Снова служить в Кр. Кресте? Отчего Вы не телеграфировали мне, как было условлено? Я день и ночь ждала телеграмму, приготовила деньги, платье, чуть билет не взяла.

Но уж такое мое счастье, видно!

Сейчас я одна дома, принимаю визиты, а в промежутках пишу Вам. Это, конечно, не способствует стройности моего письма — но Вы простите, да?

Пишите, когда будет время, о себе. Мы так давно не виделись.

Я буду на днях сниматься. Прислать Вам карточку?
Аня

Р. S. Тысяча пожеланий на Новый Год.

4

<Январь 1907 г.>

Милый Сергей Владимирович.

Если бы знали, какой Вы злой по отношению к Вашей несчастной belle-soeur¹. Разве так трудно прислать мне карточку и несколько слов.

Я так устала ждать!

Ведь я жду ни больше ни меньше как 5 месяцев.

С сердцем у меня совсем скверно, и только оно заболит, левая рука совсем отнимается. Мне не пишут из дому, как здоровье Андрея, и поэтому я думаю, что ему плохо.

Может быть, и Вы больны, что так упорно молчите. Я кончила жить, еще не начиная. Это грустно, но это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных.

Сереза! Пришлите мне карточку Г.-К. Прошу Вас в последний раз, больше, честное слово, не буду.

¹ Свояченица (франц.).

Я верю, что Вы хороший, настоящий друг, хотя Вы как никто знаете меня.

Ecrivez ¹.

Аня

5

2 февраля 1907 г.

Милый Сергей Владимирович, это четвертое письмо, которое я пишу Вам за эту неделю. Не удивляйтесь, с упрямством, достойным лучшего применения, я решила сообщить Вам о событии, которое должно коренным образом изменить мою жизнь, но это оказалось так трудно, что до сегодняшнего вечера я не могла решиться послать это письмо. Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните у В. Брюсова:

Сораспята на муку,
Враг мой давний и сестра,
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч внесен. Спешу. Пора.

И я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог и Вы, мой верный, дорогой Сережа. Оставим это

...всем судило Неизбежное,
Как высший долг — быть палачом.

Меня бесконечно радуют наши добрые отношения и Ваши письма, светлые желанные лучи, которые так нежно ласкают мою больную душу.

Не оставляйте меня теперь, когда мне особенно тяжело, хотя я знаю, что мой поступок не может не поразить Вас.

Хотите знать, почему я не сразу ответила Вам: я ждала карточку Г.-К. и только после получения ее я хотела объявить Вам о своем замужестве. Это гадко, и чтобы наказать себя за такое малодушие, я пишу сегодня, и пишу все, как мне это ни тяжело.

Вы пишете стихи! Какое счастье, как я завидую Вам. Мне нравятся Ваши стихотворения, я вообще люблю Ваш стиль.

Тетрадь Ваших стихов у нас, и когда я вернусь домой, я вышлю ее Вам, если Андрей не предупредил меня. Я не

---

¹ Пишите (франц.).

пишу ничего и никогда писать не буду. Я убила душу свою, и глаза мои созданы для слез, как говорит Иоланта. Или помните вещь Кассандру Шиллера. Я одной гранью души примыкаю к темному образу этой великой в своем страдании пророчицы. Но до величия мне далеко.

Не говорите никому о нашем браке. Мы еще не решили, ни где, ни когда он произойдет. Это — тайна, я даже Вале ничего не написала.

Пишите мне, Сергей Владимирович, мне стыдно просить Вас об этом, отнимать у Вас время, которое Вам так дорого, но Ваши письма — такая радость.

Зачем Вы называете меня Анна Андреевна? Ведь последний год в Царском эти церемонии уже совершенно вышли из употребления. Я — другое дело. Но ведь разница в годах и положении играет большую роль.

Пришлите мне, несмотря ни на что, карточку Вл. Викт. Ради Бога, я ничего на свете так сильно не желаю.

Ваша Аня

Р. С. Стихи Федорова за немногими исключениями действительно слабы. У него неяркий и довольно сомнительный талант. Он не поэт, а мы, Сережа, — поэты. Благодарю Вас за Сонеты, я с удовольствием их читала, но должна сознаться, что больше всего мне понравились Ваши заметки. Не издает ли А. Блок новые стихотворения — моя кузина его большая поклонница.

Нет ли у Вас чего-нибудь нового Н. С. Гумилева? Я совсем не знаю, что и как он теперь пишет, а спрашивать не хочу.

6

<февраль 1907 г.>

Мой дорогой Сергей Владимирович, я еще не получила ответа на мое письмо и уже снова пишу. Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне — я так безумно счастлива. Он пишет мне непонятные слова, и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснение. Всякий раз, как приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосторожностями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недомогание. Это от страстности моего характера, не иначе. Он так любит меня, что даже страшно. Как Вы думаете, что скажет папа, когда узнает о моем решении? Если он будет против

моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь с Nicolas. Уважать отца я не могу, никогда его не любила, с какой же стати буду его слушаться. Я стала зла, капризна, невыносима. О, Сережа, как ужасно чувствовать в себе такую перемену. Не изменяйтесь, дорогой, хороший мой друг. Если я буду жить в будущем году в Петербурге, Вы будете у меня бывать, да? Не оставляйте меня, я себя ненавижу, презираю, я не могу выносить этой лжи, опутавшей меня...

Скорее бы кончить гимназию и поехать к маме. Здесь душно! Я сплю 4 ч. в сутки вот уже 5-й месяц. Мама писала, что Андрей поправился, я поделилась с ним радостью, но он мне (увы!) не поверил.

Целую Вас, мой дорогой друг.
Аня

7

11 февраля 1907 г.

Мой дорогой Сергей Владимирович, не знаю, как выразить бесконечную благодарность, которую я чувствую к Вам. Пусть Бог пошлет Вам исполнения Вашего самого горячего желания, а я никогда, никогда не забуду того, что Вы сделали для меня. Ведь я пять месяцев ждала его карточку, на ней он совсем такой, каким я знала его, любила и так безумно боялась: эlegantный и такой равнодушно-холодный, он смотрит на меня усталым, спокойным взором близоруких светлых глаз. Il est intimidant¹, по-русски этого нельзя выразить. Как раз сегодня Наня купила II-й сборник стихов Блока. Очень многие вещи поразительно напоминают В. Брюсова. Напр., стих. «Незнакомка», стр. 21, но оно великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением. Под моим влиянием кузина выписывает «Весы», в этом году они очень интересны, судя по объявлению. Если бы Вы знали, мой дорогой Сергей Владимирович, как я Вам благодарна за то, что Вы ответили мне. Я совсем пала духом, не пишу Вале и жду каждую минуту приезда Nicolas. Вы ведь знаете, какой он безумный, вроде меня. Но довольно о нем. Я когда-то проиграла Мешкову пари — мои стихи. Вероятно, он поэтому спрашивал Вас о них. Я хочу послать ему анонимно маленькую поэму, которая посвящается нашим прогулкам летом 1905 г. Если случайно знаете

¹ Запугивающий, вызывающий робость (франц.).

его адрес, сообщите, пожалуйста. Мы кутим, и Сюлери играет главную роль в наших развлечениях. Отчего Вы думали, что я замолчу после получения карточки? О нет! Я слишком счастлива, чтобы молчать. Я пишу Вам и знаю, что он здесь, со мной, что я могу его видеть,— это так безумно хорошо. Сережа! Я не могу оторвать от него душу мою. Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев—моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной.

Посылаю Вам одно из моих последних стихотворений. Оно растянуто и написано без искры чувства. Не судите меня как художественный критик, а то мне заранее страшно. В Вашем последнем письме Вы говорите, что написали что-то новое. Пришлите, я буду ужасно (женское слово) рада видеть Ваши стихи. Вот хорошо, если бы мы когда-нибудь встретились. Еще раз благодарю Вас за карточку. Вы не знаете, что Вы сделали для меня, мой хороший!¹

Аня

8

Киев, 13 марта 1907 г.

Мой дорогой Сергей Владимирович, я прочла Ваше письмо, и мне стало стыдно за свою одичалость. Только вчера я достала «Жизнь человека», остальных произведений, о которых Вы пишете, я совсем не знаю. Мне вдруг захотелось в Петербург, к жизни, к книгам. Но я вечная скиталица по чужим грубым и грязным городам, какими были Евпатория и Киев, будет Севастополь, я давно потеряла надежду. Живу отлетающей жизнью так тихо, тихо. Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух французские романы или Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души. Напишите, какого у вас в кружке мнения о Давиде Айзмани. Его сравнивают с Шекспиром, и это меня смущает. Неужели мы будем современниками гения? Летом наша семья будет жить на даче около Севастополя. В первых числах июня я еду туда и буду

---

¹ Далее идет стихотворение «Я умею любить...» — см. стр. 6 наст. тома.— *Составитель.*

в восторге, если Вы заедете к нам. Мы так давно не виделись!

Мое стихотворение «На руке его много блестящих колец» напечатано во 2-м номере «Сириуса», может быть, в 3-м появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории. Но я послала его слишком поздно и сомневаюсь, чтобы оно было напечатано.

Но если это случится, то напишите мне о нем Ваше откровенное мнение и покажите еще кому-нибудь из поэтов. Профаны хвалят его — это дурной признак. Не стесняйтесь, критикуя мое стихотворение или передавая отзывы других, — ведь я больше не пишу. Мне все равно!

Все ушло из души вместе с единственным освещавшим ее светлым и нежным чувством. Мне кажется, Вы хорошо понимаете меня.

...Из белых роз не свей венок,
Венок душисто-снежных роз,
Ты тоже в мире одинок,
Ненужной жизни тяжесть нес,

говорила я когда-то в крымском стихотворении «Весенний воздух властно смел».

Зачем Гумилев взялся за «Сириус»? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенес, и все понапрасну. Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает!

Пишите непременно.

Аннушка

P. S. Когда кончатся экзамены Г.-К?

9

<1907>

Дорогой Сергей Владимирович, хотя Вы прекратили со мной переписку весной этого года, у меня все-таки явилось желание поговорить с Вами.

Не знаю, слышали ли Вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими (это секрет), и, может быть, мне грозит туберкулез. Мне кажется, что я переживаю то же, что Инна, и теперь ясно понимаю состояние ее духа. Так как я скоро собираюсь покинуть Россию очень надолго, то решаюсь побеспокоить Вас просьбой прислать мне что-

нибудь из Инниных вещей на память о ней. Тетя Маша хотела бы передать мне дедушкин браслет, который был у Инны, и если Вы исполните ее просьбу, я буду Вам бесконечно благодарна. Но дело осложняется тем, что это вещь ценная, и я очень боюсь, как бы Вы не подумали, что я хочу иметь украшение, а не память. Вы так давно не видели меня, и Вам может показаться, что я пускаюсь на аферу. Прошу Вас, Сергей Владимирович, если у Вас явится такая мысль, не присылайте браслета или не отвечайте на это письмо, и тогда я его не хочу. Надеюсь, этого не будет, ведь когда-то мы были друзьями, и если Вы изменились ко мне, то я несколько к Вам.

Не пишите тете Маше, что я говорила Вам о браслете. Она может это неверно понять.

Не говорите, пожалуйста, никому о моей болезни. Даже дома — если это возможно. Андрей с 5 сентября в Париже, в Сорбонне. Я болею, тоскую и хую. Был плеврит, бронхит и хронический катар легких. Теперь мучаюсь с горлом. Очень боюсь горловую чахотку. Она хуже легочной. Живем в крайней нужде. Приходится мыть полы, стирать.

Вот она, моя жизнь! Гимназию кончила очень хорошо. Доктор сказал, что курсы — смерть. Ну, и не иду — маму жаль.

Увидя меня, Вы бы, наверно, сказали: «Фуй, какой морд».

Sic transit gloria mundi! ¹

Прощайте! Увидимся ли мы?

Аннушка

г. Севастополь, Малая Морская № 43, кв. 1

10

<Открытое письмо с почтовым штемпелем 29 X, 1910 г. Киев>

На днях возвращаюсь в Царское. Напоминаю Вам Ваше обещание навестить меня. Пожалуйста, передайте мое приглашение Екатерине Владимировне. О дне сговоримся по телефону. Здесь я проболела 2 недели.

Жму Вашу руку.

Анна Гумилева

---

¹ Так проходит земная слава! (лат.)

В. Я. БРЮСОВУ

1

<Не ранее октября 1910> Царское Село

Многоуважаемый Валерий Яковлевич, посылаю Вам четыре свои стихотворения. Может быть Вы сочтете возможным напечатать которое-нибудь из них. Я была бы бесконечно благодарна Вам, если бы Вы написали мне, надо ли мне заниматься поэзией. Простите, что беспокою.

Анна Ахматова

Мой адрес: Царское Село, Бульварная ул. д. Георгиевских. Анне Андреевне Гумилевой.

2

22 октября 1912 г.

Посылаю Вам, Валерий Яковлевич, несколько моих стихотворений, написанных на днях. Я не могла сделать этого раньше, потому что у меня родился ребенок и я ничего за всю осень не написала.

Уважающая Вас

Анна Ахматова

*Царское Село
Малая ул. 63*

А. А. БЛОКУ

<6 или 7 января 1914. Петербург>

Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы спугали номер квартиры, и они пролежали все это время у кого-то, кто с ними расстался с большим трудом. А я скучала без Ваших стихов.

Вы очень добрый, что надписали мне так много книг, а за стихи я Вам глубоко и навсегда благодарна. Я им ужасно радуюсь, а это удается мне реже всего в жизни.

Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное, и хочу для Вас радости. (Только не от него, конечно. Видите, я не умею писать, как хочу.)

Анна Ахматова

Тучков пер., 17, кв. 29

Н. С. ГУМИЛЕВУ

1

13 июля 1914. Слепнево

Милый Коля, 10-го я приехала в Слепнево. Нашла Левушку здоровым, веселым и очень ласковым. О погоде и делах тебе верно напишет мама. В июньской книге «Нового Слова» меня очень мило похвалил Ясинский. Соседей стараюсь не видеть, очень они пресные. Я написала несколько стихотворений, кот. не слышал еще не один человек, но меня это, слава Богу, пока мало огорчает. Теперь ты au courant¹ всех петербургских и литературных дел. Напиши, что слышно? Сюда пришел Жамм. Только получу, с почты же отошлю тебе. Прости, что я распечатала письмо Эноски, чтобы большой конверт весил меньше. Я получила от Чулкова несколько слов, написанных карандашом. Ему очень плохо и мне кажется, что мы его больше не увидим.

Вернешься ли ты в Слепнево? Или с начала августа будешь в Петербурге. Напиши мне обо всем поскорее. Посылаю тебе черновики моих новых стихов и очень жду вестей. Целую.

Твоя Аня

2

17 июля 1914. Слепнево

Милый Коля, мама переслала мне сюда твое письмо. Сегодня уже неделя, как я в Слепневе.

Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно кажется имеет право существовать. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Четок» что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

---

¹ В курсе (франц.).

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С недобрим чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего, там свершит надо мною страшную казнь Valère. Но думаю о горчайшем, уже перенесенном, и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый!

Целую

Твоя Анна

Лёвушка здоров и все умеет говорить.

Г. И. ЧУЛКОВУ

1

Июль 1914. Слепнево

Милый Георгий Иванович, не ссорьтесь со мной из-за моего молчания. Я так рада получать письма от Вас и отвечать, конечно, буду. А то, что Вы ни жить, ни умирать не хотите — для меня и есть самое понятное.

Здесь тихо, скучно и немного страшно. Вести извне звучат совсем невероятно, людей я не вижу и вообще как-то присмирела. Недавно начала писать, наконец, большую вещь, но, кажется, мне тишина мешает. И все вокруг такое померкшее, стертое и, главное, связанное с целым рядом горьких событий.

«Сатану» я прочла еще в Петербурге и нахожу, что это лучшая из Ваших вещей. Ник. Степ. просит меня Вам передать, что ему «Сатана» совсем понравился. Что вы теперь пишете? — Неужели Вам горы не мешают? Вы в Лозанне. Там все дома одного цвета, очень крутые улицы и очень много русских.

Знаете, я не верю, что Вы старый. Вы вообще не будете старым в дурном смысле этого слова.

Я, может быть, поеду на 6 недель в Швейцарию, в Leysin. Там мой брат лечится солнцем. Думаю о путешествии с радостью, здесь иногда бывает нестерпимо.

Кланяйтесь, пожалуйста, Надежде Григорьевне. Как она себя чувствует, отдохнула ли?

Не забывайте меня. Когда будут стихи, pošлю Вам непременно.

Анна Ахматова

Экземпляр «Жатвы», кот. Вы мне дали, я отдала, как Вы просили, Щеголеву, пот. что в тот же день получила свой.

2

15 марта 1930 г. Ленинград

Милый Георгий Иванович, благодарю Вас за хлопоты. Мне очень стыдно, что Вам приходится возиться с моими делами. Я ничего не могла найти из того, что нужно Вам послать. Знаю, что мои стихи были переведены на английский (отдельная книга, пер. Даддингтон), немецкий, французский, польский, японский, библейский (древнееврейский), украинский языки.

Нас выселяют из квартиры, потому что дом передается какому-то учреждению.

Целую Надежду Григорьевну и крепко жму Вашу руку.

Ахматова

Ф. К. СОЛОГУБУ

1

28 июля 1915 г. Слепнево

Мне было очень радостно, дорогой Федор Кузьмич, получить Ваше письмо. Спасибо, что вспомнили обо мне.

Я живу с моим сыном в деревне, Николай Степанович уехал на фронт, и мы о нем уже две недели ничего не знаем.

Пожалуйста, передайте мой привет Анастасии Николаевне. Желая Вам всего хорошего.

Анна Ахматова

2

«1923»

Дорогой Федор Кузьмич, из разговора с Н. Л. Алянкой я выяснила, что отдать Полярной Звезде мои стихи 1922 было бы прямым нарушением контракта. Мне очень жаль, что так вышло и что я раньше не привела в ясность вопроса о договоре. Жму Вашу руку.

Ваша *А. Ахматова*

А. И. ГУМИЛЕВОЙ

1

<Ноябрь 1917>

Милая Мама,

только что получила твою открытку от 3 ноября. Посылаю тебе Колино последнее письмо. Не сердись на меня за молчание, мне очень тяжело теперь. Получила ли ты мое письмо? Целую тебя и Леву.

Твоя Аня

2

<1926>

Дорогая моя Мамочка,

сейчас получила Ваши милые письма. Благодарю за поздравления и пожелания здоровья. Я очень старалась не хворать как в прошлом году.

Спасибо Левушке за письмо, только он напрасно думает, что я его отговаривала писать стихи. Его письмо П. Н. я передала, бабушке послала. Желаю вам всем отдохнуть за праздники от ваших девочек. Как здоровье Шурочки?

Целую крепко.

Твоя Аня

Л. М. РЕЙСНЕР

Октябрь, <1920>

Дорогая Лариса Михайловна,

пожалуйста, опустите в Риге это письмо. Оно написано моей племяннице, о которой семья давно не имеет вестей. Отправив это письмо, Вы окажете мне очень большое одолжение. Желаю Вам счастливого пути, возвращайтесь к нам здоровой и радостной.

Вольдемар Вам кланяется.

Ваша Ахматова

А. Э. ВАКАР

Ханне Лейбовне Маламуд для Анны Эразмовны Вакар
Деражня Юго-Зап. ж. д. (Подольской губ.), собств. дом
Перевод на 20 руб.
от Анны Андреевны Шилейко
Ленинград ул. Халтурина д. 5 кв. 12

Милая тетя Анна, посылаю Вам 20 рб. 15 рублей для Вас и пять мамочке.

Целую Вас и маму. Привет дяде. Как Ваше здоровье, поправились ли Вы.

Судейкина в Париже, работает (шьет) и кажется довольна своей судьбой.

Не забывайте меня, маме пишу открытку.

Жду от Вас вестей на адрес Н. Н. Пунина.

Ваша Анна

<25.V.1925>

В. К. ШИЛЕЙКО

1

Ленинград 20.XII.24
<Адрес:> Москва. Пречистенка, 21. Владимиру Казимировичу Шилейко.

Дорогой Володя, Тапа очень болен, и завтра утром я отвезу его в лечебницу для животных на В. О. Думаю, что в таком виде его трудно отправить в Москву, напиши как быть. Он очень тихий, кроткий, но, с тех пор как ты уехал, заскучал и на спине у него что-то вроде чесотки.

Не огорчайся очень, может быть все будет хорошо. Спасибо за письма.

У меня все по-старому, жалования в Академии еще не получала. Сегодня ко мне зайдет Бороздин. Целую.

Твоя сестра Акума

2

<1924>

Милый Володя,

вчера наконец я взяла Тапу из больницы, где он провёл ровно месяц. Посылаю тебе больничную квитанцию. Чтобы кормить его и долечивать дома, у меня нет денег,

заплатить за квартиру я тоже не могу. Пожалуйста, пришли мне доверенность на получение денег из Университета (Лукницкий уехал на юг, и июльское жалованье не получено). Здесь все по-старому. Будь здоров и передай мой привет Вере Константиновне. Жду ответа.

Твоя Ахматова

3

< Ленинград 17.I.25 >

Дорогой Володя,

Тапа дома, я продолжаю натирать его мазью, но совсем вылечить можно будет весной, когда не опасно стричь. Мне его очень жалко, он кроткий и трогательный. Напиши мне, как тебе живется, здоров ли ты? Пока в доме меня никто не обижает, квартирой я довольна. Скоро выйдут мои книги, уже была вторая корректура.

Обещают наводнение, но мы с Тапой не боимся.

Целую тебя. Не забывай

Акума

4

18 мая, 25.
СПБ

Володя, милый,

что ты нас забываешь? Я уже несколько дней дома — застала все в порядке. Вчера Тапу остригли, и он очень стыдится своей наготы. Здоровье мое все в том же положении. На той неделе, когда кончится какой-то медицинский съезд, лягу в больницу.

Как твоя работа и планы на зиму?

После Царского я задыхаюсь в Городе.

Целую тебя — Господь с тобой.

Твоя Анна

5

15 янв. 1926 г.
Гл. Почтамт.

Сейчас отправила, тебе, милый Букан, 45 рб. по телеграфу. Это академическое жалование, добавочные дадут дней че-

рез 8, сказал казначей. Посылаю тебе повестку из Университета, кот. принесли сегодня утром. Отчего ты не ответил мне на мое «спешное» письмо? Здоров ли, как дела? Напиши мне, не ленись и не сердись на меня до непосылания поцелуев и поклонов. Это очень горько.

Ваша Акума

Песынька здоров.
Добавочные вышлю, когда получу.

6

<1926>

Прости меня, милый Володя, что я так задержала деньги. Я была очень больна, две недели лежала и не могла добраться до Университета. Посылаю тебе повестку от декана, да ответь же ему хоть что-нибудь. Бокаччо не нашла, Эрмитажный сборник посылать ли? Ты наверно сам скоро явишься.

Я в печальных хлопотах о пенсии, из кот. кажется ничего не выходит. Новостей нет никаких. Т. тебя целует. Извести о получении денег, и вообще пиши.

Привет В. К.

Твоя Ахматова

Приписка: Маня у меня больше не служит.

7

23 сентября 1926.

Дорогой Володя, я приехала в Царское на несколько дней, живу в пустой квартире Рыбаковых. Очень беспокоюсь, чтобы не вышло путаницы с твоим возвращением в город. Пожалуйста, извести меня заблаговременно, чтобы тебе не пришлось к великому соблазну соседей ломать замки своего собственного дома.

Мой адрес: Детское Село. Полуциркуль Большого Дворца, кв. № 1, Рыбаковы.

Тапуся? Тапуся в порядке. Все находят, что он поправился. Говорить о себе нет силушки. Прости. Привет В. К. Приезжай. Твоя Ахматова.

30 января 1927.

Наш Букан, я больна, лежу, находят что-то вроде бронхита. Пожалуйста, береги себя и собаку. Не ленись топить, кушай по-человечески, по возможности не выходи — холод жестокий.

Что Плиний? Что Маня? Целую. Ваш Акум.

<1927?>

Володя, милый, ко мне заходил Стрелков, очень меня огорчил, рассказав, что ты себя дурно чувствуешь. Пожалуйста, выпишывай себе июньские деньги и приезжай. После больницы я заметно пободрела, но еще слаба. Таптан ждет тебя. Принимайся за сборы, не хандри, очень ты в Москве загостился. Целую тебя. Будь здоров.

Ваша Акума

О дне приезда предупреди открыткой.

<19.06.27>

Милый друг,

опускаю эту открытку в Москве, проездом в Кисловодск, где пробуду до 24—25 июля. Ввиду изъятия из обращения П. Н. я отдала твою Унив. книжку и ключи Анне Евгеньевне. Пошли ей твою засвидетельствованную подпись (без текста), если хочешь получить деньги. Нашего Тапу я вылечила сама, теперь он в порядке. Еду, белая ночь, душно и тошно.

Жму твою руку. Привет В. К.

А.

1 сент. 1927.

Милый Володя, спасибо за письмо. Тушин меня совсем замучил, опять лечу его сама — беда с ним. Пришли доверенность, надо заплатить Пуниным за его содержание, а у меня совсем нет денег.

Выписка твоя чудовищна, но выразительна чрезвычайно. У меня для тебя тоже кое-что есть. Писал ли тебе Лукницкий о водопроводчике? Кран в коридоре уже сняли, квартира без воды. Как быть?

До свидания. Извести, когда приедешь.

Акума

Привет Вере Константиновне.

12

<1927?>

Дорогой Володя,

вчера я была в твоей мраморной резиденции и прочла под воротами грозное распоряжение Управдома вносить квартплату немедленно и кроме того приказ переустроить электр. освещение до 15 окт. на свой счет, а не то электроток закроет свет. Пожалуйста, сообщи, как мне быть? — ты мне доверенности на сентябрь не прислал, у меня денег нет, чтобы внести квартирную плату, переустроить электричество и содержать Тушина.

Собака милая здорова.

До свидания. Жду вестей. Привет В. К.

Твоя Ахматова

13

16.9.27

Милый Друг,

номер дома Мурузи по Литейному 24, а по Пантелеймоновской 27. Управдому я заплатила за июнь-июль, что с пенями составило 55 р. и сколько-то коп. Водопроводчик ставит кран в кухне, дня через 3 все будет готово. Я хожу каждое утро на Миллионную, может быть следовало бы сделать небольшой ремонт? Пожалуйста, пришли доверенность. Надо заплатить хозяевам 20 рб. за Тушина, остальное вышло. Напиши, как быть с ключом, когда приедешь, зайдешь ли ко мне или нет.

Акум

<Сверху приписка> Лукницкий на Кавказе.

22 сентября <1927>

Милый Володя, получил ли ты мою открытку, где я сообщаю адрес мамы? Я жду от тебя доверенность, чтобы заплатить хозяевам за содержание Тушина. За квартиру (июнь-июль) заплачено 55 рублей, кот. я получила по прежней доверенности в Университете. Кран в кухне поставлен. Необходимо убрать квартиру, поручи мне нанять кого-нибудь для этого.

Собака чувствует себя сносно. Сообщи день приезда. За Тушина надо заплатить 20 рубл.

Ваша Акум

До свидания.

Милый Володя, посылаю деньги, переданные мне Лукницк. 20 рб. заплатила в больницу за Тушина. Квитанции вышли. Твоя расчетная книжка у меня. Напиши мне, когда приедешь. Будь здоров. Привет В. К.

Ахматова

8 августа 1928 г.

Милый друг, вот твое первое изображение. Надеюсь, ты разрешишь мне подарить его твоему сыну.

С Тапой большая беда. У него рак. Сегодня операция. Я возилась с ним все лето, но ему становилось только хуже.

Теперь он уже неделю в больнице, сказали, что надо резать. Содержание — 1 рубль в день, операция бесплатно. За лекарство я уже заплатила. У меня больше нет твоей доверенности, когда ты приедешь?

Очень жаль собаку, она всё понимает.

Привет В. К., поцелуй маленького.

Твоя Ахматова

26 ноября 1928 г.

Милый друг, посылаю тебе мои стихотворения. Если у тебя есть время сегодня вечером — посмотри их. Много я уже изъяла — очень уж плохо. Отметь на отдельной

бумажке то, что ты не считаешь достойным быть напечатанным. Завтра зайду. Прости, что беспокою тебя. Твоя
Ахматова.

О. А. ГЛЕБОВОЙ-СУДЕЙКИНОЙ

<1925?>

Милая моя Оленька,
посылаю тебе письмо Валентины Андреевны и картину одного из моих последних умираний. Сейчас я в Ц. С. Здесь еще очень хорошо несмотря на студеную осень и уже облетевшие парки.

Твое письмо от 26 сент. я читала с живой радостью, летняя же твоя «исповедь» привела меня в отчаяние. По ней я представила себе тебя в новом адском кругу со всеми аксессуарами предыдущего (телеф. звонки, rendez-vous blanc¹ и т. д.).

Н. И. ХАРДЖИЕВУ

1

<Ленинград, 1932 г.>

Милый Николай Иванович,
очень нехорошо, что ничего не знаю о Вас. Как Вам живется, что Вы делаете?

У нас очень плохо и скучно. Хотела написать Вам настоящее письмо, но вчера заболела Ира и я в хлопотах. Буду ждать вестей от Вас.

Ахматова

2

<Ленинград, 1932 г.>

Милый Николай Иванович, благодарю Вас за письмо. Если бы Вы знали, как приятно получить письмо от знакомого. Это со мной так редко случается. Рада, что Вы работаете и даже хотите приехать сюда. В конце месяца в Москву вернется Вера Федоровна Румянцева и привезет Вам письмо от меня. От Левы нет вестей: он не ответил никому из нас — не знаю, что думать. У нас все по-старому — только еще хуже.

¹ Платоническое свидание (франц.).

Вчера была в Эрмитаже. Пустыня. Выставка — «Период абсолютизма» — похожа на первоклассный магазин bris-a-bras'a, где-нибудь в Лондоне или Нью-Йорке. На меньшиковские палаты (их красят) нацепили огромный герб. Чудовищно! Н. Н. замучен музейными делами, зол и «несправедлив». Совершенно неожиданно для себя я получила госснабжение — это во многом облегчит мое положение дома.

Спите ли Вы теперь и что Осип и Надя?

Если будет оказия — напишите и, пожалуйста, не раздумывайте приехать.

Что Вы пишете о Пастернаке? Жду вестей и очень прошу быть бодрым и, если можно, веселым.

Ахматова

3

< Ленинград, февраль 1933 г. >

Милый Николай Иванович, послала Вам письмо с Вашим знакомым, поджидала ответ, но, вероятно, у Вас не было случая передать письмо. 14, днем, читаю в быв. Пушкинском Доме доклад о «Золотом Петушке».

Завтра Н. Н. едет на два дня в Москву для участия в жюри. Я думаю, что он позвонит Вам.

Живу какими-то остатками бодрости и, главное, не думать. Как Ваша работа?

Что слышно о Вашем приезде в Петербург?

Напишите мне.

Ахматова

От Левы нет вестей.

4

< Ленинград, лето 1933 г. >

Милый Николай Иванович, оба Ваши письма я получила. Благодарю Вас. Очень хочу в июле-августе приехать в Москву. Будете ли Вы в городе? Сегодня у меня был Вольпе. Книгу и письмо передала. О М. М. плохие вести. Просит хлеба. Николаша не арестован, конечно. Это московские сплетни, но очень настойчиво просит у меня портплед, который он Вам дал. Это, кажется, спешно. Простите. Спасибо за Чулкова и Левшина.

В Москве ли Пильняк, Толстая? Я здорова, как всегда летом. Привет В. Б.

Ваша *Ахматова*

Как же у Вас с комнатой?

5

< Ленинград > 9 августа 1933 г.

Милый Николай Иванович. В. Ф. Вам расскажет о моих неудачных сборах в Москву. Однако я еще не теряю надежду. Был ли у Вас Лев? Он обещал написать с дороги, и я начинаю беспокоиться.

Когда Вы займетесь Вашим здоровьем, пойдете к доктору? Не огорчайте друзей своим упорством.

Куда перевели М. М.?

Бонч предлагает мне продать мой архив.

Напишите несколько слов хоть по почте.

Ахматова

6

< Ленинград, 1934 г. >

Спасибо за альбом, он чудный. Когда я Вас теперь увижу, милый Николай Иванович, мне что-то очень скучно стало жить. Совсем не вижу людей, плохо работаю. Что Москва, после мая я отношусь к ней по-новому. Напишите мне.

Н. Н. купил газетные вырезки о футуризме за 13—15 г. г. Вот бы Вам.

Жму руку.

Ахматова

7

< Ленинград, 2-я половина 30-х гг. >

Милый Николай Иванович, я у Лидии Михайловны Андриевской (Кирочная 8, кв. 69), где Вы уже бывали с Люсей. Зайдите туда. Я непременно хочу с Вами пообщаться.

Ахм.

<Ташкент> 12 марта 1942 г.

Милый Николай Иванович, спасибо, что не забываете меня. Как Вы могли подумать, что я на Вас сержусь. Если хватит сил — приеду в Алма-Ату повидаться с Вами. Перенести здешнее лето будет очень трудно и Вам и мне.

Я закончила поэму, которая Вам когда-то нравилась. Из Ленинграда вестей нет.

Привет Шкловскому, Зошенке и Лиле Брик.

Пишите.

Ваша Ахматова

<Ташкент, конец апреля — начало мая 1942 г.>

Милый Николай Иванович, Виктор Борисович расскажет Вам обо мне и моей жизни в Ташкенте.

21 марта через Ташкент в Самарканд проехал с семьей Н. Н. Пунин. Он был в тяжелом состоянии, его нельзя было узнать. Недавно я получила от него письмо.

Милый друг, мне очень трудно — от Вл. Георг. вестей нет. Когда я Вас увижу — и где...

Пишите мне. Ну и жарко...

Ваша Ахматова

Ташкент, 25 мая 1942

Мой дорогой друг, вот случай передать Вам несколько слов. Много думаю о Вас и тревожусь за Вас. «Не теряйте отчаянье», как говорил когда-то наш друг. О себе говорить все труднее. Повидаться бы! Меня зовут в Алма-Ату, но все это так сложно. Вчера получила открытку от Гаршина. Он был психически болен и не писал мне пять месяцев. Жду вестей от Вас.

Ваша Ахматова

<Ташкент> 4 июля 1942 г.

Мой дорогой друг, письмо, которое привез мне сын Паустовского, глубоко тронуло меня. Благодарю Вас за доверие, за светлую дружбу, которая столько лет была моим утешением и радостью.

Сегодня получила письмо от Н. Н. Пунина. Он опять спрашивает Ваш адрес. Из Ленинграда получила несколько телеграмм — две из них от Вл. Георг.

Напишите мне, что Вам лучше, что мы скоро увидимся. И пусть все у Вас будет благополучно.

Ваша Ахматова

<Ташкент> 10 января 1943 г.

Дорогой Николай Иванович, наконец после долгого лежания в больнице — я дома. Благодарю Вас за память и внимание. Как печально, что мы не встретились в Средней Азии. Может быть это случится в Москве. Напишите о себе, не надо терять друг друга в такое время.

Ахматова

<Ташкент> 6 апреля 1943 г.

Дорогой друг, Ваша открытка была неожиданной и милой радостью. Но как жаль, что мы не встретились в Азии, где сегодня началась нежная зеленеющая свежая весна.

Живу в смертной тревоге за Ленинград, за Владимира Георгиевича. Болела много и тяжело. Стала совсем седой. Хотела послать Вам с Валерией Сергеевной мою «Поэму без героя», которая выросла и приобрела «Эпилог», но не успела все это переписать. Как-нибудь в другой раз.

От Левы телеграмма. Он здоров и поехал в экспедицию.

О возможности моего приезда в Москву поговорите с Вал. Серг.

Второе лето в Ташкенте я едва ли вынесу.

Получаю изредка письма от Ник. Ник. (адрес его: Самарканд, Октябрьская, 43. В. Академия Художеств.).

Передайте мой привет и благодарность Крученыху. Видаются ли с Бриками? И вообще как все происходит? И как давно я не видела Вас. Страшно, что листья на деревьях, кот. я застала в Ташкенте, выросли еще до войны, а теперь кажется — это было в прошлом существовании: Марьяна Роцца, и мои приезды в Москву, и проводы на вокзале.

Напишите мне, мой дорогой друг. Я Вас всегда помню.

Ваша Ахматова

14

<Ташкент> 14 апреля 1943 г.

Милый Николай Иванович, посылаю Вам «Поэму без героя» и несколько стихотворений. Есть ли возможность переправить и лично передать все это Вл. Георг. Гаршину (Л-д, 22, часть 053). Он работает в больнице Эрисмана, живет на улице Рентгена, 3.

Ждем с Надюшей вестей от Вас. Не забывайте. Вчера выступала на вечере Маяковского.

Привет.

Ахматова

15

<Ташкент> 2 июня 1943 г.

Совсем Вы меня забыли, Николай Иванович. А теперь все разлетаются из Ташкента и я шучу: «Фирса забыли, человека забыли!» — но шутка выходит кислая.

Что Москва? Что Брики? Что додольщик Крученых?

Отсюда всюду далеко — написала я в одном письме, а выехать невозможно.

У меня новый дом просторный, уединенный, пустынный. Я еще никогда не жила в таком пустынном доме, хотя руины и пустыри — моя специальность, как Вы знаете.

Получили ли Вы мою поэму и письма, которые везла Вам В. С. Познанская?

Если Вам трудно писать — пришлите телеграмму. Очень скучно так долго ничего не знать о Вас.

Ах да, сейчас мне приходит в голову послать Вам мою книгу, которая вышла здесь. По-моему, ее главная (и единственная) прелесть заключается в том, что на ней нигде не означено место ее выхода. От этого у нее такой уютный вороватый вид. Зелинского я называю: «составитель меня» (ради Бога — это между нами) и Надя говорит, что это не моя острова, а Осипа. Может — быть! Живу я над Надей — сейчас она у брата. Надя стала очень добрая и светлая — жалеет людей и безмерно кротка со мной. Левка уехал в тайгу, от него была телеграмма из Новосибирска. Вероятно экспедиция продолжится несколько месяцев. Владимир Георгиевич в Ленинграде. Он работает с 7¹/₂ ч. утра до 11 ч. в. без выходных дней. Во время обстрелов и бомбежек читает лекции и делает вскрытия и вообще представляет из себя то, что принято называть скромным словом — герой. Тем не менее меня все неотступно спрашивают: «Почему ваш муж не может устроиться?» Или: «Разве ему не полагается отдых?» — и так без конца.

Напишите о себе. Мой адрес: Жуковская ул., 54. Жму Вашу руку.

Ваша Ахматова

16

<Ташкент> 20 июня 1943 г.

Милый Николай Иванович,
наш (т. е. Надин и мой) друг Наталья Александровна Вишневская передаст Вам это письмо и расскажет о нас все, что Вам будет интересно узнать.

Я опять хвораю — нет сил подняться, а быть в Москве нужно и хочется.

В мае я послала Вам несколько писем с Познанской, Ася отвезла Вам мою книгу. Вероятно Вы молчите, потому что ждете моего приезда.

Сейчас узнала Римские новости. Каково?

Хочется (как всегда) сказать Вам много замечательных вещей, но меня торопят, или я сама тороплюсь.

Все-таки увидимся.

Привет Москве.

Ваша Ахматова

У нас температура 41°

<Ташкент, начало июля 1943 г.>

Милый Николай Иванович, благодарю Вас за телеграммы и Ваши хлопоты обо мне.

Сейчас еще все неясно. Как только что-нибудь выяснится — пошлю телеграмму. Завтра эта открытка полетит к Вам.

Привет от Нади.

А.

<Ташкент> 27 сентября 1943 г.

Дорогой Николай Иванович, что-то я стала беспокоиться о Вас. Здоровы ли Вы? — как Ваши дела, работа, настроение?

Сегодня получила хорошую телеграмму от Левы. Экспедиция, в которой он участвовал, закончилась, и он едет обратно в Норильск. Из Ленинграда мне пишут много и часто. В Самарканде умерла Анна Евгеньевна Пунина. Ее смерть очень поразила меня. Привет Москве. Напишите мне.

Ваша Ахматова

<Ташкент> 14 декабря 1943 г.

Дорогой Николай Иванович, как видите, я обрела в Средней Азии способность отвечать на письма. Относительно моего отъезда я высказалась эпиграмматически:

«Неуважительна причина,
Вам надлежало быть в пути».

«Да я уехала почти,
Но задержала... скарлатина».

Это я позавидовала лаврам Крученыха, которому прошу передать мой привет.

Благодарю Вас за письмо. Грустно, что для Вас квартирный вопрос не теряет остроты. Надюша больна, конечно, ей надо отсюда уехать.

До свидания.

Ваша Ахм.

< Ленинград, сентябрь 1950 г. >

Милый Николай Иванович, узнала у Ник. Мих. где Вы и умоляю сейчас придти.

Сегодня звонили из «Огонька», надо изменить один стих. Хочу Вашего совета. Жду.

Ахматова

< Ленинград > 6 октября 1954 г.

Милый Николай Иванович, очень огорчена вестью о Вашей болезни, тем более, что по своему опыту знаю, как редко сердечников укладывают в постель. Обычно врачи боятся отека легких и не позволяют лежать. Делали Вам уже электрокардиограмму? Это очень важно. Ее можно сделать и дома совершенно не шевелясь. Со мной это было в 1952 году. После чего меня немедленно отправили в больницу. Желаю Вам всего, всего хорошего. Привет Лидии Васильевне.

< Москва > 2 мая 1964 г.

Николай Иванович, посмотрите это. Куда поместить Ваш текст, не на 6-ую ли страницу?

Модильяни везет Александр Павлович Нилин. Иначе мы с Вами никогда бы не собрались — я ему бесконечно благодарна. Взгляните на рисунок и отдайте ему. Спасибо и с наступающим!

Анна Ахматова

Помните, как мы с Вами в этот день бродили по Ордынке и слушали Пасхальный звон.

Привет Лидии Васильевне.

А.

< Комарово > 1965 г.

Милый Николай Иванович, Ваш почитатель (Вы видели его у меня, когда приехала дочка Шагала) и мой соавтор по переводу Леопарди передаст Вам эту записку.

Дайте ему то, что Вы написали о рисунке Модильяни, и он (Анатолий Найман) расскажет Вам обо мне.

Я — в Будке — лета вовсе не было, и я совсем одичала. Скучно так долго ничего не знать о Вас.

Ахматова

24

<Надпись на книге «Бег времени»>

«Пусть эта книга будет памятником нашей тридцатипятилетней ничем не омраченной Дружбы. Николаю Ивановичу Харджиеву. Анна Ахматова 30 октября 1965 Москва».

М. Л. ЛОЗИНСКОМУ

1

<19 октября 1933 г. Ленинград>

Милый Михаил Леонидович.

У меня к Вам большая просьба: сын Лев перевел стихи и мечтает показать Вам свой перевод. Разрешите Льву приехать к Вам в удобное для Вас время и поговорить с Вами.

Что Гаспра? Что Москва? Позвоните мне — я соскучилась по Вас.

Ахматова

2

19 декабря 1942 г. Ташкент

Очень тронута вниманием. Нахожусь еще больнице. Выходит моя книга. Ваш друг,

Ахматова

3

24 июля 1943 г. Ташкент

Высылаю книгу. Сообщите здоровье. Адрес: Жуковского, 54. Крепко жму руку.

Ахматова

[7]—13 сентября 1943 г. <Ташкент>

Милый Михаил Леонидович,
очень рада, что моя книга дошла до Вас. Чувствую себя виноватой перед Вами — в прошлом году не ответила на два Ваших письма. Простите меня — я была в очень плохом состоянии и совсем не могла писать.

Благодарю Вас за телеграммы во время моей болезни и за то, что Вы известили меня об окончании Вашего прекрасного и всем нам нужного труда. Привет Т. Б. и Наташе.

Ахматова

Может быть, на днях уеду в Москву.
Напишите мне.

5

<23 января 1945 г. Ленинград>

Милый Михаил Леонидович,
пожалуйста, передайте Вл. Г. мамину красную шка-
тулку.

Я — больна. Лева — на фронте. Напишите мне несколько строк. Как Вы?

Привет Татьяне Борисовне.

Ахматова

6

<21 ноября 1952 г. Москва>

Сорок лет тому назад в этот день я в первый раз по-
здравила Вас, дорогой Михаил Леонидович.

Ахматова

7

8 февраля <1953 г. Ленинград>

Дорогой Михаил Леонидович,
вот два действия моей Марион, ошибок смысловых не
должно быть, но впрочем — хаос! Очень стыдно затруд-
нять Вас чтением моих попыток перевода, но предстоит

свидание со Смирновым, и я должна быть готова ко всему. Очень бы хотелось прочесть и скорее увидеть на сцене «Сон в летнюю ночь».

Напишите мне два слова.

Ваша *Ахматова*

Привет Вашей семье.

«Тартюф» продолжает оставаться моей настольной книгой.

8

<24 февраля 1953 г. Ленинград>

Дорогой Михаил Леонидович,
ко мне пришли и помешали окончить то большое письмо, о котором я говорила Вам сегодня по телефону. Но я окончу его и пришлю Вам на днях.

Благодарю Вас, дорогой друг, мне очень больно, что Вы потратили столько времени на чтение моей Марьоны.

Жму Вашу руку,

Ахматова

9

13 марта 1953 г. <Ленинград>

Мой дорогой друг,
простите, что задаю Вам еще несколько вопросов. Звонил Смирнов и сказал, что признает свою ошибку в вопросе о ремарках. Он вернул мне III действие. Меня начинает беспокоить его критика: вообще замечаний много, но на десятках страниц ни одной пометки, а на его листах длинные и довольно обидные рассуждения и объяснения, кто был Великий Могол, Химена и т. п. Не знаю, чем все это кончится. Если позволите — я еще раз попрошу Ваших советов по III—IV действиям.

Возвращаю с глубокой благодарностью «Тартюфа». Только теперь я могу оценить его. Какой высокий и совершенный труд! Есть ли у Вас Ваш новый перевод «Сна в летнюю ночь»? Когда будет, дайте почитать. Еще раз спасибо, милый Михаил Леонидович, мое большое письмо к Вам все растет. Я пришлю его до отъезда в Москву.

Ваша *Ахматова*

27 марта 1953 г. <Ленинград>

Дорогой Михаил Леонидович,
 поздравляю Вас с окончанием работы. Вчера не успела расспросить, сколько времени Вы трудились над Гюго. Ведь Вы его любите, правда? Я снова прошу Ваши мудрые советы, но теперь уже виден конец работы и я повеселела. А. А. крайне любезен и хвалит перевод. Сегодня перенесла все поправки на тот экземпляр, что посылаю Вам, и очень устала. Надеюсь весной повидаться с Вами. Благодарю,

Ваша Ахматова

12 апреля <1953 г. Ленинград>

Дорогой Михаил Леонидович,
 через час еду на вокзал. Припадок, о котором я говорила Вам сегодня по телефону, помешал мне написать Вам еще в Ташкенте задуманное письмо. Но оно живет во мне и все хорошеет и становится еще вернее.

Благодарю Вас за все, что Вы сделали для меня этой весной. Конечно, я была должна отказаться от перевода Гюго — мне это не по силам, но... Вы сами все знаете.

Позвоню из Москвы.

*Toujours cette folle*¹

Это экземпляр Marion для Акимова.

15 декабря 1953 г. <Ленинград>

Дорогой Михаил Леонидович,
 вот мой «Призыв души». Оригинулу 2300 лет. Один Бог знает, как это должно звучать. Простите, что снова докучаю Вам своими бредами, но для меня эта работа имеет особый смысл.

Еще раз благодарю Вас за напоминание А. А. о Marion. Вы не можете себе представить, как меня тронула Ваша заботливость. Завтра позвоню.

Toujours cette folle

---

¹ Все та же сумасбродка (франц.).

<23 февраля 1954 г. Москва>

Благодарю за память и поздравление. Скучаю по Ленинграду. Скоро приеду.

Ахматова

<21 ноября 1954 г. Ленинград>

От всей души поздравляю сегодняшним днем

Ахматова

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

12 июля <1935>

Милый Осип Эмильевич, спасибо за письмо и память. Вот уже месяц, как я совсем больна. На днях лягу в больницу на исследование. Если все кончится благополучно — непременно побываю у Вас.

Лето ледяное — бессонница и слабость меня совсем замучали.

Вчера звонил Пастернак, который по дороге из Парижа в Москву очутился здесь. Кажется я его не увижу — он сказал мне, что погибает от тяжелой психастении. Что это за мир такой? Уж Вы не болейте, дорогой Осип Эмильевич, и не теряйте бодрости.

С моей книжкой вышла какая-то задержка. До свидания.

Крепко жму Вашу руку и целую Надюшу.

Ваша Ахматова

Э. Г. ГЕРШТЕЙН

1

31 дек. 36 г. <Ленинград>

Милая Эмма, я до сих пор не поблагодарила Вас за Ваше осеннее гостеприимство и заботы обо мне. Простите меня. Уже четыре месяца я болею, сердце мешает мне жить и работать.

Сейчас мне принесут Вашу статью о Лермонтове, и я буду ее читать в новогоднюю ночь.

Меня сняли с пенсии, что, как вы можете себе представить, сильно осложняет мое существование.

Надо бы в Москву, да сил нет. Целую Вас крепко.

Ваша Анна

2

<7.1.1943. Ташкент>

Милая Эмма, простите, что не ответила Вам сразу. Знаю, что не сердитесь. В ноябре я чуть не умерла, теперь вернулась к жизни.

Целую. Анна

3

<Весна. 1943. Ташкент>

Дорогая Эмма,

месяца два тому назад Надя и я написали Вам по письму в ответ на Ваши изящные письма, но нашему эпистолярному искусству, очевидно, не повезло и оно потерпело аварию где-то в районе Ел. Мих. Фраткиной.

Напишите мне. Как живется Вам, где Сергей Борисович, Осмеркины?..

Мой Левка пишет, что поехал в экспедицию и рад этому.

Он здоров и благополучен.

19 марта я получила от него первую телеграмму.

Целую Вас

Ваша Ахматова

У меня было два тифа, и я лежала в 4-х больницах.

4

14 февр. 1944. <Ташкент>

Дорогая Эмма,

благодарю Вас за Ваше милое дружеское письмо. Теперь, да и всегда, голос друга — великое утешение.

Очень горько было узнать о Вашей утрате и знать, что во время такого тяжелого испытания Вы были одиноки.

Я получила московский вызов, жду ленинградского, о высылке которого уже имею телеграмму из Союза писателей.

Скоро увидимся.

Целую вас. Ваша Ахматова

Привет друзьям!

5

<Начало июня 1945. Ленинград>

Дорогая Эмма, еще раз благодарю Вас за письмо о Лева. Мне подали его одновременно с Левиным письмом. Последние месяцы я очень тревожилась, не получая от него с фронта ни слова. Я недавно узнала, что его бабушка умерла в декабре 1942 г. в Бежецке.

Поздравляю Вас с нашей общей Великой радостью — Победой.

Отчего Вы ни слова не написали о себе? Я так давно не была в Москве, что ничего о всех вас не знаю. Как Николай Иванович, Евгений Яковлевич? Где Вы работаете и занимаетесь ли Лермонтовым? Меня выбрали членом Пушкинской Комиссии. Я 16 дней пролежала из-за гриппа с осложнениями, только вчера встала. Целую.

Лева пишет свой адрес 28807-г, а Вы 28807-ч. Я послала две одинаковые открытки по этим двум адресам. Хоть одну он получит. Живу очень пустынно. Вижу мало людей.

Шлю привет и поздравления друзьям-москвичам.

6

15 июня <1945. Ленинград>

Милая Эмма,

Ваша телеграмма встревожила меня. Что называете Вы своим вторым письмом? Писали ли Вы мне еще или это относится к письму, в котором Вы переписали Левино письмо от 28 мая?

Сейчас посылаю Вам телеграмму: «Получила ваше письмо от 7-го июня». Пишу — 7-го, но в сущности даты не знаю — она так смазана.

Что случилось, Эмма?

Я хотела ответить Вам подробно, поговорив с Л. Я. Гинзбург относительно Ваших лермонтовских дел.

Не исключена возможность, что я скоро буду в Москве — Ардовы зовут меня на дачу.

Еще раз спасибо за все, милая Эмма!
Жду вестей.

Ваша *Ахматова*

Леве пишу часто, но пока ответа нет.

7

<Начало августа 1945. Ленинград>

Дорогая Эмма,

писал ли Вам Эйхенбаум? Я встретила его, как теперь говорят, на Эренбурге и заговорила о Вас. Он ответил вполне удовлетворительно. Сказал, что очень ценит Вашу работу, очень хочет работать с Вами, спросил, живете ли Вы еще на Щипке и т. п. Я, конечно, хотела написать Вам об этом сразу, но заболела и только вчера встала с постели. Левушка пишет довольно часто. Мне предлагают перевести несколько вещей Бараташвили и принять участие в его юбилее в октябре в Тбилиси. Тогда увидимся.—
Ваша *Ахматова*.

8

26 сент. <1952. Ленинград>

Милая Эмма, посылаю сегодня Ниночке мой перевод стихотворения Виктора Гюго («Надежды хрупкие...»). Его надо как можно скорее доставить в Гослитиздат, редактору Гюго Нине Ильиничне Куцошвили. Я очень прошу Вас это сделать, потому что у Ардовых он может завалиться. Стихи эти идут в юбилейном издании Гюго, и меня очень торопят их сдать.

Я бы позвонила Вам, но не доверяю Вашему телефону, памятуя, как плохо Вас вызывают. Позвоните мне, предупредив открыткой. Как Ваши дела и здоровье? В Ленинграде я чувствую себя хуже, чем в Москве, но пока все еще сносно.

Погола невообразимая. Целую Вас.

Ваша *Ахматова*

Позвоните в бухгалтерию Гослитиздата Е-1-89-45 и спросите, когда будут платить за осетин, и скажите, что я в Ленинграде.

2 октября <1954. Ленинград>

Милая Эмма Григорьевна, с трудом нашла Ваш адрес,— позвонить не могу — нет талона. В понедельник у меня начался озноб. t° 39,1. Позвали доктора, на другой день то же. Пенициллином сбили жар, но я до сих пор совсем больна. Работать не могу — слабость, удушье. Скорей всего это реакция на огорчения разного рода. Вы, наверно, сказали обо мне все, известные Вам, дурные слова. На большее я не надеюсь. Ирочка хворает. Аня вся в пятерках. Книга Ник. Ив. уже распродана. Петров пишет о ней и очень хвалит. Привет ему, т. е. не Петрову, и милым сестрам Игнатовым. Целую. Ваша Ахм.

10

<7 сентября 1955. Ленинград>

Благодарю письмо чувствую себя дурно — Ахматова

11

16.12 <1956. Ленинград>

Эмма, только вчера меня посетила И. Н. Томашевская, которой я передала Вашу просьбу к Пушк. Дому. Она обещала скоро все выяснить. Я погибаю от страшных головных болей, которые не дают мне заснуть. С ужасом думаю о горе, постигшем Вашу семью. Очень прошу Вас передать мой привет Вашей матушке и сестре. Ваше последнее письмо недоразумение. Я ничего у Вас не просила. Пенсия пришла. Ахм.

12

<25 июня 1957 г.>

Беспокоюсь ваше здоровье сама нездорова целую — Ахматова

13

25 окт. <1958 ? Ленинград>

Что с Вами? Не пугайте меня. Какие там ссоры. Бред. Лучше скажите, как Вы без одежды, питья, еды и почти без жилища умудряетесь делать архивные находки. По моему, Вас надо показывать за деньги.

В самом деле все это меня весьма тревожит.
Здесь ничего нового.

Целую. Ваша Ахматова

Что Надя?

В самом деле все у меня так плохо, что я больше ни на что не надеюсь. Впрочем, Эмма, Вы все знаете.

14

1 августа 1958. Комарово

Эмма!

На Ваш вопрос о моем здравии не так легко ответить. Во-первых, как Вы знаете, мне пошел семидесятый год и это одно не украшает самочувствия. Во-вторых, я ношу в себе четыре смертельные болезни, от которых никто и никогда не обещал мне исцеления, и каждая из них дает о себе знать. Короче говоря, сердце болит каждый день и ходить даже так, как до последней болезни, я не могу. Все это, вероятно, в порядке вещей, но думать об этом, а главное, формулировать все это в словах не так уж весело. Последний хирург, который смотрел меня в Ленинграде, сказал, что операция необходима, но невозможна из-за состояния сердца. Вот, кажется, и все. А впрочем, я живу обычно: сижу на крыльце, «хожу гулять» до дачи Плоткина, пытаюсь работать. Смерть М. М. тяжело поразила меня.

Обо всем остальном (весьма существенном), что содержит Ваше письмо, я надеюсь поговорить с Вами по телефону, когда доберусь до городской квартиры.

Где Маруся и как ее здоровье? Я не пишу ей, потому что вообще не могу писать, а еще потому, что она не может распечатывать письма (это следующий этап нашего с ней заболевания), но люблю ее и постоянно вспоминаю.

Лева договора не получил, и все замерло.

Целую. Ахматова

15

29 января <1959. Ленинград>

Милая Эмма,

Роман Альбертович подробно доложит Вам об исполнении Вашего поручения. Он был на высоте положения — звонил раз сто и добился результата.

Очень прошу Вас переписать эти четыре стихотворения Панта в моем переводе и доставить тов. Зимину в И-во Ин. Литературы — хотя бы по почте. Телефон Зимина ИИ-76-40. Позвоните ему сегодня же и скажите, что рукопись готова. Это очень спешно.

Я — плохая. Картину эту Вы так часто видели, что не стоит ее описывать. В феврале все же надеюсь быть в Москве.

Вчера приехал Боря Ардов. Говорит, что продолжает завидовать Вашему Павлику.

Я почти никого не вижу в Ленинграде — одна не выхожу.

Виноградов, кажется, по моей просьбе все сделал для Срезневских. Ак. Наук хлопочет за них.

Напишите мне несколько слов о себе, о Марусе.

Целую Вас.

Ваша Ахматова

16

<20 августа 1958. Комарово>

Вторично позвоню пятницу вечером письма Вяземского нужны могу дать деньги целую Ахматова

В. Г. ГАРШИНУ

2 октября 1941 г. Москва

Я благополучно приехала в Москву. Куда поеду дальше — не знаю. Чистополь, по-видимому, отпадает. Я здорова. Очень бы хотелось узнать хоть что-нибудь о Вас. Привет.

А.

И. Н. ТОМАШЕВСКОЙ

1

27 мая 42 г.

Дорогая Ирина Николаевна, сейчас узнала, что Вы остаетесь в Москве и Вам можно написать. Как много и напряженно я думала о Вас и всех

Ваших все эти месяцы. Как хочу знать все о Вас. С бесконечной благодарностью вспоминаю, как Вы и Борис Викторович были добры ко мне.

О Гаршине у меня не было вестей пять месяцев, и только вчера я получила от него открытку. Напишите мне о нем. Мне очень трудно.

Крепко Вас целую.

Привет Борису Викторовичу и Вашим детям.

Ваша Ахматова

Мой адрес: Ташкент, ул. Карла Маркса, 7.

2

17 июня <1942 г.>

Дорогая Ирина Николаевна, сейчас получила Ваше письмо. Благодарю Вас. Это первое подробное сообщение о Владимире Георгиевиче за все время. Как Вы добры ко мне. О себе сказать решительно нечего. Я здорова, живу в хороших условиях, каждый день вижу Л. К. Чуковскую. В. Г. мне не пишет. Шлю ему множество телеграмм. Доходят ли они! Передайте мой привет Бор. Викт.

Целую Вас.
Ваша Ахматова

Жива ли Л. М. Энгельгар<д>т?

3

4 апреля <1943 г.>

Дорогая моя, вот Вам и Б. В.— азийский подарок. Я сегодня получила письмо от моего Левы. Не знала о нем ничего семь месяцев и сходила с ума. Целую Вас. Привет друзьям.

Ахм.

Это письмо передаст Вам В. Берестов. Он очень хороший мальчик и пишет стихи.

Поговорите с Валей.

4

Дорогая Ирина Николаевна, по-видимому все мои письма к Вам пропали. Пропали и два Ваших. Это очень печально.

Валерия Сергеевна или Николай Иванович Харджиев покажут Вам мои стихи и поэму, над которой я много работала. Если можно, стихи и поэму надо доставить Владимиру Георгиевичу. Отсюда это очень трудно сделать. Буду Вам безмерно благодарна, если Вы поможете мне в этом.

Желаю Вам всего хорошего, часто Вас вспоминаю. Мы здесь стоим на пороге жары, которую почти нельзя вынести...

Целую Вас.

Ваша *Ахматова*

14 апр. 1943 г.

Привет Борису Викторовичу и Вашей милой дочке.
Адрес Гаршина: Л-д, 22. Часть 053.

Б

2 июня 1943 г. Ташкент

Мой дорогой друг, так как письма мои и Ваши — пропадали, мы совсем потеряли друг друга из вида. Теперь Ася расскажет Вам о моей жизни в Ташкенте. Самой мне даже не хочется говорить об этих скучных и пыльных вещах, о тупых и грязных сплетнях, нелепостях и т. д.

Я болела долго и тяжело. В мае мне стало легче, но сейчас начинается жара и, значит, гибель.

Книга моя маленькая, неполная и странно составленная, но все-таки хорошо, что она вышла. Ее читают уже совсем другие люди и по-другому.

Из Ташкента в Россию двинулась почти вся масса беженцев 1941 г. С Академией Наук уезжает 1000 человек.

Город снова делается провинциальным, сонным и чужим.

Из Ленинграда получаю письма только от Владимира Георгиевича. Он просит меня остаться в Ташкенте до конца.

Теперь без Цявловских я уже никогда ничего не буду знать о Вас. Это очень горько.

Сын мой Левушка поехал в экспедицию в тайгу — очень доволен. Все его сложности кончились 10 марта, но он остался прикрепленным к Норильску до конца войны.

Ничего не знаю о Лозинском, Лидии Яковлевне и тех немногих ленинградцах, с которыми я встречалась перед войной. На днях встретила на улице И. А. Орбели, который зачем-то приехал сюда из Эривана, и мы приветствовали друг друга, как тени в «Чистилище» Данте.

У меня новый дом, с огромными тополями за решеткой окна, какой-то огромной тихостью и деревянной лесенкой, с которой хорошо смотреть на звезды. Венера в этом году такая, что о ней можно написать поэму. А мою поэму Вы получили? Как Борис Викторович, кончил ли Ваш сын обучаться, что дочка?

Привет Пастернаку, Осмеркиным и всей далекой странной Москве. Отсюда всюду далеко. Целую Вас.

Ваша Анна

6

27 сент. <1943 г.>

Милая Ирина Николаевна, после очень долгого перерыва мне были особенно приятны вести от Вас. Спасибо, что не забываете.

У нас чудесная тихая и какая-то огромная осень. Я — четвертый день в постели, простужена и стерла ногу.

Из Ташкента все разъехались. Стало очень тихо и пустынно.

Получаю много писем из Ленинграда. Володя спрашивал меня о Вас. Когда мы увидимся? Привет всем вашим. Целую Вас.

Ваша Ахм.

Недавно получила восхитительное письмо от Б. Л. с совершенно изумительным анализом поэмы.

Завтра — вторая годовщина моего вылета из Ленинграда.

Помните этот день?

7

21 марта <1944 г.>

Дорогая Ирина Николаевна, вот уже два месяца, что я собираюсь выехать из Ташкента. Дело в том, что я каждую неделю получаю от Владимира Георгиевича телеграмму с извещением о высылке мне вызова «на днях». Последняя такая телеграмма подписана и Ольгой Берггольц. Московский вызов у меня давно на руках.

Как Вы, как Борис Викторович?

Очень бы хотела продолжить с ним разговор о строфах Пушкина.

Сейчас в Ташкенте рай. Все цветет буйно и блаженно: красивее всего цветет айва.

Передайте мой привет Зое, Борису Викторовичу, Лозинскому, Пастернаку, Осмеркину.

Все перестали мне писать, уверенные, что я уже в дороге.

Целую Вас.

Ваша *Ахматова*

Н. А. ОЛЬШЕВСКОЙ-АРДОВОЙ

1

<14 июля 1944 г.>

Сообщите здоровье целую вас нежно живу одна благодарю за все *Ахматова*

2

<6 августа 1944 г.>

Гаршин тяжело болен психически расстался со мной сообщаю это только вам *Анна*

3

9 августа <1944 г.>

Дорогая моя, спасибо за письмо — оно тронуло меня и напомнило Вас и себя, какой я была в мае. Получили ли Вы мою телеграмму, знаете ли мои новости? Я все еще не на Фонтанке, там нет воды, света и стекол. И неизвестно, когда все это появится. Была в Териоках (2 дня) — читала стихи раненым. Крепко целую Вас и детей. Привет маме, думаю о ее мучениях. И пусть мне напишет Николай Иванович.

Ваша *Анна*

Получила милое письмо от Ардова.

Простужена, лежу. Что-то неладно с сердцем.

2 августа 1945 г.

Дорогая Нина Антоновна, мне очень стыдно, что я не откликнулась на Вашу чудесную телеграмму и до сих пор не поблагодарила Вас и Виктора Ефимовича за Вашу неизменную доброту и дружескую заботу обо мне.

Право, я всего этого не стою.

Часто и нежно вспоминаю Вас обоих. Будьте здоровы и счастливы. Целую Ваших мальчиков. Напишите два слова.

Ваша Ахматова

<19 февраля 1947 г.>

Моя Нина, как давно я ничего не знаю о Вас. Это очень скучно. Я долго и тяжело болела осенью, потом встала, как ни в чем ни бывало, теперь опять хвораю. Занимаюсь Пушкиным — «Маленькими трагедиями» и «Повестями Белкина».

Целую Вас — привет Вашему милому дому.

Ваша Ахматова

6 февраля 1955 г., Ленинград

Дорогая моя, нижнее место я получила, когда тронулся поезд. Хорошо спала — приехала бодрая. Вчера мне принесли для перевода корейскую поэму и «Рыбака». Великолечно, но переводить почти невозможно. У меня еще в голове «московская симфония» — Лапа, телефон, радио, «маз» и т. д.

А здесь очень тихо. Анютка ласково меня встретила — обе девочки в восторге от подарков. Целую и благодарю Вас и всех вас.

Ваша Ахматова

28 января <19>57 г.

Дорогая Нина, вчера звонила Марина и сказала, что получила Ваше письмо. Мне завидно, напишите и мне. Маргарита взяла у меня пять стихотворений для «Литературной Москвы» (№ 3). Посмотрим. Все происходит довольно обычно. Вероятно, 15 февраля поеду в Ленинград —

сдавать работу. Моя книга ведет себя все так же загадочно. Дружу с Мишей Ардовым. Наталья Ильинична Игнатова умерла. Жду письма и обнимаю Вас.

Ваша Ахматова

Москва

8

13 октября 1964 г. Комарово

Нина, наверное, мне не надо говорить Вам, что я все время с Вами, я так хорошо себе представляю четырехместную палату, обход врачей, меряние температуры и т. д. Странно мне только, что там не я, а Вы.

Когда после второго инфаркта я лежала у Вас в маленькой комнате, моей единственной радостью был Ваш сухонький утренний курительный кашель. Сколько ночей Вы из-за меня не спали! А Ваш обморок под Новый год...

Я написала несколько стихотворений, из них выживут, по-видимому, два.

Посылаю Вам фотографию: это я читаю стихи «Наследница», а Толя слушает...

Уверена, что этой зимой так или иначе я буду писать Вам письма — если Анатолий Генрихович даст милостивое согласие и впредь печатать их на машинке...

Низко кланяюсь тому, кто сейчас с Вами.

Целую Вас.

Ваша Анна

9

<Осень 1964 г.>

Нина, мне и самой скучно, что я Вам так давно не писала. Это происходило единственно из-за отсутствия поблизости моего секретаря... По-видимому, в ноябре мне придется быть в Москве, там, конечно, узнаю обо всем подробнее, но и этого мне мало. Изю всех сил хочу Вас видеть...

Последние дни здесь гостила Надежда Яковлевна, она рассказывала что-то московское.

Вы будете смеяться, вчера мне подали телеграмму из Оксфорда с сообщением, что я приглашена принять почетную степень доктора литературы. Вот.

5 января 1965 г., Ленинград

Я очень скоро приеду в Москву... О том, что было в Италии, расскажу при свидании, хотя особенно интересного ничего не было... Нина, я люблю Вас, и мне без Вас плохо жить на свете.

Целую Вас

Ваша Анна

<Зима 1965 г.>

Вы, наверное, уже знаете, что меня выбрали в Правление Союза. Для меня это большая неожиданность... Толя написал для «Москоу Ньюс» мой портрет. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы видели эту прозу. Думается, что никто, как Вы, не мог бы оценить некоторые ее качества. Во всяком случае такого портрета у меня еще не было и едва ли будет. Так или иначе мы Вам ее доставим.

10 февраля на пушкинском вечере мой голос прочтет два стихотворения, а Володя Рецептер прочтет мою маленькую прозу «Пушкин и дети»... Получили ли нашу телеграмму к св. Нине? Сколько раз я проводила этот день с Вами? Целую Вас нежно.

<Лето 1965 г.>

...Всегда мысленно беседую с Вами, Ниночка. У нас столько тем, правда? Я, кажется, мало и плохо рассказала Вам про Лондон и Париж. Может быть, еще напишу Вам об этом, когда окончательно приду в себя.

В. А. СУТУГИНОЙ

2 августа 1945. Ленинград

Дорогая Вера Александровна,

Ваша открытка с нашим домом пристыдила меня. Поверьте, что Ваша память обо мне и любезность Крачковского, который сам завез мне письмо, безмерно тронула меня. В Ташкенте я довольно часто встречала Ал. Н. Тихонова, который стал писать необычайно интересные ме-

муары. Я живу совсем одна и все в той же комнате. За окном сад и нежное ленинградское небо.

Целую Вас.
Ваша *Ахматова*

2

29 августа 1945. Комарово

Дорогая Вива!

Конечно, очень грустно, что мы так редко видимся. Но это происходит главным образом оттого, что мы обе часто плохо себя чувствуем.

Когда буду в городе, непременно позвоню Вам. И Вы звоните. Клянусь, что больше не буду требовать от Вас мемуаров.

На днях выйдет моя книга «Бег времени», сберегу экземпляр для Вас.

Целую Вас.

Ваша *Ахматова*

Б. Л. ПАСТЕРНАКУ

1

20 июля <1943>

Дорогой Борис Леонидович,
письмо Ваше было для меня неожиданной радостью.

Как странно, что мы не переписывались все время — правда?

Поздравляю Вас с успехом Вашей книги — вот бы мне на нее посмотреть. Наталия Александровна Вишневская расскажет Вам обо мне.

Она прекрасно читает Ваши стихи и какой голос! До свидания.

Ваша *Ахматова*

2

29 ноября 1952

Дорогой Борис Леонидович, когда я приехала в Москву и Нина сказала мне, что Вы в больнице, мне показалось, что закрылся самый озаренный предел моего московского

существования. Кроме того, все: улицы, встречи, люди стали менее интересны и подернулись туманом. Уж это ль не волшебство!

Мой дорогой друг, летом 51 года я проделала тот же долгий, больничный путь и знаю, как он скучен и труден. Но верно говорит Лозинский: в больнице есть своя прелесть. Надеюсь, что с 52 годом кончится и Ваше больничное заключение, и снова будет все как раньше: снежное Замоскворечье, и музыка, и творчество, и друзья.

Все спрашивают о Вас, ждут Вас. Немчинова восхищается Вашим Шекспиром, которого, как Вы конечно знаете, Гослитиздат будет переиздавать. А я слышу со всех сторон: Пастернак читает Чехова.

Берегите себя, Борис Леонидович,— надеюсь скоро увидеть Вас. Вот каким коротким оно стало, это письмо, которое я мысленно пишу Вам с первого дня моего приезда в Москву. Вы — мастер эпистолярного стиля — не осуждайте меня, ведь я же не пишу никому и никогда.

Ваша Анна Ахматова

Письмо написано на машинке, чтобы не затруднять Вас разбором моих каракуль.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

1

2 авг. <1945>

Надюша!

Чувствую себя до такой степени виноватой перед Вами, Эдиком и Ниной, что не знаю с чего начать. Я получала письма и телеграфные поздравления, я бывала утешена Вашей памятью обо мне, я отвечала невпопад, уверена, что не все дошло. Представляю себе, как вам жарко сейчас. А у нас шумные предосенние бури с крупным дождем и облаками.

От Софьи Аркадьевны, которой я иногда пишу,— никогда ни слова.

Целую Вас, Ервана, Нину. Не забывайте.

Ваша Анна

<1952>

Дорогая Надюша,
как приятно было получить от Вас весточку.

Сегодня у меня бурный день: завтра сдаю Марьону. Она до ужаса надоела мне — и предвижу еще много возни и сложностей. Если все пойдет гладко — надо бы опять поехать в санаторию. Здоровьем своим я вообще довольна. Когда и что узнаю о Вас? В Ленинграде — пустыня. Не вижу почти никого. К новому дому словно привыкла, но как-то все еще живу на Фонтанке.

Я даже не знаю Вашего адреса. По радио говорят, что в Ташкенте — лето. Вспоминаю 1944. Ах Надя, Надя!

Ваша Анна

3

12 июля 1957

Дорогая Надюша,
очень хочу жить с Вами в Москве, лишь бы сохранился мой дом в Ленинграде.

Работы у меня много (переводной) и все московская.

Жду вестей, крепко Вас целую. В воскресенье еду к себе на дачу в Комарово.

Ваша А. Ахматова

Красная Конница
4, кв. 3

4

8 окт. 1963

Надюша,
очень скучно так долго ничего не знать о Вас. Почему опять Псков? Как здоровье?? Кто вокруг Вас? Напишите.
Целую

Ваша Ануш

5

27 дек. 1963. Москва

Надя,
посылаю Вам три странички — это в «Листки из Блокнота», которыми я продолжаю постоянно заниматься. Вероятно, кончится небольшой книгой.

Думали ли мы с Вами, что доживем до сегодняшнего Дня — Дня слез и Славы. Нам надо побыть вместе — давно пора.

У Вас, то есть у Осипа Эмильевича, все хорошо. Сейчас позвоню Вашему Жене.

Спасибо за письмо.

Ваша *Ахматова*

Л. Н. ГУМИЛЕВУ

1

1 июля. <1953>

Дорогой мой сынок Лёвушка, опять давно не писала тебе и даже не имею обычного извинения — работы.

Я отдыхаю теперь после санатории, где было очень хорошо и прохладно и отдельная комната и общее доброе отношение.

Но я одичала, и мне трудноато приходится в таком обширном обществе. Мне приходит в голову, что тебе нужно посылать не папиросы, а сигареты — какой смысл пересылать папиросные мундштуки. Я, так же как и ты, плохо представляю себе мой ленинградский быт, с тех пор, как кончился Фонтанный Дом. Однако Нева течет, Эрмитаж стоит на месте, белые ночи ходят по улицам и заглядывают в окна. Так по крайней мере мне кажется из Москвы, кот. сейчас тоже по-своему красotka: фонтаны бьют, липовый дух пробивается даже в автобусы, цветут маки и надо всем нежное среднерусское небо.

29 июня я была на похоронах А. А. Осмеркина. Он умер на этюде с кистью в руке, как настоящий художник. Пишу с почты — это, кажется, единственное место, где меня посещает эпистолярная муза.

Из Ленинграда, мой дорогой Левушка-осминогушка, напишу тебе настоящее письмо. Я пробуду там недолго, потому что меня зовут на дачу под Коломну, где я отдыхала в прошлом году. Береги себя — не пей слишком крепкий чай. Ну, дождь, кажется, кончается, кончается и письмо. Можно идти домой. В июле pošлю тебе почтой двести рублей и конечно посылку.

Крепко тебя обнимаю.

Мама

20 сентября 54

Только сегодня, дорогой мой Левушка, я отправила тебе две открытки. Сама ходила за пенсией на Гороховую — помнишь? День светлый — небо как летом. Поздравительная посылка тебе еще не отправлена, но все продукты уже куплены.

В китайской антологии, которую я продолжаю читать, опять наткнулась на гуннов. Теперь это I-ый век нашей эры. Два китайца (Генералы S и W и Li Ling взяты гуннами в плен, где пребывают 19 лет. Затем один (Sa Wu) возвращается на родину, а другой поет песню, кот. переведена по-английски и без рифм *. Писала ли я тебе, что видела Пекинское издание Цуй Юаня 1954 по-английски. Переводил китаец.

Целую. Мама

* Вот тебе мой прозаический перевод:

Я прошел 10 тыс. ли
Сквозь пески пустынь,
Служа моему государю,
Чтобы разбить *гуннские орды*

и т. д. Доходят ли до тебя мои выписки из антологии и подстрочников? М. б. они тебе вовсе не интересны?

<1956>

Милый Лев,

мой редактор позвонил мне на другой день и извинился, что не может со мной повидаться, т. к. у него собрание в Союзе.

Книгу он уже отправил в Из-во. Заводить по телефону сложные разговоры не сочла удобным. Он был все так же приветлив и участлив и, конечно, не откажется со мной повидаться, когда я его об этом попрошу. Жду заключения договора. После этого сразу поеду домой. Очень устала и соскучилась. Целую тебя и Таню. Ире, Ане, Р. А. приветы.

Мама

В. С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Валя!

Кажется я не писала тебе пятьдесят лет (с Евпатории — Севастополя 1907 г.). Дело вот в чем: я лежу третий месяц и встану ли — неизвестно.

Прошу тебя сообщить Ире все твои обстоятельства, и пусть она мне позвонит.

Целую тебя, твоих детей и внучек.

Твоя Аня

Посылаю тебе 100 рб. и палку.

9 дек. 1957

Москва

Э. Г. БАБАЕВУ

<10 янв. 1960. Комарово>

Ваше письмо замечательно тем, что, когда я открываю его, чтобы перечитать, там всякий раз написано что-то другое...

Я первый раз встречаюсь с таким явлением — как вы этого достигли?

Вчера, например, я вычитала там вещи уж совсем невероятные.

Жду следующего раза, чтобы узнать что-то мне необходимое. А про стихи свои узнала, что в них главное подтекст. Чем его больше и чем он глубже, тем они лучше и ближе людям. Как было бы чудесно, если бы меня кто-нибудь расколдовал и я могла бы написать Вам письмо.

В. Я. ВИЛЕНКИНУ

4 февраля 1962. Комарово

Милый Виталий Яковлевич, дайте мое «Слово о Пушкине» Галине Петровне Корниловой для «Лит. газеты».

Это очень спешно.

Еще раз спасибо за все.

Ахматова

АЛЕКСИСУ РАННИТУ

1

Многоуважаемый господин Раннит!

Благодарю Вас за стихи (жаль, что Вы прислали только перевод) и милое письмо.

Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 году. На Западе после 1912 года я не была, а в 1938 году дальше Москвы не ездила.

Я совершенно уверена, что Ваша работа будет интересной и нужной, но меня несколько беспокоит ее биографическая часть. Во всяком случае, я предупреждаю Вас, что писаниями Георгия Иванова и Л. Страховского пользоваться нельзя. В них нет ни одного слова правды.

Простите, что не сразу отвечаю Вам — я все еще очень слабая после болезни и сейчас живу за городом.

Анна Ахматова

*18 февраля 1962
Комарово*

2

Многоуважаемый господин Раннит!

Пишу Вам сегодня только для того, чтобы Вы знали, что Ваше письмо от 8 марта мной получено.

Позвольте мне в свою очередь задать Вам несколько вопросов: отчего мои стихи кажутся Вам синими, когда они уже полвека всем кажутся белыми? Почему Вы не прислали мне оригинала своего стихотворения? — Я свободно читаю по-английски.

Видели ли Вы мое «Слово о Пушкине» в «Литературной газете» в юбилейные дни?

Мне было приятно узнать, что Вы держитесь того же мнения, что и я, относительно Георгия Иванова и Страховского. И следовательно, мне не придется, прочтя Вашу работу, еще раз испытывать ощущение, описанное в последней главе «Процесса» Кафки, когда героя ведут по ярко освещенной и вполне благоустроенной Праге, чтобы зарезать в темном сарае.

Все, что Вы пишете о моих стихах, очень любезно. Но мне раз навсегда не дано верить похвалам. Зато всякой брани я верю слепо.

Посылаю Вам список стихотворений, напечатанных после книги 1961 г. в разных изданиях, и несколько ответов на Вашу анкету.

Желаю Вам успеха.

Анна Ахматова

24 мая 1962
Москва

<Приложение к письму А. Ранниту 24 мая 1962>

Чтобы не задерживать Вас, посылаю Вам несколько ответов на Ваши вопросы:

2. Первое стихотворение написала 11 лет. Печатаюсь с весны 1911 года. Например: «Аполлон» № 4, 1911 г.

3. Дома никто не поощрял мои первые попытки, а все скорее недоумевали, зачем мне это нужно.

4. Пушкин (и то, и другое).

5. Учитель — Анненский.

8. Никакими учебниками никогда не пользовалась — слушала обсуждение стихов в «Цехе Поэтов» 1911—1914.

Из перечисленных Вами лиц покойный Борис Викторович Томашевский был моим учителем по линии пушкиноведения, а Георгий Аркадьевич Шенгели, с которым я часто встречалась и дружила, иногда для своих изысканий просил меня произнести какую-нибудь мою строку.

9. Сколько длится процесс создания стихотворения не знаю, и все об этом см. в моем стихотворении (стр. 287) «Одно, словно кем-то разбуженный гром».

10. Внесла ли что-нибудь в русскую поэзию — не мне судить.

Ахм.

8

Многоуважаемый господин Раннит,
письмо Ваше уже давно догнало меня в Москве.

Вероятно, я не очень точно выразилась, и Вы меня не поняли. Я слепо верю всему дурному, что говорили о моих стихах, не оттого, что их много бранили, а оттого, что мне это вообще свойственно — такой я была и в самом начале, когда меня еще никто не бранил. И тогда я похвалям совершенно не верила.

Благодарю Вас за Ваши стихи. Они сейчас не при мне, но у меня осталось впечатление *высокого* строя души и *необычайно бережного* отношения к слову.

Сборник «В пути» я получила. Он не всем одинаково нравится, но меня *пленяет* каким-то своим, очень необычным и трогательным видением природы.

В следующем письме пришлю фотографию, которую Вы просите.

Как подвигается Ваша работа, про которую Вы писали мне в Вашем первом письме?

С Новым Годом!

Анна Ахматова

2 декабря 1962
Москва

4

Многоуважаемый господин Раннит!

Никак мне не добраться до Ленинграда, я все еще в Москве и не знаю, не лежит ли у меня дома письмо от Вас. Сейчас отвечаю на Ваше последнее письмо от 2-го января.

Когда я прочла Ваши вопросы, то подумала, перефразируя чеховскую старушку: «Давно я, грешница, анкет не заполняла». Отвечу коротко.

Из художников больше всего любила испанцев, в частности, Эль-Греко. Вообще, в юности любила воду и архитектуру, а теперь — землю и музыку.

В 21-м году написала балетное либретто «Снежная маска» по Блоку. Своими портретами не была довольна (пожалуй, кроме Тышлера). Другой раз, может быть, напишу больше.

Желаю Вам успехов.

Ахматова

20 февраля 1963

К. И. ЧУКОВСКОМУ

Дорогой Корней Иванович!

С каждым днем у меня растет потребность написать Вам (писем я не писала уже лет 30), чтобы сказать, какое огромное и прекрасное дело Вы сделали, создав то, что Вам угодно было назвать «Читая Ахматову». Вы очень

легкой рукой, изящно просто и неопровержимо написали о моем творческом пути и о моем Триптихе, который Вы помните еще по Ташкенту.

Вашу работу читали самые разные люди, и я давно не видела, чтобы какая-нибудь статья так нравилась, чтобы вызывала такое волнение и сочувствие, а мне остается только удивляться тому, как много Вами безошибочно угадано.

Вы сказали о поэме самое нужное, самое главное.

Благодарю Вас.

Анна Ахматова

6 ноября 1962
Москва

М. В. ЛАТМАНИЗОВУ

Многоуважаемый Михаил Владимирович, конечно, мое согласие на встречу с Вами остается в полной силе. От всего сердца сочувствую Вам, оттого что сама три раза перенесла инфаркт, и еще в прошлом году пролежала в Гаваньской больнице после приступа три месяца. Отвечаю Вам не сразу, потому что Ваше письмо догнало меня в Москве, где я живу уже два месяца.

Желаю Вам как можно скорее вернуться домой.

Анна Ахматова

11 ноября 1962
Москва

С. Г. ВЕЙНБЕРГУ

1

Многоуважаемый господин Вейнберг!

Все, кому я показывала Ваши переводы, находят их превосходными. Я сама занимаюсь этим делом и знаю, что это такое.

Вам удалось сохранить все вплоть до моего дыхания, отношение к слову бережное, смысл передан до конца. Мои стихи еще никогда не звучали так ни на одном языке.

ке. Если у Вас есть еще переводы моих стихов, пожалуйста, пришлите их мне.

Благодарю Вас.

Анна Ахматова

22 дек. 1962
Москва.

2

Простите меня, милый доктор, за мое бесконечное молчание. Причин у меня слишком много, чтобы их перечислять.

Была рада получить Ваши переводы — они мне понравились.

Всего Вам хорошего.

Анна Ахматова

17 янв. 1965
Ленинград.

Д. Е. МАКСИМОВУ

3 января 1963. Москва.

Милый Дмитрий Евгеньевич,
когда я прочла Ваше письмо, мне показалось, что мне не 73 года, а 37 или даже все 17.

Побойтесь Бога!

Из всех Ваших любезных пожеланий принимаю только одно: побольше стихов и поменьше переводов. Я окончательно убедилась, что для поэта переводы — дело гибельное. Творческая энергия утекает и образуется то удушье, с которым совершенно нельзя бороться.

Благодарю Вас за то, что Вы помните меня или делаете вид, что помните. Ленинград совершенно забыл меня.

Привет Вашему дому.

Ахматова

Т. И. КОНШИНОЙ

Дорогая Татьяна Ильинична,

еще раз благодарю Вас за восхитительный и трогательный подарок. Я, конечно, не передарю его, а положу в него мои стихи и завещаю Пушкинскому Дому как память о Ней.

Очень горько думать, что у Вас все время болит голова.
Я тоже последние дни чувствую себя дурно.
Целую Вас.

Ваша Ахматова

6 февраля 1963
Москва

Е. М. ОЛЬШАНСКОЙ

Милый поэт,

стихи Ваши (про вокзал) так понравились всем, что их даже брали списывать. Мне было приятно за Вас — они действительно хорошие.

Желаю Вам успеха. Работайте побольше над стихами.

Анна Ахматова

22 февраля 1963
Москва

ЖОРЖУ НИВА

Господин Нива!

Надеюсь в ближайшее время подробно и убедительно написать Вам по поводу сделанного Вами перевода очерка С. К. Маковского.

Этот очерк содержит бесчисленное количество ошибок, которые надо приписать возрасту писавшего и его дурным источникам.

Все, что сделали Вы,—прекрасно. Переводы стихов очень бережны и точны.

Я благодарю Вас.

Анна Ахматова

7 июня 1963 — Москва

В. А. ГОРЕНКО

1

Милый Виктор,
чувствую себя очень виноватой перед тобой. Я своевременно получила твою фотографию, за которую я тебя благодарю, и чудесные нейлоновые чулки. Но мои посто-

янные переезды из Москвы в Ленинград и из Ленинграда в Москву, а еще больше тяжелая сердечная болезнь и длительное пребывание в больнице — у меня было уже три инфаркта — нарушают нормальное течение моей жизни. О себе мне почти нечего тебе сообщить. Я немного перевожу, в настоящее время — румын и занимаюсь Пушкиным.

Еще раз благодарю тебя, что не забыл сестру.

Твоя Аня

Все лето буду у себя на даче в Комарове с Ханной. Целую тебя.

7 июня 1963
Москва

2

Милый Виктор,

как мне было приятно получить твоё доброе письмо. Благодарю также за предложение посылок. Но, дорогой брат, это не нужно. Я на такой жестокой диете, что посылать мне что-нибудь съедобное бесполезно. Что же касается одежды, она мне ни к чему: того, что у меня есть, хватит, вероятно, до конца.

Передать твой привет Леве не могу — он не был у меня уже два года, но по слухам защитил докторскую диссертацию и успешно ведет научную работу.

Если выйдет сборник моих стихов, я, конечно, с удовольствием пошлю их Тебе, и, разумеется, с надписью. Сборник 1961 года какие-то сумасшедшие раскупили в несколько минут, и у меня даже нет экземпляра.

Будь здоров.

Крепко Тебя целую

Твоя сестра Анна

20-е июля 1963 г.

3

Милый Виктор,

посылаю тебе мою последнюю фотографию. Многие считают её самой удачной. Мне пришло в голову, что я все же могу исполнить Твою просьбу о подписи на стихотворном сборнике.

В этот конверт я вкладываю эту надпись, а Ты купи мою книгу стихотворений и наклейте на титульный лист мою надпись.

Будь здоров.

Целую тебя

Твоя Анна

15 сентября 1963 г.

4

1 дек. 1964. Москва

Милый Виктор,

случилось так, что я потеряла твой адрес и вовремя не ответила тебе и не поблагодарила за твой великолепный подарок — черное кимоно. Я ношу его с особым удовольствием. Сегодня еду в Рим и на Сицилию, где мне вручат премию за стихи. Командировка всего 10 дней. Я, конечно, в большой тревоге, — выдержит ли мое здоровье. По-сылаю тебе мою последнюю фотографию — она лучше всех остальных. Передай мой привет твоей жене. Целую тебя.

Всегда твоя Аня

5

Милый Виктор!

Сегодня мне принесли три мои молодые фотографии (из хороших). Мне хочется, чтоб они были у тебя, посылаю их тебе.

Лето прошло неважно, из-за плохой погоды я почти не гуляла и как-то ослабела.

Когда вернусь в город, напишу подробней.

Не забывай сестру. Будь, главное, здоров. Привет моей милой belle-soeur.

Твоя Аня

18 авг. 1965

А. Г. НАЙМАНУ

1

На целый ряд Ваших писем мне хочется ответить следующее.

Последнее время я замечаю решительный отход читателя от моих стихов. То, что я могу печатать, не удовлетворяет читателя. Мое имя не будет среди имен, которые сейчас молодежь (стихами всегда ведает молодежь) подымет на щит¹.

Хотя сотня хороших стихотворений существует, они ничего не спасут. Их забудут.

Останется книга посредственных, однообразных и уж конечно старомодных стихов. Люди будут удивляться, что когда-то в юности увлекались этими стихами, не замечая, что они увлекались совсем не этими стихами, а теми, которые в книгу не вошли.

Эта книга будет концом моего пути. В тот подъем и интерес к поэзии, который так бурно намечается сейчас, — я не войду, совершенно так же, как Сологуб не переступил порог 1917 года и навсегда остался замурованным в 1916. Я не знаю, в какой год замуруют меня, — но это не так уж важно. Я слишком долго была на авансцене, мне пора за кулисы.

Вчера я сама в первый раз прочла эту роковую книгу. Это хороший добротный третий сорт. Все сливается — много садов и парков, под конец чуточку лучше, но до конца никто не дочитает. Да и потом насколько приятнее самому констатировать «полное падение» (*chute complète*) поэта. Мы это знаем еще по Пушкину, от которого все отшатнулись (включая друзей, см. Карамз.).

Между прочим (хотя это уже другая тема) я уверена, что сейчас вообще нет читателей стихов. Есть переписчики, есть запоминатели наизусть. Бумажки со стихами прячут за пазуху, стихи шепчут на ухо, беря честное слово тут же все навсегда забыть и т. д.

Напечатанные стихи одним своим видом возбуждают зевоту и тошноту — людей перекормили дурными стихами. Стихи превратились в свою противоположность. Вместо: Глаголом жги сердца людей — рифмованные строки вызывают скуку.

Но со мной дело обстоит несколько сложнее. Кроме всех трудностей и бед по официальной линии (два поста-

---

¹ Так уже было один (а м. б. и не один) раз в 20-х годах, когда еще были живы мои читатели 10-х годов. Тогдашняя молодежь жадно ждала появления какой-то новой великой революционной поэзии и в честь ее топтала всё кругом (всп. Гаспра, 1929). Тогда все ждали чудес от Джека Алтаузена. (Ахм.)

новления ЦК'а), и по творческой линии со мной всегда было сплошное неблагополучие, и даже м. б. официальное неблагополучие отчасти скрывало или скрашивало то главное. Я оказалась довольно скоро на крайней правой (не политич.). Левее, следственно новее, моднее были все: Маяковский, Пастернак, Цветаева. Я уже не говорю о Хлебникове, который до сих пор — новатор *par excellence*. Оттого идущие за нами «молодые» были всегда так остро и непримиримо враждебны ко мне, напр. Заболоцкий и, конечно, другие обереуты. Салон Бриков планомерно боролся со мной, выдвинув слегка припахивающее доносом обвинение во внутренней эмиграции. Книга обо мне Эйхенбаума полна пуга и тревоги, как бы из-за меня не очутиться в лит. обозе. Через несколько десятилетий все это переехало за границу. Там, для удобства и чтобы иметь развязанные руки, начали с того, что объявили меня ничтожным поэтом (Харкинс), после чего стало очень легко со мною расправиться, что не без грации делает, напр., в своей антологии Ripolino. Не зная, что я пишу, не понимая, в каком положении я очутилась, он просто кричит, что я исписалась, всем надоела, сама поняла это в 1922 и так далее.

Вот, примерно, все, что я хотела Вам сказать по этому поводу. Разумеется, у меня в запасе множество примеров, подтверждающих мои мысли. Впрочем, Вам они едва ли интересны.

1960, 22 янв.—29 февр.
Ленингр.—Москва

2

М. б. вместо письма.

Нам дано знать друг о друге много, вероятно, даже больше, чем нужно. И мы оба боимся этого знания. Мы прячем его и от себя, и друг от друга. Мы прячем его под грузными слоями чего-то совсем другого и часто нехорошего, мы готовы на всё — только бы не то. Я на Ваше тщеславие — Вы на мои разговоры о смерти.

Только бы не то! Оттого всё так ужасно. Это всё, что я могу сказать. Я уверена, что Вы поймете каждое мое слово.

А.

14 авг. 1963. Будка

Из-под смертного свода кургана
Вышла, может быть, чтобы опять
Поздней ночью иль утром рано
Под зеленой луной волховать.

Сегодня вернулась в Будку. Без меня сюда решительно проникла осень и пропитала все своим дыханием. Но мак дождался меня.

Комната одичала и пришлось приводить ее в чувство Чаконой Баха, Симфонией Псалмов Стравинского, раскаленной печкой, цветами и Вашей телеграммой.

Сейчас уже почти все хорошо. Горят свечи, безмолвная и таинственная Марина рисует меня. Когда приеду в город — буду ждать звонка из Москвы, хотя бы от Нины.

А.

21 сентября
1963

31 марта 1964 года
Москва

Вы сегодня так неожиданно и тяжело огорчились, — что я совсем смущена. Я часто и давно говорила Вам об этом, и Вы всегда совершенно спокойно относились к моим словам.

Очень прошу Вас верить, что и сегодня они не содержали в себе ничего кроме желания Вам добра. Теперь я окончательно убедилась, что все разговоры на эту тему губительны, и обещаю никогда не заводить их.

Мы просто будем жить как Лир и Корделия в клетке, — переводить Леопарди и Тагора и верить друг другу.

Анна

Великий Четверг

Голя,

и все это вздор, главное, чтобы Вы были совсем здоровым и ясным.

Сердце умирят правильным дыханием, а черные мысли верой в друзей. Разлук, разлучений, отсутствий вообще не существует, — я убедилась в этом недавно и имела слу-

чай еще проверить эту истину почти на днях. Щедро делюсь с Вами этим новым моим опытом.

Вчера говорила с «домом». Ирина шлет Вам привет. Ника устроила для Вас письмо о Леопарди. Шлите Тагора, мы его перепишем на машинке и дадим младотурку. Борис произносит о Вашей пьесе очень большие слова.

Я уверена, что в 1963 г. с Вами было то же самое, а Вы проходили всю болезнь без врача.

Не скучайте!

А.

Сегодня вышла «Юность» с моими стихами.

...и помните, что больница имеет свою монастырскую прелесть, как когда-то написал мне М. Л. Лозинский.

6

*Пятница
Ночь*

Толя,

сегодня огромный пустой день, даже без телефона и без малейших признаков «Ахматовки». Я почему-то почти все время спала. Была рада, когда Саша Нилин сказал, что Вы узнали библейские нарциссы. Благодарю товарища, который звонил от Вас.

Насколько уютнее было бы, если бы в больнице была я, а Вы бы меня навещали, как когда-то в Гавани.

Лида Ч. нашла эпиграф ко всем моим стихам:

На позорном помосте беды,
Как под тронным стою балдахинном.

Но кажется это не ко всем?!

Вечером приходила Раневская. Алексей приглашал ее в свою картину: «Три толстяка».

Завтра жду Нику.

Если Тагор утомляет Вас — бросьте его и главное при первом признаке усталости делайте перерыв: мы еще поедим и к березам и к Щучьему Озеру.

Спокойной ночи!

А.

Б-у-д-у Вам писать часто.

Толя,

Анюта по ошибке захватила томик Мистраль и мои стихи. Пусть Таня вернет их на место.

Вчера у меня были Карпушкин и Маруся. Очень спешат с Тагором, которого необходимо сдать до 1 июня.

Ахм.

Не вздумайте мне звонить. Я знаю, что Вам запрещено вставать.

Толя!

Все дело в Вашей пьесе. Это я объясню подробнее при встрече. Очень прошу мне верить. Остальное все на прежних местах. Берегите себя. Если можно, напишите мне несколько слов — я еще не верю, что говорила с Вами.

Ну и утро было у сегодняшнего дня! — Бред.

А.

9 вечера

Толя,

Наташа Горбаневская принесла мне «Польшу». Там стихи, которые Вам кое-что напомнят. Мы посадили сына Наташи на большую белую лошадь, он сморщился. Я спросила: «Ты боишься?» Он ответил: «Нет, конь боится».

Н. А. жалуется, что Вы очень строгий. Толя, не безумствуйте. <...> Не могу сказать, что мне было очень приятно это слышать... Унижение очень сложная вещь. Кажется, как всегда накаркала я. Помните, как часто я говорила, что Природа добрее людей и редко мешает в наши дела. Она наверно подслушала и вежливо напомнила о себе.

Дайте мне слово, что против очевидности Вы не выйдете из больницы. Это значило бы только то, что Вы хотите в нее очень скоро вернуться и уже на других основаниях. Я про больницу знаю все. Но довольно про больницу — будем считать, что это уже пройденный этап. Главное это величие замысла, как говорит Иосиф.

Саша расскажет Вам, что я делаю. А в самом деле я сонная и отсутствующая. Люди стали меня немного утомлять. Никому не звоню. Вечер будет 23 мая.

Напишите мне совсем доброе письмо.

А это правда, что Вы написали стихи?

Анна

2 мая. Ордынка.

10

3 мая

Толя,

и я благодарю Вас за доброе письмо. Сегодня день опять был серый, пустой и печальный. По новому Мишиному радио слышала конец русской обедни из Лондона. Ангельский хор. От первых звуков — заплакала. Это случается со мной так редко. Вечером был Кома — принес цветы, а Ника принесла оглавление моей болгарской книжки — она составила ее очень изящно. Была у меня и ленинградская гостя — Женя Берковская.

Не утомляйте себя Тагором.

Пишите о себе.

Нина категорически утверждает, что мне до Вас не добраться, но я вспоминаю седьмой этаж у Шенгели! — Помните.

Завтра мне принесут летнее пальто — начну выходить.

Спокойной ночи!

А.

Сегодня Ира сеет привезенный Вами мавританский газон около Будки, костер сохнет, кукушка говорит что-то вроде ку-ку, а я хочу знать, что делает Ваш тополь?

11

5 мая

Толя,

сейчас придет Галя Корнилова и я передам ей эту записку. 7-ого у здешних Хайкиных будет исполнена моя «Тень». Может быть пойдем вместе. Писать все труднее от близости встречи. Я совершенно одна дома. Вокруг оглушительная тишина, здешний тополь (у окна столовой) тоже готов зазеленеть.

Вчера у нас были Слонимы и Ильина, сегодня Муравьев принесет летнее пальто и ленинградские письма. Впрочем Вы все это уже знаете.

До свиданья.

А.

Толя милый,
очевидно мне судьба писать Вам каждый день. Дело в том, что сейчас звонил сам Ибрагимов — он заключает с Вами договор и не знает Вашего адреса. Очевидно надо сообщить ленинградский адрес, как делаю я.

Лежите тихо, тихо.

Видите, как все ладно.

Пришла книга Рива, где он требует для меня Нобелевскую премию.

Если можно напишите два слова и адрес для Ибрагимова.

А.

Толя милый!
сейчас уезжаю с «Легендарной Ордынки». Дала Нине для Вас Леопарди, у меня другой — подарок Лиды Чуковской.

Нина объяснит Вам, почему все хорошо, а я думаю, что

За ландышевый май
В моей Москве стоголавой
Отдам я звездных стай
Сияния и славы...

А.

12 мая
1964
Москва

*<Из Рима в Ленинград, почтовый штамп на конверте 7.12.64.
Открытка с видом площади Испании>*

Вот он какой — этот Рим. Такой и даже лучше. Совсем тепло. Подъезжали сквозь ослепительную розово-алую осень, а за Минском плясали метели и я думала о Нине.

Во вторник едем в Таормино. Хотят устроить вечер стихов.

Прошу передать мой привет Вашим родителям <...>.

А. Ахматова

*<Из Рима в Ленинград, почтовый штамп неразборчив.
Открытка с видом площади делл'Эздера>*

Вернулись ли Вы в Ленинград? В среду мы едем в Таормино. Сегодня полдня ездили по Риму, успели осмотреть многое снаружи, но красивее того розового дня на Суворовском ничего не было. Обе здоровы. Ахм.

<Приписка сверху:> Привет милым ленинградцам.

*<Из Рима в Ленинград, почтовый штамп 9.12.64.
Открытка с видом Пантеона>*

Жду врача из Посольства. Пусть скажет, могу ли я ехать <в> Таормин и пр. Сны такие темные и страшные, будто то, что в Вильнюсе сказала дочка Трауберга — правда.

Где Вы?

Мы еще не знаем дня вручения премии.

Звоните Ане. Пусть меня все помнят.

Ахм.

*<Из Рима в Ленинград, почтовый штамп 9.12.64.
Открытка с видом фонтана Треви>*

Сегодня был совсем особенный день — мы проехали по Via Appia — древнейшему кладбищу римлян. Кругом жаркое рыжее лето и могилы, могилы.

Потом ездили на могилу Рафаэля. Кажется он похоронен вчера. (В Пантеоне.)

Завтра едем в Таормин. Ира две ночи подряд говорила с Аней по телефону.

Ахм.

*<Из Таормина в Ленинград, почтовый штамп 10.12.64.
Письмо пришло несмотря на перепутанный адрес: вместо
«Проспект Карла Маркса» Ахматова написала «Проспект
Ленина». Открытка с видом Пантеона ночью>*

«Из Таормина проездом»

Сегодня с утра мы уже в Таорминине <так!>. Здесь все, о чем я Вам только что говорила. Целый день дремала.

Сейчас у меня был Ал-ей Алекс. Он бодр и очень заботлив. Сказал, что г-жа Манцони хочет писать мой лит. портрет. Поэтому просит, чтобы я ее приняла. <Над строкой приписка:> нужна библиография. Ей очевидно должна заняться Женя. Я так и знала, что Вы загоститесь в Москве. Целую мою Нину в Москве. Привет Вашим.

А.

19

<Из Таормина в Ленинград, почтовый штамп 11.12.64. Открытка с репродукцией гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой «Крюков канал»>

«Из Таормина проездом, Ахматова»

А вот и наш Ленинград. Я — почти в Африке. Все кругом цветет, светится, благоухает. Море — лучезарное. Завтра — вечер. Буду читать стихи из «Пролога». Все читают на своих языках. У меня уже были журналисты. Грозят телевизором.

Пишу Нине.

Думаю о ней. Всем привет.

Ахм.

<Приписка сверху> Ира говорит: «Позвоним, когда вернемся в Рим».

<Приписка сбоку> Покупайте воскресную «Унитку».

20

<Из Таормина в Ленинград, почтовый штамп 12.12.64>

А сегодня, для разнообразия, вместо открытки — письмо.

Вечером в отеле стихотворный концерт. Все читают на своих языках. Я решила прочесть по тексту «Нового мира» три куска из «Пролога», о чем, кажется, уже писала Вам.

Завтра вручение премии в торжественной обстановке — в Катанье, потом опять Рим и... дом.

Все, как во сне. Почему-то совсем не трудно писать письма. Вероятно, меня кто-нибудь загипнотизировал. Врач дал чудесное лекарство и мне сразу стало легче. Как моя Нина? — Чем бы ее потешить...

Надо думать — Вы уже в Ленинграде. Прошу Вас передать мой привет Вашим родным. Сейчас ездила смотреть древний греко-римский театр на вершине горы.

Позвоните Ане и скажите, что мы с Ирой живем дружно и она чувствует себя хорошо.

Будем звонить из Рима.

А.

21

<Телеграмма из Катании 14.12.64 в Ленинград>

Tous va bien demain partons pour Rome Achmatova¹

22

Толя,

вот и моя московская зима пришла к концу. Она была трудной и мутной. Я совсем не успела ничего сделать и это очень скучно.

Теперь думаю только о доме. Пора!

Надо платить за Будку и получать пенсию.

А по Комарову уже бродят «морские белые ночи», кричит кукушка и шуршат сосны. Может быть там ждет меня книга о Пушкине.

Привет всем.

Анна Ахматова

23

2 января 1966

Толя!

Пишу Вам только потому что Вы так просите и заставляет Маруся, сама же я еще не чувствую себя готовой писать письма.

Вы обо мне все знаете. Иосиф видел, как я хожу, могу немного читать, не все время сплю, начала что-то есть.

Благодарю Вас за письма и телеграммы, последняя даже принесла мне радость.

Москва была мне доброй матерью, здесь все добрые. Жду лирику Египта.

Всем привет.

Ахматова

---

¹ Все благополучно завтра едем в Рим Ахматова (франц.).

19 янв. <1966> (Крещение)

Вечер.

Вероятно Вас поразит то, что я Вам сейчас скажу. Дело вот в чем: не знаю, изменила ли меня моя страшная болезнь, но что Вы скажете, если я Вам открою, что она изумительно *изменила Вас*. 8-го января я видела Вас в сиянии такого счастья, как будто никогда не было «Сент. поэмы» и цикла «Уничтожение». А в следующие (10) дни Вы так повзрослели, в Вас появилась какая-то большая забота (что ли), и взгляд другой, и улыбка, кот. я так помню. Такое впечатление, что Вы пережили что-то очень большое и м. б. страшное. Я, конечно, не спрашиваю, так ли это, да Вы наверно и не знаете сами.

20 <января 1966> днем

Сейчас принесли Вашу записку. Благодарю Вас. Хорошо, что они не тянули. Теперь Вы свободны — Ленинград не худшее. Как я хочу туда — как не хочу в санаторию. Просто домой, как все (в скуку, в неудачи, мелкие ссоры и обиды). Как я устала от этого парадного больничного благополучия — улыбок, комплиментов моей «красоте» и т. д. Хочу домой! Взять бы хорошие переводы, а еще писать прозу, в кот. одно сквозит через другое, и читателю становится легче дышать. Толя, не уставайте, Вы ведь сильный... Меня сегодня уложили в постель после мытья — здесь (в палате) не поговоришь. Надо было зайти днем, я послала за Вами сестру, но Вы уже убежали. Изо всех сил запрещаю своему дырявому сердцу реагировать на Вашу записку. Пока успешно. — Иначе — беда.

А.

Пусть зайдет попрощаться Иосиф. Сейчас принесли большой конверт от Корнея: газета со статьей Бёрлина, там же перевод моих воспоминаний о Мандельштаме и 1-ый том американской Ахматовой. Я немного оглушена.

Отчего Вы не идете?

31 янв. 1966

Толя,

Забыла Ваш адрес и потому решаюсь беспокоить Асю Давыдовну.

Благодарю Вас за довольно толковую телеграмму. Вчера у меня был Миша Мейлах с Арсением, но я была еле живая. Это от лекарства, кот. сегодня отменено. Новостей, конечно, никаких нет, кроме одной типа сюрприза. Не будьте любопытным.

Пишу воспоминания о Лозинском, но выходит вяло и чуть-чуть слезливо.

Со своей стороны шлю приветы моим милым согражданам.

Передайте поклон Вашим родителям <...>. Позвоните Нине.

А.

<На обороте адрес матери А. Г. Наймана и обратный:>

От Ахматовой А. А. Москва
Боткинская больница, корп. 6

Ф. И. МАЛОВУ

Ломоносовский пр-кт 19 кв. 48
Москва.

Милый Федор Иванович,

мне хочется сказать Вам несколько слов по поводу моего цикла «Полночные стихи». Там всего семь стихотв., посвящение и отрывок: «Чтоб пришлец из давнего века». Вы заметили этот цикл по двум стихотворениям. Я хочу, чтобы Вы прочли весь цикл (в «Дне поэзии» М., 1964). Книга должна появиться в ноябре — декабре этого года. М. б. тогда Вы соблаговолите оторваться от Ваших сельскохозяйств. забот и уделить несколько минут на письмо мне.

Если «Полн. стих.» почему-нибудь не попадут в альманахах, я, кажется, способна прислать Вам весь цикл.

Ахматова

<1964>

Caro Giancarlo, la Sua lettera, con la quale sono stata informata che mi viene assegnato il Premio Taormina, mi ha arrecato una vivida gioia.

Non voglio a questo proposito né brillare per arguzia, né celarmi dietro una falsa modestia, ma questa notizia, che mi giunge dal paese che ho amato teneramente per tutta la mia vita, ha gettato un raggio di luce sul mio lavoro. La prego, caro Giancarlo, di partecipare la mia gratitudine agli amici che mi hanno prescelta e di ricordarsi che mi ha fatto particolarmente piacere ricevere questa notizia proprio da Lei.

In questi ultimi tempi, i miei pensieri sono rivolti all' Italia, poiché ho intrapreso a tradurre in russo l'intiero volume delle poesie di Leopardi e ho una gran voglia di visitare di nuovo la Sua Patria per immergermi nell'elemento della lingua italiana e vedere la casa in cui visse e creó il Grande Poeta ¹.

Г. П. КОРНИЛОВОЙ

1

Милая Галя!

Время идет, а Вас все нет. По-моему, Вам пора показаться в Комарове. Я, по крайней мере, по-настоящему соскучилась. Июнь был призрачный, финский, а сейчас — самый расцвет лета.

Я кончила переводить Тувима. Посмотрите переводы у Нины Антоновны — может быть, Вам будет интересно.

---

¹ Дорогой Джанкарло, Ваше письмо, уведомляющее меня о том, что мне присуждена премия Таормины, доставило мне живейшую радость. Я не хочу ни блистать остроумием по этому случаю, ни прикрываться ложной скромностью, но это известие, пришедшее ко мне из страны, которую я нежно любила всю жизнь, пролило луч света на мою работу. Прошу Вас, дорогой Джанкарло, передать мою благодарность друзьям, остановившим свой выбор на мне, и помнить, что мне было особенно приятно получить это известие именно от Вас.

В последнее время мои мысли обращались к Италии, поскольку я задумала перевести на русский язык в полном объеме стихи Leopardi, и у меня большое желание побывать снова у Вас на родине, чтобы погрузиться в стихию итальянского языка и увидеть дом, в котором жил и творил великий поэт (итал.).

Кажется, сделала что-то для трагедии («Пролог»).
А главное, приезжайте поскорее, мы все обсудим.

Целую Вас.

Ваша Ахматова

17 июля 1964
Комарово

2

Моя дорогая Галя!

Постоянно вспоминаю Вас и очень грущу, что Вас нет около меня.

Кончилось лето, и от этого всё стало как-то меланхоличнее.

Благодарю Вас за Ваши постоянные заботы обо мне. С Леопарди всё завершилось благополучно: договор подписан и мы начали переводить.

Возвращаю корректуру, сделанную академиком Жирмунским. Под вторым стихотворением дату можно не ставить.

По слухам, исходящим от Толи Наймана, он Вам пишет письмо.

Целую Вас

Ваша Ахматова

7 сентября 1964
Комарово

3

<1965>

Галя,

что у Вас? Кажется, моя книга на днях идет в набор. С Вами будут говорить о прозе. (Лесневский). Врач не пускает меня в Москву — а мне так надо.

Целую. Ваша Анна

Л-д, ул. Ленина
34—23 Ахматова

4

Милая Галя,

посылаю Вам, как обещала «Решку». Даю мое согласие на небольшие сокращения в ней.

Если Вам еще нужно Модильяни, сообщите.

Идут чистые листы «Бега времени».

Когда доберусь до города, позвоню Вам.

Толя привез с эстонского берега замечательные стихи.

Как себя чувствует Ваша проза и почему это я ее не знаю?

Привет всей Москве.
Целую Вас

Ваша Ахматова

30 августа 1965
Будка

И. А. БРОДСКОМУ

1

20 окт. 1964

Иосиф,

из бесконечных бесед, которые я веду с Вами днем и ночью, Вы должны знать о всем, что случилось и что не случилось.

Случилось:

И вот уже славы
высокий порог,
но голос лукавый
Предостерег и т. д.

Не случилось:

Светает — это Страшный Суд и т. д.

Обещайте мне одно — быть совершенно здоровым, хуже грелок, укулов и высоких давлений нет ничего на свете, и еще хуже всего то, — что это необратимо. А перед Вами здоровым могут быть золотые пути, радость и то божественное слияние с природой, которое так пленяет всех, кто читает Ваши стихи.

Анна

2

Иосиф,

свечи из Сиракуз. Посылаю Вам древнейшее пламя, в свою очередь, почти украденное у Прометея.

Я в Комарове, в Доме творчества. В будке Аня и сопровождающие ее лица. Сегодня ездила туда, вспоминала нашу последнюю осень с музыкой, колодцем и Вашим циклом стихов.

И снова всплыли спасительные слова: «Главное это величие замысла».

Небо уже розовеет по вечерам, хотя впереди еще главный кусок зимы.

Хочу поделиться с Вами моей новой бедой. Я умираю

от черной зависти. Прочтите «Ин. лит.» № 12 — «Дознание» Леона Филипе... Там я завидую каждому слову, каждой интонации. Каков старик! И каков переводчик! Я еще таких не видывала. Посочувствуйте мне.

Стихи на смерть Элиота м. б. не хуже, но я почему-то не завидую. Наоборот — мне даже светло от мысли, что они существуют.

Сейчас получила Вашу телеграмму. Благодарю Вас. Мне кажется, что я пишу это письмо очень давно.

Анна

15 февраля 1965
Комарово

3

<12 июля 1965>

Иосиф, милый!

Так как число неотправленных Вам писем незаметно стало трехзначным, я решила написать Вам настоящее, т. е. реально существующее письмо (в конверте, с маркой, с адресом), и сама немного смутилась.

Сегодня Петров День — самое сердце лета. Все сияет и светится изнутри. Вспоминаю столько разных петровых дней.

Я — в Будке. Скрипит колодезь, кричат вороны. Слушаю привезенного по Вашему совету Перселла («Дидона и Эней»). Это нечто столь могущественное, что говорить о нем нельзя.

Оказывается, мы выехали из Англии на другой день после ставшей настоящим бедствием бури, о которой писали в газетах. Узнав об этом, я поняла, почему я увидела такой страшной северную Францию из окон вагона. И я подумала: «Такое небо должно быть над генеральным сражением» (день, конечно, оказался годовщиной Ватерлоо, о чем мне сказали в Париже). Черные дикие тучи кидались друг на друга, вся земля была залита бурой мутной водой: речки, ручьи, озера вышли из берегов. Из воды торчали каменные кресты — там множество кладбищ и могил от последней войны. Потом был Париж, раскаленный и неузнаваемый. Потом обратный путь, когда хотелось только одного — скорей в Комарово; потом — Москва и на платформе все с цветами, все как в самом лучшем сне.

Унялись ли у Вас комары? У нас их уже нет. Мы с Толей заканчиваем перевод Леопарди, а в это время стихи бродят где-то далеко, переключаясь между собою, и никто

не едет со мной туда, где сияет растреллиевское чудо — Смольный Собор.

И в силе остаются Ваши прошлогодние слова: «Главное — это величие замысла».

Благодарю за телеграмму — античный стиль Вам очень удастся, как в эпистолярном жанре, так и в рисунках; когда я их вижу, всегда вспоминаю иллюстрации Пикассо к «Метаморфозам».

Читаю дневники Кафки.

Напишите мне.

Ахматова

P. S. Я думаю, что Вам бы понравилась моя встреча с Гарри. Жена его — прелесть.

А вот совершенно забытое и потерянное мною четверостишие, которое вынырнуло в моих бумагах:

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

Может быть, это из «Пролога»?

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

17 января 1965. Ленинград.

Милый Александр Трифонович!

Одной из самых приятных неожиданностей Нового года было Ваше поздравление. Я, конечно, сразу вспомнила древнее Palazzo Ursino и Вашу речь 12-го декабря 64-го года. Благодарю Вас за нее еще раз.

А. Ахматова

М. И. ДИКМАН

Дорогая Мина Исаевна!

Сейчас собрала в четырех местах фрагменты 1-ой части моей поэмы, которая называется «Тысяча девятьсот тринадцатый год». По окончательной договоренности с А. А. Сурковым решено напечатать целиком 1-ю часть моей поэмы, которая раньше была напечатана в фрагментах.

(От печатанья II-й части «Решка» и III-й «Эпилог» — я от-
казываюсь).

При этом прилагаю список.

Анна Ахматова

19 апреля 1965
Комарово

С. И. ЧЕТВЕРУХИНУ

Спасибо Вам, многоуважаемый Серафим Ильич, за
письмо и стихи. Они — выстраданные и искренние. Желаю
Вам всего доброго.

Анна Ахматова

18 авг.
1965 Комарово

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭНУМА ЭЛИШ¹

Драма в трех частях

Часть первая — На лестнице

Часть вторая — «Пролог»

Часть третья — Под лестницей

Сожжена 11 июня 1944 г. в Фонтанном Доме, написана в Ташкенте, 1943—1944 гг.

<ЧАСТЬ ПЕРВАЯ>

Фон — полустройка, полуруина. Театр величиной с Колизей. В окнах мелькают подозрительные фигуры: не то убийцы, не то призраки. Перед руиной садик. Статуи. Девушка с веслом. (Некто: «А эта тоже выставилась!» Девушка с веслом звонким девичьим голосом отвечает нечто, находящееся по ту сторону печатного слова.) Лестница прикреплена к стене высокого дома. Икс — в застиранном сарафане, деревянных босоножках, с пустой авоськой. Встречи на лестнице. Москвич. Ленинградец. Секретарша нечеловеческой красоты. Возвращенье рукописи. Режиссер. Журналист.

Край базара. Под стеной юродивый Вася — всклокоченный, полуголый слепой. Гадает, к нему очередь. Икс выглядывает из окна — опускает на Васю яблоко. Он угадывает, что яблоко от нее. Движенье в очереди («С утра стоим» и т. д.).

---

¹ Драмy «Энума Элиш» («Когда вверху» в переводе с древневавилонского) Ахматова писала в Ташкенте, во время эвакуации. Весной 1943 г. были завершены первая и третья части пьесы, а вторая — трагедия в стихах «Пролог» — оставалась, по всей видимости, на стадии замысла. В 40-х годах рукопись драмы была сожжена автором в Ленинграде.

В 60-х годах Ахматова вернулась к работе над пьесой. Используя то, что сохранилось в памяти от ташкентской редакции, она писала, в сущности, новое произведение. По мере работы над ним уже написанные фрагменты подвергались нередко коренной переработке, менялась их компоновка, причем трагедия «Пролог, или Сон во сне» занимала все более важное место в планах автора.

Дошедший до нас текст состоит из разрозненных, часто противоречащих друг другу прозаических и стихотворных сцен, фрагментов и набросков, между которыми нелегко обнаружить связь. В наст. издании делается попытка реконструкции как драмы «Энума Элиш» в целом, так и различных вариантов замыслов, возникавших у Ахматовой в процессе работы. Подробнее об этом см. в примечаниях. — *Составитель.*

Икс. Вася, погадай мне.

Слепой.

Не бери сама себя за руку,
Не веди сама себя за реку,
На себя пальцем не показывай,
Про себя сказку не рассказывай...

Идешь, идешь и споткнешься...

* * *

Конец Первого действия. Телеграмма из Москвы — «Пролог, или Сон во сне» разрешен. Сцена, где все вверх дном (вплоть до Девушки с веслом).

ИНТЕРМЕДИЯ

Уголок за кулисами. Фрося гримирует Икс. Она еще в «костюме», т. е. босая, с распущенной темной гривой, смотрится в черный обломок зеркала. Луна.

Икс (*ломаю руки*). Беда, беда! Это нельзя играть — там нет конца — я не успела, то есть был, но кто-то...

Фрося. Знаем мы твоих кто-то. Небось скрипач?

Икс. Что ты...

Фрося. А ты сходи к нему в башню — слышишь, как играет.

Икс. Наша Чакона... (*Танцует.*)

Входит высокая Фигура в парандже. Держит перед собой плоскую корзинку с фиалками.

Икс. Кто это?

Фигура в парандже. Сейчас разберем, кто — кто.

Икс. Тут не хватает пяти страниц. Как же играть? Ведь это — скандал.

Фрося. А ты что думала? (*Передразнивая.*) Скандал! Мировой.

Фигура. Ничего, я допишу.

Икс (*в ужасе, почти догадываясь*). Кто Вы?

Фигура (*сбрасывая паранджу*). А я — вот кто — (*и оказывается самой Икс*).

Икс. Но там стихи.

Фигура. А стихи-то ведь я писала. Фрося, дай роль. Чем там кончается?

Фрося.

Имя твое мне сейчас произнести
Смерти подобно.

Фигура. Знаю, знаю... (Садится спиной к зрителю, закуривает, почти голая, — что-то бормочет.)

* * *

Икс 1. Ты дописала до конца?

Икс 2. Почти.

Икс 1. Но до какого места?

Икс 2 (небрежно смотря в рукопись).

Окровавленная и пустая,

Но она должна быть, наша связь...

Икс 1. А дальше?

Икс 2. Я буду импровизировать.

Фрося. Воображаю.

Икс 2. Ты всегда воображаешь. Заколи лучше этот шов.

Фрося (закалывая). Ах, догуляетесь обе.

Икс 2. Значит, я играю тебя.

Икс 1. Да. (В парандже и с фиалками уходит.)

Вдали оркестр играет еще не слышанную увертюру. Фрося подает телеграмму. Икс 2 читает, роняет телеграмму.

Икс 2 (бормочет). Боже мой! Опять.

Помреж (приоткрыв дверь). Ваш выход.

Икс 2 уходит.

Фрося (поднимает телеграмму и читает вслух). «Поздравляю. Жду, как всегда, за поворотом».

Звонит телефон.

Фрося (берет трубку). Слушаю. Театр. Передать в антракте? Слушаю. Записываю. (Повторяет.) «Я сижу в третьем ряду. Когда будешь танцевать Чакону, брось мне розу». (Про себя.) Опять этот? И сколько раз я в глазок глядела. Третье место в третьем ряду всегда пустое.

<ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ>

По просцениуму проходят две тени. Полный мрак. В его руке карманный фонарик. Он ведет ее за руку. Оба в длинных черных плащах. [Третья баллада Шопена.]

Она.

Мир не видел такой нищеты,
Существа он не знает бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

О н. Ишь ты!

Она.

Но за те восемнадцать строчек
Подари мне «вдовый кусочек»,
Расскажи им мою судьбу
И к какому иду столбу.

Крик из зрительного зала: «Не она! Не она! Не та!»

О н.

Ах, тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

Она.

Дорогою ценой и неожиданной
Я пойму, что он помнит и ждет,
А быть может и место найдет
Он могилы моей безымянной.

О н. Я что-то не вижу суфлерской будки. Хочешь, я войду с тобой в пещеру, стану за уступ и буду подавать тебе текст?

Она. Я Бога молю забыть хоть что-нибудь.

<ЧАСТЬ ВТОРАЯ>

Вероятно недавно случилось нечто, что позволило мне вспомнить, казалось, навсегда потерянную рукопись. То ли цвет неба над Римом, то ли стук вагона в Альпах, то ли запах каких-то допотопных духов уже совершенно неизвестно где и всего вернее во сне. Кто-то спрашивает: «Снятся ли запахи?» Я отвечаю: «Не знаю, я всю жизнь ощущаю во сне запахи Павловского вокзала (натертый паркет, павловскую землянику, цветы в киоске налево — особенно резеда, хорошие сигары и т. д.)».

А рукопись? — Бумага желтоватая, написано чем-то очень черным — словно углем или тушью. — Можете прочесть текст? — Конечно, могу. Слушайте.

Ядовито-зеленый луч полной луны шарит по пещере, как прожектор. Навстречу ему спящая встает и под отдаленные звуки Чаконы (играет альт) пляшет со своим отраженьем. На стене пещеры огромное черное пятно от саксаульного дыма. Она говорит пятну: «Не прячь его, он мне нужен и больше никто». Читает алмазную дарани: «Джале, джуле, джуньда, сваха, брум». Пятно светлеет, и где-то в его глубине появляется Тень.

Она. Иди сюда!

Тень. Не могу. Кто зовет меня?

Она. Наш праздник сегодня.

Тень. Какой праздник? Я не знаю Вас.

Она. А я разве знаю тебя! — Я назвала тебя в поэме Гостем из Будущего... В этот день через три года — наша первая встреча.

Тень. Где она произойдет?

Она. Там, где сейчас только смерть. Гляди!

В пятне, то есть между ней и Тенью — Ленинград под обстрелом. Пожары, братские могилы.

Она. Горят все дома, где я жила. Горит моя жизнь. (Содрогаясь.) И это только начало.

Тень. Начало? — Ты думаешь, что все можно пережить?

* * *

Тень. Но как мы попадем туда? Ведь я за океаном, а ты здесь, в горах.

Она. Нас приведет туда та, для кого океан — лужа, а Памир — не кровля мира, а крыша коровника. Гляди!

В пятне показывается Победа — худая высокая женщина с сумасшедшими глазами, в кровавых лохмотьях. Гимны.

Она. Она приведет тебя с Запада, а меня с Востока для самой главной встречи. И я молча буду молить тебя: спаси меня.

Тень (с надеждой). И я...

Она. И ты погубишь меня.

Тень. Я никогда никого не губил.

Она. И не будешь губить. Ты погубишь меня одну. И на твою сторону перейдут все, даже всегда мне верная Муза. Я десять лет буду одна. Совсем одна. Десять лет и одна.

Тень (становится на колени). Сделай, чтоб этого не случилось.

Она. Сожги книгу, что лежит у тебя на столе.
Тень. Так вот ты кто!
Она. Да.

* * *

Гость из Будущего. Может быть убить тебя?
Икс. И ты тоже. Все они хотели убить меня. По этой фразе я узнаю, что ты еще не тот, кто это сделает — это он будет за поворотом (он всегда за поворотом), это его я еще не видела (*закрывает лицо руками*), а может быть не увижу.

Гость. Хочешь, я спрячу тебя от него?

Икс. Меня никто не может спрятать от него. Даже он сам.

Гость. За что он убьет тебя?

Икс. Не за что, а зачем...

Гость. Зачем... Ты бредишь, ты всегда бредишь.

Икс. Нет, ты когда-нибудь прочтешь об этом на всех языках. Чтоб слышать завещанный ему стон...

Гость. Я нашлю на тебя немоту.

Икс. Нет, ты изменишь мне в десятую годовщину нашей встречи. Так делали все.

Гость. А он?

Икс. Не говори о нем — мне страшно, а вдруг он услышит.

[Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Гость из Будущего возвращается в стену и меркнет.]

Голос. Ты спишь еще?

Икс (*очень спокойно*). Вот чего я боялась всю жизнь. Сплю.

Голос. Дай мне сейчас талисман, по которому я узнаю тебя на земле.

Икс (*покорно*). Слушай. (*Поет или произносит.*)

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, нет.
Для тебя я словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.
Ты с собой научишься бороться,
Ты — проникший в мой последний сон,
Проклинай же снова скрип колодца,
Шорох сосен, черный грай ворон,
Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,

То, чем я была и чем я стала,
И тот час, когда тебе сказала,
Что ты, кажется, приснился мне.
И в дыхании твоих проклятий
Мне иные чудятся слова,
Те, что туже и хмельней объятий,
А нежны, как первая трава...

Г о л о с. А ты простишь меня?

И к с. А ты не будешь просить прощенья.— По каким приметам я узнаю тебя?

Г о л о с. Ты знаешь...

И к с. А все-таки скажи.

Г о л о с. Ты знаешь...

И к с. Я знаю только одно. Ты будешь тем, чего я больше всего боялась в жизни и без чего я не могла жить,— вдохновеньем.

Г о л о с. Я был с тобой столько раз — и когда ты молилась Маргаритой и плясала Саломеей, изменяла Эммой Бовари, когда ты спасала душу и губила тело и когда ты спасала тело и губила душу, и когда со своей знаменитой современницей колдовала, чтобы вызвать меня, и я даже начинаю подозревать, что ты и она — одно...

И к с. Нет, только не это.

Г о л о с. ...и я понял, что мне нужно только одно — твой стон, что без него я больше не могу, и пусть я знаю, что я один виновник всего, всего. Мне довольно тебя с другими! и твоих стихов — другим, и всего, всего твоего.

И к с. Но ты во мне, и я в тебе...

Г о л о с. Неправда. Слушай:

Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя своею песней,
Кровь твою на землю не пролив.
Я рукой своей тебя не трону,
Не взглянув ни разу, разлюблю,
Но твоим невероятным стоном
Жажду, наконец, я утолю.
Ту, что до меня блуждала в мире,
Льда суровой, огненной огня,
Ту, что и сейчас стоит в эфире,—
От нее освободишь меня.

Какое-то замешательство. Сначала обыкновенный, затем железный занавес.

<ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ>

Перед упавшим занавесом с грохотом съезжаются половины большого стола под зеленым сукном. На столе графины, стаканы, карандаши, блокноты и т. д.

Выходят (отовсюду) участники собрания и садятся за стол. Из-за железного занавеса выводят Икс. Она в ночной рубашке, длинные темные волосы распущены, глаза — закрыты.

Выносят портрет Сталина и вешают на муху. Портрет от ужаса перед оригиналом держится на мухе. Призраки в окне театра падают в обморок.

Вбегают сошедший с ума Редактор с ассирийской бородой. Ему кажется, что телефонная трубка приросла к его уху, а его все время пугает Некто с грузинским акцентом.

На тачке ввозят горы сочувственных телеграмм. Председательствует Самый толстый.

Самый толстый (звонит). Товарищи! Объявляю...
Вахтерша. Товарищ Ж., Вас вызывает Москва.
Самый толстый. Иду. (Бежит по ногам сидящих за столом.)
Кто-то. Ну, это на полчаса.

Группы, общие разговоры, обрывки фраз: «Это можно было предвидеть...», «Я только вчера жене говорил...», «Вот Бэба не даст соврать...»

Самый толстый вернулся с бумагой. Все снова усаживаются...

Самый толстый. Как Ваше имя?
Икс. Все так же...
Соперница (с места). Какая наглость!

Соперница — еще не старая, красивая, очень нарядная дама.
В глазах — беспокойство.

Самый толстый (к Икс). Вы отдаете себе отчет в том, что здесь совершается?

Икс. Это уже было, это еще будет, но где и когда?
Кто-то. У нее мнимые воспоминания.

Писатель. Она отговорила моих читателей читать меня.

Другие писатели (хором). И моих отговорила.

Самый толстый (к собранию). Этого достаточно?
Разрешите огласить резолюцию, вынесенную единогласно.

Все. Просим, просим.

Самый толстый. Икс — 1) исключается из всех

литературных организаций и снимается со всех видов до-
вольствия, дополнительной квартирной площади, дров, ме-
дицинской помощи, перевязочных средств и т. д., 2) все ее
произведения передаются великой дочери нашей родины
Бэлле Гуталиновой.

Бэлла (с места). Гусаковой. Прошу выдать мне вы-
писку из протокола.

Секретарша нечеловеческой красоты передает Бэлле
стопку книг. Самого толстого опять вызывает Москва. Со пер ни ца,
красивая дама средних лет, искусно собирает вокруг себя слушателей.

Со пер ни ца. У меня есть доказательства, что все
свои ранние стихи она украла у секретаря китайского по-
сольства Хи-хи-хи. Бедный Хи-хи-хи даже повесился — это
знал тогда весь светский Петербург.

Кто-то (из последних сил). А поздние?

Со пер ни ца. А поздние она украла... у меня.

Кто-то. Хорошо, что Вы не повесились.

Смех.

Неожиданно налетает афганец дикой силы. Гаснут свечи на судейском
столе. Пыль столбом. Минуту зритель ничего не видит, а когда свет
снова загорается, за судейским столом рядом с Самым толстым сидит
Некто в голубой фуражке.

Некто в голубой фуражке (очень громко чи-
тает). Гражданка Икс привлекается к ответственности со-
гласно статье Уголовного кодекса ... пункт ... по обвинению
в убийстве...

Икс (перебивает). Кого?

[Второй порыв афганца.] И все с ужасом видят, что она наконец
открыла глаза, но ее огромная грива совершенно седая.

Некто в голубой фуражке (грубо). А Вы
сколько убийств совершили?

Со пер ни ца. Я как общественный обвинитель долж-
на до начала разбирательства зачитать список ее жертв.

Лучшая подруга уже в прокурорском
мундире (перебивает ее). Я бы сначала хотела заслу-
шать свидетеля защиты.

Двое конвойных выводят под руки слепого юродивого Васю.

Вася. Вы чего меня держите? Я и так скажу. Она —
добрая, она мне яблочки давала.

Икс (кричит). Вася!

Лучшая подруга в прокурорском обли-
чье. Тайно давала отравленные яблоки для раздачи на-

селению. Число отравленных еще не выяснено. (Конвою.)
Уведите подсудимого.

Васю уводят.

Свидетелями обвинения оказываются все, находящиеся на сцене, кроме неподвижной и безмолвной Фигуры в парандже, продающей фиалки у входа в сквер. Ссоры в очереди свидетелей обвинения. [Все спешат дать показания.] Отдельные восклицания:

— При мне хвалила Джойса...

— Некоторые думают, что заброшена к нам неприятелем и спустилась на парашюте...

— Я сам видел, как что-то летело с неба...

— Перебегала границу... Переплыла реку Пяндж...

— Торговала на Алайском рынке паспортами...

— Украла подводную лодку, [чтобы совершить побег]...

[Старый поэт. Давала световые сигналы немцам. Икс (наконец не выдержав). Откуда?

Соперница. Не все ли равно откуда — важно куда.]

Красавица. Увела у меня трех мужей.

Ханжа. У меня одного, который жил со мной пятьдесят лет. Мы ворковали, как голубки.

Новый муж ханжи (в ужасе). Боже, сколько ж тебе лет?

Двое убийц из Первого действия (к чьей-то спине). Зайди, парень, в аптеку, достань кокаину. (Показывает ему что-то блестящее.) Хорош браслетик?

Некто в голубой фуражке (подзывает их, тихо). Если опознаете ее, катись дальше.

Двое убийц. Что Вы, гражданин начальник. Мы разве что. А ее знаем как облупленную. Она это... Зайченко и Ахметова сманила. Все показать можем.

Икс. Кого я убила?

[Голос радио (с сильным грузинским акцентом). Что делает проработанный товарищ?]

Икс падает.

Соперница (с места). Это ее любимый прием. Предлагаю продолжать собрание.

Из мрака вылетает огромная птица и опускается на грудь Икс.

Соперница. Это ее дрессированный попугай.

Секретарь [Самый толстый] (несколько смущенно). Товарищи! Кто тут врач?

Выходят шесть человек — трое мужчин и трое женщин.

Секретарь. Посмотрите, что с ней.

Все шесть. Она умерла — оттого и упала.

Мордик-Бородач. Товарищи! Через четверть часа начинается репетиция моей только что разрешенной и увенчанной премией пьесы «Прохор Сыч — сын партизана».

Все вскакивают с места и бегут за Мордиком, перепрыгивая через труп Икс. Сцена опустела. Выходит слепой <Вася>. Ключкой нащупывает тело. Становится на колени, берет руку мертвой. Узнает ее по кольцам.

Слепой. Соседка... Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей... А имя-то ей как?

Занавес

[Пасха. 1943. Ташкент]

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ДРАМЫ «ЭНУМА ЭЛИШ»>

I

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ПЛАНОВ>

1

I <ЧАСТЬ>

Театральная уборная. Икс, Икс 2 и Фрося. Икс ломает руки — нет конца «Пролога». Входит Икс 2. Ей ведомы начала и концы... Двойники переодеваются.

II <ЧАСТЬ>

Пещера (подробное описание). Икс 2 в сомнамбулическом сне, за ней — в броне. Икс 2 молится, не приходя в себя, и ложится на овчину.

Некто на стене. Ты звала меня?

Икс 2. Ты кто?

Некто. Я тот, к кому ты приходишь каждую ночь и плачешь, и просишь тебя не губить. Как я могу тебя губить? — я не знаю тебя, и между нами два океана.

Икс 2. Узнаешь. Сначала ты узнаешь не меня, а одну маленькую книжку, потом... Мы будем сидеть в моей полутемной комнате перед открытой печкой и, скрывая друг от друга, непрерывно вспоминать то, что происходит сейчас. А может быть ты в театре и любишь себя собой наскальным?

В зале — замешательство. Крик: «Воды, врача...» Громкий стон...

Некто на стене. <Реплика не дописана.>

2

Икс и Фрося. (7-й ряд.) Проход по авансцене. (Стихи.) Пещера — птицы, костер. Черное дымное пятно на стене.

Икс, задремывая, диктует автобиографию Орлу Феде. Показывается Луна. Альт вдали играет Чакону Баха. Икс встает и начинает танцевать со своим отражением. Танцуя, подымается по ступенькам каменной лестницы, а отражение прячется в воду.

Федя (воронам). Летите за ней.

Альт смолкает. Выстрел. Прилетают вороны. (Федя и вороны.) Возвращается Икс в сомнамбулическом припадке. Ложится — дремлет. Луна. (Может быть, люди наверху. Угрозы.) Она садится, протягивает руки, начинает вызывать (из пятна) И. Он появляется в виде Тени. (Икс и И.) Возникает Голос — Последняя Беда. (Икс и Беда.)

<10 ноября 1964 г.>

II

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ИНТЕРМЕДИИ В ТЕАТРАЛЬНОЙ УБОРНОЙ>

1

Икс перед зеркалом. Ее гримирует Фрося.

Икс. Не могу, все равно не могу.

Фрося. Брось трепаться. Все — можешь.

Икс. Никто не знает, что у «Пролога» нет конца. Я не успела. Его нельзя играть.

Фрося. У нас все можно.

Голос-эхо. Все можно.

Обе женщины в ужасе. Из зеркала выходит двойник Икс.

Двойник.

Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем еще не надо говорить.

Икс. Кто ты?

Двойник. Я — ты ночная... Мне надоело во сне. Я буду делать все, о чем ты думала, но Фрейд тут ни при чем. Я — все сделаю сном, а явь спрячу в мешок.

Икс. А что же я буду делать?

Двойник. Наденешь паранджу и пойдешь в сквер продавать фиалки. (Набрасывает на нее паранджу и выталкивает за дверь. К Фросе.) Дай роль. (Читает, бормочет.) Слабо, в лоб, не то, я им сейчас покажу. (Пляшет. Орлу.) Федя, <бери перо>.

Театральная уборная. Фрося гримирует Икс. Та ломает руки.

Икс. Нет, это невозможно. Я не успела кончить — там всего полпьесы. Будет скандал.

Фрося. Скандал все равно будет. Мировой. У нас все можно.

Входит высокая Женщина в парандже, с корзиной фиалок.

Икс (почти плачет). Я не могу, не могу.

Женщина. Бери паранджу и иди в сквер продавать фиалки — я за тебя сыграю.

Икс. Там играть нечего.

Женщина отбрасывает паранджу — оказывается двойником Икс.

Икс (пятится). Кто ты?

Женщина. Я — ты ночная. (Фросе.) А ну, дай роль.

Та протягивает мятые листы.

Икс. Там полпьесы.

Женщина. Ничего, я сейчас сделаю конец.

Икс. Там стихи.

Женщина. Стихи-то все равно я пишу. Какое там последнее слово?

Икс. «Неизвестный становится на одно колено и с смертельным криком исчезает».

Женщина. Ладно. (Пишет.) Знаю.

Орел Федя. Беда!..

Слышна музыка.

Женщина (бормочет). Прощай, прощай!

Top époux court le monde et ta forme immortelle
Veille près de lui quand il dort...¹

Нет, не так — так не поймут. — Мы оба будем знать, что за дверью гибель, но другая сила возьмет верх даже над страхом, даже над жалостью, даже...

А теперь гуляй, мой лебедь,

И три года жди меня...

(<Вставить:> Монолог — о их первой встрече.)

[2 октября 1963. Будка.]

¹ Супруг твой странствует, но тень твоя бессмертна:
Когда он спит, то рядом бдит она.

(Пер. с франц. А. Анфертьева.)

III

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ (СЦЕНЫ В ПЕЩЕРЕ, В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА, АНТРАКТ ЗА КУЛИСАМИ)>

1

Пещера. Остатки старого костра. Горка саксаула. Задымленная стена освещена полной луной. Так же освещена стоящая на козьей шкуре И к с. В глиняном кувшине одна роза.

2

Пещера с отверстием в своде. Оттуда зеленые беспощадные лучи луны. На полу остатки костра. Стены почернели от саксаульного дыма. Наверху появляется И к с. Пляшет. Сходит вниз по почти отвесной стене. Молится и ложится на овчину в углу.

Влетают вóроны.

Орел (*просыпаясь, спрашивает*). Как, что?..

Вороны (*хором*). Плохо, совсем плохо.

Орел. Опять?

Вороны. Стреляли в нее.

Орел. Кто стрелял?

Вороны. Из толпы.

Орел. Зачем толпа? (*Старшему ворону.*) Рассказывай ты.

Старший <ворон>. Она шла, как всегда, по карнизу и вдруг вошла в окно, где была музыка. Мы думали — ничего, и вдруг слышим — она плачет. Вышла и пошла дальше, за ней человек...

Орел. На смерть?

Вороны (*хором*). Конечно, конечно!!! Собрались люди — кричали: «Призрак-праведница!» Другие: «Религиозная пропаганда! Муллы подстроили!»

Орел. А кто стрелял?

Вороны. Солдаты.

Орел. А что говорили?

Вороны. А мы почему знаем? — По-русски. Мы узбекские вороны, мы по-русски не обязаны... А она идет, вся светится, ничего не слышит, и как спустилась — непонятно, и все бормочет...

<Один из воронов>. Послушай, я запомнил. Хочешь, сыграю на бубне?

Орел. Тише, разбудишь.

И к с (*приподымается на локте*). Да, да — это я. Можно.

<Она> (птицам). Улетайте все. Мне нужно, наконец, с ним объясниться.

Федя (вздыхает, бьет крыльями). Так-то вы, женщины, и попадаетесь.

Вóроны. Кар-кар. Мы понимаем только по-узбекски.

Федя. И то плохо.

.....

Она.

А я была неверной, как любовь,
Невернее шотландской королевы,
Неверней всех, чьи шеи в полночь гнева
Их собственная украшала кровь.

4

<После Интермедии в театральной уборной.>

Сцена повернулась. Пещера. Ночь. Орел Федя и <2 нрвб.>.

Икс (задремывает). Федя, я сегодня буду диктовать тебе мою биографию. Слушай.

Орел. Только, пожалуйста, не диктуй такие глупости, как прошлый раз. «Половину негоже», — как говорила моя бабушка. И кто это тебе поверит, что ты — и то, и то... И в последний раз предупреждаю, что стихи записывать не стану. От них только горе. Знаешь, что с М. из-за стихов случилось! Просто перо жалко для такого вырвать <?>.

5

<ВАРИАНТ ПРЕДЫДУЩЕГО ФРАГМЕНТА>

Пещера. Еще мало луны.

Икс 2 (дремлет — сквозь сон Орлу). Федя! Бери перо — я опять буду диктовать.

Федя (недовольно). Только не такой вздор, как прошлый раз. Пера жалко и за тебя стыдно.

Икс 2. Не бойся — сегодня только хорошее.

Федя. И пожалуйста, чтоб не стихи. Ты знаешь, что теперь бывает за стихи.

Икс 2. Знаю. Все знают. Да у меня без рифм — ты не заметишь, что это стихи.

Федя. Да не во мне дело. Ладно. Говори.

Икс 2.

И никакого розового детства,
... ни мишек, ни кудряшек,
Или друзей средь камушков речных...

6

Икс, засыпая, диктует; Орел пишет.

<Икс.>

И никакого розового детства,
Ни добрых тетя, ни страшных дядя — ни даже
Товарищей из камушков речных.
Себя чуть помню — я себе казалась
Событием невероятной силы
Иль чьим-то сном, иль чьим-то отраженьем,
Или ночным глухим пещерным эхом.

Уже в пять лет я двойников своих
Искать ходила, и казалось мне,
Что видела их сотнями повсюду.
То мне казалось, что меня к чужим
Подбросили — я никого не знаю
И злодеяние в себе несу,
И что это вот-вот откроют люди.
А в зеркале я за спиной своей
Так часто что-то лишнее видала...

7

Икс. Федя, это ты Петербург основал?
Федя. Я.— Я тогда был ручной. Это я в шутку.
Икс. Люблю такие шутки!

8

Двое встречаются наверху. Видны только их тени.

Первый. Берегись, здесь дыра...

Второй. Вижу. С такой луницей не оступишься.

Первый. Говорят, она где-то тут прячется. (Заглядывает вниз.)

Вороны кричат.

Первый. Да тут полно воронья.

Второй. Мне наш сосед рассказал. Тот ее музыкой заманил. Что-то прежнее, ихнее заиграл, она и прыгнула в окно.

Первый. А зачем сам-то за ней пошел?

Второй. Поди узнай. Он — мертвый, а она ничего не помнит.

Первый. Ну все равно — надо с ней кончать.

Второй. А как же. Мой мальчишка — и тот туда же: «Я бы за ней всюду», — говорит.

Первый. Зараза!

Снизу — голос Икс.

Икс.

Предо мною опять эта дверь его,
Только в дом его я не войду,
Пусть была из волшебного дерева
Скрипка, что мне играла в аду.

Первый. Уйдем!

Второй. А я бы послушал еще!

Кто-то на стене. Часы твои сочтены...

Икс. <Реплика не дописана.>

9

Кабинет директора.

Помреж (*вбегает*). Не дать ли занавес?

Директор. А что?

Помреж. Да она не то говорит. Всех нас погубит.

Директор (*испуганно*). Политическое?..

Помреж. Нет, нет... бред какой-то любовный, и все стихами...

Директор (*успокоясь*). Стихами? Вздор! Послушать разве? Я сам когда-то в молодости писал стихи. О публике не беспокойтесь. Кто это когда-нибудь заметил отсебятину на сцене?

Подхалим. Как это верно!

Ее голос.

Этот рай, где мы не согрешили,
Тошен нам,
Этот запах смертоносных лилий
И еще не стыдный срам.
Снится улыбающейся Еве,

Что ее чрез грозные века
С будущим убийцею во чреве
Поведет любимая рука.

[13 ноября 1964 г.]

10

АНТРАКТ (ЗА КУЛИСАМИ)

Перед занавесом, упавшим в глубине сцены.

Младший. Видел? — первую скрипку вперед ногами выволокли. Как без него и пьесу кончать будут!

Старший. А полковница в третьей ложе! Муж бусует, матерится, жаловаться, говорит, будет. Интересно, кому только?

Младший. Не очнулась? А иностранец...

Старший (*перебивает*). ...с пластырем на глазу?

Младший. Да. Лежит у директора. Сообщили, кому надо.

Старший. А как же! Может, это условный знак. Время — военное.

Проходит безмолвная Фигура в парандже.

[Бах. *Re minor*. 13 октября 1963]

IV

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ (ДИАЛОГИ МЕЖДУ ИКС И ГОСТЕМ ИЗ БУДУЩЕГО)>

1

На стене в пятне саксаульного дыма проступает кто-то.

Кто-то. Ты звала меня?

Она. Да, я хотела сказать тебе, что до нашей первой встречи осталось ровно три года.

Кто-то. Как долго. Сделай, чтоб скорее.

Она. Я не могу, я ничего не могу.

Кто-то. Или все.

Она. Нет, я только все вижу.

Кто-то. Как я найду тебя?

Она. Ты сначала найдешь не меня, а маленькую бе-

люю книжку и начнешь говорить со мною по ночам во сне. И это будет слаще всего, что ты знал.

Кто-то. Это уже случилось, но в книжке нет твоего голоса. А я хочу так, как сейчас.— А почему я пойду к тебе?

Она. Из чистейшего злого низменного любопытства, чтобы убедиться, как я не похожа на свою книгу.

Кто-то. А дальше?..

Она. А когда ты войдешь, то сразу поймешь, что все пропало. И ты скажешь мне те слова, которые мы оба так хотели бы забыть. Забыть, разве такое счастье бывает на земле!

Кто-то. Увы! — я уже сейчас помню, как будет пахнуть трагическая осень, по которой я приду к тебе, чтобы погубить тебя, не коснувшись твоей руки, не поглядев в твои глаза.

Она. И уйдешь, и оставишь дверь открытой таким бедам, о которых не имеешь представления.

Кто-то. А ты?

Она. Я долго и странно буду верна тебе и холодными глазами буду смотреть на все беды, пока не придет Последняя.

Кто-то. Какая?

Она. Та, что была за поворотом, и мне ее не показали, когда во время тифозного бреда я видела все, что случится со мной. Все... до поворота.

2

Гость из Будущего проступает как тень на каменной стене. Икс садится; не открывая глаза, протягивает к нему руки и бормочет.

Она.

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить?
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?

Он. До нашей первой встречи осталось еще три года.

Она. А до нашей последней встречи всего только год. Сегодня 28 августа 1963.

Он. Ты бредишь, ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужаснее, что твой бред всегда сбывается.

Она. Сказать тебе, чего мы будем бояться, когда встретимся?

Он. Скажи.

Она. Умереть от нежности друг к другу.

Он.

Да, умереть от нежности друг к другу
Боялись мы...

Она. Это еще не самое худшее.

Он. Тот ужас, который возникнет от нашей встречи, погубит нас обоих.

Она. Нет, только меня. Может быть, ты хочешь не появляться?

Он. Да — хочу. И чем больше хочу, тем несомненное появлюсь. Если бы не эта жажда... — Позволь мне подойти к тебе...

Она. Ты знаешь, что если подойдешь — мы оба проснемся, а где и кем окажемся... И это будет вечная разлука...

Он (молча закрывает лицо руками). Зачем ты такая, что тебя нельзя защитить? Я ненавижу тебя за это. Скажи, ты боишься?

Она (протягивая руки). Я боюсь всего, а больше всего — тебя. Спаси меня!

Он. Будь проклята.

Она. Ты лучше всех знаешь, что я проклята и кем и за что!

Он. Ты знаешь, что ждет тебя?

Она. Ждет, ждет... Жданов.

Слетаются в б р о н ы и хором повторяют последнее слово.
Адские смычки.

Она. Я разбудила моих птичек. Смотри, не проснись и ты.

Он. Я проснусь только, если коснусь тебя. (Выходит из стены и становится на одно колено.) Все равно — я больше не могу терпеть. Все лучше, чем эта жажда. Дай мне руку.

Удар грома.
Железный занавес.

Он. Этого не будет!

Она. Это уже было.

Он. Что Вы наделали? Как же я теперь жить буду?

Она. Ты скажешь это слово, когда уже не будет войны, в Крещенский сочельник за семь тысяч километров отсюда в старом дворце — повернув налево с моста. Скажешь и уйдешь и оглянешься. А когда оглянешься, виски твои станут седыми.

Он. Может быть, ты бредишь?

Она. Нет, ты прочтешь об этом во всех газетах и на всех языках.

Тень. Вы будете ждать меня?

Она. Никогда. Я всегда буду знать, что ты не придешь.

Тень. Нет, я вернусь летом. (*Бормочет.*) A Râques ou à la Trinité? ¹

Она. А что ты любишь больше власти?

Тень. Вас.

Она. А что ты ненавидишь?

Тень. Тоже Вас. Что Вы наделали? Как же я теперь буду жить? Скажите мне что-нибудь, что нельзя забыть.

Она (*насмешливо*). А Вы надеетесь забыть хоть одно мое слово?

Тень (*закрывает лицо руками*). А если Вы умрете?

Она. Вздор — я не могу умереть. У меня еще столько дела на земле.

Тень. Боже мой!

Она. Да, да, но я подарю тебе на память свою тень — она никогда не покинет тебя.

Он. Они убьют тебя? — Убьют сегодня?

Она. Нет, хуже. Сегодня они убьют только мою душу.

Он. Как же ты будешь жить?

Она. Никак. Я буду не жить, а ждать Последнюю Беду, а она придет не скоро.

---

¹ Очень поздно? или Никогда?—букв.: На Пасху или на Троицу? (*франц.*).

Он. Хочешь, я совсем не приду?

Она. Конечно хочу, но ты все равно придешь.

Он. Я уже вспоминаю наши пять встреч в страшном полумертвом городе в новогодние дни, когда ты <мне, пришедшему> «в проклятый дом — в твою тюрьму», из своих бедных нищих рук вернешь главное, что есть у человека — чувство Родины, а я за это погублю тебя.

Она. А после... Я ждала или буду ждать тебя ровно десять лет и молчать. И ты не вернешься. Ты хуже, чем не вернешься. Но вместо тебя придет Она:

Легконогая, легкокрылая,
Словно бабочка весела,
И не страшная, и не милая,
А такая же, как была.

Он. Это ты про Музу?

Она. Да.

Он. Она заменит тебе меня?

Она. Да, так же, как она заменяла мне всех и все.

Он. А я забуду тебя?

Она. Забудешь, но раз в году я буду приходить к тебе во сне — Ариадна — Дидона — Жанна, но ты будешь знать, что это я.

6

Гость. Ты устала?

Икс. Да. Я говорила с ними.

Гость. Кто они?

Икс. Мертвые.

Гость. Что они тебе сказали?

Икс молчит. Появляется вереница теней. Кому-то из них Икс кланяется в ноги. Другого целует в лоб. Шествие теней исчезает.

Гость. Я хочу быть твоей Последней Бедой... Я больше никому не скажу те слова, которые я скажу тебе.

Икс. Нет, ты повторишь их много раз и даже мое самое любимое: «Что Вы наделали — как же я теперь буду жить?»

Гость. Как, даже это?..

Икс. Не только это — и про лицо: «Я никогда не женюсь, потому что могу влюбиться в женщину только тогда, когда мне больно от ее лица...»

Гость. И я забуду тебя?

Икс. Да. Но дух твой без твоего ведома будет летать ко мне.

⟨ НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ
(ПОЯВЛЕНИЕ ГОЛОСА) ⟩

1

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда после брюшного тифа в Ташкенте в конце 1942 г. я вышла из больницы, все почему-то стало мне казаться родом драматического действия, и я написала «Энума элиш». Первое и Третье действия были совершенно готовы. Оставался «Пролог», то есть Второе действие. Он должен был быть в стихах и представлять собою кусок пьесы героини «Энума элиш» — Икс. В этой пьесе роль Сомнамбулы исполняла сама Икс. Она спускалась по освещенной лунной почти отвесной стене своей пещеры — после каких-то темных блужданий, не просыпаясь, молилась Богу и ложилась на козьи шкуры, служившие ей ложем. Гость из Будущего под лунным лучом проступал на задымленной кострами стене пещеры. Их первый диалог записан в другом месте <см. выше, стр. 263>...

Гость из Будущего. Но ты не погибнешь?

Икс. Нет на земле силы, которая может погубить меня, пока я не допью Чашу, пока не придет моя Последняя Беда: ни обстрелы, ни голод, ни трехкратный разрыв сердца, ни черный тифозный барак, ни повторные торжества гражданской смерти, — это все вздор по сравнению с тем, что будет потом.

Гость. Ты опять бредишь?

Икс. Нет, все это ты прочтешь когда-нибудь на всех языках.

Гость. Может быть лучше убить тебя сейчас?

Икс. Разве такое счастье бывает на этой земле? Ведь ты сам только чудисься мне.

Гость. Тогда скажи, что ты называешь Последней Бедой?

Икс поет во сне.

Гость. О Боже! Ответь мне...

Икс. На. *(Протягивает ему лист бумаги.)*

Гость *(сходит со стены, берет лист и читает)*. Отчего ты знаешь все, что будет?

Икс. Потому что я наполовину в смерти, а когда я лежала в тифозном бреду, мне показали мою жизнь... до поворота.

Гость. И там была Последняя Беда?

Икс. Нет, она была за поворотом. (Стонет.)

Гость. Только она пугает тебя?

Икс. Нет, я боюсь всего, как Жанна. J'ai eu peur du feu¹. Но зачем так долго. Это будет очень долго. (Стонет.) И она придет, когда все уже будет почти хорошо, и будет она как две капли воды похожа на счастье. Там будут цветы и вереск, серебряное море, гранит, там будет и Голос... Нет, я не могу.

Гость. А раньше?

Икс. Ты знаешь.

Гость. Скажи.

Икс.

Осквернили пречистое Слово,
Растоптали священный Глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.

Гость. Это уже было.

Икс. My end is in my beginning².

Гость. Хочешь, я возьму тебя с собой?

Икс (с отращением). Это уже было... и много раз. (Мне голос был...)

Гость. У тебя мнимые воспоминания.

Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Гость из Будущего возвращается в стену и меркнет.

Голос. Ты спишь?

Икс (очень спокойно). Вот этого я боялась всю жизнь. Это ты будешь за поворотом?

Голос.

Будь ты трижды ангелов прелестней

. . . . .

Дай мне талисман, чтобы я нашел тебя.

Икс (покорно). Слушай. Только — «Sois bon, sois doux»³.

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, нет.

¹ Я испугалась огня (франц.).

² Мой конец в моем начале (англ.).

³ «Будь добрым, будь нежным» (франц.).

Для тебя я словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.
Ты с собой научишься бороться,
Ты — проникший в мой последний сон
Проклинай же снова скрип колодца,
Шорох сосен, черный грай ворон,
Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,
То, чем я была и чем я стала,
И тот час, когда тебе сказала,
Что ты, кажется, приснился мне.
Но в дыхании твоих проклятий
Мне иные чудятся слова,
Те, что туже и хмельней объятий
И нежны, как первая трава.

Какое-то замешательство. Железный занавес.

2

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ «ПРОЛОГ, ИЛИ СОН ВО СНЕ» (1963)

Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Тень в стене меркнет. Луна.

Г о л о с. Ты спишь?

Она (*очень спокойно*). Вот этого я боялась всю жизнь.
Это ты будешь за поворотом?

Г о л о с. Да.

Она. Отчего я узнала тебя по голосу? Ведь мы никогда не встречались...

Г о л о с.

Оттого, что я делил с тобою
Первозданный мрак...
Чьей бы ты ни делалась женою,
Продолжался (я теперь не скрою)
Наш преступный брак.
Мы его скрывали друг от друга,
От себя, от Бога, от конца,
Помня место дантовского круга,
Словно лавр победного венца.
Видел новобрачную во храме,
Видел и живую на костре,
Видел и побитою камнями,
И забавой в демонской игре.
Отовсюду на меня глядела,

Отовсюду ты меня звала,
Мне живым и мертвым это тело
Ты как жертву Богу отдала.
Ты одна была моей судьбою,
Знала, для тебя на все готов.
Боже, что мы делали с тобою
Там, в совсем последнем слое снов!
Кажется, я был твоим убийцей
Или ты... Не помню ничего.
Римлянином, скифом, византийцем
Был свидетель срама твоего.
И ты знаешь, я на все согласен —
Прокляну, забуду, дам врагу,
Будет светел мрак и грех прекрасен,
Одного я только не могу —
То, чего произнести не в силах,
А не то что вынести, скорбя,
Лучше б мне искать тебя в могилах,
Чем чтоб вовсе не было тебя.
Но маячит истина простая:
Умер я, а ты не родилась...
Грешная, преступная, пустая,
Но она должна быть — наша связь!

Она.

Лаской — страшишь, оскорбляешь — мольбой

.....

3

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ «ПРОЛОГ» (1943 — ТАШКЕНТ)

Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Гость из Будущего
возвращается в стену и меркнет. Луна.

Г о л о с. Ты спишь?

Она (*очень спокойно*). Вот этого я боялась всю жизнь.
Это ты был за поворотом?

Г о л о с. Да. Скажи мне то, что ты мне скажешь там —
во время нашей встречи.

Она. Отчего я узнала тебя по голосу...

Г о л о с.

Оттого, что я делил с тобою

.....
Словно лавр победного венца.

Она.

Никого нет в мире бесприютней

А нежны, как первая трава...

Голос. Ты простишь меня?

Она. Ты не будешь просить прощения. Покажи мне свое лицо и... глаза. Я должна хоть раз посмотреть в твои глаза.

Голос. Я не могу — меня нет.

Она. Но я вдыхаю тебя с каждым глотком воздуха, пью тебя в каждой капле вина... и в смывках, когда они — ты знаешь, ты все знаешь... и в цветах, особенно в умирающих розах, и оттого в розариуме у меня до обморока кружится голова, потому что тогда мне кажется, что ты зовешь меня.

Голос. Я никогда не зову тебя, я всегда с тобой и даже больше...

[Пасторальная.]

Голос. Я знаю — я отравляю тебя, а ты меня; я становлюсь тобой, ты мной; мы оба гибнем друг в друге, а Жажда все растет.

Она.

Знаю, как твое иссохло горло,
Как обуглен и не дышит рот
И какая ночь крыла простерла
И томится у твоих ворот,
И какими черными лучами
Сквозь тебя грядущее текло
. . . . . пламя
Через задымленное стекло.

Голос. Только твой стон может меня спасти. Не губи меня! Скорее, скорее!

Она. Что ты называешь моим стоном? Неужели?..

Голос.

Будь ты трижды ангелов прелестней

. . . . .

Она приподымается, протягивает руки и, не открывая глаза, бормочет. Все звуки замолкают. Черная тишина.

Она.

А вот они опять передо мною —
Алмазные и страшные глаза,

Какие и у музыки бывают,
Когда она на самой грани
Какой-то верной гибели скользит.
И слушатель тогда в свое бессмертье
Вдруг начинает верить безусловно...

Г о л о с (перебивая). Нет, не то, совсем не то... Еще,
еще...

О н а.

Лаской — страшишь, оскорбляешь — мольбой,
входишь без стука,
Все наслаждением будет с тобой,
даже — разлука.
Пусть разольется в зловещей судьбе
алая пена,
Но прозвучит как присяга — тебе
даже измена
Той, что познала и ужас, и честь
жизни загробной...
Имя твое мне сейчас произнести
смерти подобно...

[Г о л о с. Да, да. Еще, еще...]

[1963. Комарово.]

4

ИЗ ТРАГЕДИИ «СОН ВО СНЕ» (1963—1964)

Г о л о с.

Будь ты трижды ангела прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя своею песней,
Кровь твою на землю не пролив.
Я рукой своей тебя не трону,
Не взглянув ни разу, разлюблю,
Но твоим невероятным стоном
Жажду наконец я утолю,
Ту, что до меня блуждала в мире,
Льда суровой, огненной огня,
Ту, что вокруг меня стоит в эфире,—
От нее освободишь меня.

Дай мне талисман, чтоб я нашел тебя.

И к с (покорно). Слушай.

Никого нет в мире бесприютней

. . . . .

Г о л о с. А ты простишь?

И к с. Ты не будешь просить прощения.

Г о л о с. Я сейчас прошу.

И к с. Мне нечего прощать. Ты был, есть и будешь тем, чего я больше всего боялась в жизни и без чего я не могла жить. Ты был — вдохновеньем. В чистом, единственном и беспримесном виде. Никто в этом не виноват — ни ты, ни я. Ты, не давший мне ни одной минуты покоя, радости или простого земного веселья... Да что там. Ты все знаешь.

Г о л о с. Нет, узнаю когда-нибудь. Они сейчас убьют тебя, а та, которую я встречу, будет и ты, и не ты. И я буду то любить ее, то ненавидеть и губить.

И к с. Да, прощай.

[16 сентября 1963. Будка.]

5

<ЗАМЕТКИ К ТРАГЕДИИ> «СОН ВО СНЕ»

Одна — может быть дневная — кроткая, но не все забывшая. Другая — ночная и еще что-то смутно помнящая. Кроткая хочет покоя.

Стон боли прежних мук и казней стал песней. Эти песни (стихи) пишет только одна из них?

А он (Голос) в ее песнях узнает тот стон, одновременно ненавидит ее и влеком к ней чудовищной силой. Он больше всего хочет забыть и не может. Для нее он всегда за последним поворотом.

6

О н. Ты спишь?

О н а. Да.

О н. Не просыпайся.

О н а. Это ты?

О н. Да, и может быть, в последний раз.

О н а. Ты знаешь, что у нас нет последнего раза.

О н. Но нет и первого.

Она стонет.

О н. Не надо — не могу слышать твой стон. Он напоминает мне тебя и в тюрьме, и на плахе, и на костре.

АХНА АХМАТОВА, 1946

«МОСКВА. ТВЕРСКАЯ». 1924.

Художник *А. Осмеркин*

Она. Ты знаешь, что он перестал быть стоном, а стал <песнями>...

Он. Потому я от них теряю рассудок, в них все.

Она. И еще то, что будет.

[3 августа 1964. Будка.]

7

Икс. И ты придешь не в черный час беды, а когда жизнь, побежденная и усмиренная, будет стлаться мне под ноги ковром, и сам ты будешь как две капли воды — похож на счастье... А я буду тебя ревновать?

Голос. Мы будем все время испытывать одно и то же. И это, может быть, будет трудней всего. И это будет та степень духовного слияния, о которой никто еще не имеет представления. И в этом уже будет — преступление. Мое? Твое? Наше? В этом будет весь ужас и все отращение кровосмесительного брака, то, от чего бежал Эдип...

Икс. ...но оно догнало его и ослепило.

8

Голос. Мы правы перед небом и перед землею, перед близкими и дальними, мы ничего не хотели друг от друга, мы не знали друг друга. Мы родились в разных странах и в разное время, говорили на разных языках, мы боялись друг друга, мы ненавидели друг друга, мы знали друг о друге что-то ужасное. Все это похоже на какое-то чудовищное кровосмешение, хотя мы и в зеркале не смели взглянуть друг другу в глаза.

Она (с ужасом). Не напоминай про глаза. <(Пауза.)> А потом?

Голос.

А потом — перекрестная песня...

И ты знаешь, я делил с тобою

Первозданный мрак...

Чьей бы ты ни сделалась женою,

Продолжался (я теперь не скрою)

Наш преступный брак.

Мы его таили друг от друга,

От себя, от Бога, от конца,

Помня место дантовского круга,

Словно лавр победного венца.

Г о л о с. Мы будем делать все, что нельзя. Мы будем беспощадно уничтожать друг друга. Наша призрачная близость будет казаться нам чем-то ужасным, запретным и темным.

О н а.

Где б ты ни был, ты делил со мною
Непроглядный мрак,
Чьей бы ни была тогда женою
Продолжался (я теперь не скрою)
Наш преступный брак...

О н. Но это только начало...

И к с (*встает, протягивает руки*). Что я дам тебе, чтобы ты узнал меня? Розу, яблоко, кольцо?

Г о л о с. Нет. (*<На мотив:> Моцарт. La major.*)

Мне довольно слушать небылицы
И в груди лелеять эту боль —
Об одном тебя молю — позволь
Выпить ту слезу с твоей ресницы.
Талисманом сладостным ее
Тайно пронесу я через годы
Как залог бессмертья и свободы,
Как благословение твое.

О н а. Все это было — все это будет.

Г о л о с. *<Реплика не дописана.>*

VI

**<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ
(ОНА И ГОЛОС: СТИХОТВОРНЫЕ ДИАЛОГИ)>**

О н а.

Я была одной запретной книжкой,
К ней ты черной страстью был палим.

Я была охотником-мальчишкой,
Ты — любимым соколом моим.
Сколько раз менялись мы ролями,
Нас с тобой и гибель не спасла,
То меня держал ты в черной яме,
То я голову твою несла.

2

Она.

Не тупи напрасно злое жало
О неодолимую броню,
Не таких и на смерть провожала,
Не такого до сих пор виню.
А ты хочешь жгучей каплей яда
Отравить мой первозданный рай.
Ни тебя, ни слов твоих не надо.
Перестань мне сниться! И прощай.

3

Она.

Трижды я была твоей наградой,
И ты трижды говорил: «Уйди!»
Ничего тебе уже не надо,
Но от жажды гибнешь на пути.
Как смертельно пересохло горло,
Как обуглен, как не дышит рот,
И какая ночь крыла простерла
И томится у чужих ворот...

4

Она.

Отпусти меня хоть на минуту,
Хоть для смеха или просто так,
Чтоб не думать, что досталась спруту
И кругом морской полночный мрак.
Знаю, как твое иссохло горло,
Как обуглен, как не дышит рот
И какая ночь крыла простерла
И томится у твоих ворот.

Она.
 Был лучом на синем покрывале,
 Был вином в тяжелом хрустале.

Она.
 ... я жила в надежде,
 Что с тобою встречу наяву.

Она.
 Но со мной расстаться ты не волен
 . . . . .
 . . . . . ворон,
 Мне довольно и шести моих.

Он.
 Хоть бы что-то ты от той хранила —
 Родинку, улыбку, цвет волос!
 Ничего. Но все крепчала сила
 . . . . . рос.

Она.
 Вот какой мне спутник послан Богом,
 Прячу язвы от каких когтей,—
 Мне бы жить за нищенским порогом,
 Мне бы нянчить и растить детей,
 А он мне бросает уголечки
 Из жаровни, знаете какой —
 . . . . .

Она.
 Сколько раз менялись мы ролями,
 Нас с тобой и гибель не спасла,
 То меня держал ты в черной яме,
 То я голову твою несла.
 С каждым разом глуше и упорней
 Ты в незримую стучался дверь,

Но всего страшней, всего позорней
То, что совершается теперь.

Он (*задумчиво*).

Лжешь,— сама была моей судьбою,
Был я для тебя на все готов.
Боже! — что мы делали с тобою
Там, в совсем последнем слое снов.
Кажется, я был твоим убийцей
Или ты... Не помню ничего...
Римлянином, скифом, византийцем
Был свидетель срама твоего.

Она.

Вот ты и услышал запах снова
Моего последнего костра...
Сказано ли каменное слово,
Злая сталь довольно ли остра?

Он.

Все, как ты предчувствуешь, и даже
Может быть оно еще страшней.

Она.

Посмотри, что засияло в саже
И совсем живое на стене.

Оба глядят на стенное пятно от костра.

11

ИЗ ТРАГЕДИИ «СОН ВО СНЕ»

<Он.>

Чудеса твои растут с веками,
Новый мир невидимо творят,
Нежными незримыми руками
Ты пустыни превращаешь в сад.

12

Он.

Видел я, как кровь ее сочится,
Как лежит, мертвея, на лугу,
Но того, что с ней сейчас случится,
Я себе представить не могу.

ИЗ ТРАГЕДИИ «ПРОЛОГ, ИЛИ СОН ВО СНЕ»

Он (говорит).

Оттого что я делил с тобою
 Первозданный мрак,
 Чьей бы ты ни делалась женою,
 Продолжался (я теперь не скрою)
 Наш преступный брак.
 Мы его таили друг от друга,
 От людей, от Бога, от конца,
 Помня место дантовского круга,
 Словно лавр победного венца.
 Видел я тебя невестой в храме,
 Видел и живую на костре,
 Видел и побитою камнями,
 Видел жертвой в демонской игре.
 Ты была тогда моей судьбою,
 Знала, для тебя на все готов,
 Боже, что мы делали с тобою
 Там, в совсем последнем слое снов...
 Кажется, я был твоим убийцей
 Или ты... Не помню ничего.
 Римлянином, скифом, византийцем
 Был свидетель срама твоего.
 Отовсюду на меня глядела,
 Отовсюду ты меня звала,
 Ты живым и мертвым это тело
 Мне как жертву Богу отдала.
 И ты знаешь — я на все согласен —
 Прокляну, забуду, дам врагу,
 Будет светел мрак и грех прекрасен,
 Одного я только не могу —
 То, что я произнести не в силах,
 А не то что вынести, скорбя,
 Лучше б мне искать тебя в могилах,
 Чем чтоб вовсе не было тебя.
 Но маячит истина простая:
 Умер я, а ты не родилась...
 Грешная, преступная, пустая,
 Но она должна быть —
 Наша связь...

Она (не слушая).

Сколько б другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была,
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

14

Она.

Сколько раз менялись мы ролями,
Нас с тобой и гибель не спасла,
То меня держал ты в черной яме,
То я голову твою несла,
Оттого что был моим Орфеем,
Олоферном, Иоанном ты,
Той мечтой бездонною лелеем
И своей не зная красоты.
Пусть же приподымется завеса
И священный дуб опять горит...
И ты выйдешь из ночного леса
Зверолов, царевич... Ипполит!

Подымается еще один занавес. Слышен зов охотничьего рога, бегут охотничьи собаки. Неизвестно откуда летит стрела и впивается в плечо Икс.

Она (стонет). Первая ласка!

Он. Нет, последняя — стрела отравленная!

Она.

С каждым разом глуше и упорней
Ты в незримую стучался дверь,
Но всего страшней, всего позорней
То, что совершается теперь.
Даже эта полночь не добилась,
Кто возлюбленная, кто поэт,
Не погибла я, но раздвоилась,
А двоим нам в мире места нет.

Крик из зрительного зала. <Не она, не она, не та!>

15

Она.

С каждым разом глуше и упорней
Ты в незримую стучался дверь,
Но всего страшней, всего позорней
То, что совершается теперь.
Даже эта полночь не добилась,

Кто возлюбленная, кто поэт,
Не погибла я, но раздвоилась,
А двоим нам в мире места нет.

Он.

Ты жажда моя, а она утоление,
Бессонница ты, сновиденье она,
В тебе умирание, ужас забвения,
В ней все, что зовется на свете Весна.

Она.

Сколько б другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была,
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

Он.

Будь ты трижды ангелов прелестней
. . . . .

16

Она (поет).

Что-то в сердце борется,
Как с огнем вода,
Мне б с тобой поссориться
Навсегда.

VII

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ («БОЛЬШАЯ ИСПОВЕДЬ»)>

1

Я званье то приобрела
За сотни преступлений,
Живым изменницей была
И верной — только тени.

2

ВСТУПЛЕНИЕ

Позвольте скрыть мне все: мой пол и возраст,
Цвет кожи, веру, даже день рожденья
И вообще все то, что можно скрыть.

А скрыть нельзя — отсутствие таланта
И кое-что еще, а остальное
Скрывайте на здоровье.

* * *

. . . . .

Но говорят — в разбомбленном когда-то,
А ныне восстановленном строенье
Нашли обрывки старого письма.
Подумаешь еще — делов палата,
Однако на поверку вышло так:
Знакомым всем тот показался почерк,
И всем мерещилось, что с ним такое
Уже когда-то в жизни приключилось
И множество подобной чертовни.
(Диктуй, диктуй, я на коленях буду
Тебе внимать — неуголимой жаждой
И я больна — но это скроем мы.)
И захотел тут даже повесть сделать,
Но все заголосили: «Ни за что!
Довольно нам таких произведений,
Подписанных чужими именами.
Все это нашим будет и про нас».
А что такое «наше»? И про что там?
Ну слушайте, однако.

* * *

Все было очень чинно и достойно:
Двадцатый век, Москва, весны начало,
Друзья и книги и в окне — закат.
Мы, помнится, готовы были оба
Терпеть нежданные дары Судьбы,
Как надлежит и с твердостью спокойной,
А может и насмешливо чуть-чуть.
Но умереть от нежности друг к другу
Боялись мы — и этот страх все рос
И постепенно заполнял пространство,
Которое и так неодолимо
И траурно лежало между нами...
И пересечь которое, пожалуй,
И в голову нам не могло прийти.

А рядом громко говорила Федра
Нам, гордым и уже усталым людям,
Свои невероятные признанья,
И «больше не читавшая» Франческа
О первенстве заботилась своим.
(Я понимаю, как все это сложно,
Но все же попытайся уцелеть.)
Нам бы тогда же сделаться врагами,
Почувствовав, что что-то здесь неладно,
Но почему-то мы не догадались
И пропустили время.— Ерунда!
Такое ли еще бывало в мире?
А впрочем, я не знаю... Не из ада ль
Повеял ветер, или дуновенье
Волшебное вдруг ощутили мы?
Все кончено. Корабль идет ко дну,
И маски прочь — и я с тобой в плену.
Еще я слышу свежий клич свободы,
Мне кажется, что вольность — мой удел,
И слышатся «сии живые воды»
Там, где когда-то юный Пушкин пел.

* * *

Так вот когда с тобой беда случилась.
Беда случилась — ты ее познал.
Теперь ты знаешь, что ни с чем на свете
Ее нельзя сравнить и утолить:
Ту жажду, что приходит раз в столетье,
А может быть и реже, Бедный друг,—
Ни ветрами свободных океанов,
Ни запахом тропических лесов,
Ни золотом, ни водкою кабацкой,
Ни шкиперским крепчайшим коньяком,
Ни музыкой, когда она небесной
Становится и нас уносит ввысь,
Ни даже тою памятью блаженной
О первой и несознанной любви,
Ни тем, что люди называют славой,
За что иной согласен умереть.

. . . . .

И только мы с тобою знаем тайну,
Как утолить ее, но мы не скажем
Под злою пыткой и друг другу даже,

Особенно друг другу.
— Замолчи!

* * *

И эта нежность не была такой,
Как та, которую поэт какой-то
В начале века назвал настоящей
И тихой почему-то. Нет, ничуть —
Она как первый водопад звенела,
Хрустела коркой голубого льда
И лебединым голосом молила,
И на глазах безумела у нас.

[24 августа 1963]

3

Мы до того отравлены друг другом,
Что можно и погибнуть невзначай,
Мы черным унижительным недугом
Наш называем несравненный рай.
В нем все уже прильнуло к преступленью —
К какому? — Боже милостив, прости,
Что вопреки всевышнему терпенью
Скрестились два запретные пути.

. . . . .

Ее несем мы, как святой вериги,
Глядим в нее, как в адский водоём.
Всего страшнее, что две дивных книги
Возникнут и расскажут всем о всем.

<1963>

VIII

<НАБРОСКИ И ВАРИАНТЫ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ>

1

<Перед железным занавесом. Разговоры в очереди свидетелей обвинения.> Мнимые друзья.

Первый. Посмотри, ей холодно. Может быть, что-нибудь ей бросить?

Второй (*вытирает лоб платком*). Холодно! — зато нам жарко.

Первый. Я любил ее восемнадцать лет тому назад.

Второй. А я — восемь. Все кругом говорят, что я жил с ней после ... и перед ...

Третий. Скорей доставайте справки о том, что вы были кастрированы до всего этого. Говорят, есть распоряжение *физически* уничтожить всех ее любовников. — Айда в нашу поликлинику, там за пол-литра что хошь.

Четвертый. Они зря треплются, они ее в глаза не видели.

Настоящие <друзья> (выучили азбуку глухонемых.)

Первый (*знаками*). Пропали!

Второй. Я — написал. А ты?

Первый. Пишу.

Из-за железного занавеса выводят Икс. Она в одну минуту (которую?) стала седой. Фигура в парандже неподвижна.

Кто-то (*в ужасе*). <Реплика не дописана.>

2

<ФИНАЛ СУДА НАД ГЕРОИНЕЙ>

Стук в железный занавес (внутренний диалог).

Голос. Ты слышишь меня?

Она. Я всегда слышу тебя.

Голос. Дождись меня.

Она. Нет, поздно, мне пора. (*Падает.*)

Смушение за столом. Самый толстый докладывает по телефону.

Голос с грузинским акцентом (*в телефон*). Закопать где-нибудь и через неделю потерять могилу. Об исполнении доложить.

Подхалим (*в телефон*). Позвольте воспользоваться этим Вашим советом. (*Низко кланяется телефону.*)

<ПОСЛЕ СМЕРТИ ИКС 2>

...Ураганная музыка сразу обрывается. Из оркестра выходит Человек со скрипкой, подходит к мертвой и играет «.....»

Занавес

Свечи <на судейском столе> и лампы в окнах гаснут. Сцена опустела. Безмолвная Фигура в парандже уходит.

Недалеко от стола — высокая неподвижная женская Фигура в парандже. Продает фиалки.

Человек со скрипичным футляром. Дай мне, ане, три. *(Показывает пальцами.)*

Та протягивает ему цветы. Он платит. Пятится.

Он. Боже мой, где я видел эту руку...

Она *(по-русски)*. Ты ее еще увидишь.

Он. Скажи еще что-нибудь.

Она молчит.

Он. Хоть одно слово.

Она молчит.

Он. Кто ты?

Она молчит.

ИЗ ФИАЛА

Вася. ...А имя-то ей как?

Сцена опустела. Над телом — Орел. Неподвижная женская Фигура в парандже.

Фигура в парандже *(подходит к телу)*. Дешево отдалась, а я только сейчас начинаю. *(Бросает на мертвую все свои фиалки.)*

<Занавес>

<ДОПОЛНЕНИЯ К ДРАМЕ «ЭНУМА ЭЛИШ»>

I

НЕЧТО УДИВИТЕЛЬНОЕ

1

<НАБРОСОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАМЫСЛА>

... от лиц, вернувшихся оттуда, где стихи запоминали наизусть, до пишущего эти строки дошла следующая новелла:

«Такого-то года, такого-то числа (даты всякий раз иные) где-то недалеко от Ленинграда (место тоже в каждом рассказе другое) волны Маркизовой лужи выбросили на берег бутылку, в которой оказались строфы:

. . . . .

Дальше:

Тогда я велела ветрам четырем
За . . . . .
И сделали сердце мое
Комком окровавленной грязи.

И я положила на самое дно
Моей самой лучшей поэмы.
Так вот отчего мне легко и смешно,
Так вот отчего я не плачу давно».

<Конец 1961. Больница в Гавани. Ленинград.>

2

ГАВАНСКАЯ НАХОДКА, ИЛИ РУКОПИСЬ В БУТЫЛКЕ

Я. Моя Гаванская находка. Моя биография (по Л. Л. Ракову). Моя жена, дети, внуки. Ученая карьера. Ученая степень. Я — академик (академяка). Моя библиография.

Внешний вид рукописи. Почерк. Язык. Подробности нахождения.

3

Я разделил темы между моими учениками и ученицами. Самой верной из них — Бэбе — досталась тема «Пролог» и его последствия. Она, не знаю какими путями (по слухам, ценою ночи, как говорили в прошлом веке¹), установила, что это произведение двадцатого столетия, написано в одном из крупнейших городов Средней Азии. Пол, возраст и национальность автора установить не удалось.

На каком языке написан «Пролог», тоже не ясно. Кто-то, из вечно протестующей молодежи, старается доказать, что это стихи и, по всей вероятности, перевод.

За толкование вставной цитаты:

Чтоб шею завернуть, я не имею шарфа,—

четыре человека получили докторские степени, по поводу чего уборщица Настя бестактно сказала: «У того, который сочинил, рваной тряпки не было, а эти обвинители своих б..... в чернобурые манти нырядили». Я же с чувством «законной гордости» констатирую рост нашего литературоведения.

Название «Интермедии» дано на каком-то неизвестном мне языке. Для установления языка и перевода я провел девять месяцев в Закавказии, но привез оттуда только тяжелое заболевание печени.

Как всегда, помогло чудо. Моя внучка Фифа познакомилась около гостиницы М. с каким-то юношей и показала ему свою кандидатскую диссертацию на эту тему. И юноша сказал, что буквы латинские, а *la vie* значит по-французски «жизнь». Конечно, я и все мои ученики не прекратили исследования, но пока что приходится принять эту гипотезу.

В сущности, от рукописи осталось только одно примечание (местами тоже испорченное океанской водой) [и самый конец «Интермедии»].

4

Сначала покойный академик, по-видимому, хотел сообщить больше подробностей о рукописи, но отвлекся от этого предмета и перешел на вопросы собственной биографии и столь блистательной научной карьеры. С замиранием

¹ Но чего я ни в каком случае не одобряю.

сердца читатель узнаёт биографии всех помогавших и мешавших найти рукопись, все его приключения в городке N, где ему так и не удалось ничего разыскать, несмотря на помощь милиции, трех (пожарных) частей и собак-ищейек во главе со знаменитой Лиджи (18 медалей).

5

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В БУТЫЛКЕ

... Откроем собрание
В новогодний торжественный день.

После этих слов в приплывшей в бутылке рукописи не то балетного либретто, не то киносценария (фамилия автора музыки смыта соленой водой, но все же, кажется, Лурье) идет следующая «Интермедия».

ИНТЕРМЕДИЯ

На просцениум выходят арапчата и ведут себя примерно, как в «Дон Жуане» 1910 г. Факелы.

Первая (Коломбаина в виде Козлоногой). Танец.
Тенор (поет за сценой).

На ногах копытца-сапожки,
В бледных локонах злые рожки,
Голубые до плеч сережки,
Окаянной пляской пьяна.
Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.

Второй (корнет). Танец.

Женский голос (поет за сценой).

Ну а ты — в шинели и в каске —
Переряжен, как в древней сказке? —
Нет, то твой обычный вид.
Чести друг ты и раб любви,
Но зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

Третий [(Арлекин-убийца)]. Танец.

Хор мальчиков (поет за сценой).
Череп это, маска, лицо ли? —

«АННА АХМАТОВА».

Портрет работы *М. Туме*. 1980

ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ АННЕ АХМАТОВОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ЭТНА-ТАОРМИНА». ИТАЛИЯ. 1964

НАДГРОБИЕ НА МОГИЛЕ АННЫ АХМАТОВОЙ
(Фрагмент). Комарово. 1981

Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя мог передать.
Арлекин, плясун и насмешник,—
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать.

Все трое танцуют. Остальные встают, пытаясь выразить восхищение. Кажется, что над ними кружатся черные птицы и они отделены от мира траурными вуалями.

А в т о р (показывает на них и бормочет).

Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...

Слышится или чудится шуршание Сплетни.

[Г о л о с Л е п о р е л л о .

Andiamo all'osteria
A cercar padrone miglior...¹]

В заднике открывается арка, и оттуда выпадает выгнутый крутой мост. Маскарадная толпа расступается, и все трое проходят по этому мосту в какое-то теплое желтое сияние — Победа Жизни.

6

< П Р И М Е Ч А Н И Е >

На той же рукописи есть помета, что «Интермедия» шла семь раз в Лондоне и даже под конец стала нравиться публике, по мощному таинственному ходатайству была снята, что Коломбину и Драгуна исполняли знаменитые артисты того времени, а Арлекина — некто, никогда не открывавший своего лица и называвшийся одной буквой (смыта соленой водой). Говорят (on dit или la légende veut²), что Арлекин приезжал на репетиции в черной карете с такого же цвета пуделем (что, однако, не невозможно), что он в жизни очень заметно хромал, а на сцене был воплощенной грацией, что вопрос о его смерти окутан столь непроницаемой тайной, что никому даже не приходило в голову постараться распутать его и т. д.

Гораздо страннее, что еще более необы <чайная> жизнь и ужасная смерть постигли всех участников этого невиннейшего представления.

¹ Пойдем в харчевню

Искать себе хозяина получше (итал.).

² Говорят <...> легенда гласит (франц.).

Некоторые из них просто пропали — навсегда и неизвестно куда. (Примеры.) Другие, как например редактор, сошли с ума и, кажется, до сих пор находятся в сумасшедшем доме. Редактору чудится, что телефонная трубка приросла к его уху и голос с грузинским акцентом пугает его. Но бóльшая часть, как это ни странно, была казнена за совершенные ими в разное время преступления.

Жив, здоров и пользуется прекрасной репутацией один только Гость из Будущего (в пьесе только мерещится на задымленной стене пещеры).

Совсем уже апокалипсическая судьба постигла автора колдовской музыки к «Интермедии». Кажется, что все общество разделилось на две равные части. Первая вставляет его имя в самые блистательные перечисления, говорит о нем слова или, вернее, сочетания слов, не знающие равных; вторая считает, что из его попыток ничего не вышло, что это *une existence manquée*¹; *tertium quid*², которое неизбежно образуется при разделе на две равные части, пожимает плечами и — *tertium quid* всегда отлично воспитан — спрашивает: «Вы уверены, что когда-то был такой композитор?», — и считает его чем-то вроде подпоручика Кижее.

Выяснив все эти факты, пишущий эти строки случайно наткнулся на вопрос о самом авторе либретто. Ему повезло узнать, что в разное время либретто приписывалось семи разным авторам, все они опровергали печатно этот нелепый слух и намекали, что это просто перевод. Однако пишущий эти строки на этом не успокоился и поехал в город N к знаменитому специалисту по истории балетного либретто (автору нашумевшего в свое время труда «Либретто и борьба с ним»). У маэстро ответ был давно готов: «Тоже Кристофер Марло». Однако старый слепой — внук театрального суфлера — остановил выходящего от знаменитости пишущего эти строки и проворчал: «Не верьте старику, у него микромаразм».

* * *

Женских ролей там, как известно, было две. Одна из них (амплуа комическая старуха) в возрасте 61 года была зарезана из ревности матросом в загородном парке города N.

Другая (главная героиня) получила предписание покинуть театр и посвятить себя уходу за собственной

¹ Неудавшаяся жизнь (франц.).

² Нечто третье (лат.).

могилой. Каждый день зимой и летом, одетая в ничуть не театральное рубище, то с лопатой, то с граблями и какой-то рассадой она проходит в сравнительно мало посещаемый угол кладбища и подолгу возится возле скромной, но пристойной гранитной плиты. Могилу изредка посещают какие-то господа без шляп и пожилые дамы с целыми цветниками на голове, они почему-то становятся у плиты на колени, достают какие-то мешочки и наполняют их землей с могилы. Поэтому бывшая премьерша должна раз в месяц приносить свежий запас земли. Кажется, зимой в сильный мороз это не так уж просто, а нести на спине мешок с землей будто тяжело, но это уже детали.

У здания театра, где она когда-то играла, поставлен ее бюст работы знаменитого скульптора (смыто океанской водой) с теми же деталями, что и на могиле; на всех двенадцати домах, где она жила¹, — мраморные доски (на тринадцатом доме, где она живет сейчас, такой доски нет). Этим, кажется, посмертные почести и ограничиваются. В этой тринадцатой ее квартире нам побывать не пришлось, во-первых потому, что в такие районы ходить небезопасно даже днем, затем, по слухам, лестница, кажется, из известного фильма «Рим в 11 часов». Тем не менее некоторые сведения нам получить удалось. Из документов самый интересный — жалоба соседей на то, что она поет ночью во сне и этим не дает спать другим (перегородка не доходит до потолка). Это бы ничего, но, как известно, такого второго голоса нет в мире и если какому-нибудь злоумышленнику придет в голову поставить поблизости магнитофон, могут пойти насмарку все усилия знаменитого хирурга Р., так успешно сделавшего ей пластическую операцию, что ее и родная мать не узнает.

Из тех же «хороших» источников нам удалось узнать следующее. Когда, примерно раз в три года, возникает потребность получить от нее некоторые сведения, она ведет себя недостаточно корректно: действительно данную ей еще в (смыто океанской водой) году цитату о ее «провалах», о

---

¹ Пять из них, по-видимому, построены после ее «смерти». Но это ничего не меняет.

Причина смерти варьируется, в зависимости от собеседника, от кесарева сечения — до блаженного усновения, то есть от старости. Далее следуют все варианты самоубийств. Какой-то коллекционер-любитель собрал 18 способов, посредством которых она рассталась с этим миром. Мы не будем их перечислять. Напомним только: волны Черного моря (хотя, как известно, она плавает не хуже шуки), окно собственной комнаты (хотя она жила в полуподвальном этаже), кухонный газ (хотя в те отдаленные времена кухни отапливались дровами).

нелюбви к ней театральной публики она повторяет сносно, но на следующие вопросы отвечает недостаточно обдуманно.

Специально занятые ее бытом соседи по квартире Самоваров и Васинович недавно сообщили, что она при свете луны пишет углем за печкой что-то на стене, а затем снова прикрывает написанное обоями. Пришлось выкрасить комнату масляной краской оранжевого колера. Очень мило! Что же касается ее «писанины», то это такой вздор, что мы его приводить не будем, однако Васинович подал «особое мнение» и просил обратить внимание на строки:

Трещотка прокаженного
В моей руке поет.

Может быть, у нее в самом деле проказа?

* * *

Двойников своих она может считать дюжинами. Они появляются в разных пунктах земного шара и так же быстро отцветают, как расцветают, не успевая принести особого вреда. По словам ее старых и кое-где уцелевших друзей, она сама считает себя не то чьим-то двойником, не то чьим-то эхом, но чьим — старики и старухи забыли.

[2 апреля 1962. Ленинград.]

7

<ВАРИАНТ ПРЕДЫДУЩЕГО ФРАГМЕНТА>

В квартире 113 сходили с ума — трое: бывшая домработница стариков Вэнав, которые уехали в Польшу к пасынкам и падчерицам и слали оттуда недобрые вести; генерал-лейтенант МГБ Самоваров, снятый с места «за гуманность», и художник Федя, которого два года называли гением, а потом кто-то приехал откуда-то и все переменялось. Тут Федя совсем запутался и рухнул. Остальные жильцы квартиры 113 пребывали в вожделенном здравии, дрались на кухне с вызовом милиции и неотложной помощи, писали друг на друга доносы (коллективные и в одиночку), судились от семи до семидесяти раз в год из-за не тушения света в уборной и, наконец, к общей радости добились того, чтобы уборная, а заодно и водопровод были навсегда заколочены.

Тогда голубь мира с оливковой веткой в клюве воспарил над квартирой 113, и она получила какой-то похвальный лист, который был повешен в прихожей рядом с рамой велосипеда и над детской ванной.

Пьеса «Пролог» — по-видимому, переводная и представляет собою вторую часть трилогии «Энума элиш», обнаруженной в Ташкенте при довольно загадочных обстоятельствах в (смыто океанской водой) году.

Часть I — На лестнице.

Часть II — «Пролог».

Часть III — Под лестницей. (Суд над автором «Пролога». Ее смерть.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- 1) Икс
- 2) Секретарша нечеловеческой красоты
- 3) Соперница
- 4) Бэба (забодаю... <? >)
- 5) Редактор с ассирийской бородой
- 6)

<Список не завершен.>

Место действия, по-видимому, Ташкент; время — Вторая мировая война, 20 век.

9

Икс. В фойе театра до сих пор висит (в ночной рубашке, с распущенными волосами) ее портрет в роли Сомнамбулы из пьесы «Пролог» (II часть трилогии «Энума элиш» неизвестного автора), запрещенной во время генеральной репетиции и реабилитированной в (смыто океанской водой) году. Другие ее портреты находятся в (смыто океанской водой) музее. По слухам, один из них (самый известный, в ярко-синем платье, работы художника А.) ведет себя как-то странно — изменяется, иногда ломает руки и зовет кого-то по имени (когда посетители музея отвертываются). Поэтому, хотя он и раньше находился в тайном хранении, было сочтено за благо поместить этот портрет в небольшой темный и крепко запертый карцер, где он не будет никому мешать.

10

БУФЕТЧИЦА КЛАВА

Ввиду отсутствия законных наследников ей была подыскана вполне пристойная наследница — театральная буфетчица Клава. Но и тут дело не обошлось без недоразумений: Клава вдруг заявила, что она согласна принять дра-

гоценности (таких не оказалось), платье (в нем увели Икс) и какую-то рухлядь красного дерева, которая вскоре вся рухнула, потому что ее съел жучок; что просит ей книг, писем и в особенности стихотворных посвящений не передавать; что, хотя ввиду неграмотности за себя она ручается, но ее знакомые, которые часто засиживаются у нее до утра и фамилии которых она никак не может запомнить, могут оказаться грамотными¹. Пришлось за письмами послать грузовик, книги сложить в каком-то подвале, а Клаве строго предписать принять ванну, согрев воду в колонке стихотворными посвящениями. Свидетели утверждают, что колонка кипела.

И Клава мило ныряла в венецианскую двухспальную кровать, на которой в прошлом сезоне Отелло душил не менее знаменитую Дездемону, в комнате, в которой Икс даже одно время, когда случайно возникли затруднения квартирного характера, провела полтора года. Там ей было очень удобно и приятно, несмотря на жесткость бутафорского круглого диванчика и неожиданные ночные пробуждения, когда она, случайно кашлянув, слышала хриловатый мужской голос: «Тут кто-то есть...» И нежное щебетание Клавы: «Это не имеет никакого значения. Не обращайтесь внимания».

II

<ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ>

19 мая <1962> (ночь)

Вечером в столовой разговор с Борей <Ардовым>. Может быть он сказал мне то, чего не говорил никто с самого Лебеда. Стало ли легче? Не знаю. Кажется, нет.

20 мая <1962> (утро — полдень)

В Ташкенте (1943—1944 гг.) я сочинила и написала пьесу «Энума элиш», которая была сожжена 11 июня 1944 в Фонтанном Доме. Теперь она вздумала возвращаться ко мне.

(Днем узнала новое об Артуре. Будто гремит в Америке.)

¹ Кроме того, Клава уже несколько раз (враги говорят — четыре, друзья — два) была на ул. Радио, где лечилась от (диктую трудное латинское название болезни по буквам: Зина, Аленушка, Петя, Ольга...).

15 октября 1963. Комарово

Сегодня — первый снег. Я написала кусок «Пролога» (Голос) с четырьмя стихотворениями.

Позировала Любимовой.

Жду Лиду.

17 октября <1963. Комарово>

Лида была три раза (два — с Володей Корниловым). Я дважды читала ей кусок «Пролога». Он понравился ей заметно больше «Семисвечника». Кругом осень, грозящая перейти в классическую финскую зиму.

31 декабря 1963

Последние три дня — счастливейшие в моей жизни, потому что нашла решение пьесы, думала только об этом. Голос — это тот, кто рождается через 100 лет¹.

Настоящий герой — *Тень*.

Ты один меня не обидел,

Не обидевши — погубил.

Ушедшая в парандже — идет на муку, описанную в прозе 1962, от которой плакал М. И.

Другая — умирает, унося с собой ненаписанные стихи.

(Голос — может быть мальчик-птица, см. «Огненный столп».)

26 августа 1964

Два дня слушала грандиозный квартет Шостаковича, который он посвятил своей памяти. Близость этого квартета «Requiem'у» и «Прологу». (Скрипочка.) А стук? «Пролог» почти снится, но еще боюсь сделать план, чтобы все не испортить.

13 <сентября 1964>

Прочла (почти не перечла) статью Н. В. Н. в «Русской Мысли», 1915. В ней оказалось нечто для меня потрясающее (стр. 61). Ведь это же «Пролог». Статью я, конечно, совершенно забыла. Я думала, что она хорошая, но совсем другая. Еще не знаю, что мне обо всем этом думать.

2 ноября 1964 (понедельник)

Ночь на первое была удивительной. «Пролог» приоткрылся и мне удалось что-то сделать.

¹ Это мое (ее — Музы) будущее. Поэзия как утоление. Икс — утолит тех, кто придет через 100 лет.

А может быть, только пустила туда несколько капель яда.

Тогда же я нашла «Последнюю ленинградскую». Она написана примерно в <19>58 г.

12 ноября 1964. Комарово

Солнце. Сияющий день. Тишина.

Не жду никого. Всю ночь снился «Пролог», но я в него не проникла. Замысел рушится — может быть, оставить на после Италии.

14 <ноября 1964>

Была Лида с кем-то. Вижу «Пролог» во сне. Во что-то проникла. Пусть <1 нрзб.> романтика и безумие и будут «Сном во сне». У директора.

<После 11 августа 1965 >

Неужели в этом «дантовском» году «Пролог» не пришел ко мне? Неужели «Сон во сне» не приснился! — А кто-то вдали так напряженно думает обо мне, что каждую минуту мешают мне. А кто, не знаю. Вот и провидица! Хотя бы Бродский приехал и опять прочел мне «Гимн Народу». Я рада, что осталась ему верна до конца (телефон Микояну), хотя гордиться этим решительно не стоит.

<20 февраля 1966> Прощеное воскресенье. <Москва>

«L'année dernière à Marienbad»¹ — оказался убийцей моего «Пролога». Это и плохо, и хорошо. Читаю его с болью в сердце.

Боже мой! там тоже театр. Кто поверит, что я писала «Сон во сне», не зная эту книгу?

И откуда эти зловещие совпадения? Попрошу найти «Пролог» в недрах моих чемоданов и сравню с французом.

<...>

...зато у французца (Alain Robbe-Grillet²) нет эпохи — это могло случиться когда угодно. Просто один человек искусно уводит жену другого. Она — вялая, безличная, в общем никакая. Сцена viol'я³ совершенно необязательная, а то, что он при этом затыкает ей рот тряпкой, просто гнусно. Конец разочаровывает. А у меня вовсе нет конца — а запрещение спектакля и железный занавес?

¹ «В прошлом году в Мариенбаде» (франц.).

² Ален Роб-Грийе (франц.).

³ Изнасилования (франц.).

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

В настоящий раздел вошли юношеские стихи Ахматовой, стихотворения, исключенные ею из состава первой книги стихов «Вечер», стихи, печатавшиеся при жизни Ахматовой только в периодических изданиях, и, наконец, стихотворения разной степени законченности, которые она не могла печатать по цензурным соображениям. Особняком в творчестве Анны Ахматовой стоят стихотворения, включенные ею в сборник «Слава миру!».

Период с 1946 по 1956 год Ахматова называла «удушьем» и утверждала, что в это время она «возилась с Поэмой» и почти не писала стихов. Но в неопубликованной «Автобиографии» (собрание М. С. Лесмана, Ленинград), датированной 15 мая 1951 года, читаем:

«...Исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве помогли мне пересмотреть мою литературную позицию и открыли мне путь к патриотической лирике.

В настоящее время мной подготовлена к печати <книга> стихов «Слава миру» (1949—1951). Некоторые стихи из этого цикла уже появились в печати. Кроме того, я работаю над стихотворными переводами».

Следует помнить, что этот документ написан рукой человека, сраженного тяжелым недугом. Да и сама чудом сохранившаяся, хотя и не полностью, рукопись сборника «Слава миру!», представленная автором в издательство, — красноречивое обвинение чиновникам от литературы, поставившим над Ахматовой-поэтом чудовищный эксперимент «по перестройке художественного сознания», продолжавшийся ни много ни мало — целых четыре года, пока ее сын томился за колючей проволокой. К счастью, этот сборник тогда не увидел света. Но если Анна Ахматова неоднократно просила после смерти не печатать ее переводов (которые были, в сущности, таким же насилием над свободой поэта, вынужденного переводами зарабатывать на кусок хлеба), то она, насколько известно, никогда и нигде не выражала запрета на печатание ее стихов 1949—1950 годов. По-своему это документ эпохи, не менее убедительный, чем «Реквием», и современный читатель должен познаться с этой трагической страницей биографии поэта.

До сих пор остается спорным вопрос о датировках отдельных стихотворений Ахматовой. Если стихи, входящие в «канонические книги» поэта, не всегда имеют точно установленные датировки, то во много раз труднее обстоит дело с определением дат написания стихов, напечатанных после ее смерти: все время обнаруживаются новые материалы, позволяющие их пересматривать и уточнять.

Ценным источником (частично использованным В. М. Жирмунским) является архив писательницы Н. Л. Дилакторской (1904—1989). В последнее время составителем данного издания в этом архиве обнаружена тетрадь, в которой Н. Л. Дилакторская под диктовку Ахматовой в 1944—1945 годах записала многие ее стихотворения, в том числе и неопубликованные, с указанием точных дат написания. Эти черновые записи позволили в настоящем издании проставить точные даты под стихотворениями 1940-х годов. Далеко не все из этих дат были перенесены в рукописное двухтомное собрание стихотворений и поэм Ахматовой, сделанное Н. Л. Дилакторской.

Является дискуссионным и вопрос о степени законченности стихотворений, помещенных в этот том. Лаконизм, доведенный до предела, намеренная фрагментарность становятся своего рода творческим принципом поздней Ахматовой, и судить о степени законченности иных стихотворений весьма рискованно.

В настоящем двухтомнике поэзия Анны Ахматовой впервые представлена по возможности во всей полноте.

Л и л и. Впервые — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979», Л., 1980, с. 140, в статье Р. Д. Тименчика «Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой», по автографу из собрания Л. Н. Радловой — дочери художника Н. Э. Радлова (Москва). Другой автограф (ИМЛИ, ф. 188) — с разночтением в третьей строке — «пушистых» вместо «росистых», с подписью: Н. Горенко.

«Над черною бездной с тобою я шла...» — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979», Л., 1980, с. 140, в статье Р. Д. Тименчика «Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой». Посвящено поэту и прозаику Александру Митрофановичу Федорову (1868—1949). См. о нем письмо к С. В. фон Штейну — наст. том, с. 179, 182.

«О, молчи! От волнующих страстных речей...» — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979», Л., 1980, с. 140, в статье Р. Д. Тименчика «Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой».

«Я умею любить...» — журн. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1975, № 13, с. 623—624, в составе писем к С. В. фон Штейну. Первая публикация в СССР — журн. «Новый мир», 1986, № 9, с. 204—205.

«На руке его много блестящих колец...» — журн. «Сириус», 1907, № 2. Подпись: Анна Г. Журнал издавался в Париже Н. С. Гумилевым; всего вышло три номера. Первое опубликованное стихотворение Анны Ахматовой подверглось, по ее словам, значительной редакционной обработке Н. С. Гумилевым.

«Герб небес изогнутый и древний...»; «По полу лучи луны разлились...» — журн. «Наше наследие», 1989, № III, с. 67 (публикация В. К. Лукницкой). В дневнике П. Н. Лукницкого, в записи от 17 декабря 1924 г., содержится признание А. А. Ахматовой: «У меня есть около 15 стихотворений, которые я не решусь никому показать: это детские стихи. Я их писала, когда мне было 13—14 лет». Черновые автографы двух публикуемых стихотворений сохранились в архиве первого биографа А. А. Ахматовой — П. Н. Лукницкого. Пунктуация составителя.

Из первой тетради («Всю ночь не давали заснуть...») — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 53 (публикация В. М. Жирмунского). Первая («Киевская») тетрадь Ахматовой не сохранилась. Стихотворение восстановлено ею по памяти в 1960-е годы. Автограф в ЦГАЛИ.

«Ночь моя — бред о тебе...» — журн. «Простор», 1971, № 2, с. 101. Публикация Л. А. Мандрыкиной и М. М. Кралина. Автограф 60-х годов в ГПБ.

«То ли я с тобой осталась...» — журн. «Звезда», 1969, № 8, с. 164 (публикация В. М. Жирмунского). Восстановлено Ахматовой по памяти в 1960 году.

«Сладок запах синих виноград...» — «Вечер», с. 74.
«Пришли и сказали: «Умер твой брат!» — сб. «Встречи с прошлым». Вып. 3. М., 1978, с. 383—384 (публикация

Е. И. Лямкиной). Автограф в ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 111, л. 28 об., 29). В кн.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 3, Париж, 1983, с. 22, по автографу из частного собрания с разночтениями, посвящением Н. Г. Гумилеву и эпиграфом из стихотворения Ш. Бодлера «Жалобы Икара».

«Тебе, Афродита, слагаю танец...» — «Записки отдела рукописей ГБЛ». Вып. 33. М., 1972, с. 276, в статье Г. Г. Суперфина и Р. Д. Тименчика «Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову».

Маскарад в парке — «Литературный альманах Аполлон», 1912, с. 43, с разночтениями. Печатается по кн. «Вечер», с. 63.

Он любил... — «Вечер», с. 70. Из второго издания «Вечера» (1914 г., в составе книги «Четки») Ахматова исключила одиннадцать стихотворений, в том числе и это. Обращено к Н. С. Гумилеву. Строка «Не любил, когда плачут дети» перекликается со стихами И. Ф. Анненского «Я люблю, когда в доме есть дети // И когда по ночам они плачут». В. В. Виноградов в статье «О символике А. Ахматовой» заметил, что большинство стихов Ахматовой стилизовано во вкусе гамсуновской Эдварды Мак из романа «Роза» и обращено к «Милому». Возможно, Ахматова, когда писала это стихотворение, имела в виду и слова Глана: «Я люблю три вещи... Я люблю грёзу любви, которая приснилась мне однажды, люблю тебя и люблю этот клочок земли» (К. Гамсун. Полн. собр. соч., т. 1. СПб., 1910, с. 116).

«На столике чай, печения сдобные...» — журн. «Sahiers du Monde Russe et Soviétique» (Париж), 1974, № 1—2, с. 199, по рукописи из собрания Н. Л. Дилакторской. По мнению Р. Д. Тименчика, стилизовано под стихотворение А. Белого «Полуночицы».

Старый портрет — «Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни», 1911, № 3, с. 151. Экстер Александра Александровна (1884—1949) — художница, с которой Ахматова дружила в Киеве. По некоторым сведениям, писала портрет Ахматовой, местонахождение которого неизвестно. После революции жила за границей.

«Я смертельна для тех, кто нежен и юн» — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 111 (публикация Н. А. Жирмунской). *Гамаян* — в русском фольклоре «птица смерти» с лицом женщины.

«Стояла долго я у врат тяжелых ада...» — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981», Л., 1983, с. 117. Автограф в ЦГАЛИ, в альбоме поэта Валентина Кривича (1880—1936). Подпись: «Анна Ахматова (Гумильвица)».

«В комнате моей живет красивая...» — газ. «Тартуский государственный университет», 1982, 5 ноября (публикация Р. Д. Тименчика).

Вечерняя комната — «Венер», с. 65.

Алиса (1—2) — «Вечер», с. 59. В стихотворениях «Алиса», «Маскарад в парке» и в некоторых других ранних стихах Ахматова испытывает влияние М. Кузмина и В. Брюсова. Видимо, считая эти стихи подражательными, Ахматова никогда не переиздавала их. Ср. стихотворение В. Я. Брюсова «Das weib und der tod (Немецкая графюра XVI века)» в журн. «Аполлон», 1910, № 5 (февраль), с. 3—4 (3-я пагинация):

...Ты надела ожерелья,
Брови углем подвела,—
Ты кого на новоселье
Нынче в полночь позвала?..

«Мне больше ног моих не надо...» — журн. «Аполлон», 1911, № 4, с. 22, с разночтениями. Печатается по кн. «Вечер», с. 30.

«Шелестит о прошлом старый дуб...» — альм. «Поэзия», № 12, М., 1974, с. 112 (публикация Н. А. Жирмунской). Черновой автограф в ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 149); в 10-й строке «с тобой» исправлено на «еще».

«Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!..» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского). Черновой автограф в ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 164); первоначальный вариант 5-й строки — «Чутко внимаю заученным фразам».

«Когда умрем, темней не станет...» — сб. «Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография», Л., 1982, с. 110, в статье Р. Д. Тименчика «Анна Ахматова и Пушкинский Дом». Двустилие представляет собой дарственную надпись Ахматовой А. А. Смирнову (хранится в собрании А. М. Румянцева, Ленинград) на титульном листе книги «Четки» (1914). Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, переводчик, добрый знакомый Ахматовой.

«В углу старик, похожий на барана...» — «Литературная газета», 1971, 15 сентября (публикация Н. А. Жирмунской). Автограф в ГПБ. Дата и место написания относятся скорее к событиям биографии Ахматовой («Весну 1911 года я провела в Париже»). Предположительная датировка стихотворения — конец 1950-х гг. *Идти домой еще как будто рано...* — в автографе первоначальный вариант «И уходить еще как будто рано» — возможно, переключка со строкой «И умирать еще как будто рано» из сонета графа В. А. Комаровского «Вечер», напечатанного в «Литературном альманахе», изд. «Аполлон», СПб., 1912, с. 46, экземпляр которого хранился в личной библиотеке Ахматовой.

«Целый день провела у окошка...» — «Литературная газета», 1971, 15 сентября (публикация Н. А. Жирмунской).

«Словно тяжким огромным молотом...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (по рукописи из собрания Н. Л. Дилакторской).

В лесу — журн. «Аполлон», 1911, № 4, с. 21, в подборке «Четыре стихотворения».

Над водой — журн. «Аполлон», 1911, № 4, с. 21, с разночтениями. Печатается по кн. «Вечер», с. 23.

«Загорелись иглы венчика...» — журн. «Cahiers du Monde Russe et Soviétique» (Париж), 1974, № 1—2, с. 200 (по рукописи из собрания Н. Л. Дилакторской). Обращено к сыну — Льву Николаевичу Гумилеву (род. 18 сент./1 окт. 1912).

«Твоя свирель над тихим миром пела...» — кн.: Федор Сологуб. «Стихотворения» (Библиотека поэта), Л., 1975, с. 624, в примечаниях (публикация М. И. Дикман). Автограф стихотворения был в книге «Вечер», подаренной Сологубу с дарственной надписью: «Федору Кузьмичу Сологубу с глубоким уважением. Анна Ахматова. 16 марта 1912 Царское Село». Впоследствии Сологуб, утратив эту книгу, попросил Ахматову воспроизвести тот же автограф; она выполнила его просьбу, написав первое издание «Четок» с изменением одного слова в первой строке: «целым» вместо «тихим» (хранится в собрании А. М. Луценко, Ленинград).

«Сегодня мне письма не принесли...» — «Вечер», с. 71.

Надпись на неоконченном портрете — «Литературный альманах», изд. «Аполлон», 1912, с. 43, без заглавия. Печатается по книге «Вечер», с. 72.

«Ты поверь, не змеинное острое жало...» — «Вечер», с. 53.

«Приходи на меня посмотреть...» — журн. «Нива», 1912, № 44, с. 823.

Последнее письмо — сб. «Скрижаль 1», Пг., 1918, с. 17.

«И жар по вечерам, и утром вялость...» — «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», 1914, № 2, с. 6.

Ответ («Я получила письмо...») — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 40, 1981, № 4, с. 387—388 (публикация и комментарии Р. Д. Тименчика). Автограф на экземпляре книги «Четки» (изд. 1-е, СПб, 1914), подаренном Ахматовой поэту Борис Александровичу Садовскому (1881—1952). Эпиграф — из стихотворения Б. Садовского «Анне Ахматовой» («К воспоминаньям пригвожденный...», 1913).

«За узором дымных стекол...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ЦГАЛИ, на обороте листа с автографом стихотворения «Высокие своды костела...» (см. т. 1 наст. изд., с. 56).

«Я видел поле после града...» — журн. «Заветы», 1913, № 5, с. 5. Автограф в ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 77).

«Ничего не скажу, ничего не открою...» — Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива», 1913, № 7, стб. 371—372.

«Бисерным почерком пишете, Лизе...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 8, с. 7. Посвящено поэту Георгию Владимировичу Иванову (1894—1958), младшему участнику Цеха поэтов. Стихотворение написано с ироническим подтекстом. Ахматова целиком была согласна с мнением Н. С. Гумилева, который отмечал подражательность ранних стихов Г. Иванова: «В отношении тем Георгий Иванов всецело под влиянием М. Кузмина. Те же редкие переходы от «прекрасной ясности» и насмешливой нежности восемнадцатого века к восторженно-звонким стихам-молитвам. Но, конечно, подражание уступает оригиналу и в сложности, и в силе, и в глубине» («Аполлон», 1912, № 3—4, с. 101).

Отмечая переменчивый, резкий и женственный характер юного поэта, Ахматова сравнивает его с характером Лизы (Lise) Хохлаковой в «Братях Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Эта, по словам Н. В. Недоброво, «самая пленительная из героинь Достоевского», пишет письмо Алеше Карамазову. (Статью Н. В. Недоброво «Мученица», посвященную Лизе Хохлаковой, Ахматова, вероятно, читала в рукописи). ...не старой тетке... — Здесь, возможно, Ахматова иронически намекает на М. А. Кузмина, имевшего в тесном литературном кругу Петербурга прозвище «Старая тетка». Любопытно, что сам Г. Иванов в позднейших мемуарах ни словом не обмолвился об этом стихотворении, очевидно, задетый сквозящей в нем иронией, обычно столь редкой в ранней лирике Ахматовой.

«Пустые белые святки...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 281, по рукописи из собрания Н. Л. Дилакторской. Автограф в ЦГАЛИ, с припиской, сделанной рукой Ахматовой: «Записано в Свиной книге Бродячей собаки». Свиная книга — альбом экспромтов для посетителей кабаре «Бродячая собака». Местонахождение альбома в настоящее время неизвестно.

Тамаре Платоновне Карсавиной («Как песню, слагаешь ты легкий танец...») — кн. «Тамаре Платоновне Карсави-

ной — "Бродячая собака", 26 марта 1914», СПб, 1914 (факсимильное воспроизведение автографа). Книга была преподиссена поэтами и художниками, завсегдатаями «Бродячей собаки», знаменитой современнице Ахматовой — балерине Т. П. Карсавиной (1885—1978) ко дню ее рождения.

«От тебя приходила ко мне тревога...» — журн. «Русская литература», 1970, № 3, с. 61 (публикация В. М. Жирмунского). Представляет собою дарственную надпись Ахматовой на титульном листе книги «Четки», которую она послала Блоку 24 или 25 марта 1914 г.:

«Александрю Блоку

Анна Ахматова

«От тебя приходила ко мне тревога
И уменье писать стихи».

Весна 1914 г.

Петербург».

По мнению первого публикатора этой дарственной надписи, В. М. Жирмунского, «двустиише, вставленное в кавычки, представляет, очевидно, цитату, однако трудно сказать, откуда: из неизвестного нам стихотворения самой Ахматовой или из другого источника, также пока не разысканного». Более верным представляется соображение В. А. Черных о том, что это «двустиише не автоцитата, а самостоятельная стихотворная миниатюра, сочиненная Ахматовой специально для данного посвящения. Возможно, сочиняя эту надпись, Ахматова «отвечала» на концовку стихотворения Блока «О, нет! не расколдуешь сердца ты...»:

Но есть ответ в моих стихах тревожных:

Их тайный жар тебе поможет жить.

См. об этом также в т. 1 наст. изд., с. 420.

«Спокоен ход простых суровых дней...» — сб. «Труды по знаковым системам», VI, Тарту, 1973, с. 439 (публикация Р. Д. Тименчика). Автограф — в альбоме художника Сергея Юрьевича Судейкина (1882—1946), где имеется еще один экспромт Ахматовой:

...это тот, кто сам мне подал цитру

В тихий час земных чудес,

Это тот, кто на твою палитру

Бросил радугу с небес.

С. Ю. Судейкин был близким другом Ахматовой: он в числе других художников расписывал стены кабаре «Бродячая собака». В альбоме Ахматовой (ГБЛ) есть ее портрет — моментальная зарисовка Судейкина.

Белая ночь — «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», 1914, № 7, с. 3. Датируется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77, с. 201).

«На Казанском или на Волковом...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 53 (публикация В. М. Жирмунского). Датируется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77). Казанское кладбище — в Царском Селе; Волково — кладбище в Петербурге. В 1914—1915 годах Ахматова тяжело болела туберкулезом. Трагические мотивы, связанные с болезнью, слышатся во многих стихотворениях этих лет, как правило, не печатавшихся при ее жизни. Отец Ахматовой, Андрей Антонович Горенко, умерший от грудной жабы в августе 1915 г., был похоронен на Волковом кладбище.

Завещание — журн. «Подъем», 1968, № 3, с. 114, без разделения на строфы (публикация А. С. Крюкова). Печатается по автографу (ГПБ, ОРиРК, ф. 474, альбом П. Н. Медведева), приложенному к письму Ахматовой к Н. С. Гумилеву (см. наст. том, с. 188).

«За то, что я грех прославляла...» — «Литературная газета», 1971, 15 сентября (публикация Н. А. Жирмунской) по автографу (ЦГАЛИ).

«Кому-то желтый гроб несут...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 282. Автографы в ЦГАЛИ и ГПБ. Возможно, навеяно рассказом Н. В. Недоброво, который приводит в мемуарах Ю. Л. Сазонова-Слонимская: «О своей близкой смерти Н. В. Недоброво знал. Его предупреждали сны, о которых он рассказывал с поэтической выразительностью, как если бы передавал страшную, но красивую сказку: ему виделись люди, приносившие гроб и потом искавшие крышки, и их разговоры о нем; ему снились могильщики, потерявшие тело, хотя сам он стоял тут же и наблюдал за ними. Он добавлял иронически: «Они его найдут» (газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1954, 26 мая). Ахматова, сама живущая в состоянии постоянной готовности к смерти, с обостренным вниманием относилась к рассказам своего «незабвенного друга», пораженного тем же недугом, что и она.

«Отлетела от меня удача...» — журн. «Континент» (Париж), 1982, № 31, с. 336 (публикация Л. Черткова). Автограф — в альбоме Н. А. Залшупиной-Даниловой (Отдел рукописей Парижской Национальной Библиотеки). В нашей стране — в издании: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 346 (публикация В. А. Черных) по черновому автографу ЦГАЛИ.

«Не убил, не проклял, не предал...» — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г.», Л., 1976, с. 58 (публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика), по автографу, приложенному к письму Ахматовой от 26 апреля 1914 года к писателю и историку литературы П. Е. Щеголеву.

«Вечерний звон у стен монастыря...»; «Цветы, холодные от рос...» — Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», 1914, № 12, с. 3.

«Я любимого нигде не встретила...» — «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», 1914, № 3, с. 3.

«Ты первый, ставший у источника...» — журн. «Русская литература», 1970, № 3, с. 82 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф (ОРиРК ГПБ, ф. 1073) — позднего происхождения; стихотворение восстанавливалось Ахматовой по памяти, вероятно, в 50-х гг. Знак вопроса после даты принадлежит автору. Характеристика Блока в этих стихах ближе к поздней ахматовской оценке его образа (ср. «С мертвым сердцем и мертвым взором...» в «Поэме без героя»), поэтому дата «1914» вызывает сомнение, скорее это стихотворение было переработано Ахматовой.

«В последний год, когда столица наша...» — журн. «Наше наследие», 1988, № VI, с. 62 (публикация В. К. Лукницкой). Как видно из чернового автографа, сохранившегося в архиве П. Н. Лукницкого, это фрагмент стихотворного цикла Ахматовой «Эпические мотивы» (т. 1 наст. изд., с. 157—160), не вошедший в основной текст.

«О Боже, за себя я все могу простить...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 77), под загл. «Отрывок».

«В городе райского ключаря...» — кн.: В. Лукницкая. «Из двух тысяч встреч», М., изд. «Правда», 1987, «Библиотека Огонек», № 14, с. 58. Автограф в архиве П. Н. Лукницкого, был подарен ему Ахматовой 27.03.1925 г. «Я спрашиваю о стихотворении АА, подаренном мне «В городе райского ключаря». АА отвечает, что это отрывок из поэмы, которую она писала в 1917 году. Поэма не была дописана до конца, существовало несколько отрывков, и подаренный мне — один из них. Николай Степанович (Гумилев. — М. К.) очень хотел, чтобы АА дописала до конца эту поэму, часто повторял ей это». («Из двух тысяч встреч», с. 59). Другой вариант этого стихотворения опубликован в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 323, под названием «Из прапоэмы», по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ. В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) Ахматова упоминает «Начало „Петербургской поэмы“: „В городе райского ключаря“». Райский ключарь — апостол Петр; мертвый царь — Петр I; дивный град — Петербург. 4 и 5 строки Ахматова использовала для позднейшего «петербургского» стихотворения «Летний сад» (1959) (см. т. 1 наст. изд., с. 286).

«С первым звуком, слетевшим с рояля...» — «Свободный журнал», 1918, № 3—4, с. 15. «Здравствуй, князь» — цитата из стихотворения Александра Блока (цикл «Родина», 1907):

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь...»

«Я горькая и старая. Морщины...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 284. Беловой автограф (ЦГАЛИ) с датой: «19 г. Петербург. Шереметевский Дом». Обращено к В. К. Шилейко. (О В. К. Шилейко см. т. 1 наст. изд., с. 373—374).

«Поглядишь, как будто спросишь...» — журн. «Смена», 1989, № 5, с. 18 (публикация М. Б. Мейлаха). Печатается по автографу 1963 года (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. 51) с датой: «1910-е».

«В промежутки между грозами...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского), с неверным прочтением первой строки: «В промежутке...». Автограф в ЦГАЛИ.

«Справа Днепр, а слева клены...» — кн.: В. Лукницкая. «Из двух тысяч встреч». М., изд-во «Правда», 1987, «Библиотека „Огонек“», № 14, с. 60. Автограф в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Записано под римской цифрой II на одном листе со стихотворением «И в Киевском храме Премудрости Бога» (см. т. 1 наст. изд., с. 387).

«Сочтенных дней осталось мало...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ЦГАЛИ под заглавием: «Из старых стихов. (10-е годы)».

«Если в небе луна не бродит...» — сб. «Встречи с прошлым». Вып. 3. М., 1978, с. 386 (публикация Е. И. Лямкиной). Автограф в ЦГАЛИ под заглавием: «Из черновиков 10-х годов».

«Как долог праздник новогодний...» — кн.: В. Н. Топоров. «Ахматова и Блок», Беркли, 1981, с. 49—51, по списку из собрания Г. П. Струве. В СССР впервые — газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января (публикация М. Кралина). Граф Валентин Платонович Эцбов (1885—1969) — искусствовед, основатель Зубовского института истории искусств (1912—1930 гг., Петроград); после 1925 г. жил за границей. Ахматова встречалась с ним в Париже

в 1965 г. «Дом ... на левом берегу Невы» — имеется в виду особняк Зубова (Исаакиевская площадь, 5). О посещениях Ахматовой Зубовского института сохранились поэтические свидетельства ее современников: см., например, стихотворение Георгия Иванова «В пышном доме графа Зубова...».

«Жрицами божественной бессмыслицы...» — сб. «Встречи с прошлым». Вып. 3. М., 1987, с. 384 (публикация Е. И. Лямкиной). Автограф (ЦГАЛИ) с датой: «10-е годы. Ц. С.». О В. Срезневской см. т. 1 наст. изд., с. 379, 428.

«Улыбнулся, вставши на пороге...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского), по рукописи Н. Л. Дилакторской. Автограф (ЦГАЛИ) с датой: «10-е годы или раньше. Балаклава».

«И через все, и каждый миг...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 285. Автограф (ЦГАЛИ) с датой: «10-е годы».

«На разведенном мосту...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш», М., 1989, с. 300. В списке нового состава книги «Подорожник» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 93) это стихотворение значится под номером 5 среди стихов, датированных 1917—1919 годами. В «Прозе о Поэме» (ГПБ) есть строки, содержащие комментарий к этому стихотворению: «Определить, когда она («Поэма без героя» — М. К.) начала звучать во мне, невозможно. То ли это случилось <...> когда я стояла уже без моего спутника на Литейном мосту, в то время, когда его неожиданно развели среди бела дня (случай беспрецедентный), чтобы пропустить к Смольному миноносцы для поддержки большевиков (25 октября 1917 г.)».

«Не смущаюсь я речью обидною...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 285. Автограф в ЦГАЛИ.

«Пива светлого наварено...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой», Париж, 1974, с. 10. В СССР впервые — газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января (публикация М. Кралина), по автографу ГПБ. Последний раз Ахматова приезжала в Бежецк на Рождество 1921 г. в гости к сыну, который жил у бабушки (А. И. Гумилевой).

«Не странно ли, что знали мы его?..» — журн. «Русская литература», 1970, № 3, с. 82 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф на кн.: А. Блок. «Стихотворения», кн. 2. М., 1916 (хранится в библиотеке Дома писателей им. Маяковского в Ленинграде). Эта книга принадлежала другу Ахматовой, композитору А. С. Лурье, высоко ценившему поэзию Блока (ему принадлежит целый ряд музыкальных произведений, написанных на стихи Блока).

«Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» — журн. «Искусство Ленинграда», 1989, № 5, с. 68 (публикация Р. Д. Тименчика). Автограф — на бланке издательства «Всемирная литература» — в собрании М. С. Лесмана. Л. Н. Замятина — жена писателя Е. И. Замятина (1884—1937) — подруга Ахматовой. В том же собрании М. С. Лесмана хранится письмо Ахматовой к Л. Н. Замятиной из Кисловодска от 3 июля 1927 года:

«Милая Людмила Николаевна, где Вы? Неужели еще в городе? Мне очень хорошо в Кисловодске, но скучно и хочется домой. Я окрепла, много хожу, не уставая, беру ванны и наконец научилась спать. Привет Е. И. (Замятину.— М. К.). Целую Вас.

Ваша Ахматова».

Письмо опубликовано в журн. «Искусство Ленинграда», 1989, № 5, с. 67.

«Вечер тот казни достоин...» — журн. «Москва», 1922, № 6, с. 2.

«Хорошо поют синицы...» — газ. «Вперед», г. Пушкин, 1975, 23 августа (публикация С. В. Белова, в составе статьи «Милый Самуил Миронович...»). Автограф в альбоме С. М. Алянского (ГБЛ). Алянский Самуил Миронович (1891—1974) — организатор издательства «Алконост», в котором выходили и книги Ахматовой в 20-х годах.

«Скучно мне оберегать...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 287 (публикация В. М. Жирмунского по записи литературоведа В. Н. Орлова со слов Ахматовой).

«Я именем твоим не оскверню уст...» — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 353 (не полностью). Последние четыре строки — в кн.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 3, Париж, 1983, с. 500 (не полностью). Полностью печатается впервые по двум автографам (первые 7 строк — ЦГАЛИ, последние 4 — ГПБ). Слова «*Прославленный октябрь*», замененные в автографе отточием, восстановлены составителем с помощью Л. К. Чуковской, запомнившей их со слов Ахматовой. Она же запомнила иной вариант 8-й строки: «*Как свечи на ветру, гасил людские жизни...*». В СССР эти четыре строки опубликованы в газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января (публикация М. Кралина). В списке стихотворений, предназначенном для нового издания «Белой стая» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 93), это стихотворение завершает цикл стихов, посвященных Б. Анрепу (см. о нем т. 1 наст. изд., с. 380).

«И ты мне все простишь...» — журн. «Звезда», 1969, № 8, с. 164 (публикация В. М. Жирмунского). В ГПБ (ф. 1073, ед. хр. 100) автограф с датой: «1928». Однако среди дневниковых записей П. Н. Лукницкого, посланных Ахматовой в 1962 г. (ГПБ), сохранилась следующая запись: «А. А. после 3-х стихотворений, которые она прочитала 25.02.25 в Капелле, ушла с эстрады, но после аплодисментов, выкриков, просьб вернулась. Прочла отрывок: «И ты мне все простишь...» (4 или 5 строк)» (Имеется в виду вечер в Ленинградской капелле.— М. К.). Следовательно, это стихотворение написано не позже февраля 1925 г.

«Ты прости мне, что я плохо правлю...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой», Париж, 1974, с. 14. Печатается по записи Н. Л. Дилакторской. Ср. предыдущее стихотворение, которое, возможно, представляет собой вариант этого.

«Десять лет и год твоя подруга...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 288, под ошибочным названием «Кавказское». Автограф в ГПБ. *Десять лет и год...* — До этого Ахматова была на юге 11 лет назад, в 1916 году.

«И неоплаканною тенью...» — журн. «Подъем», 1968, № 3, с. 116 (публикация А. С. Крюкова). Автограф в ЦГАЛИ. В записях Н. Л. Дилакторской, продиктованных ей Ахматовой, сохранились две даты: «1927» и «1929».

«Конечно, мне радости мало...» — сб.: Анна Ахматова. «Я голос ваш...», М., 1989, с. 290. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 102, л. 17).

Эпиграмма («Здесь девушки прекраснейшие спорят...») — кн.: Ж. ван дер Энг-Лидмейер и К. Ферхейль.

«Tale Without a Hero and Twenty-Two Poems by Anna Ahmatova», Paris, «Mouton. The Hague», 1973, с. 49. В СССР — газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января (публикация М. Кралина).

«...За ландышевый май...» — журн. «Литературная Грузия», 1967, № 5, с. 65 (публикация Л. К. Чуковской). Печатается по автографу (ЦГАЛИ), где после слов «В моей Москве» стоит ряд точек и дата: «1937. Москва». Эпитет «кровоавой» восстановлен со слов Э. Г. Герштейн, которая слышала это стихотворение от Ахматовой в 1935 г. Об обстоятельствах его написания см. журн. «Литературное обозрение», 1990, № 2, с. 97. Публиковавшийся до сих пор «цензурный» вариант см. в письме Ахматовой к А. Найману (с. 245 наст. тома).

«Уложила сыночка кудрявого...» — альм. «День поэзии», М., 1971, с. 155 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ГПБ. Датируется по записи Н. Л. Дилакторской. *Крин* — лилия (устар.). Тема «китежанки» здесь, как и в написанной в этом же году поэме «Путем вся земля», наваяна, очевидно, Н. А. Клюевым (см. т. 1 наст. изд., с. 410). О влиянии на нее Клюева Ахматова писала в одной из записных книжек:

«Вероятно, в 1912 г. Н. Клюев появился на нашем горизонте. Уехав, он прислал мне четыре стихотворения. Три из них я забыла совершенно, четвертое помню наизусть:

Гумилевой

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь лучезарно-светла
Правишь горним неведомым градом.

Я легендой забыться готов.
Ты всегда лучезарной казалась.
И красою осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви ль иссякаемы ль струи,
Разве ветер не песня твоя
И лучи не твои поцелуи.

Это, конечно, не мне и не тогда написано. Но я уверена, что у него была мысль сделать из меня небесную градоправительницу, как он сделал Блока нареченным Руси. 26 марта 1964. М<осква>. (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 109).

«Соседка — из жалости — два квартала...» — журн. «Подъем», 1968, № 3, с. 110 (публикация А. С. Крюкова). Печатается по записи Н. Л. Дилакторской.

«Любо вам под половицей...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 292. Печатается по записи Н. Л. Дилакторской.

«Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама...» — журн. «Звезда», 1969, № 8, с. 164 (публикация В. М. Жирмунского). Печатается по записи Н. Л. Дилакторской.

«Глаз не свожу с горизонта...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 55 (первые четыре строки; публикация В. М. Жирмунского). Полностью печатается впервые по записи Н. Л. Дилакторской. В собрании Дилакторской это стихотворение входит в состав цикла, состоящего из двух стихотворений, первое из которых — «С грозных ли площадей Ленинграда» (см. т. 1 наст. изд., с. 214). Цикл был посвящен В. Г. Гаршину (см. о нем т. 1 наст. изд., с. 401).

«Ленинградские голубые...» — журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 88 (публикация М. Кралина). Печатается по записи Н. Л. Дилакторской.

«А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф 1960-х гг. — в ЦГАЛИ. Ташкентские друзья Ахматовой, Э. Г. Бабаев и А. П. Сухомлинова, запомнили первоначальную редакцию:

А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет.
Он очень знаменит, он в тягость сам себе;
Он думает, что все переиначит,
Что Пастернака перепастерначит,
Но что мне делать с ним в моей судьбе?

Поводом для написания этого стихотворения, возможно, послужили строки из рецензии Б. Л. Пастернака на сборник Ахматовой «Избранное» (1943): «Две кровопролитных войны, их следы чуть ли не на каждой странице, и между ними известный силуэт с гордо занесенной головой...».

«И все, кого сердце мое не забудет...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского). В черновой записи Н. Л. Дилакторской, сделанной под диктовку Ахматовой, это стихотворение имеет название «Памяти Вали Смирнова» (Из «Ленинградских элегий») и дату: «6 ноября 1943». Печатается по этому источнику. О Вале Смирнове см. т. 1 наст. изд., с. 406.

Послесловие к «Ленинградскому циклу» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 55 (публикация В. М. Жирмунского). Печатается по записи Н. Л. Дилакторской.

Надпись на поэме «Триптих» — журн. «Литературная Грузия», 1967, № 5, с. 64 (публикация Л. К. Чуковской). Затем много раз перепечатывалось с искажениями и неверной датировкой, в том числе в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1990, с. 338. *И ты ко мне вернулась знаменитой...* — Один из списков «Поэмы без героя», украшенный кем-то из ташкентских друзей Ахматовой (возможно, А. Тышлером) цветом на обложке, Ахматова хотела переправить в Ленинград В. Г. Гаршину. После разрыва с Гаршиным (1944), когда Ахматова изгоняла из своих стихов всякое упоминание о нем, появился список (архив Н. Л. Дилакторской) с вариантом 5-й строки: «И я не для него тебя спасала». Это лишний раз подчеркивает первоначальную посвященность «Надписи...» В. В. Гаршину.

«Последнюю и высшую награду...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ГПБ.

«Ты, Азия, — родина родин!...» — альм. «Литературная Москва», № 1, 1956, с. 539.

Стеклянный звонок — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 17, без даты. В СССР — газ. «Коммунист» (Лиепая), 1979, 8 сентября (публикация С. В. Дедулина в его заметке «От Либавы до Владивостока»). Печатается по автографу (ГПБ).

«И очертанья «Фауста» вдали...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 56 (публикация В. М. Жирмунского). Печатается по черновой записи Н. Л. Дилакторской. Это стихотворение — один из примеров записанных сновидений Ахматовой. В данном случае под «Фаустом» имеется в виду поэма Гете, а не главный герой, поэтому составитель счел вправе поставить это слово в кавычки. Аналогичный случай — в четверостишии (см. т. 1 наст. изд., с. 239):

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

Отрывок («Не знала б, как цветет айва...») — журн. «Вопросы литературы», 1981, № 6, с. 312 (публикация Е. Б. Рейна в его обзоре «...С радостью вписываю в альбом Иннокентия Мемноновича»). Автограф в альбоме И. М. Басаласава (хранится у И. М. Наппельбаум, Ленинград). *Басаласав* Иннокентий Мемнонович (1896—1964) — литератор, редакционный работник; второй муж поэтессы И. М. Наппельбаум. Приехал в Ленинград из Ташкента. *Бешатач* — площадь в Ташкенте; *рахмат* — спасибо (узб.); *хайер* — до свиданья (узб.). *Айбек* (наст. имя Муса Ташмухаммедов, 1905—1968) — узбекский поэт, был дружен с Ахматовой в Ташкенте. *Чусти* — узбекский поэт. *Тошкент* — Ташкент в узбекском произношении. *Баранчук* — малыш (узб.).

Два голоса — журн. «Простор», 1971, № 2, с. 101 (публикация Л. А. Мандрыкиной и М. М. Кралина). В дальнейшем, начиная со сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), В. М. Жирмунским и другими публикаторами неправомерно включалось в состав пьесы «Пролог», к которой не имеет отношения. В рукописи «Нечета» (ГПБ) это стихотворение под римской цифрой II входит в цикл «Памяти Ал. Блока», над которым Ахматова работала в 1946 году. Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ).

Колыбельная — альб. «День поэзии». М., 1973, с. 260 (публикация Н. А. Жирмунской), по автографу ГПБ. Написано в день ареста Н. Н. Пунина (см. о нем т. 1 наст. изд., с. 400).

«Отстояли нас наши мальчишки...» — сб. «Ленинградская панорама». Л., 1988, с. 432, в воспоминаниях В. Г. Адмони «Знакомство и дружба». В. Г. Адмони, который ехал вместе с Ахматовой из Москвы в Ленинград в 1944 году, когда она возвращалась из эвакуации, пишет: «Побеседовав о разных новостях, мы стали читать стихи. Все, что нам прочитала в поезде Ахматова, потом было напечатано. Все, за исключением одного четверостишия, которого я не нашел ни в одной публикации. Может быть, Ахматова вообще не записала его или потеряла свою запись и забыла о нем. Не знаю, но хочу привести здесь это четверостишие, потому что оно, несмотря на свою простоту, кажется мне очень ахматовским и очень важным. Лимитные книжки, лимиты — так назывались в ту пору повышенные пайки, которые во время войны стали выдаваться ученым с высокими степенями и видным деятелям искусства. Получила лимитную книжку и Ахматова. И хотя это было лишь самой элементарной справедливостью, что Ахматову избавили от тяжелой военной нужды и лишений, сама она не могла спокойно пользоваться причитавшимися ей благами, потому что не могла забыть о тех, кто погиб и кто все еще погибает на войне. Она была полна сострадания, и обостренная совесть не оставляла ее в покое».

«Блаженный мир — зеленый мир...» — журн. «Звезда», 1969, № 8, с. 163 (публикация В. М. Жирмунского), не полностью. Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ). Другая редакция 12—16 строк — в собрании Н. Л. Дилакторской, датируется 1942 годом.

«Уходи опять в ночные чаши...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 54 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ГПБ.

«Что-то неладно со мною опять...» — печатается впервые по черновой записи Н. Л. Дилакторской, сделанной под диктовку Ахматовой в 1945 году.

Материалы сборника «Слава миру!» вводятся в научное ахматоведение впервые. До сих пор этот сборник не привлекал внимания исследователей, вернее, вообще, как ни странно, не учитывался ахматоведами. В поле их зрения был только цикл «Слава миру», опубликованный в 1950 году в нескольких номерах журнала «Огонек». После этой публикации этот цикл в СССР ни разу не переиздавался, и до последнего времени любознательные читатели могли отыскать эти стихи только во 2-м томе «Сочинений» Анны Ахматовой, изданном международным литературным содружеством в 1968 г., с. 146—154.

Среди современных исследователей существуют полярно противоположные точки зрения на эти стихи. Одну из них высказал Р. Д. Тименчик: «Пятое марта пятьдесят третьего года должно было, казалось, поставить точку в той главе книги ахматовской жизни, которая рассказывает об истории заветной тетради, сожженной и восстающей из пепла. Но эта точка не будет поставлена до тех пор, пока строки из цикла «Слава миру» будут, злорадно ухмыляясь, красоваться на страницах ее книг рядом с «Мужеством», «Листками из дневника», «Реквиемом». (Предисловие к сб.: Анна Ахматова. «Requiem», М., 1989, с. 25). Другая точка зрения высказана М. Б. Мейлахом: «...люди, привыкшие торговать убеждениями за весьма невысокую цену, смеют ставить ей в вину известный цикл стихов 1950 года, который трудно определить иначе как подвиг». (М. Мейлах. «Свою меж вас еще оставив тень», журн. «Литературное обозрение», 1989, № 5, с. 97).

В эпоху гласности читатели должны знать всю правду. Замалчивание, а тем более «изгнание» цикла «Слава миру» из ахматовского творчества неизбежно приводит к упрощению ее творческого пути. Услужливые текстологи готовы убрать с дороги поэта тернии, как будто не ведая, что в результате этого замалчивания теряет и отечественная история, да и сама Ахматова, ибо она совершила свой шаг сознательно, зная, с кем имеет дело.

Р. Д. Тименчик прав в одном: стихи из цикла «Слава миру» не следует печатать в составе канонических книг поэта. Ахматова при жизни тщательно их оттуда вымарывала. Но это не значит, что их не должно быть вообще. Что было — то было. Тем более что история эта на самом деле намного трагичнее, чем ее могут представить себе те, кто знаком лишь с циклом «Слава миру».

Дикая вакханалия, поднявшаяся вокруг имени Ахматовой после доклада Жданова и Постановления ЦК, закончилась тем, что она была исключена из Союза писателей, по ее словам, «обречена на голод». Но это было не самое страшное. Ее не посадили, ей дали возможность жить вместе с сыном, сражавшимся на фронте и принимавшим участие в штурме Берлина. Ахматова молчала — и в этом была ее главная «крамола». Выражая мнение ведущих советских писателей, Всеволод Вишневский вопрошал в речи, напечатанной в «Литературной газете» за 7 сентября 1946 г.:

«Меня как редактора и как члена Союза советских писателей удивляет теперь то, что Ахматова сейчас молчит. Почему она не отвечает на мнение народа, на мнение партии? Неправильно ведет себя, сугубо индивидуалистически, враждебно». Само молчание поэта расценивалось как враждебная акция. Однако что же было ей делать? Только что были пущены под нож две новые книги стихов. Следовательно, такие стихи ее были не нужны. Других она писать не умела да и не считала нужным этого делать, пока беды касались ее одной. «Я защищаю// Не голос, а молчание мое», — скажет она об этом времени в «Лирическом отступлении Седьмой элегии» (см. наст. том. с. 91).

«Борьба с космополитами», одной из жертв которой стал бывший муж Ахматовой Н. Н. Пунин, арестованный 26 августа 1949 г., повергла Ахматову в состояние, близкое к панике. Стали исчезать люди ее круга, ближайšie доверенные читатели ее стихов. В этих арестах она косвенно винила себя, потому что стихи могли быть, по ее мнению, причиной ареста (история с Мандельштамом навсегда засела в ее памяти). Перед Ахматовой встал вопрос нравственный: что важнее — люди, их судьбы или стихи? Тогда-то она и сделала для себя вывод: если из-за стихов хватают и сажают за колючую проволоку людей, то стихи — зло.

6 ноября 1949 года в квартиру на Фонтанке явился следователь с ордером на очередной арест сына. А заодно сделал обыск и в комнате проживающей совместно с ним «гражданки Ахматовой». Анна Андреевна была настолько оскорблена этим, что, хотя следователь почти ничего и не унес с собой, вскоре после его отбытия устроила «самосожжение». Трудно подобрать более точное слово, определяющее ее ужасные, неконтролируемые действия. Такого примера не знала русская литература со времен Гоголя. В огонь летело все: фотографии любимых, черновики старых стихов, письма Недоброво, «пушкинская» проза и целые альбомы со стихами.

Она тогда чудом осталась жива. Для того, чтобы «как Феникс, из пепла//В эфире востать голубом», надо было прожить еще 10 лет — классический лагерный срок. Но она была «вольная» — в лагере сидел сын. Сидел, понятно, за нее — за отца он отсидел в тридцатых. Выжить надо было хотя бы для того, чтобы выручить из беды единственного сына. Спас Пушкин. Вместо сожженных работ о Пушкине она пишет новые, где решает вопрос о достоинстве поэта и о тайной свободе поэта.

На полях пушкиноведческих рукописей Ахматовой появляются наброски новых, ни на что прежнее не похожих стихов. Достаточно сказать, что в одном из набросков фигурирует имя Ленина, никогда прежде не привлекавшее внимания Ахматовой. Но стихотворение о Ленине осталось в виде наброска — требовались другие, более действенные средства. Ахматова поставила перед собой одну цель — во что бы то ни стало выручить из неволи сына, а повод сам напрашивался — приближалась «славная» дата — 70-летие И. В. Сталина, нашлись и подсказчики, советчики. Но главное было в позиции самой Ахматовой, впервые в жизни решившейся действовать по методу — «цель оправдывает средства». К тому же ее личное отношение к Сталину было далеко не однозначным. Да, конечно, «палач», «падишах», «самозванец» — всеми этими словами, за каждое из которых она могла поплатиться жизнью, она его уже «наградила». Но она не могла не помнить и своеобразной заботы вождя о ее персоне в 1939 году, личной воле «отца народов» приписывала она и «чудесное» спасение ее из осажденного Ленинграда, где непременно бы погибла...

Так или иначе, но в 1950 году в «Огоньке» появилось два восславляющих Сталина стихотворения, несколько приподавшие к юбилею. Создание казенного, с невероятной для Ахматовой скоростью сработанного цикла, однако, главной цели не достигло. Сына Сталин не освободил. Правда, Ахматову 14 февраля 1951 года восстановили в правах члена Союза советских писателей. Это несколько поправило ее материальное положение и давало тем самым шансы для продолжения борьбы. А сил для борьбы почти не оставалось: в конце мая 1951 года Ахматову сразил обширный инфаркт...

Официальная критика хранила молчание: и ругать, и хвалить Ахматову после «огоньковского» цикла было слишком рискованно.

Однако одно читательское письмо, отразившее всю изуродованную тоталитарным режимом психологию массового сознания, Ахматова все же сохранила в качестве исторического документа эпохи. Это письмо из Харькова публициста Андрея Федоровича Чернышова от 7 июля 1952 г. (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 1408).

«Глубокоуважаемая Анна Андреевна!

Я часто перечитываю Ваши новые стихи из цикла «Слава миру», напечатанные в «Огоньке». Начавши новый этап Вашей литературной работы, они обладают замечательными идейно-художественными достоинствами, радуют читателя искренностью чувства, зрелостью мастерства. О Сталине, о Москве написали стихи едва ли не все советские и прогрессивные зарубежные поэты. Вам посчастливилось найти свои слова, свои краски, интонации, чтобы воспеть великого вождя и столицу нашей Родины. Двумя строчками — «Пускай вокруг неистовствует вьюга или фиалки горные цветут» Вы даете возможность зрительно ощутить необъятные просторы нашей страны.

Хороши стихи о Корее. Особенно нельзя не восхищаться жизне-радостным стихотворением «В пионерлагере». В нем столько света, тепла, столько прелестей родной советской земли, что хочется от души поблагодарить Вас за пережитые эмоции.

Но, Анна Андреевна, почему Вы мало пишете? Почему Вы не издадите хотя бы небольшого сборника стихов? Постарайтесь, дорогая! У Вас есть все данные, чтобы крепко войти в советскую литературу. Я уверен, что русская поэзия будет гордиться Вами. Подумайте, какая великая и почетная обязанность быть русской советской поэтессой в наше время, когда Советская Россия стала культурно-политическим центром мира! Ваш преклонный возраст не может помешать Вам созидать, ибо строгая, принципиальная партийная критика дала Вам новую молодость в лучшем смысле этого слова, спасла Вас от литературной смерти».

Продолжая борьбу за спасение сына, Ахматова сдает в издательство «Советский писатель» рукопись нового сборника под названием «Слава миру!». В состав сборника вошли 39 оригинальных стихотворений и 7 переводных. По сравнению с «огоньковским» циклом Ахматова дополнила сборник несколькими стихотворениями, образующими первый раздел, названный «Великая Отечественная война», а «Вместо предисловия» она поставила стихотворение 1940 года «Маяковскому». Как некогда Маяковский своим «Нател» бросил в лицо буржуазной публике все, что он о них думает, так Ахматова, прервав молчание, бросила новым литературствующим политикам жертву, которая дорогого стоила: она поставила на карту свое литературное имя, свою репутацию. По сравнению с «огоньковским» циклом в сборнике восславление Сталина было доведено до степени гротеска.

В сборнике были и стихи военных лет, встретившие широкое читательское признание, такие, как «Мужество», «Клятва», «Первый дальний бойный в Ленинграде», «Щели в саду вырыты...», «Городу Пушкина» и др. Эти стихотворения, попавшие под огонь ждановской «критики», как и все творчество Ахматовой до 1946 г., полагалось критиковать в соответствии с партийными документами. В этом смысле показательна для литературных нравов позднего сталинского времени издательская судьба сборника. Сама рукопись в издательском деле (ЦГАЛИ, ф. 1234, № 17, ед. хр. 151) отсутствует. Совершенно случайно она попала к составителю настоящего тома, к сожалению, не в полном виде.

Первая рецензия тогдашнего главы литературы А. А. Фадеева была сдержанно положительной. Однако «высочайшего соизволения» печатать сборник, видимо, не последовало, и рукопись была отдана на растерзание рецензентам, людям, в ряде случаев далеким от поэзии. Всего рецензий было 11. Среди их авторов: А. А. Сурков, А. В. Софронов, В. М. Инбер, П. Г. Скосырев, Е. А. Долматовский, Н. М. Грибачев, А. Б. Чаковский, А. А. Караваева, В. В. Смирнова. Все рецензенты безоговорочно одобряли стихи, восхвалявшие Сталина, но не забывали при этом и «лягнуть» стихи, написанные в «дождяновский» период (ныне признанные шедеврами патриотической лирики Ахматовой). Примером такой безапелляционно наглой критики служит рецензия А. Б. Чаковского, избранные места из которой стоит привести здесь, чтобы современный читатель мог представить себе ту атмосферу шабаша, который устроили вокруг имени Ахматовой, уже восстановленной в рядах советских писателей.

А. Б. Чаковский предельно краток:

«Щели в саду вырыты». Старушечье причитание. По-моему, снять.

«А вы, мои друзья последнего призыва». Насчет святцев и багрового света,— чепуха. Надо убрать.

«Первый дальнобойный в Ленинграде». В последних четырех строках нет смысла.— И далее вся рецензия в том же духе.

Мягче пишет Вера Инбер (как-никак почти ровесница Ахматовой): «Несколько поверхностно, риторически звучит стихотворение на очень ответственную тему: «РСФСР». Здесь настоящий показ величия созвездия советских республик подменен декларацией:

От края до края
Всем нам родная, —
Сказочен твой простор!
В труде и в покое
Дружны с тобою
Пятнадцать твоих сестер».

Этого стихотворения, как и некоторых других, упоминаемых в рецензиях, нет среди сохранившихся страниц рукописи сборника. Впрочем, на титульном листе редакторским карандашом начертано: «Отобрано около 400 строк». Остальные, отвергнутые, стихи могли просто попасть в мусорную корзину.

В своей рецензии Инбер очень своеобразно ратует за выход нового сборника: «Книга должна выйти, и не только потому, что она несомненно будет замечена за рубежом, где имя Ахматовой хорошо известно. Это соображение отнюдь не главное. Главное — это показать нашим читателям разительный пример перестройки сознания (выделено мной.— М. К.) такого, казалось бы, уже раз навсегда завершившего свое развитие поэта, как Ахматова».

Однако наиболее проникательные рецензенты понимали, что никакой «перестройки» в новом сборнике Ахматовой не было. Их пугала ахматовская тайнопись. И хотя Ахматова скрепя сердце вставила «Вождя» во фрагмент «Поэмы без героя», большинство рецензентов предложило снять эти стихи. Нелишним, мне кажется, будет привести их здесь, чтобы показать, с какой настойчивостью пыталась провести Ахматова в печать свои самые заветные мысли:

Не сраженная бледным страхом
И отщепления зная срок,
Опустивши глаза сухие,
И, сжимая уста, Россия

От того, что сделалось прахом,
В это время шла на Восток.
И себе же самой навстречу,
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом с Урала, с Алтая
На призыв Вождя молодая
Шла Россия спасать Москву.

1942

(Цит. по рукописи, с. 8.)

Смущали рецензентов не только оригинальные стихи поэта, но и некоторые переводные. И хотя в этом издании, выполняя волю Ахматовой, мы не печатаем ее переводов, один из них хочется привести полностью, чтобы показать, что и в этом сборнике Ахматова не только «кидалась в ноги палачу», но и в полный голос говорила о проблеме «тиран и поэт». Это перевод стихотворения М. Лужанина «Вечная жизнь»:

Морозный день. Санкт-Петербург. Гулянье.
В последний раз осмотрен пистолет.
И к Черной речке быстро мчатся сани.
Что будет там? Не ведает поэт.

Утопан снег, блеснула огонь, и смерти
Глаза певца уже покрыл туман.
Он привстает: как бы в корону метит, —
Наемник ранен, жаль, не сам тиран!

И — забыть... Сугробы снеговые...
Под шелест хвой, под ветками берез
Как будто в даль он сдет по России,
А слава вслед, не утирая слез.

В Михайловском, под свист мятелей мглистых,
В душе мятежной зрел могучий стих.
Он вспоминал о судьбах декабристов
И сожалел, что не был среди них.

Его друзья на каторге, в неволе,
Но всюду воздух каторжных казарм, —
Невольник тот же он, хоть и на воле, —
Следит за ним увенчанный жандарм.

И вот уже последние мгновенья...
Он просит: «Выше!» (это смерти мгла)...
О, жизнь, прости!
Теперь жены моления
Не оживят покой его чела.

«Все опечатать!» — царь повелевает, —
Он хочет, чтобы голос онемел.
Но гроб несут, и гений начинает
Свой путь в века и будит сотни дел.

И ширится поэтава дорога...
Век миновал, другой начался век, —
Ждет Пушкина у каждого порога
Страны счастливой вольный человек.

(Цит. по рукописи, с. 53—54.)

Такие переводы приводили рецензентов в трепет. И, не в силах ни «зарубить», ни одобрить состав сборника, они продолжали из рецензии в рецензию повторять одно и то же: «А. Ахматовой предстоит продолжить и углубить начатую ею работу по перестройке своего мировоззрения, по пересмотру своего отношения к целям и назначению поэзии, по овладению методом социалистического реализма».

В настоящее время включать ее сборник в план редакционной работы издательства было бы преждевременно».

Почти три года рукопись сборника лежала в издательстве. Ахматова ждала ответа.

Наконец А. А. Сурков, по-своему любящий поэзию Ахматовой и наиболее активно ей помогавший, направляет письмо директору «Советского писателя» М. М. Корневу и главному редактору Н. В. Лесючевскому. Это письмо в копии сохранилось в издательском деле.

«Дорогие товарищи!

Пересылаю Вам рукопись сборника А. Ахматовой с рецензией А. Фадеева. Я с рукописью знаком. Считаю, что и оценка стихов и мотивировки издания книги, изложенные в рецензии А. А. Фадеева, глубоко правильны. Правильны и его замечания относительно снятия некоторых стихов.

Прошу Вас поставить вопрос об издании сборника «Слава Миру» на рассмотрение редакционного совета в непродолжительном времени и, если вопрос будет решен положительно, оформить с автором договорные отношения, т. к. Ахматова и тяжело болеет и находится в трудных материальных условиях.

И. о. Генерального секретаря
ССП СССР

4 февраля 1953 г.

Ал. Сурков»

Это письмо не возымело действия. Смерть Сталина, последовавшая месяц спустя, поставила точку в этой затянувшейся истории. Следующий сборник Ахматовой, под редакцией все того же Суркова, вышел в свет в 1958 году и, разумеется, в совершенно ином составе.

Ленинградские четверостишия. 1. «Вражье знамя...»; 2. «Копай, моя лопата...» — журн. «Ленинград», 1941, № 16, с. 12. В рукописи сборника «Слава миру!» четверостишие «Вражье знамя...» представлено дважды: в цикле «Ленинградские четверостишия» (с. 5) и — в измененном виде — как эпиграф к циклу «Победа» (с. 15):

Вражье знамя
Мы в прахе влачили,—
Правда с нами,
И мы победили!

3. «Пускай огонь сигнальный не горит...» — журн. «Звезда», 1979, № 3, с. 190 (публикация М. Кралина), по автографу (ГПБ).

Победа. 1. В мае («Сталинградской страды...»); 2. «За наши пламенные зори...» — «Звезда», 1979, № 3, с. 190 (публикация М. Кралина). 3. 27 января 1944 года («И в ночи январской беззвездной...») — журн. «Ленинград», 1944, № 10/11, с. 8. Печатается по рукописи сборника «Слава миру!», с. 15. Датируется по записи Н. Л. Дилекторской. 4. Освобожденная («Чистый ветер ели колышет...») — журн. «Ленинград», 1945, № 3,

с. 1. Датируется по записи Н. Л. Дилакторской. 5. «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...» — печатается впервые по рукописи сб. «Слава миру!», с. 16. 6. «Навстречу знаменам, навстречу полкам...» — журн. «Звезда», 1979, № 3, с. 190 (публикация М. Кралина).

«Падение Берлина» (Отрывок) — печатается впервые по автографу из собрания М. С. Лесмана (Ленинград). Это стихотворение было в составе сборника «Слава миру!», о чем свидетельствует отзыв одного из рецензентов, П. Скосырева: «Стихотворение «Падение Берлина» — это поэтический отклик автора на то, что является темой и содержанием одноименной кинокартины». (Имеется в виду двухсерийный цветной фильм режиссера М. Чиатурели по сценарию П. Павленко, выпущенный на экран в 1950 году. Однако стихотворение Ахматовой в автографе датируется октябрём 1949 года).

21 декабря 1949 года — журн. «Огонек», 1950, № 14, с. 20, с разночтениями и без 4-й строфы. Третья строка в этой строфе — *И труженики те, которых душат узы* — вызвала возражения почти у всех рецензентов сборника; вероятно, по цензурным соображениям она была исключена из публикации в «Огоньке». Печатается по рукописи сборника «Слава миру!», с. 42.

«И Вождь орлиными очами...» — журн. «Огонек», 1950, № 14, с. 20, с разночтениями и без второй строфы. Печатается по рукописи сборника «Слава миру!», с. 43.

«Где дремала пустыня, там ныне сады...»; «И в великой нашей отчизне...»; Клеветникам (I—II); Тост; Москве — журн. «Огонек», 1950, № 14, с. 20. В машинописной копии сборника «Стихотворения Анны Ахматовой» (1957) (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 90) стихотворению «Москве» предпослан эпиграф: «Москва... как много в этом звуке... Пушкин» («Евгений Онегин», гл. VII, стр. XXXVI).

Песня мира; 30 июня 1950 — журн. «Огонек», 1950, № 36, с. 23.

1950 — журнал «Огонек», 1950, № 36, с. 23, с разночтениями и без 3-й строфы. Печатается по рукописи сборника «Слава миру!», с. 19.

Покорение пустыни — журн. «Огонек», 1950, № 36, с. 23.

Севморпуть — журн. «Огонек», 1950, № 36, с. 23, с разночтениями. Печатается по рукописи сборника «Слава миру!», с. 29.

«Где ароматом веяли муссоны...» — журн. «Огонек», 1950, № 42, с. 20. Эпиграф — из стихотворения В. Маяковского «Мама и убитый немцами вечер».

Поджигателям — журн. «Огонек», 1950, № 42, с. 20.

«Прошло пять лет, — и залечила раны...» — журн. «Огонек», 1950, № 36, с. 23. До сих пор это стихотворение, как и три следующих, во всех изданиях включалось в основной корпус «Стихотворений и поэм» Ахматовой, хотя сама она, даря друзьям сборник 1958 года, обычно заклеивала или перечеркивала эти стихи. В авторские планы книг ни одно из этих стихотворений Ахматова не включала. В настоящем издании эти стихи, как и весь сборник «Слава миру!», печатаются прежде всего как документ эпохи.

Говорят дети — Ленинградский альманах, 1954, кн. 9, с. 144. В ГПБ хранится автограф более ранней редакции этого стихотворения под названием: «Слово предоставляется детям».

Приморский парк Победы — «Ленинградский альманах», 1954, кн. 9, с. 145.

В пионерлагере — журн. «Огонек», 1950, № 42, с. 20, с разночтениями, без эпиграфа. Печатается по сб.: Анна Ахматова.

«Стихотворения», М., 1961, с. 292—293. Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина «...Вновь я посетил». Каминская Анна Генриховна — внучка Н. Н. Пунина.

«Особенных претензий не имею...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 56 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ. В феврале 1952 г. Ахматова была вынуждена покинуть Фонтанный Дом, где она прожила с перерывами с 1919 по 1952 год, и переехала на улицу Красной Конницы, д. 4, кв. 3.

«Пусть мой корабль пошел на дно...» — альб. «Поэзия», 1974, № 12, с. 112 (публикация Н. А. Жирмунской). Печатается по автографу ГПБ. Стихотворение по содержанию примыкает к циклу «Шиповник цветет» («Сожженная тетрадь»), но, вероятно по цензурным соображениям, Ахматова не включила его в состав цикла. Тема его — та же, что и в «Шиповнике» — «невстреча» с И. Берлином в 1956 г. (см. об этом — т. 1 наст. изд., с. 419—420).

«Меня и этот голос не обманет...» — сб.: Анна Ахматова. «После всего», М., 1989, с. 15 (публикация Р. Д. Тименчика), по автографу из собрания М. С. Лесмана. По содержанию переключается с темой «невстречи» с И. Берлином, составляющей сюжетную основу цикла «Шиповник цветет».

«Меня влекут дороги Подмосковья...» — сб.: Анна Ахматова. «После всего», М., 1989, с. 14. Автограф в собрании М. С. Лесмана. Это — парафраз стихотворения «По той дороге, где Донской...» из цикла «Шиповник цветет» (см. т. 1 наст. изд., с. 272).

Август — литературное приложение к газете «Русская мысль», Париж, 1989, № 3786. В СССР впервые — журн. «Октябрь», 1989, № 10, с. 184 (публикация Р. Д. Тименчика), по автографу из собрания М. С. Лесмана. По словам Зои Борисовны Томашевской, «стихотворение написано на смерть моего отца (Бориса Викторовича Томашевского.— М. К.) 24 августа 1957 г. Он умер в море; А. А. узнала об этом в Комарове 27-го. Этим числом помечена и телеграмма моей матери (И. Н. Томашевской.— М. К.) в Крым: «Горько оплакиваю великого ученого Благодарю друга Ахматова» (Сообщено составителю Э. Б. Томашевской 7 августа 1989 г.).

«Позвони мне хотя бы сегодня...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 299, по автографу ЦГАЛИ.

При музыке — журн. «Простор», 1971, № 2, с. 101 (строки 1—4) (публикация Л. А. Мандрыкиной и М. М. Кралина). Более полный текст — «Литературная газета», 15 сентября 1971 г. (публикация Н. А. Жирмунской), по автографу ЦГАЛИ. Печатается по автографу ГПБ. Эпиграф *Не теряйте отчаянья* — любимая поговорка Н. Н. Пунина; это были последние слова, сказанные им Ахматовой 26 августа 1949 г. при аресте. *И голос из тринадцатого года* — намек на Артура Лурье, который в 1958 году передал Ахматовой привет из США через В. Б. и А. В. Сосинских, их общих знакомых, приехавших в СССР.

«От меня, как от той графини...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 300. В. Я. Виленкин в «Воспоминаниях с комментариями» (журн. «Вопросы литературы», 1979, № 3, с. 240) приводит свою запись стихотворения со слов Ахматовой с разночтениями в строках 2—4: «Шел по лестнице винтовой, // Чтоб увидеть холодный, синий, // Строгий час над снежной Невой». Для понимания первого, «верхнего» слоя этого четверостишия важна дневниковая запись П. Н. Лукицкого от 26.04.1925 г.: «А. А. рассказывает, что Николай Степано-

вич (Гумилев.— М. К.) был у нее в последний раз в 21 году, приблизительно за 2 дня до вечера Petropolis'a. А. А. жила тогда на Сергисвской, во 2-м этаже. В. К. Шилейко был в Царском Селе, в санатории. А. А. сидит у окна и вдруг слышит голос: «Аня!» <...> Взглянув в окно — увидела Николая Степановича и Георг. Иванова. Впустила их к себе. <...> О Гржебине говорили уже прощаясь. А. А. повела Николая Степановича и Г. Иванова не через 3-й этаж, а к темной (потайной прежде) винтовой лестнице, по которой можно было прямо из квартиры выйти на улицу. Лестница была совсем темная, и когда Николай Степанович стал спускаться по ней, А. А. сказала: «По такой лестнице только на казнь ходить...» («Литературное обозрение», 1989, № 6, с. 86). Таким образом, выражение «смертный час» относится к Гумилеву, и не случайно это четверостишие Ахматова вставила в примечания к «Поэме без героя», причем сопроводив его такими словами, как бы отвергающими ее авторство: «И уже просто клеветническое добавление» (ГПБ). Гумилев «не значится в списках» персонажей «Поэмы без героя», но с ним связана так называемая «Линия отсутствующего героя», включающая и это четверостишие.

В. Я. Виленкин в своих воспоминаниях пишет, что, возможно, толчком к созданию этого четверостишия послужила акварель В. В. Дмитриева к «Пиковой даме», и добавляет, что дело произошло в 58-м, кажется году. Однако вряд ли это стихотворение родилось в виде экспромта в квартире В. Я. Виленкина. Именно в 58-м году Ахматова познакомилась со статьей С. А. Рейсера «Дворцовая набережная, 4» (напечатана в «Трудах Ленинградского библиотечного института имени Н. К. Крупской», т. IV, 1958, с. 33—47). По-видимому, Ахматова согласилась с доводами Рейсера об идентификации дома Салтыковых, в котором Пушкин однажды побывал в гостях у графини Д. Ф. Фикельмон и утром спустился из ее спальни по винтовой лестнице, с местом действия написанной вскоре после этого события «Пиковой дамы». Таким образом, в стихотворении возникла тройная цепь ассоциаций: Пушкин — Германн — Гумилев и графиня Д. Ф. Фикельмон — старуха-графиня из «Пиковой дамы» и сама Ахматова. Характерно, что с годами Ахматова все чаще стала сопоставлять себя, свой образ с образом старухи-графини, как, например, в одном из незаконченных стихотворений 60-х годов:

Путь мой назначен одною из карт,
Тою, которою буду...

Но, пожалуй, наиболее любопытный случай просканирования собственной биографии на этот литературный персонаж мы находим в наброске ахматовской «пушкинской» прозы, оставшейся неопубликованной: «Другое окончание «Пиковой Дамы». Германн влюбляется в старуху. Х. сходит с ума от ревности. В свете странные слухи (?!). Старуха пишет стихи» (ЦГАЛИ). Отметим, что если раньше в «Поэме без героя», вспоминая годы молодости, в строках, обращенных к Борису Анрепу, Пиковая Дама служит лишь опознавательной метой «страшного» Петербурга («Но наверно вокруг тот самый // Старой ведьмы Пиковой Дамы // Город. Где наш с тобою дом?»), то в вышеприведенной записи, датированной 1960 годом, Ахматова примеряет роль Старухи на себя. (На роль Германна примеряется, очевидно, А. Г. Найман, с которым Ахматова познакомилась в 1959 году. Ей могла показаться привлекательной сама возможность рифмовки фамилий Германн — Найман). Добавим, что свою фотографию 1936 года, скомпонованную в виде игровой карты «Пиковая дама», Ахматова охотно дарила друзьям.

«И все пошли за мной, читатели мои...» — кн.: Ана-

толий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой». М., 1989, с. 229. Автограф — в собрании автора книги.

«Непогребенных всех — я хоронила их...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 300. Мотив Антигоны проецируется Ахматовой на собственную поэтическую биографию: «непогребенными» можно было назвать и Б. Пильняка, и О. Мандельштама, «оплаканных» ею в стихах, образующих цикл «Венок мертвым» (см. т. 1 наст. изд., с. 249—254).

«Не мешай мне жить — и так не сладко...» — газ. «Ленинградская правда», 1989, 23 июня (публикация М. Кралина). Автограф — в собрании М. С. Лесмана (Ленинград). По содержанию и образному строю перекликается со стихотворением «Эхо» (см. т. 1 наст. изд., с. 289) и с драмой «Энума Элиш» (наст. том, с. 259—312).

Скорость — альм. «День поэзии», М., 1971, с. 156 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ЦГАЛИ.

«Пространство выгнулось и пошатнулось время...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 111, л. 2). Другая редакция этого стихотворения под названием «Из набросков» — в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 303, по автографу ЦГАЛИ; третья — в этом же издании, в разделе «другие редакции и варианты», с. 422, по автографу ГПБ.

«Я давно не верю в телефоны...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

Творчество — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 56 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

«Хвалы эти мне не по чину...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 303, по автографу ЦГАЛИ. И Сафо совсем ни при чем... — По сообщению друга Ахматовой С. К. Островской, присутствовавшей при первой встрече ее с И. Берлином, тот произнес, обращаясь к Анне Андреевне: «Мы переводим Вас, как Сафо...»

Четыре времени года — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

«Но тебе не дала я кольца...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 99, л. 11).

«И черной музыки безумное лицо...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 318.

«Я бросила тысячи звонниц...» — газ. «Ленинградская правда», 1989, 23 июня (публикация М. Кралина), по автографу из собрания М. С. Лесмана (Ленинград).

Мартовские элегии («Если бы ты музыкой была...») — журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 89 (публикация М. Кралина). Автограф в ГПБ, ед. хр. 181.

«Не то чтобы тебя ищущ...» — газ. «Ленинградская правда», 1989, 23 июня (публикация М. Кралина), по автографу из собрания М. С. Лесмана (Ленинград).

«Я поднимаю трубку — я называю имя...» — альм. «День поэзии», М., 1973, с. 259 (публикация Н. А. Жирмунской), по автографу ГПБ. Это и следующее стихотворение — воспоминание о телефонном разговоре с И. Берлином во время его приезда в Москву в августе 1956 года, когда Ахматова отказалась с ним встретиться.

«Еще говорящую трубку...» — альм. «День поэзии», М., 1973, с. 259 (публикация Н. А. Жирмунской), по автографу ГПБ.

«Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой!» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 318, по автографу ЦГАЛИ. И. Берлин «простился» с Ахматовой 5 января 1946 г., когда был в Ленинграде проездом в Финляндию, а «возвратился» он только через 10 лет, в 1956 году.

«Хулимые, хвалимые!» — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, по автографу ЦГАЛИ (рукопись сб. «Бог времени»). В наст. издании печатается в более полной редакции по другому автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 101, л. 6). По содержанию перекликается с письмом А. Г. Найману от 22 янв.—29 февр. 1960 г. (см. с. 238—240 наст. тома).

«И меня по ошибке пленило...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 295, по автографу ЦГАЛИ.

Самой поэме — журн. «Юность», 1971, № 12, с. 64 (публикация Н. А. Жирмунской). В начале 1960 года «Поэма без героя» «без ведома и разрешения автора» была напечатана в альманахе Р. Гринберга «Воздушные пути» (США). Утешением для Ахматовой, встревоженной этим событием, было лишь то, что поэму прочитает Артур Лурье, живший там. Осенью 1960 года до Ахматовой дошли вести о том, что Лурье написал музыку к «Поэме без героя» (этим объясняется, кстати, и смысл эпиграфа из стих. О. Мандельштама «Silentium»). Музыка А. Лурье «Заклинания» к «Поэме без героя» была издана (не полностью) в альб. «Воздушные пути», II, Нью-Йорк, 1961, с. 153—165.

«И юностью манит, и славу сулит...» — в издании: Анна Ахматова. Сочинения. Т. 1, М., 1986, с. 361, по автографу ЦГАЛИ.

«И это могла, и то бы могла...» — журн. «Новый мир», 1969, № 6, с. 243 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

«Ты первый сдался — я молчала...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 99, л. 10).

«Вы чудаки, вы лучший путь...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 301, по автографу ЦГАЛИ.

«Как слепоглухонемая...» — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 362, по автографу ЦГАЛИ.

«А я говорю, вероятно, за многих...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. II об.). Вероятно, является первоначальной редакцией стихотворения «Если б все, кто помощи душевной...» (см. т. 1 наст. изд., с. 243—244).

Сосны — сб. «Встречи с прошлым». Вып. 3, М., 1978, с. 391 (публикация Е. И. Ляпкиной), по автографу ЦГАЛИ.

«И анютиных глазок стая...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

«Угощу под заветнейшим кленом...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 57 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ГПБ.

«Больничные молитвенные дни...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 104, л. 21). Написано в больнице имени Ленина в Гавани (Ленинград), где Ахматова лечилась с ноября 1961 по январь 1962 г.

«Недуг томит — три месяца в постели...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 300, с неверной датировкой — 1959. Написано в больнице в Гавани. Печатается по автографу ГПБ.

Почти в альбом — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения

и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 306, без последних 4-х строк. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 106, л. 27).

«Что у нас общего? Стрелка часов...» — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 364.

«Все это было — твердая рука...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 106, л. 15 об.).

«И северная весть на севере застыла...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 106, л. 42 об.).

Еще об этом лете — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского).

«Разлука призрачна — мы будем вместе скоро...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, с. 62).

«Если бы брызги стекла...» — журн. «Новый мир», 1969, № 6, с. 243 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ. Это четверостишие задумывалось Ахматовой как «Вступление» к циклу «Полночные стихи» (см. т. 1 наст. изд. с. 295—298), однако в окончательный состав цикла автором включено не было. ...брызги стекла, // что когда-то, звеня, разметались... — возможно, здесь Ахматова использует сюжет «Зеркало и его осколки» из сказки Х. К. Андерсена «Снежная королева».

«И было этим летом так отрадно...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 57 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

«Стряслось небывалое злое...» — сб. «Встречи с прошлым», Вып. 3, М., 1978, с. 389 (публикация Е. И. Лямкиной), по автографу ЦГАЛИ. По теме переключается со стихотворением «В зеркальце» из цикла «Полночные стихи» (см. т. 1 наст. изд., с. 296).

«Из-под смертного свода кургана...» — кн.: Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой». М., 1989, с. 146. Датируется по письму Ахматовой к Найману, куда включено это четверостишие (см. наст. том, с. 241).

«Я играю в ту самую игру...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 310, по автографу ЦГАЛИ.

«Я выбрала тех, с кем хотела молчать...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 108, л. 28 об.).

«...и умирать в сознании горделивом...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 39).

«Может быть, потом ненавидел...» — журн. «Вестник Русского Христианского Движения», Париж 1976, № 117, с. 161 (публикация Н. А. Струве). В СССР — в издании: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 340, по автографу ЦГАЛИ.

«Оставь нас с музыкой вдвоем...» — Печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 9).

«Так уж глаза опускали...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67 (публикация В. М. Жирмунского). Дата «1965» в этой публикации вызывает сомнения, так как стихотворение записано в рабочей тетради 1963 г. (ЦГАЛИ). Над одним из автографов — посвящение: «Ильзен». Имеется в виду Елена Алексеевна Грин (Ильзен) — поэтесса, московская знакомая Ахматовой.

Романс — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 176).

Последний день в Риме — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 58 (публикация В. М. Жирмунского). Автограф в ЦГАЛИ.

Из итальянского дневника (Мэчелли) — сб.: Анна

Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 311—312, по автографу ЦГАЛИ.

«Беспамятна лишь жизнь — такой не назовем...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 162 об.).

К музыке — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 177 об.).

«Совсем вдали висел какой-то мост...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 222). В автографе — подзаголовок: «Из цикла "В пути"». В замысел цикла входило также стихотворение «Земля хотя и не родная», которое было опубликовано в журн. «Новый мир» (1969, № 1, с. 88) под заглавием «В пути». В другом плане (ЦГАЛИ) этот цикл должен был носить название «Трилистник дорожный», и в него Ахматова хотела включить, кроме двух вышеупомянутых ранее, стихотворение «Венеция» (т. 1 наст. изд., с. 70). Через Венецию Ахматова возвращалась из Сицилии после вручения ей премии «Этна-Таормина».

«Пускай австралийка меж нами незримая сядет...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 115, л. 32).

«Я еще сегодня дома...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 113, л. 6 об.).

Музыка («Сама себя чудовищно рождая...») — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, л. 92).

Музыке («Ты одна разрыть умеешь...») — кн.: Б. Кац, Р. Тименчик. «Анна Ахматова и музыка», Л., 1979, с. 74, по автографу ЦГАЛИ.

«И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...» — журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 89 (публикация М. Кралина), по черновому автографу ГПБ, ед. хр. 113.

Подражание корейскому — журн. «Простор», 1971, № 2, с. 101 (публикация Л. А. Мандрыкиной и М. М. Кралина), по автографу ГПБ. В качестве образца для «подражания» Ахматова берет скорее всего переведенное ею стихотворение корейской поэтессы Пак Хё Гван:

Любимый, мне приснившийся в ночи,
Исчез бесследно, чуть я пробудилась.

Куда ж великая ушла любовь,
Любовь, что в сердце у тебя кипела?

Являйся чаще, о, хотя б во сне!
Нет, нет, не надо, сон — лишь призрак тщетный...

(Цит. по кн.: «Корейская классическая поэзия». Перевод Анны Ахматовой, М., 1958, с. 197).

Как и предыдущее, это стихотворение, по-видимому, обращено к А. С. Лурье, который последние годы жизни прожил в Принстоне (США). Приснился мне почти что ты... — Сон, связанный с Артуром Лурье, записан Ахматовой в рабочей тетради «Лермонтов» (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, л. 189): «31 дек. <1965 г.>. Заснула днем и во сне пришел ко мне Х. «Я скажу что-то, но только на вершине горы». И мы пошли. На вершине острой горы он обнял меня и поцеловал. Я смеялась: «И это все?» «Нет, — говорил, — пусть видят пятый развод», и я вдруг почувствовала от этих странных слов, что я для него, что он для меня, и... меня разбудили. Это первый мой сон, куда он вошел. (За 20 лет.) Узнала, что он в Princeton'e».

«Не лги мне, не лги мне, не лги мне...»; «Поэт не человек, он только дух...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 301. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

«Пусть даже вылета мне нет...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 66 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу из собрания А. Г. Наймана.

«Моею Музой оказалась мука...» — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год», Л., 1976, с. 79, в статье Р. Д. Тименчика и А. В. Лаврова «Материалы А. А. Ахматовой в рукописном отделе Пушкинского Дома», по автографу ОР ИРЛИ.

«Там оперный еще томится Зибель...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 318, по автографу ЦГАЛИ. Зибель — персонаж оперы Ш. Гуно «Фауст».

«Оставь, и я была как все...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 316, по автографу ЦГАЛИ.

«Нет, ни в шахматы, ни в теннис...» — альм. «Поэзия», № 12. М., 1974, с. 113 (публикация Н. А. Жирмунской), по автографу ГПБ. Печатается по автографу ЦГАЛИ. В Лаврушинском переулке дом 17, кв. 51 Ахматова жила по нескольку месяцев в 1964 и 1965 годах у М. И. Алигер, когда гостила у нее в Москве.

«И по собственному дому...» — газ. «Ленинградская правда», 1989, 23 июня (публикация М. Кралина), по автографу из собрания М. С. Лесмана (Ленинград).

Забытое четверостишие («Глаза безумные твои...») — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 317, по автографу из собрания А. Г. Наймана. Другой автограф (ЦГАЛИ) под заглавием: «Забытое четверостишие».

Из завещания Василька — печатается впервые по автографу 1958 года (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 34).

«Здесь беда со мной случилась...» — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1. М., 1986, с. 346, по черновому автографу (ЦГАЛИ).

«Я в этой церкви слушала Канои...» — газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января (публикация М. Кралина), по автографу ГПБ. Печатается по автографу 1960-х годов (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. 5), в более полной редакции. На Боткинской, 9 Ахматова жила в Петрограде у Срезневских (см. т. 1 наст. изд., с. 379). В прозаическом наброске «О городе» (ГПБ) Ахматова вспоминала: «Гигантская копилка у церкви (где я слушала Канон Андрея Критского) и на которой было написано «где сокровище ваше. там и сердце ваше».

«Как вышедший из западных ворот...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 286, по автографу ЦГАЛИ.

«Угадаешь ты ее не сразу...» — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1954, № 38, с. 188—189, в статье В. Неведомской «Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой». Автор статьи пишет: «Я случайно запомнила одно стихотворение Ахматовой, которое, насколько я знаю, не было напечатано:

Угадаешь ты ее не сразу,
Жуткую и темную заразу,
Ты, что люди нежно называют,
От которой люди умирают.

Первый признак — странное веселье,
Словно ты пила хмельное зелье.
А потом печаль, печаль такая,
Что нельзя вздохнуть, изнемогая.

Только третий признак настоящий:
Если сердце замирает слаще
И мерцают в темном взоре свечи.
Это значит — вечер новой встречи.

Ночью ты предчувствием томима:
Над собой увидишь серафима.
А лицо его тебе знакомо...
И накинёт душная истома

На тебя атласный черный полог.
Будет сон твой тяжек и недолог...
А наутро встанешь с новою загадкой,
Но уже не ясной и не сладкой,

И омоешь пыточною кровью
То, что люди называли любовью».

Ахматова, весьма скептически относясь к мемуарам Неведомской, в 1960-е годы попыталась восстановить это стихотворение по памяти. Однако эта попытка не была доведена до конца. Опубликовано В. А. Черных по автографу ЦГАЛИ в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 350. Печатается по этому изданию.

«Я не люблю цветы — они напоминают...» — «Литературная газета», 1971, 15 сентября (публикация Н. А. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ. В автографе ГПБ последняя строка дописана: «...как ночи чернота».

(И в забытого) («Ах! — где те острова...») — газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января (публикация М. Кралина). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 59). *Ах! — где те острова, // Где растёт трин-трава* — начало агитационной песни, написанной А. А. Бестужевым вместе с К. Ф. Рылевым. Писатель Виктор Ефимович Ардов (1900—1976), с которым Ахматова была дружна с начала 1930-х годов, рассказывал составителю, что это стихотворение было плодом коллективного труда нескольких поэтов, близких к кругу Ахматовой, однако наизусть он запомнил только эти строки, принадлежащие ей.

«Ты смертною не можешь сделать душу...» — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 351, по автографу ЦГАЛИ.

Отрывок из уничтоженных стихов («...Оттого, что мы все пойдем...») — журн. «Смена», 1989, № 5, с. 18 (публикация М. Б. Мейлаха), по автографу из собрания Н. И. Харджиева.

«И кружку пенили отцы...»; «Лежала тень на месяце двурогом...» — сб.: Анна Ахматова «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 407, 410, в разделе «Другие редакции и варианты». Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ).

«А умирать поедем в Самарканд...» — журн. «Вопросы литературы», 1983, № 6, с. 174 (публикация В. Я. Виленкина). Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ). Дата «1942 год» в рукописи «Нечета», видимо, ошибка памяти, так как, по признанию самой Ахматовой, это двустихие написано на смерть Анны Евгеньевны Аренс, первой жены Н. Н. Пунина, которая умерла в Самарканде 29 августа 1943 г.

«Пусть грубой музыки обрушится волна...» — журн. «Вопросы литературы», 1983, № 6, с. 175 (публикация В. Я. Виленкина), по автографу ГПБ.

<Из погибшей поэмы> — см. об этой поэме том 1 наст. изд., с. 415. В рабочей тетради «Тысяча и одна ночь» (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110) сохранилась запись: «После Ташкента в Фонтанном Доме стала писать поэму. Помню оттуда несколько слов». Эта поэма (в другой записи Ахматова называла ее «Поэмой о начале века») была сожжена Ахматовой, видимо, в 1949 году «вместе со всем архивом». В последние годы жизни ей удалось восстановить некоторые фрагменты погибшей поэмы. В данной публикации они подобраны составителем по смыслу из разных рабочих тетрадей: <1>, <2> — ЦГАЛИ, ед. хр. 110; <3> — ЦГАЛИ, ед. хр. 111, л. 44; <4> — ЦГАЛИ и ГПБ. *И женщина с зеркальными глазами* — имеется в виду В. Ф. Комиссаржевская, о которой О. Э. Мандельштам, по словам Ахматовой, в «Шуме времени» «не сказал последнего слова («королева русского модерна»)»; <5> — ГПБ. <6> — опубл. в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы», Л., 1976, с. 426.

«Дострадать до огня над могилой...» — журн. «Вопросы литературы», 1983, № 6, с. 174 (публикация В. Я. Виленкина). В перечне стихов 1946 г. (ГПБ) против этой строки рукой Ахматовой помечено: «Забыла».

«Удивляйтесь, что была печальной...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. 46). На этом же листе сохранилась запись Ахматовой, отражающая ее раздумья о времени: «Проволока в 19 в. соединяла людей (телеграф, телефон), а в 20-м разделяет (лагеря)».

«Сама себя считая только эхом...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 96, л. 7 об.).

Лирическое отступление Седьмой элегии — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 17—19, 20 об., 24 об.). По содержанию тесно связано с Седьмой (Ленинградской) элегией (см. т. 1 наст. изд., с. 265—266), но имеет еще более фрагментарный вид. Очевидно, написано «в один присест»: начиная со слов *Как в тридцать лет* записано без разделения на строки. На л. 24 об. после текста этого стихотворения следуют три строки:

Озверелая и немая
Рядом с нею моя «Седьмая»
И ее обугленный рот.

«Завещать какой-то дикой скрипке...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 20).

«И будешь ты из тех старух...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 98, л. 3 об.).

«Стеклянный воздух над костром...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 15 об.).

«Это с тобой я встречала тогда...» — журн. «Вопросы литературы», 1983, № 6, с. 158 (публикация В. Я. Виленкина), по автографу ГПБ.

Бреды — в издании: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1. М., 1986, с. 360, по автографу ЦГАЛИ.

«И отнять у них невозможно...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихи и проза», Л., 1976, с. 580 (публикация Э. Г. Герштейн в примечаниях к отделу прозы), по автографу ЦГАЛИ.

Городу — журн. «Нева», 1979, № 6, с. 67, не полностью (публикация Л. А. Мандрыкиной). Печатается по автографу (ГПБ).

«И не дослушаю впотьмах...» — печатается впервые по автографу ГПБ.

«Зазвонили в Угличе рано...» — печатается впервые по автографу ГПБ.

«И лувочки твоей не тронул золотой...» — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год», Л., 1976, с. 79, по автографу РО ИРЛИ.

«И прекрасней мраков Рембранта...» — печатается впервые по автографу ГПБ. *Просто плесень в черном углу...* — О значении этого образа в поэзии Ахматовой см. т. 1 наст. изд., с. 422.

«...подснежники белеют...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 107).

«Ни вероломный муж, ни трепетный жених...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 101, л. 3).

«И теми стихами весь мир озарен...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. 3 об.).

«Если бы тогда шальная пуля...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 106, л. 38).

«Не с такими еще разлучалась...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 111, л. 31).

«Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 109, л. 17 об.). На этом же листе имеется запись, поясняющая смысл этого моностиха: «3-го мая умерла Марта Андреевна Голубева». М. А. Голубева — третья жена Н. Н. Пунина.

«Я не сойду с ума и даже не умру» — печатается впервые по автографу ГПБ (на телеграмме, адресованной М. С. Михайлову). Михайлов Михаил Семенович (1896—1969) — видный тюрколог. В библиотеке Ардовых сохранились две его работы с дарственными надписями 1959 г. Анне Ахматовой.

Сонет («Я тебя сама бы увенчала...») — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 111, л. 20 об.). В июне 1962 г. Ахматова была выдвинута на Нобелевскую премию по литературе. Впечатления от этого события отразились также в стихотворении «Запад клеветал и сам же верил» (т. 1 наст. изд., с. 246), начатом 30 июня 1963 г., почти одновременно с незаконченным «Сонетом» (июль 1963 г.).

<Наброски к циклу «Семисвечник»> — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 72 об.; ед. хр. 103, л. 46 об.; ед. хр. 102, л. 25). Цикл «Семисвечник» упоминается в дневниковой записи Ахматовой от 17 октября 1963 года (см. наст. том, с. 311).

«Напряги и голос и слух...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 221 об.). В рукописи «Нечета» (ГПБ) стихотворение «Как у облака на краю» (ноябрь 1945 г., из цикла «Сипче», см. т. 1 наст. изд., с. 230) заканчивается похожими строками, не вошедшими в окончательный текст:

Как зову и не дозовусь,
А со мной только мрак и Русь.

Очевидно, это четверостишие обращено к тому же адресату — И. Берлину.

Письмо («Не кралось полуденным бродом...») — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 153).

«Смерть одна на двоих. Довольно!» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 157).

«...и это грозило обоим...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 99, л. 15).

Запретная роза — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. 50, 51). Эпиграф из стихотворения А. Г. Наймана «Я прощаюсь с этим временем навек». Об истории создания этого стихотворения см. в кн.: Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 110. Другой автограф (ед. хр. 113, л. 30 об.) представляет собой более позднюю редакцию этого стихотворения:

БЕЗ ДАТЫ

Там смеется твоя невеста,
Там рыдает твоя вдова,
В них мне нет никакого места
И враждебны мне их слова
Из лесного зеленого мрака,
И не дам я сонного мака
Проклинавшим меня устам.

.....
Ни мольбам и ни увереньям,
Верю только твоим стихам.

«Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 162). Такое — 13 декабря 1964 г. в г. Катанин (Италия) Анне Ахматовой была вручена международная литературная премия «Этна-Таормина».

«И возникает мой сонет...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 21).

«То лестью новогоднего сонета...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 113, л. 33).

«Не напрасно я носила...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 113, л. 9 об.).

«И я не имею претензий...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 35 об.).

«Чьи нас душили кровавые пальцы?» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 35 об.).

«Для суда и для стражи незрима...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, с. 46).

«Быть страшно тобою хвалимой...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 102, л. 45 об.).

«Под рукоплесканья клеветы...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 39).

«...и даже просмотреть тесотни тысяч строк...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 99, л. 15 об.).

«Не знаю, что меня вело...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 104, л. 13).

«Я сказала, в глаза не глядя...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 98, л. 16 об.).

«Нужен мне он или не нужен...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 98, л. 27).

«Я там иду...» — сб. «Встречи с прошлым». Вып. 3. М., 1978, с. 393 (публикация Е. И. Лямкиной, без первой строки и с неверной датой). Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 116, л. 9).

«Что там клокотало за дверью стеклянной...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 191).

«В скорбях, в страстях, под нестерпимым гне- том...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 98, л. 7 об.).

«Что таится в зеркале? — Горе...» — печатается впервые по автографу ЦГАЛИ.

«Врачуй мне душу, а не то...» — печатается впервые по автографу ЦГАЛИ.

Сонет («Приди как хочешь: под руку с другой...») — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 53 об.). Эпиграф — из 8-го сонета лионской поэтессы Луизы Лабе (около 1522—1566). Очевидно, Ахматова пользовалась какой-то французской антологией, в которую входило четыре сонета Л. Лабе, в том числе 8-й. Обращено к А. Найману.

«Сама Нужда смирилась, наконец...» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, л. 225). По-видимому, это последние поэтические строки Ахматовой.

«Мне безмолвие стало домом...» — сб. «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 63, в статье Л. А. Мандрыкиной «Ненаписанная книга».

«Мне веселее ждать сго...»; «Хозяйка румяна и ужин готов...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, сс. 301, 302.

«Ты любила меня и жалела...» — аннотированный каталог «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана», М., 1989, с. 378 (публикация Р. Д. Тименчика). Посвящено М. И. Цветаевой.

«Это ты осторожно коснулся...» — печатается впервые по автографу ГПБ.

«Твой месяц май, твой праздник — Вознесенье» — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, л. 37). *Вознесение* Христова празднуется на 40-й день после Пасхи.

«И странный спутник был мне послан адом...» — сб. Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 315, с неверно прочитанной последней строкой. Печатается по автографу (ГПБ). Обращено, по-видимому, к В. К. Шилейко (см. о нем т. 1 наст. изд., с. 373).

«На свиданье с белой ночью...» — сб. Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 301, по автографу ЦГАЛИ.

Отрывок («Так вот где ты скитаться должна...») — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 312—313, по автографу ЦГАЛИ. Некоторые мотивы этого наброска вошли в «Мартовскую элегию» (см. т. 1 наст. изд., с. 288).

«О, как меня любили ваши деды...» — журн. «Дружба народов», 1989, № 6, с. 248 (публикация Р. Д. Тименчика), по автографу из собрания М. С. Лесмана (Ленинград).

<Наброски к циклу «Музыка»> — печатаются по автографам ЦГАЛИ. В бумагах Ахматовой сохранилось много набросков, связанных с темой музыки. В последний момент подготовки данного издания удалось выявить еще один набросок:

(«ИЕРЕМИЯ» СТРАВИНСКОГО)

И вот из мрака встает одна
Еще чернее, чем темнота,
Но мне понятен ее язык,
Он как пустыня и прям, и дик.
И вот другая — еще черней.
Но что нас связывает с ней?

(ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 106, л. 35 об.).

<1> «И в недрах музыки я не нашла ответа...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, по автографу ЦГАЛИ. <2> «И жесткие звуки влажные, дробясь...» — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год», Л., 1976, с. 79, по автографу РО ИРЛИ. <3> «Там музыка рыдала без меня...» — печатается по автографу ЦГАЛИ. Более полный вариант этого наброска приводит Р. Д. Тименчик в публикации «Страницы черновиков Анны Ахматовой» (в сб. «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана»), М., 1989, с. 378:

Ты крысоловней дудкою маня,
Был тоже там, где и другие тени...
Но музыка рыдала без меня
И без меня упала на колени.

<4> «Когда уже к неведомой отчизне...» — кн.: Б. Кац, Р. Тименчик. «Анна Ахматова и музыка», Л., 1989, с. 74. В этой же книге приводится еще один черновой набросок, связанный с темой музыки (по автографу из собрания М. С. Лесмана, Ленинград):

Я у музыки прошу
Пощады в день осенний,
Чтоб в ней не слышался опять
Тот голос — страшной тени.

и другой вариант этого же наброска 1965 года:

Музыка могла б мне дать
Пощаду в день осенний,
Чтоб в ней не слышался опять
Тот вопль — ушедшей тени,
.....
Чтоб я могла по ней пройти,
Как по...

«Превращая концы в начала...» — печатается впервые по автографу ЦГАЛИ.

«Не давай мне ничего на память...» — журн. «Юность», 1971, № 12, с. 64 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу ЦГАЛИ.

«От этих антивстреч...» — сб. Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 301, по автографу ЦГАЛИ.

«...что с кровью рифмуется...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 319, по автографу ГПБ.

«Молитесь на ночь, чтобы вам...» — журн. «Юность», 1971, № 12, с. 64 (публикация В. М. Жирмунского), по автографу РО ИРЛИ.

«...Но в мире нет власти грозней и страшней...» — печатается впервые по автографу ЦГАЛИ.

ПРОЗА

Проза Анны Ахматовой до сих пор остается наименее изученной частью ее творчества. Среди многочисленных исследований, посвященных Ахматовой, почти нет специальных работ, анализирующих ее

прозу. Едва ли не единственной остается статья Л. А. Мандрыкиной «Ненаписанная книга. "Листки из дневника" А. А. Ахматовой», изданная в 1973 году. Такое отсутствие литературоведческих интересов к ахматовской прозе отчасти объяснимо отношением самого автора к своему творчеству: считая себя прежде всего поэтом, она относилась к своим прозаическим опытам с известной долей осторожности.

«Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе. Я или боялась ее или ненавидела. В приближении к ней чудилось кощунство или это означало редкое для меня душевное равновесие.

В первый раз я написала несколько страничек прозой, вернувшись из Ташкента. Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так порастил меня, что я не удержалась и описала эту мою с ним встречу («Столицей распятой // Иду я домой»). Тогда же возникли «Три сирени» и «В гостях у смерти (Терийокки)». Все это очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зоценку. Он велел убрать гробоводскую цитату и еще одно слово и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 46).

На самом деле первый прозаический опус Ахматовой — рецензия на книгу стихов поэтессы Надежды Львовой «Старая сказка» — относится еще к 1914 году. В дальнейшем она не раз обращалась к жанру рецензии, писала отклики на книгу Э. Г. Герштейн «Судьба Лермонтова», писала о стихах близкого ей по духу поэта Арсения Тарковского.

На страницах отечественной периодики печатались, начиная с 30-х годов, так называемые «пушкинские штудии» Ахматовой.

Пушкиным она занималась, можно сказать, всю жизнь, но особенно активно — с середины 20-х годов, когда путь ее собственным стихам был закрыт. Некоторые из ее пушкинских работ были напечатаны — «Последняя сказка Пушкина» (1933), «"Адольф" Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина» (1936), наконец, представленная в настоящем издании статья о «Каменном госте» (1958). Другие — «Пушкин и Мишкевич» (30-е годы), «Пушкин и Достоевский» (1949) (по словам И. Н. Томашевской, возможно, самое значительное из того, что она написала о Пушкине) — стали жертвами огня. Сгорела статья «Последняя трагедия Анненского» и почти готовая книга автобиографической прозы. Таким образом, участь ахматовской прозы еще более печальна, нежели удел ее стихов, которые с трудом, но все же можно было вспомнить и записать при наступлении очередного «сравнительно вегетарианского времени».

Однако если перелистать почти три тысячи страниц ахматовских записных книжек, относящихся к последнему десятилетию ее жизни (1956 — 1966), то можно увидеть, что проза в них занимает не меньшее место, чем стихи. Недаром в одном из последних писем она замечает: «Взять бы хорошие переводы, а еще писать прозу, в кот <орой> одно сквозит через другое, и читателю становится легче дышать».

Такая проза — своеобразный дневник поэта — писалась почти ежедневно, где бы Ахматова ни находилась, а ведь больничная койка к этому времени, увы, все чаще заменяла ей письменный стол. «Человеком чувствую себя только с пером в руке», — записала она незадолго до смерти, и это замечание в первую очередь относится к ее прозе — достаточно прочитать недавно опубликованный в журнале «Литературное обозрение» (1989, № 5, с. 15 — 17) дневник последнего месяца ее жизни.

Ахматовскую прозу можно назвать «прозой сопротивления» — сопротивления неумолимому бегу времени, клевете и кривотолкам ее

мнимых друзей по ту и по эту стороны границы нашей родины. «Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем», — писала она для себя. Прозу эту Ахматова ощущала еще и как долг перед памятью друзей, вырванных из жизни преждевременно и страшно. Задуманная и частично осуществленная ею книга «Мои полвека» — это меньше всего книга о себе, поэте и человеке Анне Ахматовой. В большей степени это — запечатленная память о Мандельштаме, Модильяни, Лозинском, Гумилеве. Некоторые из «листочков из дневника» — так называла она разрозненные главы строящейся книги — уже опубликованы, большинство же записей еще нуждаются в изучении и систематизации. Когда эта трудная работа будет завершена и читатели получат наконец полное собрание сочинений Ахматовой, всякому станет ясно, что она была не только великим поэтом, но и большим мастером прозы.

Слово о Пушкине — журн. «Звезда», 1962, № 2, с. 171—172.

Стр. 109. *Мой предшественник П. Е. Щеголев...* — известный пушкинист Павел Елисеевич Щеголев (1877 — 1931), с которым Ахматова была в добрых отношениях с дореволюционных лет (в рук. отд. Пушкинского Дома сохранились ее письма П. Е. Щеголеву), автор капитального труда «Дуэль и смерть Пушкина» (М., «Книга», 1987). Ахматова много лет работала над книгой «Гибель Пушкина», но так и не закончила свой труд (отдельные фрагменты этой книги изданы после смерти Ахматовой Э. Г. Герштейн в составе книги: Анна Ахматова. «О Пушкине». М., «Книга», 1989).

...злупости полетик... — имеется в виду Идалия Полетика, заклятый враг Пушкина, принимавшая активное участие в травле поэта.

...родственников Строгановых... — Влиятельный царедворец Г. А. Строганов был родственником жсны Пушкина. Он со своим семейством покровительствовал Геккерену и Дантесу. Графиня М. Д. Нессельроде — жена министра иностранных дел в правительстве Николая I, была злейшим врагом Пушкина.

Стр. 110. *Aere perennius* — крепче меди (лат.) — второе полустишие первой строки оды Горация «Ехегі monumentum aere perennius» («Я воздвиг памятник крепче меди»). Первое полустишие той же строки Пушкин поставил эпиграфом к своему стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Пушкин и дети — «Литературная газета», 1974, 1 мая (публикация Э. Г. Герштейн). 9 февраля 1965 г. В. В. Рецелтер читал эту заметку в ленинградской телевизионной программе «Литературный вторник». Однако в полном виде заметка никогда до сих пор не публиковалась. Печатается по автографу 1965 года (ГПБ, ед. хр. 515).

«Каменный гость» Пушкина — сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1958, с. 171—186. Печатается по кн.: Анна Ахматова. «О Пушкине». Изд. 3, испр. и доп. М., «Книга», 1989, с. 90—109. В этом издании, подготовленном к печати Э. Г. Герштейн, статья печатается с исправлениями по авторскому оттиску и машинописи, куда Ахматова перенесла правку с оттиска и продолжила ее.

В белой рукописи и машинописи дата: «1947, 20 апреля. Фонтанный Дом». Это означает, что «Каменного гостя» Ахматова писала, очутившись в условиях жесткой социальной и общественной изоляции, последовавшей после уничтожающей критики ее творчества в докладе А. А. Жданова 14 августа 1946 года, будучи уже исключенной из

членов Союза советских писателей со всеми вытекающими из этого последствиями. В статье Ахматовой, писавшейся отнюдь не «в стол» (хотя и опубликованной только десятилетие спустя), сквозь внешне спокойный академизм прорывается желание защитить свое гражданское достоинство в условиях глобального тоталитаризма. Недаром она обнаруживает то, что не замечали другие исследователи: Дон Гуан у Пушкина представлен поэтом, умеющим защитить свое достоинство перед испанским королем. Этот глубоко личный ахматовский «подтекст» свойствен не только «Каменному гостю»; может быть, еще более обнаженно он звучит в опубликованной посмертно статье «Пушкин и Невское взморье» (см. в кн.: Анна Ахматова. «О Пушкине», с. 153 — 162).

<Дополнения к статье «"Каменный гость" Пушкина» (1958—1959 гг.)> — журн. «Вопросы литературы», 1970, № 1, с. 160 — 166 (не полностью, публикация Э. Г. Герштейн). Печатается по кн.: Анна Ахматова. «О Пушкине». М., 1989, с. 165 — 175.

Все было подвластно ему — «Литературная газета», 1964, 15 октября.

Слово о Данте — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 2. М., 1986, с. 183—184, без первого абзаца (публикация В. А. Черных). Печатается по магнитофонной записи выступления Ахматовой на торжественном заседании, посвященном 700-летию со дня рождения Данте, 19 октября 1965 г. в Большом театре, в Москве (ныне эта запись воспроизведена на грампластинке, выпущенной фирмой «Мелодия»). Это было последнее публичное выступление Ахматовой. При прослушивании можно легко обнаружить, что Ахматова произносит: «...в стихах, освященных...», а не «освященных», как в издании 1986 года, а заканчивая свое выступление стихотворением «Данте» (1936), меняет в последней строке слово «низкой» на «нежной» (ср. т. 1 наст. изд., с. 187).

Воспоминания об Александре Блоке — журн. «Звезда», 1967, № 12, с. 186 — 187. Написаны для телевизионной передачи Ленинградской студии телевидения, состоявшейся 12 октября 1965 года.

Стр. 136. *Ариадна Владимировна Тыркова-Вергежская* (1869—1962) — во втором браке Вильямс — писательница, общественная деятельница. С 1920 г. жила в эмиграции. «А. А. Блока она знала хорошо лично. Он часто бывал у нас в Петербурге» (Арк. Борман. «А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына». Лувер-Вашингтон, 1964, с. 252). А. В. Тыркова-Вильямс любила поэзию Ахматовой и «на девяносто втором году жизни... с огромным интересом прослушала всю «Поэму без героя», назвав ее «ироническими поминками по Блоку» (Б. Филиппов. «Памяти А. В. Тырковой». «Грани», 1963, № 53, с. 56.)

Башня — так в литературном быту Петербурга именовался квартира поэта и теоретика символизма В. И. Иванова (1866—1949) (Таврическая ул., д. 25, кв. 23, на шестом этаже). По поводу литературных собраний на «Башне» сохранилась запись Ахматовой: «Языческая Русь начала 20-го века. Н. Рерих. Лядов. Стравинский. С. Городецкий («Ярь»). Ал. Толстой («За синими реками»). Вел. Хлебников. Я к этим играшкам опоздала» (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 99, л. 5 об.).

Блок посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь» — см. это стихотворение в т. 1 наст. изд., с. 48.

Стр. 137. «И пьяницы с глазами кроликов» — строка из стихотворения А. Блока «Незнакомка».

Игорь Северянин (псевд.; наст. фамилия Лотарев) Игорь Васильевич (1887—1941) — поэт, царивший на эстраде в 10-х годах.

А на третьем томе поэт написал посвященный мне мадригал: «Красота страшна, вам скажут...» — Текст этого мадригала:

АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна» — Вам скажут,—
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста» — Вам скажут,—
Пестрой шалью неумсло
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

Это стихотворение вместе со стихотворением Анны Ахматовой «Я пришла к поэту в гости...», посвященным Ал. Блоку, было впервые напечатано в журн. «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 5—6.

...открываю «Записную книжку» Блока... — Имеется в виду издание: Александр Блок. «Записные книжки. 1901—1920». М., 1965.

Блок записывает в другом месте, что я... измучила его по телефону. — Имеется в виду запись Блока от 13 декабря 1914: «Вечером, едва я надел телефонную трубку, меня истерзали: Л. А. Дельмас, Е. Ю. Кузьмина-Караваева и А. А. Ахматова» (Александр Блок. «Записные книжки». 1901—1920», с. 250).

Лозинский — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, л. 105, 208 — 215).

В мае 1965 г. на Ленинградской студии телевидения готовили вечер памяти поэта и переводчика, давнего друга Ахматовой, Михаила Леонидовича Лозинского (1886—1955). Для этого вечера Ахматова наговорила на магнитофон свое «Слово о Лозинском», которое после ее смерти было напечатано в альманахе «День поэзии» (1966 г., Ленинград, с. 51—52) и во многих других изданиях Ахматовой.

«Слово о Лозинском», произнесенное для телевидения, оказалось слишком кратким и не вместило в себя всех воспоминаний (кроме того, Ахматова считала его, по-видимому, утерянным). И вот, находясь в Боткинской больнице в Москве, едва оправившись после тяжелого инфаркта, Ахматова начинает писать о Лозинском заново. «Пишу в Ботк<инской> больнице в Москве 30 янв<аря> 1966 <года>» — этой датой означено начало работы над воспоминаниями (ЦГАЛИ,

ед. хр., 114, л. 105). Дата раскрывает смысл эпиграфа из стихотворения Ф. И. Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.»:

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...

Ахматова начала писать воспоминания о Лозинском в канун годовщины его смерти (Михаил Леонидович умер 31 января 1955 г.), а закончила 6 февраля 1966 г., за неделю. В этот день она пометила: «*Кажется, написала все о Лозинском* (выделено Ахматовой.— М. К.). Пойдет в книгу портретов (Модильяни, Мандельштам и др.) (ЦГАЛИ, ед. хр. 114, л. 219). По сути дела, это последняя, предсмертная проза Ахматовой, написанная «залпом», не имеющая редакций и вариантов. «5 марта я с букетиком нарциссов отправился в Домодедово — 3-го, прощаясь, мы условились, что я приеду переписать набело перед сдачей в журнал воспоминания о Лозинском, которые вчерне были уже готовы и требовали лишь незначительных доделок и компоновки». (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 225—226).

В больничных условиях Ахматова могла полагаться только на свою память, не имела возможности проверить цитаты по источникам — этим объясняются некоторые неточности, оговоренные ниже. Она выполнила последний долг перед самым преданным своим другом — остальное было не столь уж важно.

Стр. 138 — Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (1891—1945) — девичья фамилия Пиленко — поэтесса, участница Цеха поэтов; после революции жила во Франции; активная участница Сопротивления, известная как «Мать Мария»; погибла в фашистском концлагере.

На этот вечер не пошел Блок (См. «Записные книжки») — ошибка памяти Анны Андреевны. Эта запись сделана Блоком не в Записных книжках, а в Дневнике от 11 ноября 1911 г.: «Вчера вечером не пошел ни слушать рассказ Ясинского, ни к матери жены Кузьмина-Караваева, где собралось «Гумилевско-Городецкое общество»...» (Александр Блок. Собр. соч., т. 7, М.-Л., 1963, с. 86). Следовательно, знакомство Ахматовой с Лозинским произошло 10 ноября 1911 года.

Стр. 139. Я считаю, что лучшее из написанных тогда мне стихов принадлежит ему («Не забывшая»).— Приводим это стихотворение:

НЕ ЗАБЫВШАЯ

Анне Ахматовой

Еще свою я помню колыбель,
И ласково земное новоселье,
И тихих песен мимолетный хмель,
И жизни милой беглое веселье.

Я отдаюсь, как кроткому лучу,
Неярким дням моей страны родимой.
Я знаю — есть покой, и я хочу
Тебя любить и быть тобой любимой.

Но в душном сердце — дивно и темно,
И ужас в нем, и скорбь, и песнопенье,
И на губах, как темное пятно,
Холодных губ горит напечатленье.

И слух прибоем и стенаньем полн,
Как будто вновь, еще взглянуть не смея,
Я уношу от безутешных волн
Замученную голову Орфея.

В автографе (ЦГАЛИ) стихотворение имеет дату: «СПб., 11. XI. 1912». Напечатано в первом и единственном сборнике стихов М. Л. Лозинского «Горный ключ» (М., Пг., 1916).

Это он при мне сказал Осипу, чтобы тот исправил стих «И отравительница Федра...» — В исправленном виде строка из стихотворения О. Мандельштама «Ахматова» читается: «Так негодующая Федра».

Маковский Сергей Константинович (1878 — 1962) — поэт и художественный критик, редактор журнала «Аполлон». Автор вышедших за границы мемуаров «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962), вызвавших резко отрицательную оценку Ахматовой («Полный бред и старческий маразм»).

Татьяна Борисовна — жена М. Л. Лозинского.

Стр. 140. «Гиперборей» — журнал, единственный печатный орган поэтов-акмеистов. *Это на «Тучке»...* — В Петербурге, в Тучковом переулке, Ахматова и Н. С. Гумилев снимали небольшую комнату. В это время (1914) Лозинский приходил к Ахматовой на «Тучку».

Последняя его помощь мне: чтение рукописи «Марьон Делорм». — Трагедию Виктора Гюго «Марьон Делорм» Ахматова перевела в 1952 году. *Смотрел он и мои «Письма Рубенса...»* — кн.: Петр Павел Рубенс. «Письма». Перевод А. А. Ахматовой. Редакция и предисловие А. М. Эфроса. М.-Л., «Academia», 1933.

В 30-х годах — тяжелые осложнения в личной жизни... — В этом фрагменте Ахматова, вольно или сознательно, допускает ряд неточностей, объяснимых, видимо, тем, что она передает историю любви М. Л. Лозинского, не зная подробностей. *Молодая девушка*, о которой пишет Ахматова, поэтесса и переводчица, ученица Лозинского Ада Ивановна Оношкевич-Яцына (1897—1935). Лозинский полюбил ее не в 30-х годах, а по крайней мере десятилетием раньше. Уже в начале 20-х годов Оношкевич-Яцына вышла замуж за офицера флота, впоследствии контр-адмирала, Евг. Евг. Шведе (1890—1977); в 1922 г. у них родился сын Николай.

Стр. 141. *В моей книге...* — Ахматова в последние годы жизни писала книгу прозы «о времени и о себе», название которой менялось («Листки из Дневника», «Мои полвека» и т. д.). Книга закончена не была.

... (цитата)... — Ахматова не успела подобрать цитату из испанских комедий, переведенных Лозинским (в больнице книги у нее не было), и оставила ряд точек, надеясь заполнить их, выйдя «на волю», однако не успела этого сделать.

Наша переписка сохранилась. — Действительно, в архиве М. Л. Лозинского (Ленинград) сохранилась вся их переписка, однако нынешняя владелица этого архива, И. В. Платонова-Лозинская, отказалась предоставить для публикации в настоящем издании ранние письма Ахматовой к Лозинскому. Приводим те фрагменты писем, которые к настоящему времени опубликованы (журн. «Литературное обозрение», 1989, № 5, с. 23, публикация Р. Д. Тименчика).

22 июля 1917 года

«...Деревня — сущий рай. Мужики клянутся, что дом (наш) на их костях стоит, выкосили наш луг, а когда для разбора этого дела приехало начальство из города, они слезно просили «матушка барыня, простите, уж это последний раз!». Тоже социалисты!

Прибывающие дезертиры сообщают, что положение дел на войне отличное, и крестьяне им свято верят. О матросах кронштадтцах говорят: «Они за самодержавие!» и вообще тьма крошечная царит в умах».

31 июля 1917

«...Приехать в Петербург тоже хочется и в Аполлоне побывать! Но крестьяне обещали уничтожить Слепневскую усадьбу 6 августа, пот. что это местный праздник и к ним приедут «гости». Недурной способ занимать гостей. Я хожу дергать лен и пишу плохие стихи».

16 августа 1917 г.

«...Сегодня я получила письмо от Вали Срезневской, кот. начинается так: опять, кажется, назрела резня. От таких новостей все делается постылым. <...>

Буду ли я в Париже или в Бежецке, эта зима представляется мне одинаково неприятной. Единственное место, где я дышала вольно, был Петербург. Но с тех пор, как там завели обычной поливать мостовую кровью граждан, и он потерял некоторую часть своей прелести в моих глазах...»

Стр. 142. *К моей Вале...*— Имеется в виду Валерия Сергеевна Срезневская, ближайшая подруга Ахматовой с гимназических лет (см. о ней т. 1 наст. изд., с. 379).

Когда Шилейко женился на мне...— Владимир Казимирович Шилейко женился на Ахматовой в декабре 1918 г.

Стр. 143. *Ивановский, ученик и секретарь М. Л. ...*— Ивановский Игнатий Михайлович (р. 1932)— переводчик, ученик М. Л. Лозинского; составил полную опись архива своего учителя; автор воспоминаний об Ахматовой и Лозинском («О двух мастерах» — журн. «Север», 1969, № 6).

...при восстановлении меня в Союзе...— Повестку о восстановлении ее в правах члена Союза советских писателей Ахматова получила 14 февраля 1951 г.

Закончив писать воспоминания о Лозинском, Ахматова продолжала вести дневник. Непосредственно в текст воспоминаний вклинивается запись, имеющая скорее автобиографический характер: «Все это я пишу в больнице, где нахожусь с 10 ноября (сегодня 2 февр.), а мне еще предстоит полубольница — санатория. И подумать только, что когда-то наши бабушки мирно умирали на печке в родной избе. <...> Все вынесла боярыня Морозова, а перед смертью все-таки попросила сторожившего ее стрельца: «Достань мне яблочко». «Где же я тебе яблоко достану?» — ответил ей стрелец.

Я часто вспоминаю эту страницу биографии Морозовой» (ед. хр. 114, л. 214).

Амедео Модильяни — альм. «Воздушные пути», IV, Нью-Йорк, 1965, с. 15—22. В СССР — альм. «День поэзии 1967», М., 1967, с. 248—252, с приложением очерка Н. И. Харджиева «О рисунке А. Модильяни» (с. 252—253). Печатается по машинописи, подаренной Ахматовой ее невестке, Ханне Вульфовне Горенко (1896—1979), хранящейся в архиве последней (ОР ГБЛ. ф. 218, № 1351, ед. хр. 10, лл. 1—5).

Ахматова работала над воспоминаниями об Амедео Модильяни с 1958 по 1964 год. Машинопись в архиве Х. В. Горенко имеет дату завершения работы над данным вариантом — 18 апреля 1964 г. По-видимому, этот вариант следует признать окончательным, так как именно в таком виде рукопись воспоминаний о Модильяни Ахматова дарила друзьям (аналогичный вариант имеется в собрании В. С. Му-

равьева, Москва); этот вариант был положен в основу магнитофонной записи, которая ныне воспроизведена Л. А. Шиловым на грампластинке. Почему же Н. И. Харджиев взял за основу первой публикации в «Дне поэзии» другой вариант, который и перепечатывался во всех последующих изданиях Ахматовой?

По-видимому, вариант, напечатанный Н. И. Харджиевым, и сама Ахматова считала более подходящим для печати (он менее эмоционален, а главное, в нем отсутствуют места, заведомо непроходимые через цензурные рогадки). Вариант «для друзей» обладает большей полнотой информации и вполне может конкурировать с ранее печатавшимся. Кстати, в нем она выполнила просьбу В. Я. Виленкина «хотя бы смягчить резко уничижительную оценку фильма «Монпарнас, 19», которой заканчиваются ее воспоминания...» (В. Виленкин. «В сто первом зеркале», М., 1990, с. 76). Если в первом варианте воспоминания заканчиваются негативной оценкой фильма («Но и совсем недавно Модильяни стал героем достаточно пошлого французского фильма «Монпарнас, 19». Это очень горько!», то во втором всякая субъективная оценка фильма отсутствует.

Что же послужило для Ахматовой толчком к тому, чтобы возникли воспоминания «Амедео Модильяни»? Ведь до 1958 года в ее бумагах не обнаружено ни одного упоминания о художнике.

З. Б. Томашевская рассказала составителю, что в 1956 году известный итальянский славист, профессор Эторе Ле-Гатто прислал в подарок ее отцу, Борису Викторовичу Томашевскому, «Словарь искусств» в 4 томах. Зоя Борисовна, перелистывая это издание, обнаружила в нем вкладыш (картина «Жанна в желтой кофточке») и статью, посвященную великому итальянскому художнику и скульптору Амедео Модильяни (1884—1920). Она немедленно отправилась, захватив с собой книгу, к Анне Андреевне, которая жила тогда на ул. Красной Конницы. Ахматова очень внимательно прочитала итальянский текст... и на следующий день забрала у З. Б. Томашевской рисунок работы Модильяни, который хранился в семье Томашевских (Зоя Борисовна взяла его с собой при эвакуации семьи из блокадного Ленинграда) и который впоследствии висел у нее в комнате в течение 15 лет. Взамен подлинника Ахматова подарила Зое Борисовне контактную фотографию с рисунка с дарственной надписью на обороте: «Зое, которая спасла этот единственный рисунок во время войны».

Тогда же, в 1956 году, в Русском музее была выставка репродукций произведений западных художников, среди которых находились и работы Модильяни. И, наконец, в 1959 году Ахматова познакомилась с Анатолием Найманом, который своим внешним видом напомнил ей давнего парижского друга (об этом сама Ахматова говорила поэту А. А. Тарковскому).

Среди ранних стихов Ахматовой как будто нет ни одного, в котором бы отразился образ Модильяни. Но в ГПБ сохранился автограф конца 50-х годов стихотворения «В углу старик, похожий на барана...», которое датировано: «1911. Весна» (наст. том, с. 18). Однако дата скорее указывает на время происходящих в стихотворении событий. Некоторые текстуальные совпадения в воспоминаниях о Модильяни и в этом стихотворении позволяют сделать предположение, что произведения писались одновременно и, возможно героем стихотворения «В углу старик...» является Модильяни.

В эти же годы Ахматова сделала попытку ввести образ Модильяни и в «Поэму без героя». На полях рукописи второй части, «Решки» (ГПБ), после строфы 7-й, кончающейся словами: «Кто над мертвым со мной не плачет, // Кто не знает, что совесть значит // И зачем

существует она», карандашом записаны еще две строфы, не вошедшие в окончательную редакцию поэмы:

7а

В черноватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродил за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить расстройство
И быть многих бедствий виной.

7б

Но он мне — своей Египтянке...
Что играет старик на шарманке,
А под ней весь парижский гул,
Словно гул подземного моря,—
Этот тоже довольно горя
И стыда и лиха хлебнул.

(Опубл. в кн.: В. Виленкин. «В сто первом зеркале». М., 1990, с. 75—76.)

После 1964 года Ахматова не возвращалась к работе над воспоминаниями о Модильяни. Единственное добавление находим в записной книжке «Лермонтов» (ЦГАЛИ, ед. хр. 114, л. 262). Оно относится к 1966 году: «*Прибавить к Моди*: ...а когда через 54 года в ослепительный июньский день я ехала мимо Люксембургского сада, то вдруг вспомнила, что Моди страдал какими-то страшными удущьями, начинал рвать рубаху на груди и уверял, что задыхается в саду».

Стр. 144. *Антиной* — юноша, любимец римского императора Адриана, утонул в 130 г. н. э. в Ниле, считался образцом идеальной мужской красоты.

Стр. 146. Слова Беатрисы Хестингс, которые приводит Ахматова, — в кн.: J. Lirschitz. «Amedeo Modigliani», Paris, 1954, заключительный раздел. По мнению В. Я. Виленкина, в ахматовской характеристике этой близкой Модильяни женщины, талантливой английской поэтессы и критика, проявилась «несправедливость и рискованная неполнота».

Первый иностранец... — Имеется в виду сэр Исайя Берлин, посетивший Ахматову в ноябре 1945 г.

...скавал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу «ни вспомнить, ни забыть», как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом. — Ахматова цитирует строку из стихотворения Н. В. Крандиевской «Не могу я вспомнить, что мне снилось...» (Н. Крандиевская. «Стихотворения», М., 1913, с. 18):

Не могу я вспомнить, что мне снилось,
Не могу ни вспомнить, ни забыть.

Впервые на источник этой цитаты указал Э. Г. Бабаев в статье «Пушкинские страницы Ахматовой» («Новый мир», 1987, № 1, с. 161).

Стр. 148. *Католическая церковь канонизировала Жанну д'Арк*. — Далее Ахматова приводит строки из баллады «О дамах минувших дней» французского поэта Франсуа Вийона (1431—после 1463).

Что он родом из-под Ливорно... — На самом деле Модильяни был родом из Ливорно (Виленкин, с. 69).

Стр. 149. ...над моей ржавой и кривоватой современницей (1889) — Эйфелевой башней. — В автобиографической заметке (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 46) Ахматова пишет: «Год Эйфелевой башни, Крей-

церовой сонаты, рождения Чаплина и Габриэлла Мистраль был и годом моего рождения».

«А далеко на Севере...» — цитата из «Каменного гостя» А. С. Пушкина.

...Александр Блок пророчествовал в стихах... — Ахматова приводит цитаты из стихотворений Блока «Голос из хора», «Авиатор» и дневниковую запись Блока от 10 ноября 1911 г. (у Блока: «Это «американское» проявится, когда на нас пойдет великий Китай...» — Александр Блок. Собр. соч., т. 7, М.-Л., 1963, с. 85).

Стр. 150. Французский фильм «Монпарнас, 19» вышел на экраны в 1958 г. (режиссер Жан Бекер), в роли Модильяни снимался великий французский киноактер Жерар Филипп.

Листки из дневника (О Мандельштаме) — альм. «Воздушные пути», IV, 1965, Нью-Йорк, с. 23—43. В СССР наиболее полный текст — журн. «Вопросы литературы», 1989, № 2, с. 182—216 (публикация В. Виленкина). Другие публикации — журн. «Звезда», 1989, № 6, с. 21—34 (публикация Л. А. Мандрыкиной, примечания Л. А. Ильюниной и Ц. Т. Снеговской); сб.: Анна Ахматова. «Requiem», М., 1989, с. 121—146 (публикация Р. Д. Тименчика).

«Новелла об О. Э. Мандельштаме», как сама Ахматова называла свои воспоминания, несомненно, наиболее разработанная и законченная глава из нескольких, предназначавшихся ею для книги «Мои полвека». Ахматова работала над воспоминаниями о Мандельштаме в основном с 1957 по 1963 год, однако канонического текста воспоминаний не существует (ряд редакций хранится в ГПБ и в частных собраниях). Текстологическая работа над рукописями Ахматовой о Мандельштаме подробно изложена В. Виленкиным («Вопросы литературы», с. 178—182). Однако и в публикации В. Виленкина, которую он сам называет «контаминацией» (поскольку в принятый за основу текст публикатор включает фрагменты других редакций), встречаются отдельные неточности и неверные, на наш взгляд, прочтения тех или иных мест рукописей. Наиболее точной является публикация Р. Д. Тименчика, но по сравнению с публикацией В. Виленкина она несколько уступает в полноте. Печатающийся в настоящем издании текст тоже своего рода контаминация.

Стр. 151. «Шум времени» — книга автобиографической прозы О. Э. Мандельштама; вышла в Ленинграде, в издательстве «Время» в 1925 г.

Невадолго до смерти просил Надю... — Надежда Яковлевна Мандельштам (урожд. Хазиная) (1901—1980) — жена поэта.

...бывал чудовищно несправедлив, например, к Блоку. — В одной из черновых рукописей: «К Блоку О. Э. был несправедлив. Он всегда попрекал его «красивостью» (ГПБ, ед. хр. 76, л. 76 об.).

Стр. 152. Строки «На грязь горячую от топота коней...» принадлежат поэту Тихону Чурилину.

«Тучка» — так в дружеском кругу называлась комната Н. С. Гумилева, которую он снимал в Тучковом переулке (д. 17, кв. 29).

Я познакомилась с Мандельштамом на «Башне» Вячеслава Иванова летом 1911 года. — В воспоминаниях сестры поэтессы А. К. Герцык — Евгении Казимировны Герцык — рассказывается о «Башне» Вяч. Иванова: «Однажды бабушка привела внука на суд к В. Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама, читавшего четкие фарфоровые стихи».

Стр. 153. Н. В. Н <едоброво> не переступал порога «Тучки». — Ахматова имеет в виду очерк поэта Г. В. Иванова «Поэты», где эпизод с Н. В. Недоброво описывается так: «Редкий гость на «Тучке»

Н. В. Недоброво, барин-дилетант, высоким голосом с английским акцентом просит извинения, что стихи, которые он сейчас прочтет, не отделаны, так как недавно написаны — всего пять лет назад. Отделанные или нет, его сонеты несколько тяжелы. Есть такие строчки:

В искусстве чувств труд изощрить чтеца...

или:

Мощь мышц от тела тяжесть отняла...»

(Первая строчка принадлежит не Недоброво, а его другу, поэту Е. Г. Лисенкову.)

Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973) — поэт и переводчик, входил в первую «шестерку» поэтов-акмеистов.

Ужас друзей! — *Златозуб...* — пародия на строку «Ужас морей — однозуб» из баллады Шиллера «Кубок» в переводе В. А. Жуковско-го; *Златозуб* — т. е. обладатель золотой коронки.

...супруг Анеты... — Н. С. Гумилев; *Владимир Нарбут* (1888—1938) — поэт-акмеист; в сонете назван «волком» по своему одноименному стихотворению; *Моравская Мария Людвиговна* (1889—1947) — участница Цеха поэтов.

В. В. Гиппиус (1876—1941) — поэт, литературовед.

Стр. 154. *Недавно найдены письма О. Э. к Вячеславу Иванову* (1909). — Десять писем О. Э. Мандельштама к В. И. Иванову (за 1909—1911 гг.) опубликованы А. Морозовым в кн.: «Записки Отдела рукописей ГПБ им. В. И. Ленина». Вып. 34. М., 1973.

Стр. 155. *Тогда же он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про черного ангела на снегу.* — Стихотворение было напечатано посмертно, в альманахе «Воздушные пути», III, Нью-Йорк, 1963.

Как Черный ангел на снегу
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу,
Что на тебе печать Господня.
Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше —
Что, кажется, в церковной нише
Тебе назначено стоять.
Пускай нездешняя любовь
С любовью здешней будут слиты,
Пускай бушующая кровь
Не перейдет в твои ланиты
И пышный мрамор оттенит
Всю призрачность твоих лохмотий,
Всю наготу нежнейшей плоти,
Но не краснеющих ланит.

1910

Черных ангелов крылья остры... — из стихотворения Ахматовой «Как ты можешь смотреть на Неву...» (1914). Вряд ли Ахматова права, говоря о влиянии этого стихотворения на «Черного ангела» — он написан на 4 года раньше.

Стр. 156. *...он был одно время влюблен в актрису Александринского театра Ольгу Арбенину...* — Арбенина-Гильдебрандт Ольга Николаевна (1901—1980) — актриса и художница. О ней сохранилась отдельная запись Ахматовой (ЦГАЛИ, ед. хр. 115, л. 12): «Мал <енькая> актриса и художница Ольга Ник. Арбенина была необычайно хороша собой. Жива и находится в Ленинграде. Вдова Юрия Юркуна и, следов<ательно>, хозяйка салона Кузмина. У нее был

очень бурный роман с Гумилевым, ей же посвящено все театральное Мандельштама (1920). С Гум<илевым> была оживленная переписка, она давала читать письма Г<умилева> П. Н. Л<укницкому> (20-е годы). Дружила с А. Н. Г<умилевой>».

Ваксель Ольга Александровна (1903—1932) — Ахматова вспоминает обращения к ней два стихотворения, разделенные десятью годами: «В холодной стогольмской постели...» — строка из стихотворения 1935 г. «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»; «Хочешь валенки сниму» — строка из стихотворения 1925 г. «Жизнь упала, как зарница...».

Петровых Мария Сергеевна (1908—1979) — поэтесса, переводчица, близкий друг Ахматовой.

Бяка — Вера Артуровна Шиллинг (де Боссе) — актриса Камерного театра. Жила со своим тогдашним мужем, художником С. Ю. Судейкиным, летом 1917 г. в Крыму. Тогда же Мандельштам написал стихотворение «Золотистого меда струя из бутылок стекла...», строку из которого («через плечо поглядела») вспоминает Ахматова.

Штемпель Наталья Евгеньевна (р. 1910) — преподавательница литературы в Воронеже, близкая приятельница О. Э. Мандельштама.

Радлова Анна Дмитриевна (1891—1949) — поэтесса, переводчица.

Стр. 157. «Гилея» — так называла себя группа футуристов, в которую входили поэты Д. и Н. Бурлюки, В. Каменский, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников.

Стр. 158. Что же касается стихотворения «Вполоборота»... — Стихотворение О. Э. Мандельштама «Ахматова» начинается строкой: «Вполоборота, о печаль...».

Пронин Борис Константинович (1875—1946) — актер, режиссер, основатель литературно-артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов».

Таким же наброском с натуры было четверостишие «Черты лица искажены...»:

Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой.
Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены...

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, в начале творческого пути — символист, позднее вместе с Н. С. Гумилевым стал одним из основателей («синдиков») акмеизма. См. о нем главу «Лишний акмеист» во «Второй книге» Н. Я. Мандельштам (М., 1990, с. 31—38). В одной из черновых редакций «Листков из дневника» Ахматова писала: «М<андельштам> всегда говорил, что у Георгия Иванова мелкий и злобный ум и что Городецкий обладает живостью, которая замняет ему ум (1923). Потоки клеветы, которую извергало это чудовище на обоих погибших товарищей (Гумилева и Мандельштама), не имеют себе равных (Ташкент, эвакуация). Покойный Макридин, человек серьезный и порядочный, нахлебавшись этого поила, с ужасом спросил меня: «Уж не он ли их обоих погубил? — или он совсем сумасшедший». (Цит. по сб.: Анна Ахматова. Requiem, с. 146). Макридин Николай Васильевич (1888—1942) — инженер-мелиоратор, член Цеха поэтов.

Стр. 159. Этот список я давала японцу Наруми в 30-х годах. — Кандзо Наруми (1899—1974) — японский филолог-русист.

Стр. 160. Приводим тексты стихотворений О. Э. Мандельштама, посвященных Ахматовой.

Первое стихотворение — «Я не искал в цветущие мгновенья...» (таким текст был продиктован автором в 1961 г. В. Виленкину; хранится в его архиве):

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественные бденья —
Воспоминая мучат нас.

И в декабре семнадцатого года
Всего лишились мы, любя,—
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя.

Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике на берегу Невы
Под звуки омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.

Но если эта жизнь — необходимость бреда
И корабельный лес — высокие дома,
Лети, безрукая победа —
Гиперборейская чума.

На площади с броневиками
Я вижу человека — он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.

Касатка милая, Кассандра!
Ты стонешь, ты горшишь — зачем
Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад, сияло всем?

(Впервые напечатано в газ. «Воля народа» 31 декабря 1917 г. в другой редакции.)

Второе стихотворение:

Твое чудесное произношенья —
Горячий посвист хищных птиц.
Скажу ль: живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.

«Что» — голова отяжелела.
«До» — это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.

Пусть говорят: любовь крылата,—
Смерть окрыленное стократ.
Еще душа борьбой объята,
А наши губы к ней летят.

И столько воздуха и шелка
И ветра в шепоте твоём,
И, как слепые, ночью долгой
Мы смесь бессолнечную пьем.

1918

Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия...— Вот тексты этих четверостиший:

1. Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен ваш завод:
К вам никто на выстрел ружечный
Без стихов не подойдет.

2. Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой.
Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены...
3. Привыкают к пчеловоду пчелы —
Такова пчелиная порода.
Только я Ахматовой уколы
Двадцать три уже считаю года.
4. Знакомства нашего на склоне
Шервинский нас к себе зазвал —
Послушать, как Эдип в Колоне
С Нилендером маршрутировал.

К последнему четверостишию прямо относятся строки из черновой рукописи Ахматовой (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 76): «Мы (Мандельштам и я) у Шервинского слушаем перевод Шервинского и Нилендера «Эдип в Колоне» (когда?). Эпиграмма».

Стр. 162. «Вчерашнее солнце на черных носилках несут» — строка из стихотворения О. Э. Мандельштама «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920).

...в Китайской деревне, где они жили с Лившицами. — Имеются в виду поэт Бенедикт Константинович Лившиц (1886/87—1938) и его жена, Екатерина Константиновна (1902—1987).

«Там улыбаются уланы». — В первом сборнике Мандельштама «Камень» и в дальнейших переизданиях стихотворение «Царское Село» начиналось строфой:

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Стр. 163. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется. — В черновой рукописи (ГПБ, ед. хр. 76), есть строки: «Когда я стояла в очереди «на прикрепление» на март 1921 г. в Доме ученых, в соседней очереди оказался Н. С. Гумилев, с которым я тогда редко встречалась. Очутившись со мной рядом, он заговорил о стихах Мандельштама и особенно восхищался стихотворением о Трое («За то, что я руки твои...»). Он всегда очень высоко ценил поэзию О. Э.».

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943), Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959), Гукровский Григорий Александрович (1902—1950) — видные ленинградские литературоведы.

Знакомство с Белым было коктебельского происхождения. — Имеется в виду Андрей Белый (Бугаев Борис Николаевич, 1880—1934) — поэт, писатель-символист. В черновой рукописи (ГПБ, ед. хр. 76, л. 2): «Встречи и беседы с Белым в Коктебеле произвели на него очень сильное впечатление (когда?). О смерти Белого он сказал мне по телефону в Ленинград: «Я сейчас стоял в почетном карауле у гроба Андрея Белого».

Вольпе Цезарь Самойлович (1904—1941) — литературовед.

Стр. 164. «Квартира тиха, как бумага...» — Вот как это стихотворение звучит полностью:

Квартира тиха, как бумага —
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Выдавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать —
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Кулацкому паю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проверенный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель —
Таковую ухлопает моль...

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намск,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе.
За семьдесят лет, начинать,—
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

Ноябрь 1933
Москва, ул. Фурманова

(Архив В. Виленкина. Дано ему Н. Я. Мандельштам.)

Стр. 165. *А его театр, а Комиссаржевская, про которую он не говорит последнее слово: королева модерна...*— Это «последнее слово» договаривает за Мандельштама Ахматова в строках из погибшей поэмы 1940-х годов (см. наст. том, с. 89).

Стр. 166. *...для помещения в книгу «Писатели советской эпохи» (цитата).*— Что именно предполагала процитировать здесь Ахматова, установить не удалось. В кн.: «Писатели современной эпохи» (1928) под ред. Б. П. Козьмина, на которую она дважды ссылается, ничего похожего нет.

...прочел «Под собою мы не чуем...».— Стихотворение О. Э. Мандельштама, начинающееся строкой: «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933)— сатира на Сталина; в СССР было напечатано только в 1988 г., в журн. «Огонек» № 47. Приводим полный текст:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,—
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него,— то малина
И широкая грудь осетина.

О своих стихах, где он хвалит Сталина...— Имеется в виду стихотворение «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937).

...в стихотворении «Немного географии...»— см. т. 1 наст. изд., с. 254—255.

...я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты...— Имеется в виду шуточный «орден», обозначающий принадлежность награждаемого к выдуманному писателем А. М. Ремизовым (1877—1957) «тайному сообществу» людей искусства близкого ему круга. Каждому принятому в сообщество выдавалась замысловато разрисованная и собственноручно изготовленная самим Ремизовым грамота.

Стр. 167. Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт.

Следователь при мне нашел «Волка»...— то есть стихотворение Мандельштама:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается вск-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17—28 марта 1931

...ему казалось, что за ним пришли (см. «Стансы», строфа 4-я)...— Ахматова отсылает читателя к стихотворению О. Э. Мандельштама «Стансы»:

Подумаешь, как в Чердыне-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме.
Клевещущих козлов не досмотрел я драки,
Как петушок в прозрачной летней тьме,
Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки,—
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.

Потом звонил Пастернаку.— К этому месту в одной из рукописей Ахматова делает следующее примечание: «Все, связанное с этим звонком, требует особого рассмотрения. Об этом пишут обе вдовы, и Надя и Зина, и существует бесконечный фольклор. Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надеей считаем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку.

Еще более поразительными сведениями о Мандельштаме обладает в книге о Пастернаке Х.: там чудовищно описана внешность и история с телефонным звонком Сталина. Все это припахивает информацией Зинаиды Николаевны Пастернак, которая люто ненавидела Мандельштамов и считала, что они компрометируют ее «лояльного мужа».

...подлинные слова оратора были смягчены (см. «Лит. газеты» 1934 года, май).— В черновой рукописи (ГПБ, ед. хр. 76): «Коктейль — рассадник клеветы и сплетен. Роль салона Бриков, где Мандельштам и я назывались «внутренними эмигрантами» (Городецкий в мае 1934)».

Стр. 168. ...еще не тронутая бедствиями Сима Нарбут...— Серафима Густавовна Нарбут — жена поэта В. И. Нарбута, арестованного в 1936 году (погиб в лагере в 1938).

Нина Ольшевская — ближайшая приятельница Ахматовой, в то время актриса МХАТа.

...читавших Пушкина «славных ребят из железных ворот ГПУ...» — цитата из стихотворения О. Э. Мандельштама «День стоял о пяти головах...» (1935):

...Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?
Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинovedов.

Стр. 169. «Письмо о русской поэзии», 1922, Харьков...— ошибка памяти: статья Мандельштама «Письмо о русской поэзии» была напечатана в газ. «Советский юг» (Ростов-на-Дону, 1922, 21 января).

Рудаков Сергей Борисович (1909—1944) — литературовед, поэт; друг Мандельштама и Ахматовой, которая посвятила его памяти стихотворение «Памяти друга» (1945) — автограф с посвящением хранится в частном собрании — и специальную «новеллу», примыкающую к воспоминаниям о Мандельштаме, но не входящую ни в одну из редакций. Приводим эту новеллу по рукописи, хранящейся в ГПБ (т. 1073, ед. хр. 84, л. 1—1 об.):

«К стр. 9. Рудаков. Листки из дневника

Перелом руки очень долго давал себя чувствовать: когда я приехала в Воронеж, у Осипа Эмильевича рука была на перевязи, он не мог сам надеть пальто, не мог и писать. Свои стихи он диктовал жене, и поэтому огромное количество его стихов написано не его почерком. Рядом с ним или, вернее, около него появился новый человек — Сергей Борисович Рудаков, молодой ленинградский литературовед и поклонник стихов Мандельштама. Всего один месяц Осип Э. диктовал ему свои стихи (цикл «Чернозем»). Под конец этот юноша начал раздражать Осипа Эмильевича. Получив освобождение в шале

1938 г. (он был выслан в Воронеж), Рудаков вернулся в Ленинград, где продолжал заниматься Пушкиным. Я была в Пушкинском доме на его докладе о «Медном всаднике». В конце войны он (Рудаков) был убит на фронте.

И вот вчера мне пришлось увидеть письмо С. Б. Рудакова воронежского периода к его жене Л. С., в котором он утверждает, что 160 стихов (строк) Мандельштама написаны им, Рудаковым (или, вернее, сотворены из какой-то мертвой массы), что они втроем (он — Рудаков, Багинов и Мандельштам — составляют всю русскую поэзию) (Пастернак, Цветаева и Ходасевич не в счет), что (о ужас!) потомки будут восхищаться им, Рудаковым, что он объяснил Мандельштаму, как писать стихи и т. п. Все это, конечно, больше всего похоже на бред мании величия, но, если эти письма попадут в руки недоброжелателей, я могу себе представить, какие узоры будут расшиты на этой канве. Вся «работа» (?) Рудакова в настоящее время находится неизвестно где. *Собственные стихотворные попытки Рудакова манерны, вычурны, действительно похожи на стихи Багинова и других представителей тогдашней «левой» поэзии, но ни на что большее претендовать не могут* (выделено Ахматовой, — М. К.).

Ясно одно: и до и после Рудакова Мандельштам писал гениальные стихи, так называемый второй период начался с конца 20-х годов (напр., «Армения...»), и претензии Рудакова могут вызвать только усмешку.

В этом страшно одно. Какие бездны у каждого под ногой, какой змеинный шелест зависти и злобы неизбежно сопровождает людей, одаренных талантом. Придумать, что у нищего, сосланного, бездомного Мандельштама можно что-то украсть — какая светлая благородная мысль, как осторожно и даже грациозно она осуществлена, с какой заботой о потомках и о собственной, очевидно, посмертной славе.

Подумать только, что эти письма (к жене) писались рядом с еще живым, полным мыслей и ритмов гениальным поэтом... в то время, как Надя делала всю еду на три равные части. Хочется закрыть лицо и бежать, но куда...

3 февраля 1960
Красная Конница.

(Более подробную и объективную характеристику С. Б. Рудакова и его отношения к О. Э. Мандельштаму дает Э. Г. Герштейн в ее кн.: «Новое о Мандельштаме», Париж, 1986.)

Стр. 173. «У подружки Лены...» — Е. К. Гальперина-Осмеркина (1903—1987) — первая жена художника А. А. Осмеркина; «...а подружка Надюша овдовела...» — В черновой рукописи (ГПБ, ед. хр. 76, л. 5) за этим следует: «Р. С. Когда я написала последнее слово, приехала Ира (Ирина Николаевна Пушина. — М. К.) из города и привезла письмо от Нади. Оно кончается так: «...а Ося, слава Богу, умер».

ПИСЬМА

⁸⁶¹ Существует мнение, что Анна Ахматова почти не писала писем. Действительно, ее нельзя назвать таким любителем эпистолярного жанра, какими были Цветаева или Пастернак. Ее письма, в еще большей степени, чем ее проза, обладают «головкружительной краткостью» (как сама она определила основное свойство прозы Пушкина).

Но Анна Ахматова не только немного написала писем, но и сохранилось их мало. Большая часть эпистолярного наследия Ахматовой сделалась жертвой огня: по взаимному соглашению была сожжена вся досвадебная переписка ее с Н. С. Гумилевым, большое количе-

ство писем было сожжено «после визита следователя» в 1949 году. Письма уничтожала не только сама Ахматова, но и ее корреспонденты. Ее сын, Лев Николаевич Гумилев, после освобождения в 1956 году уничтожил почти все письма матери, а их было немало, судя по ответным письмам Льва Николаевича, хранящимся в ГПБ (среди них случайно сохранились три письма Ахматовой к сыну, впервые печатающиеся в настоящем издании). Не сохранились, судя по всему, письма Ахматовой к Н. В. Недоброву, А. С. Лурье, В. Г. Гаршину... Последние были уничтожены самой Анной Андреевной после разрыва с Владимиром Георгиевичем. Та же участь должна была постигнуть и письма Ахматовой к Н. Н. Пунину, — Марта Андреевна Голубева спасла от аутодафе письма своей соперницы, и ныне они хранятся в ЦГАЛИ.

Наконец, многие письма Ахматовой (особенно письма к читателям) до сих пор не разысканы и, возможно, хранятся у адресатов. Перед исследователями творчества Ахматовой стоит задача: собрать и опубликовать все ее эпистолярное наследство. Но это — дело будущего. В настоящем издании печатаются избранные письма Ахматовой, впервые собранные более или менее полно и дающие представление о разных сторонах ее «эпистолярной музыки». Среди них — и интимные письма к близким людям (В. К. Шилейко, А. Г. Найману), и дружеские — к людям, с которыми Ахматова была душевно близка на протяжении десятков лет (письма М. Л. Лозинскому, Н. И. Харджиеву, Э. Г. Герштейн), и, наконец, письма читателям (Ф. И. Малову, Е. М. Ольшанской, С. И. Четверухину) — как правило, лаконичные, дышащие вниманием и благожелательностью...

С. В. фон Штейну — журн. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1975, № 13. В СССР — журн. «Новый мир», 1986, № 9, с. 199—207 (публикация Э. Г. Герштейн). Печатается по этому изданию.

Сергей Владимирович фон Штейн (1882—1955) — филолог, поэт, переводчик, муж старшей сестры Ахматовой Инны Андреевны Горенко. Инна Андреевна умерла 15 июля 1906 года. Вторичная женитьба Штейна, возможно, послужила причиной охлаждения к нему Анны Андреевны, отраженного в двух последних письмах.

Впоследствии Штейн навсегда покинул Советскую Россию, а его вторая жена вышла замуж за искусствоведа Э. Ф. Голлербаха (1895—1942). Оказавшись владельцем части архива Штейна, Э. Голлербах передал 8 апреля 1935 года в Государственный литературный музей «десять писем А. А. Горенко-Ахматовой при условии, что они не будут опубликованы при жизни Ахматовой ни целиком, ни в выдержках». Однако в статье «Из воспоминаний о Н. С. Гумилеве» в берлинском журнале «Новая Русская Книга», 1922, № 7, с. 38 он опубликовал выдержку из письма от 13 марта 1907 года, касающуюся издания Н. С. Гумилевым русского журнала «Сидниус» в Париже. Этот поступок вызвал негодование Ахматовой. В оправдательном письме (1923) Э. Голлербах писал: «Многоуважаемая Анна Андреевна. П. Е. Щеголев передавал мне, что Вы очень огорчены и раздосадованы опубликованием нескольких строк из Вашего письма в моей статье о Н. С. Гумилеве. <...> Я позволил себе привести несколько слов из Вашего письма, не видя в этих словах ничего интимного или «компрометирующего». <...> Я думаю, что моя неловкость по отношению к Вам есть совершенно бессознательная и беззлобная реакция на ту острую, темную, почти непрерывную боль, которую мне причиняет самое Ваше существование» (цит. по черновому автографу, хранящемуся в собрании А. М. Румянцева, Ленинград). Однако Ахма-

това так и не простила Голлербаха и до конца своих дней относилась к нему с презрением.

В настоящее время оригиналы писем хранятся в ЦГАЛИ.

Стр. 177. *Рождество* — устный вариант произношения, употребляемый Ахматовой во всех этих письмах. *Валя* — Валерия Сергеевна Срезневская, подруга Ахматовой. *Андрей* — старший брат Ахматовой Андрей Андреевич Горенко (1886—1920). *В. Г.-К.* — Владимир Викторович Голенищев-Кутузов (1879—?) — студент Петербургского университета, основной «лирический герой» этих писем.

Стр. 178. *Тоника советую сунуть в...* — смысл этой недописанной фразы остается неясным.

Стр. 179. *Летом Федоров опять целовал меня...* — Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) — прозаик и поэт. Ему посвящено стихотворение Ахматовой «Над черною бездной с тобою я шла...» (наст. том, с. 5). *Дядя и тетя Вакар* — Виктор Модестович и его жена Анна Эразмовна Вакар (урожд. Стогова), старшая сестра матери Ахматовой.

Стр. 181. *Люблю ли его, я не знаю...* и далее — измененная цитата из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...» *Сораспята на муку...* и далее — заключительная строфа стихотворения В. Я. Брюсова «В застенке» (из цикла «Из ада изведенные»). *...всем судило Неизбежно...* и далее — строки из стихотворения В. Брюсова «Тезей Ариадне» (из цикла «Правда вечная кумиров»).

Стр. 183. *Наня* — двоюродная сестра Ахматовой Марья Александровна Эмунчила. Впоследствии она вышла замуж за Андрея Андреевича Горенко. Ей посвящен стихотворный цикл «Обман» в книге «Вечер».

Стр. 184. «*Жизнь человека*» — драма Леонида Андреева. *...у вас в кружке...* — подразумевается «Кружок поэтов имени К. К. Случевского». *Давид Айзман* (1869—1922) — прозаик и драматург.

Стр. 185. *...может быть, в 3-м появится маленькое стихотворение...* — В третьем номере журн. «Сириус» стихотворение А. Горенко отсутствует.

Стр. 186. *Тетя Маша* — старшая сестра Андрея Антоновича Горенко, отца Ахматовой. *Гимназию кончила...* — Аттестат об окончании Анной Горенко Фундуклеевской гимназии датирован 28 мая 1907 г. *...курсы — смерть. Ну и не иду...* — После окончания гимназии Ахматова поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве, а, переехав в 1910 г. в Петербург, училась на Высших историко-литературных курсах Раева.

В. Я. Брюсову — кн.: «Записки Отдела рукописей» (Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), М., «Книга», 1979, с. 276—278 (публикация Г. Г. Суперфина и Р. Д. Тименчика), по автографам (ОР ГБЛ, ф. 386). К первому письму приложено стихотворение «Тебе, Афродита, славаю танец...», с вариантом 10-й строки: «Богиня! покинь Олимп...» и «Старый портрет» (см. наст. том, сс. 11, 12).

Отношение Ахматовой к творчеству В. Я. Брюсова (1873—1924) с годами претерпело существенную эволюцию. Если в годы учения в Киевской Фундуклеевской гимназии она увлекалась его стихами, а роман Брюсова «Огненный ангел», по свидетельству ее соученицы В. А. Беер, был одной из ее любимых книг, то с годами Ахматова во многом пересмотрела свое отношение к поэзии и личности Брюсова. Вероятно, этому способствовали крайне отрицательные отзывы последнего о поэзии Ахматовой 20-х годов, напр., в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922): «Некоторые, однако, шли назад

очень далеко, так, напр., Анна Ахматова, раскваленная частью современной критики; в ранних стихах Ахматовой было некоторое своеобразие психологии, выраженной подходящими к тому ломаными ритмами; в новых («У самого моря», «Подорожник», «Аппо Domini», 1922).— только бессильные потуги на то же, изложенные стихами, которых бы постыдился ученик любой дельной «студии» (журн. «Печать и революция», 1922, № 7).

А. А. Блок у — кн.: «Александр Блок. Новые материалы и исследования» (Литературное наследство, т. 92, кн. 4, М., 1987, с. 576—577, публикация В. А. Черных), по автографу ЦГАЛИ. Датируется на основании записи Блока: «7 января. Письмо и стихи от А. А. Ахматовой» (Александр Блок. «Записные книжки». 1901—1920», с. 200).

Стр. 187. *Вы очень добрый, что надписали мне так много книг...*— см. об этом в «Воспоминаниях об Александре Блоке», наст. том, с. 137. *Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное...*— К письму на отдельном листе приложен автограф стихотворения Ахматовой «Я пришла к поэту в гости...». На письмо Ахматовой Блок ответил письмом 18.1.1914:

«Глубокоуважаемая

Анна Андреевна.

Мейерхольд будет редактировать журнал под названием «Любовь к трем апельсинам». Журнал будет маленький, при его студии, сотрудничают он, Соловьев, Вогак, Гнесин. Позвольте просить Вас (по поручению Мейерхольда) позволить поместить в первом номере этого журнала — Ваше стихотворение, посвященное мне, и мое, посвященное Вам. Гонорара никому не полагается. Если Вы согласны, пошлите стихотворение Мейерхольду (Площадь Марининского театра, 2), или напишите мне два слова, я его перепису и передам.

Простите меня, что перепутал № квартиры, я боялся к Вам звонить и передал книги дворнику.

Преданный Вам

Александр Блок

Офицерская, 57, кв. 21, тел. 612—00».

На конверте: Ее Высочеству

Анне Андреевне Гумилевой.

Царское Село, Малая, 63.

Н. С. Гумилеву — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», с. 345, по автографам (письмо 1 — ГПБ, ф. 474, альбом П. Н. Медведева № 1, лл. 34—40; письмо 2 — ЦГАЛИ). До сих пор выявлены только эти два письма Ахматовой к Н. С. Гумилеву. К первому письму приложены два стихотворения: «Целый год ты со мной неразлучен...» (см. т. 1 наст. изд., с. 83—84) и «Завещание» (наст. том, с. 28—29).

Стр. 188. *О погоде и делах тебе верно напишет мама.*— Речь идет о матери Н. С. Гумилева — Анне Ивановне (1854—1942). В июньской книге «Нового Слова» меня очень мило похвалил Ясинский. — Рецензия И. Ясинского «Новые книги» напечатана в журн. «Новое слово», 1914, № 7. Сюда пришел Жамм. — Жамм Франсис (1868—1938) — французский поэт. Вероятно, Ахматова имеет в виду русское издание: «Стихи и проза», М., 1913. *...письмо Эноски.*— Е. А. Эноско-Боровский (1884—1954) — писатель, театровед, секретарь редакции журнала «Аполлон». *...мама переслала мне сюда твое письмо.*—

Речь идет о матери Ахматовой — Инне Эразмовне Горенко. *Посылаю тебе одно сегодня...* — К письму приложено стихотворение «Подошла я к сосновому лесу...». С недобрим чувством жду июльскую «Русскую мысль». — В журн. «Русская мысль», 1914, № 7, напечатан обзор В. Я. Брюсова «Год русской поэзии».

Г. И. Чулкову — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», с. 346, по автографам ЦГАЛИ.

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель-символист. Он и его жена Надежда Григорьевна были связаны с Ахматовой долгими годами дружеских отношений.

Стр. 189. *Недавно начала писать, наконец, большую вещь... — то есть поэму «У самого моря». Я, может быть, поеду на 6 недель в Швейцарию...* — Поездка Ахматовой не состоялась из-за начавшейся мировой войны.

Стр. 190. *...я отдала... Щеголеву...* — Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, пушкинист *...мои стихи были переведены... (отдельная книга, пер. Даддингтон)...* — «Семь стихотворений о любви» в переводе дочери русского писателя А. Эртеля Н. А. Даддингтон вышли в Лондоне в 1927 г.

Ф. К. Сологубу — сб.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год». Л., «Наука», 1976, с. 55—57 (публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика), по автографам ОР ИРЛИ.

Федор Кузьмич Сологуб (Тетерников, 1863—1927) — поэт и прозаик. Не отличавшийся дружественной общительностью, Ф. К. Сологуб относился к Ахматовой с неизменным уважением; особенно они сблизилась в 20-х годах. Стихотворение Ахматовой, посвященное Ф. Сологубу — см. наст. том, с. 20. 22 марта 1917 г. Сологуб написал стихотворение «Анне Ахматовой»:

Прекрасно всё под нашим небом,
И камни гор, и нив цветы,
И, вечным справедливым Фебом
Опять облаканная, ты.

И это нежное волненье,
Как в пламени синайский куст,
Когда звучит стихотворенье,
Пчела над зыбким медом уст,

И кажется, что сердце вынет
Благочестивая жена
И милостиво нам подвинет,
Как чашу пьяного вина.

А. И. Гумилевой — 1 — кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год». Л., «Наука», 1976, с. 60 (публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика), по автографу ОР ИРЛИ; 2 — печатается впервые по автографу из архива П. Н. Лукницкого.

Анна Ивановна Гумилева («Мама») — свекровь Ахматовой, мать Н. С. Гумилева.

Стр. 191. *Его письмо П. Н. я передала...* — то есть Павлу Николаевичу Лукницкому (1900—1973) — другу Ахматовой, биографу Н. С. Гумилева, с которым сын Ахматовой, Лёва, состоял в дружеской переписке. *Как здоровье Шурочки?* — Имеется в виду Александра Степановна Сверчкова — сводная сестра Н. С. Гумилева.

Л. М. Рейснер — кн.: «Николай Гумилев. Неизданное и несобранное», Париж, 1986, с. 201, по автографу (ГБЛ, ф. 245, к. 5, ед. хр. 37).

Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926) — журналистка, писательница, жена Ф. Ф. Раскольникова.

Стр. 191. *Вольдемар Вам кланяется.*— В. К. Шилейко — второй муж Ахматовой. Ахматова была в дружеских отношениях с Л. М. Рейснер, хотя знала о ее романе с Н. С. Гумилевым. После гибели Гумилева Л. Рейснер писала Ахматовой из Афганистана (вероятно, по цензурным причинам не упоминая имени расстрелянного поэта):

«24 ноября 1921

Дорогая и глубокоуважаемая Анна Андреевна!

Газеты, проехав девять тысяч верст, привезли нам известие о смерти Блока. И почему-то только Вам хочется выразить, как это горько и нелепо. Только Вам — точно рядом с Вами упала колонна, что ли, такая же тонкая, белая и лепная, как Вы. Теперь, когда его уже нет, Вашего равного, единственного духовного брата, — еще виднее, что Вы есть, что Вы дышите, мучаетесь, ходите, такая прекрасная, через двор с ямами, выдаете какие-то книги каким-то людям — книги, гораздо хуже Ваших собственных.

Милый Вы, нежнейший поэт, пишете ли стихи? Нет ничего выше этого дела, за одну Вашу строчку людям опустится целый злой, пропащий год.

Ваше искусство — смысл и оправдание всего. Черное становится белым, вода может брызнуть из камня, если жива поэзия. Вы радость, содержание и светлая душа всех, кто жил неправильно, захлебывался грязью, умирал от горя. Только не замолчите — не умирайте заживо.

Горы в белых шапках, теплое зимнее небо, ручьи, которые бегут вдоль озимых полей, деревья, уже думающие о будущих листьях и плодах под войлочной оберткой, все они кланяются на языке, который и Ваш и их, и тоже просят стихи.

И горы и земля знают, как молчалива смерть.

Целую Вас, Анна Андреевна...

Искренне Вас любящая

Лариса Раскольникова

Р. С. При этом письме посылаю посылку, очень маленькую, «немного хлеба и немного меда».

(Печатается по кн.: Лариса Рейснер. «Избранное», М., 1965, с. 518—519).

А. Э. Вакар — печатается впервые по автографу из архива П. Н. Лукницкого.

Анна Эразмовна Вакар — тетка Ахматовой, в ее доме прожила последние годы мать Ахматовой, Инна Эразмовна Горенко.

Стр. 192. *Судейкина в Париже...*— О. А. Глбцова-Судейкина уехала в Париж в 1924 г.

В. К. Шилейко — письма 5, 7, 8 — кн.: Вера Лукницкая. «Перед тобой земля», Л., 1988, с. 317. Остальные письма печатаются впервые по автографам и копиям, снятым П. Н. Лукницким перед отправкой писем адресату. Предоставлены составителю В. К. Лукницкой.

Ахматова вышла замуж за Вольдемара (Владимира) Казимировича Шилейко в декабре 1918 г. Брак был расторгнут 8 июня 1926 года, хотя фактически они расстались гораздо раньше — в 1921 году. Но между ними сохранились дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка (ответные письма В. К. Шилейко хранятся в архиве Ахматовой, ГПБ).

Стр. 192. *Тапа* (в дальнейшем *Түшин, Тапсыя, Таптан*) — сенбернар, своеобразный герой этих писем. Несмотря на голод, царивший

в Петрограде 20-х годов и абсолютную неприспособленность Ахматовой и Шилейко, они умудрялись содержать сенбернара. После отъезда Шилейко в Москву вся забота о Тапе легла на плечи Ахматовой. В этих письмах высвечивается еще одна сторона ее личности — трогательная и ответственная любовь к «братьям нашим меньшим».

Стр. 193. ...привет Вере Константиновне...— жене Шилейко, урожденной Андреевой. Скоро выйдут мои книги...— двухтомник стихотворений Ахматовой так и остался на стадии второй корректуры. Следующий ее сборник стихов вышел только в 1940 г. *Букан* — домашнее прозвище В. К. Шилейко.

Стр. 194. *Маня у меня больше не служит...*— Мария Сидоровна Любимова, домработница Ахматовой в начале 20-х годов. ...живу в пустой квартире Рыбаковых.— Рыбаковы Иосиф Израилевич (1880—1938) и его жена Лидия Яковлевна — друзья Ахматовой на протяжении многих лет.

Стр. 195. *Анна Евгеньевна Аренс-Пунина* (1892—1943) — первая жена Н. Н. Пунина.

Стр. 196. ...вчера я была в твоей мраморной резиденции...— Имеется в виду квартира в Мраморном дворце, где В. К. Шилейко занимал служебную площадь как работник Академии материальной культуры.

Стр. 197. ...вот твоё первое изображение.— С этим письмом Ахматова послала фотографию В. К. Шилейко в детстве.

О. А. Глебовой-Судейкиной — печатается впервые по автографу из архива П. Н. Лукницкого. Письмо не закончено. Это — единственное из выявленных на сегодня писем Ахматовой к Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной (1885—1945), прототипу главной героини «Поэмы без героя». В 1924 г. О. А. Глебова-Судейкина, с помощью А. С. Лурье, уехала за границу. Жила и умерла в Париже.

Стр. 198. *Валентина Андреевна* — В. А. Щеголева (Богуславская) (1878—1931) — актриса, жена историка и пушкиниста П. Е. Щеголева.

Н. И. Харджиеву — журн. «Russian Literature», Париж — Гаага, № 7/8, 1974, с. 5—18 (публикация Генриха Барана). В СССР — журн. «Вопросы литературы», 1989, № 6, с. 214—247 (публикация Э. Г. Бабаева). Печатается по этому изданию. Автографы — в архиве Н. И. Харджиева.

Николай Иванович Харджиев (р. 1903) — литературовед, искусствовед. Познакомился с Ахматовой в начале лета 1930 года. Их дружба продолжалась до смерти Анны Андреевны.

Стр. 198. *Ира* — Ирина Николаевна Пунина — искусствовед, дочь А. Е. Аренс-Пуниной и Н. Н. Пунина. *Вера Федоровна Румянцева* — (1900—1971) — знакомая Ахматовой и Харджиева, библиограф Третьяковской галереи. *От Левы нет вестей...* — Сын Ахматовой Лев Николаевич Гумилев находился в то время в археологической экспедиции.

Стр. 199. *Н. Н. замучен музейными делами...* — Имеется в виду Николай Николаевич Пунин. *Что Вы пишете о Пастернаке?* — Н. И. Харджиев и его соавтор В. В. Тренин работали над статьей о Б. Л. Пастернаке. ...читаю ... доклад о «Золотом Петушке». — Доклад Ахматовой был напечатан под заглавием «Последняя сказка Пушкина» в журн. «Звезда» (1933, № 1). *О М. М. плохие вести.* — Имеется в виду Михаил Матвеевич Никитин (1906—1942) — друг Харджиева, литературовед, специалист по лубочной литературе. В 1933—1936 гг. он находился в лагере в области Коми. Погиб на

фронте. *Николаша* — Н. Н. Пунин. *Спасибо за Чулкова и Левшина*. — Речь идет о книге В. Б. Шкловского «Чулков и Левшин» (Л., 1933). Харджиев помогал Шкловскому в подборе и обработке материалов для книги и был соавтором некоторых ее глав.

Стр. 200. *В Москве ли Пильняк, Толстая?* — Борис Андреевич Пильняк (1894—1938) — писатель, был дружен с Ахматовой; Софья Андреевна Толстая (1900—1957) — внучка Л. Н. Толстого, вдова С. А. Есенина. *Привет В. Б.* — Виктору Борисовичу Шкловскому (1893—1984) — писателю, критику, литературоведу и сценаристу. *В. Ф. Вам расскажет...* — т. е. В. Ф. Румянцеву. *Куда перевели М. М.?* — то есть М. М. Никитина. *Бонч предлагает...* — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955) — директор Государственного Литературного музея. От продажи всего архива Ахматова отказалась. *Спасибо за альбом, он чудный*. — Н. Харджиев подарил Ахматовой старинный альбом. На первом листе надпись по-французски: «Князь Долгорукий. 1838». Первые пять страниц заполнены французскими стихотворениями (Ламартина и др.). Ахматова вписывала в этот альбом окончательные редакции своих стихов. После смерти Анны Андреевны альбом исчез, и его местонахождение в настоящее время неизвестно. *Лидия Михайловна Андриевская* — литературовед, жена филолога Бориса Михайловича Энгельгардта. *Люся* — Лидия Яковлевна Гинзбург — литературовед, прозаик, друг Ахматовой.

Стр. 201. *<Ташкент>* — Ахматова приехала в Ташкент в ноябре 1941 г. Ее поселили в доме № 3 по ул. Карла Маркса. В этом доме, где находилась приемная Верховного Совета, было устроено нечто вроде общежития для московских писателей. Здесь жил и С. М. Городецкий. Комната Ахматовой находилась во втором этаже, на солнечной стороне, «заполненная до самого потолка светом» (Нина Тарнинова. «Звездный кров Анны Ахматовой». — «Звезда Востока», 1986, № 7, с. 170). *...приеду в Алма-Ату повидаться с Вами*. — Н. Харджиев приехал в Алма-Ату в ноябре 1941 года. *Я закончила поэму...* — Имеется в виду «Поэма без героя». *Привет Шкловскому, Зоценке и Лиле Брик*. — В. Шкловский, М. Зоценко и Н. Харджиев, встретившись в Алма-Ате, послали совместное письмо Ахматовой в Ташкент. Л. Ю. Брик тогда находилась в г. Молотове. *...Виктор Борисович расскажет...* — Шкловский побывал в Ташкенте весной 1942 г. Студия «Мосфильм», с которой он был связан, находилась в Алма-Ате. *Недавно я получила от него письмо*. — Письмо Н. Н. Пунина к Ахматовой от 14 апреля 1942 г. из Самарканда см. в сб.: «Об Анне Ахматовой», Л., 1990, с. 531—533. *...от Вл. Георг. вестей нет*. — Владимир Георгиевич Гаршин всю блокаду прожил в Ленинграде. *«Не теряйте отчаянье»* — любимая поговорка Н. Н. Пунина, которую часто повторяла Ахматова (см. наст. том, с. 64).

Стр. 202. *...сын Паустовского...* — приемный сын писателя К. Г. Паустовского — С. Навашин. *...после долгого лежания в больнице — я дома*. — Ахматова была больна тифом и находилась на излечении в ТашМИ (Ташкентский медицинский институт). *...с Валерией Сергеевной...* — В. С. Познанской — знакомой Ахматовой.

Стр. 203. *...благодарность Крученыху*. — Алексей Елисеевич Крученых (1886—1968) — поэт-футурист. *Выдаетесь ли с Бриками?* — Осип Максимович Брик (1888—1945) — критик, один из теоретиков ЛЕФа, и его жена Лиля Юрьевна Брик (1891—1978). *Марьино Роща* — Н. Харджиев жил в 30—40-е годы в Марьиной роще, где произошла вторая встреча Ахматовой с М. И. Цветаевой. *Идем с Надюшей...* — с Н. Я. Мандельштам. *Вчера выступала на вечере Маяковского*. — В 1943 г. отмечалась 13-я годовщина со дня гибели В. В. Маяковского. В Ташкенте проходили вечера в драматическом театре

имени М. Горького, в Институте мировой литературы (в помещении консерватории) и т. д. На одном из этих вечеров Анна Ахматова читала свое стихотворение «Маяковский в 1913 году». «Фирса забыли, человека забыли!»... — Последняя реплика Фирса из пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад»: «Про меня забыли...». Отсюда всюду далеко — написала я в одном письме... — в письме И. Н. Томашевской от 2 июня 1943 г. (см. наст. том, с. 219). У меня новый дом... — Ахматова имеет в виду дом 54 по улице Жуковской, куда она была переселена в мае 1943 г.

Стр. 204. ...мне приходит в голову послать Вам мою книгу... — Речь идет о сб.: Анна Ахматова. «Избранное», «Советский писатель», 1943. Зелинского я называю... — Корнелий Люцианович Зелинский (1896—1970) — критик и литературовед, составитель ташкентского сборника стихов Ахматовой. ...сейчас она у брата. — Евгений Яковлевич Хазин (1893—1973) — брат Н. Я. Мандельштам, литератор. ...телеграмма из Новосибирска. — Новосибирск в письме указан, по-видимому, как иносказательное наименование «отдаленных мест». Передвижная экспедиция, в которой Л. Гумилев работал техником, имела опорную базу в Туруханске. ...друг Наталья Александровна Вишневская... — актриса, с успехом читавшая Лермонтова на литературных вечерах. ...Ася отвела Вам мою книгу. — Ася Петровна Сухомянинова — близкий друг Ахматовой. Речь идет о сборнике «Избранное». Сейчас узнала Римские новости. — Имеются в виду успешные действия союзников в бассейне Средиземного моря. В июле англичане и американцы начали высадку на Сицилии.

Стр. 205. ...благодарю Вас за телеграммы и Ваши хлопоты обо мне. — Н. Харджиев получил от Гослитиздата вызов для Ахматовой, который был необходим для возвращения из эвакуации в Москву. ...он едет обратно в Норильск. — Работая в экспедиции, Л. Гумилев настойчиво добивался призыва в действующую армию и в 1944 году был направлен на фронт. В Самарканде умерла Анна Евгеньевна Пунина. — А. Е. Аренс-Пунина умерла 29 августа 1943 г. «...Но задержала... скарлатина». — В Ташкенте Ахматова действительно заболела скарлатиной. Так, стихотворение «Предыстория» в списке Н. Л. Дилакторской имеет дату: «1943 Т<ашкент> Октябрь (скарлатина)». Для отъезда из Ташкента необходим был вызов и пропуск, который выдавался на определенный срок. Эпиграмма представляет собой воображаемый разговор поэта с железнодорожным начальником.

Стр. 206. ...узнала у Ник. Мих... — Николай Михайлович Суетин (1897—1954) — художник-супрематист, друг Харджиева. Сегодня звонили из «Огонька»... — Публикуемая записка связана с неожиданным для Ахматовой предложением журнала «Огонек» поместить на своих страницах ее стихи. Привет Лидии Васильевне. — Имеется в виду Л. В. Чага — жена Н. И. Харджиева. ...посмотрите это. — Речь идет о мемуарном очерке Ахматовой «Амедео Модильяни» (см. наст. том, с. 144—150). Александр Павлович Нилин — сын писателя П. Нилина. Взгляните на рисунок... — снимок с портрета Ахматовой работы Модильяни. ...когда приехала дочка Шагала... — Ида Шагала, дочь художника М. Шагала.

М. Л. Лозинскому — печатается впервые. Автографы — в собрании М. Л. Лозинского (Ленинград). Копии снимались с разрешения сына М. Л. Лозинского — Сергея Михайловича Лозинского.

Стр. 207. Высылаю книгу. — Имеется в виду сборник стихов Анны Ахматовой «Избранное», «Советский писатель», 1943.

Стр. 208. Привет Т. Б. и Наташе. — Татьяна Борисовна — жена М. Л. Лозинского; Наталья Михайловна — его дочь. ...передайте

Вл. Г. мамину красную шкатулку...— то есть, Владимиру Георгиевичу Гаршину. Эта фраза свидетельствует о том, что отношения (а, возможно, и встречи) Ахматовой и В. Г. Гаршина продолжались и после их «разрыва» в 1944 г. ...я в первый раз поздравила Вас...— см. стихотворение «8 ноября 1913», т. 1 наст. изд., с. 62 и с. 376 (прим.). ...шло два действия моей Марион...— М. Л. Лозинский помогал Ахматовой в работе над переводом драмы Виктора Гюго «Марьон Делорм».

Стр. 209. ...свидание со Смирновым...— Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, переводчик, знакомый Ахматовой со времен ее молодости. Был официальным редактором перевода драмы В. Гюго «Марьон Делорм». ...увидеть на сцене «Сон в летнюю ночь»...— комедию В. Шекспира в переводе М. Л. Лозинского. «Тартюф» — комедия Мольера в переводе М. Л. Лозинского.

Стр. 210. А. А. крайне любезен...— Имеется в виду А. А. Смирнов. Это экземпляр *Marion* для Акимова.— Акимов Николай Павлович (1901—1968) — режиссер и художник, с 1955 г.— главный режиссер Ленинградского театра Комедии. Видимо, Ахматова хотела заинтересовать Н. П. Акимова постановкой «Марьон Делорм» в его театре. ...вот мой «Призыв души».— Ахматова имеет в виду свой перевод поэмы китайского поэта Цюй Юаня (ок. 340 — ок. 278 до н. э.). В архиве М. Л. Лозинского сохранился черновик письма к Ахматовой от 17 декабря 1953 г. с редакторскими поправками к переводу Цюй Юаня.

Стр. 211. Благодарю за память и поздравление...— то есть за поздравление по случаю именин Ахматовой (16 февраля н. ст.). ...поздравляю сегодняшним днем — т. е. днем именин М. Л. Лозинского.

О. Э. Мандельштаму — журн. «Вестник Русского Христианского Движения», Париж — Нью-Йорк, 1975, № 116, с. 186, по автографу из архива О. Э. и Н. Я. Мандельштам (хранится в Принстонском университете). В СССР — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 347.

Стр. 211. ...непрерывно побываю у Вас.— Ахматова ездила к сосланному в Воронеж О. Э. Мандельштаму в феврале 1936 г. Вчера звонил Пастернак...— Летом 1935 г. Б. Л. Пастернак участвовал в антифашистском Международном конгрессе писателей в Париже. С моей книжкой вышла какая-то задержка.— Подготовленная к печати книга стихотворений Анны Ахматовой в 1935 году издана не была.

Э. Г. Герштейн — журн. «Вопросы литературы», 1989, № 6, с. 256—265 (публикация Э. Г. Герштейн).

Стр. 211. ...за Ваше осеннее гостеприимство...— В августе 1936 г. Ахматова прожила у Э. Г. Герштейн в Москве (Щипок, 6/8) 10—12 дней.

Стр. 212. Сейчас мне принесут Вашу статью о Лермонтове...— В действительности Э. Г. Герштейн посылала Ахматовой не статью о Лермонтове, а библиографию материалов о Н. С. Гумилеве. ...где-то в районе Ел. Мих. Фраткиной.— Елена Михайловна Фрадкина, жена Е. Я. Хазина. ...где Сергей Борисович...— В Ташкенте Анна Андреевна узнала из писем Э. Герштейн, что, тяжело раненный под Ленинградом, С. Б. Рудаков был переведен на тыловую военную службу в Москву. В ноябре 1943 г. снова был направлен на фронт, где погиб 15 января 1944 г. ...я получила от него первую телеграмму.— После отбытия 10 марта 1943 года срока заключения Л. Гумилев устроился техником в магнитометрическую выездную экспедицию Норильского комбината, базировавшуюся на озере Хантайское, а затем в Туруханске (Сообщено Л. Н. Гумилевым в 1989 г.). Очень было горько

узнать о Вашей утрате...— Отец Э. Герштейн, врач-хирург Г. М. Герштейн, умер 14 октября 1943 г.

Стр. 213. ...я очень тревожилась, не получая от него с фронта ни слова.— В конце 1944 г. Л. Гумилев добился отправки на фронт, несмотря на то, что сотрудники Норильского комбината имели броню и не подлежали призыву в армию. ...его бабушка умерла...— Анна Ивановна Гумилева (урожд. Львова) умерла 24 декабря 1942 г.

Стр. 214. ...писал ли Вам Эйхенбаум? — Борис Михайлович Эйхенбаум большую долю своих исследовательских работ посвятил Лермонтову. В 1936 г. Э. Г. Герштейн начинала свою работу над Лермонтовым под его руководством. ...принять участие в его юбилее...— Эти проекты не осуществились. Ахматова в 1945 г. в Москву не приезжала. ...посылаю сегодня Ниночке мой перевод...— то есть Нине Антоновне Ольшевской, стихотворение В. Гюго «К Л.» («С тростинкой хрупкой надежды наши схожи...»). ...Нине Ильиничне Куцовой...— Имеется в виду Н. И. Худишвили.

Стр. 216. Роман Альбертович — Р. А. Рубинштейн, актер-чтец, второй муж И. Н. Пуниной.

Стр. 217. ...четыре стихотворения Панта...— Переводы Ахматовой этих стихотворений напечатаны в кн.: Суматранандан П а н т. «Избранные стихи», М., 1959. Пер. с хинди. Боря Ардов...— младший сын Ардовых Борис Викторович (р. 1940). Виноградов — Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969) — языковед, литературовед, автор работ о творчестве Ахматовой.

В. Г. Гаршину — кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год». Л., 1976, с. 71 (публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика), по автографу ОР ИРЛИ (единственная сохранившаяся открытка Ахматовой, случайно уцелевшая). Остальные письма были возвращены Ахматовой В. Г. Гаршиным после их разрыва и уничтожены ею.

И. Н. Томашевской — журн. «Октябрь», 1989, № 6, с. 190—192, в составе очерка Э. Б. Томашевской «Я — как петербургская тумба».

Ирина Николаевна Томашевская (Медведева; 1903—1973) — литературовед, близкий друг Ахматовой.

Стр. 218. Борис Викторович — Б. В. Томашевский (1890—1957) — литературовед, пушкинист. Его памяти Ахматова посвятила стихотворение «Август» (см. наст. том, с. 63—64). В семье Томашевских Ахматова нашла приют после того, как Н. Н. Пунин оставил ее одну в Фонтанном Доме, и прожила до эвакуации 28 сентября 1941 г. ...каждый день вижу Л. К. Чуковскую.— Лидия Корнеевна Чуковская (р. 1907) — писательница, была летописцем жизни Анны Ахматовой с 1938 года. Жива ли Л. М. Энгельгардт? — Лидия Михайловна Энгельгардт — жена Б. М. Энгельгардта, литератора, переводчика, друга Ахматовой. Умерли в блокаду в феврале 1942 года. Это письмо передаст Вам В. Берестов.— Валентин Дмитриевич Берестов (р. 1928) — писатель, поэт, познакомился с Ахматовой в Ташкенте еще юношей.

Стр. 219. Валерия Сергеевна — В. С. Познанская, знакомая Ахматовой. Теперь Ася расскажет Вам...— Ася Петровна Сухомлинова, близкий друг Ахматовой в Ташкенте. Теперь без Цявловских...— Цявловские Мстислав Александрович (1883—1947) и его жена Татьяна Григорьевна (1895—1978) — пушкинисты, друзья Ахматовой.

Стр. 220. ...встретила на улице И. А. Орбели...— Иосиф Абгарович Орбели (1887—1961) — востоковед, директор Эрмитажа; Володя

спрашивал меня...— Владимир Георгиевич Гаршин. ...восхитительное письмо от Б. Л....— Это письмо Б. Л. Пастернака не сохранилось.

Н. А. Ольшевской-Ардовой — журн. «Литературное обозрение», 1989, № 5, с. 90—95, в составе статьи Э. Г. Герштейн «Нина Антоновна». В статье приводится лишь несколько писем Ахматовой по автографам из архива В. Е. Ардова (ЦГАЛИ). *Нина Антоновна Ольшевская-Ардова* (р. 1908) — актриса и режиссер.

Стр. 221. *Я все еще не на Фонтанке...*— После возвращения в Ленинград Ахматова несколько месяцев прожила в квартире своих друзей — Рыбаковых (Наб. Кутузова, д. 12, кв. 5); *Получила милое письмо от Ардова.*— Виктор Ефимович Ардов (1900—1976) — писатель-юморист, муж Н. А. Ольшевской.

Стр. 222. *Занимаюсь Пушкиным* — «Маленькими трагедиями» и «Повестями Белкина». — К этому времени Ахматова почти закончила свою лучшую исследовательскую работу «Каменный гость» Пушкина». Набело переписанная ею статья датирована 20 апреля 1947 г. Что касается «Повестей Белкина», Ахматова вернулась к ним лишь через 10 лет. *Вчера мне принесли для перевода корейскую поэму и «Рыбака».*— Перевод поэмы Юн Сон До «Времена года рыбака» см. в кн.: «Корейская классическая поэзия». М., ГИХЛ, 1956, с. 87—102. *Мargarita взяла у меня пять стихотворений...*— Поэтесса Маргарита Иосифовна Алигер взяла у Ахматовой стихи для третьего выпуска альманаха «Литературная Москва», который так и не вышел.

Стр. 223. *Миша Ардов* — Михаил Викторович Ардов — старший сын Ардовых. *Толя* — Анатолий Генрихович Найман, литературный секретарь Ахматовой.

Стр. 224. *...Володя Рецептер прочтет мою маленькую прозу «Пушкин и дети»...*— Владимир Эммануилович Рецептер, актер Большого драматического театра имени Горького, поэт. «Пушкин и дети» — см. наст. том, с. 110—111.

В. А. Сутугиной — кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год», Л., 1976, с. 73, 75 (публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика), по автографам ОР ИРЛИ.

Вера Александровна Сутугина (Кюнер) (1892—1969) — секретарь издательства «Всемирная литература», была знакома с Ахматовой с 1919 года.

Стр. 224. *В Ташкенте я довольно часто встречала Ал. Н. Тихонова...*— Александр Николаевич Тихонов (Серебров) (1880—1956) — писатель, автор мемуаров «Время и люди».

Б. Л. Пастернаку — печатается впервые по автографам, хранящимся в семейном архиве Б. Л. Пастернака, с разрешения Н. А. Пастернак.

Стр. 225. *Поздравляю Вас с успехом Вашей книги...*— В июне 1943 г. вышла книга стихотворений Б. Л. Пастернака «На ранних поездах». *Наталья Александровна Вишневская* — актриса, чтец. *Нина* — Нина Антоновна Ольшевская.

Стр. 226. *...летом 51 года я проделала тот же больничный путь...*— Ахматова имеет в виду свой первый инфаркт и долгое лежание в больнице.

Н. Я. Мандельштам — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 3, Париж, 1983, с. 339—341. Печатается по этому изданию, с исправлением неверной датировки второго письма («1945»), на самом деле — «1952».

Надежда Яковлевна Мандельштам (1899—1980) — жена О. Э. Мандельштама, филолог, мемуаристка, близкий друг Ахматовой.

Стр. 226. ...перед Вами, Эдиком и Ниной.— Имеются в виду Эдуард Григорьевич Бабаев, общий друг Н. Я. Мандельштам и А. А. Ахматовой, и Н. А. Ольшевская.

Стр. 227. ...завтра сдаю Марьону.— В 1952 г. Ахматова закончила перевод драмы В. Гюго «Марьон Делорм».

К новому дому словно привыкла.— В 1952 г. Ахматова переехала из Фонтанного Дома в новую квартиру на ул. Красной Конницы (д. 4, кв. 3). ...очень хочу жить с Вами в Москве...— Этот проект не осуществился. ...посылаю Вам три странички...— Вероятно, Ахматова вместе с этим письмом послала Н. Я. Мандельштам какой-то фрагмент своих воспоминаний о Мандельштаме («Листки из дневника») — см. наст. том, с. 151—174.

Стр. 228. Сейчас позволю Вашему Жене...— то есть брату Надежды Яковлевны, Евгению Яковлевичу Хазину (1893—1974).

Л. Н. Гумилеву — печатается впервые, с разрешения Л. Н. Гумилева, по автографам (ГПБ, ф. 1073).

Лев Николаевич Гумилев (р. 1912) — историк-востоковед, этнолог, географ; сын Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой. Л. Н. Гумилев был в очередной раз арестован 6 ноября 1949, отправлен в лагерь и освобожден лишь в 1956 году. Сохранилось только два письма из той обширной (судя по ответным письмам Л. Н. Гумилева, хранящимся в ГПБ) переписки, которую вели мать и сын, будучи насильственно разлученными.

Стр. 228. 29 июня я была на похоронах А. А. Осмеркина.— Александр Александрович Осмеркин — художник, многие годы профессор Академии художеств и Московского Суриковского института, после 1948 года был изгнан отовсюду, обвинен во всех злодеяниях против советского искусства и умер фактически в нищете, 25 июня 1953 г.

Стр. 229. Подрывительная посылка тебе еще не отправлена...— посылка ко дню рождения Льва Николаевича — 1 октября. ...мой редактор...— по-видимому, имеется в виду А. А. Сурков (1899—1983), редактор сборника: Анна Ахматова. «Стихотворения», ГИХЛ, М., 1958.

В. С. Срезневской — печатается впервые по автографу, хранящемуся у Ольги Вячеславовны Срезневской, дочери адресата.

Валерия Сергеевна Срезневская, урожд. Тюльпанова (1888—1964) — близкая приятельница Ахматовой.

Стр. 230. Кажется я не писала тебе пятьдесят лет...— Уцелела записка Ахматовой к Срезневской 1910 года: «Птица моя, — сейчас еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не бывает. Смерти хочу. Вы всё знаете, единственная, ненаглядная, любимая, нежная. Валя моя, если бы я умела плакать». Аня» (ИРЛИ, ф. 408, ед. кр. 7; опубликована Р. Д. Тименчиком в статье «Остров искусства» («Дружба народов», 1989, № 6, с. 244). Прошу тебя сообщить Ире...— то есть Ирине Николаевне Пуниной, с которой Ахматова жила в одной квартире.

Э. Г. Бабаеву — печатается впервые, с разрешения адресата, по автографу ЦГАЛИ.

Эдуард Григорьевич Бабаев (р. 1927) — писатель, познакомился с Ахматовой в Ташкенте, будучи еще подростком. 14—19 сентября 1959 г. Э. Г. Бабаев написал Ахматовой большое письмо, где речь шла о смысле и сущности ее поэзии (ныне хранится в ГПБ).

Стр. 230. А про стихи свои узнала, что в них главное подтекст.— В письме составителю наст. изд. от 10.1.90 Э. Г. Бабаев пишет: «Слова «подтекст» в моем письме нет. А в письме Анны Андреевны оно обозначает «Реквием».

В. Я. Виленкину — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...» М., 1989, с. 348.

Виталий Яковлевич Виленкин (р. 1910) — театровед, писатель, исследователь творчества Ахматовой.

Алексису Ранниту — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 2. Мюнхен, 1968, с. 304—307, по автографам из собрания А. Раннита. Четвертое письмо печатается впервые, по копии, присланной составителю А. К. Раннитом в 1973 году.

Алексис Раннит — американский поэт и литературовед эстонского происхождения. 18 февраля 1962 года Раннит послал Анне Ахматовой свои стихи (в переводе на русский язык). А. Раннит писал статью о поэзии Ахматовой, в связи с чем просил ее уточнить некоторые данные, почерпнутые из статей об Ахматовой и мемуаров о ней.

Стр. 231. ...сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 году. — Речь идет о Роберте Пэйне, рассказавшем в своей книге «The Three Worlds of Boris Pasternak» (1961) о «встрече» с Ахматовой в Париже в 1938 г. Когда А. Раннит указал ему на его ошибку (в письме в редакцию «Нью-Йорк таймс»), Р. Пэйн ответил, что он все-таки с Ахматовой встретился в Париже — и встретился именно в 1938 году. ...отчего мои стихи кажутся Вам синими...? — Ахматова сочла присланное ей стихотворение А. Раннита «Синий» («Из всех — я синий цвет избрал — // В нем все свиданья наши живы...») обращенным к ней, хотя это стихотворение не об Ахматовой и не о ее стихах. Почему Вы не прислали мне оригинала своего стихотворения? — Я свободно читаю по-английски. — Ахматова полагала, что А. Раннит — англо-американский поэт (на самом деле он писал стихи на эстонском языке).

Стр. 232. Благодарю Вас за Ваши стихи. — А. Раннит послал Ахматовой фотокопии восьми своих стихотворений, опубликованных в «Новом журнале» в переводе Лидии Алексеевой.

Стр. 233. Сборник «В пути» я получила. — А. Раннит послал Ахматовой сборник стихов Лидии Алексеевны Алексеевой, русской поэтессы и прозаика. В 21-м году написала балетное либретто «Снежная маска» по Блоку... — см. об этом т. 1 наст. изд., с. 431. Своими портретами не была довольна (пожалуй, кроме Тышлера). — В 1940-х гг. в Ташкенте художник Александр Григорьевич Тышлер (1898—1980) сделал несколько портретов Ахматовой.

К. И. Чуковскому — журн. «Новый мир», 1987, № 3, с. 227 (публикация Е. Ц. Чуковской), по машинописи из архива Н. Н. Глен.

Корней Иванович Чуковский (1882—1969) — писатель, детский поэт, критик, мемуарист. Отношения Ахматовой с К. И. Чуковским не всегда были равными; не всё приняла она в статье К. Чуковского «Ахматова и Маяковский» (альб. «Дом искусств», Пг., 1921, № 1, с. 23—42). Однако она очень высоко оценила позднюю статью К. И. Чуковского «Читая Ахматову» (журн. «Москва», 1964, № 5, с. 200—203), посвященную анализу «Поэмы без героя», свидетельством чему служит публикуемое письмо.

М. В. Латманизову — журн. «Русская литература», 1989, № 3, с. 67 (публикация А. Г. Терехова). Печатается по автографу, хранящемуся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Михаил Владимирович Латманизов (1905—1980) — доцент Ленинградского Политехнического института, специалист в области электрических машин. М. В. Латманизов собрал большую коллекцию материалов, относящихся к жизни и творчеству Н. С. Гумилева и Анны Ахматовой, записывал свои беседы с Ахматовой (опубл. в журн. «Рус-

ская литература» 1989, № 3). Анна Андреевна называла М. В. Латманизова своим библиографом и постоянно пополняла его коллекцию ценными материалами.

С. Г. Вейнбергу — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 3, Париж, 1983, с. 353—354. Печатается по этому изданию.

Семен Германович Вейнберг (р. 1905) — врач по образованию, переводчик-любитель. Уроженец Виндавы (теперь Вентспилс, Латвия); в 1935 г. переехал в Израиль. Ответные письма С. Вейнберга хранятся в архиве Ахматовой (ГПБ).

Д. Е. Максимова — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., «Книга», 1989, с. 348.

Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904—1987) — литературовед, исследователь русской поэзии, автор мемуаров и статей об Ахматовой.

Стр. 235. ...или делаете вид, что помните.— В этой фразе сквозит некоторая ирония, объяснимая ревностью Ахматовой к научным интересам Д. Е. Максимова, в большей степени относящимся к творчеству Блока, нежели к ее, Ахматовой.

Т. И. Коншиной — печатается впервые по автографу (ГБЛ, ф. 218, ед. хр. 1353).

Татьяна Ильинична Коншина (1892—1972) — московская знакомая Ахматовой.

Стр. 235. ...благодарю Вас за восхитительный и трогательный подарок — Т. И. Коншина в мемуарной записке (ГБЛ, ф. 218, ед. хр. 1279) поясняет: «В письме Анны Андреевны говорится о небольшом портфельчике из тисненой светлой кожи с бисерными вставками с двух сторон. Этот старинный портфель долго жил в нашей семье. Надпись (бисером), как и самые картинки, очень мила: «Дарю сей дар тем, кого сердечно люблю и много почитаю». — В сопроводительном письме я написала, что в случае, если вещи сейчас тяготят А-ну А-ну, она может передарить этот дар кому-нибудь, кого любит. А. А., как видно из ее ответного письма, передаривать не будет и намерена оставить портфельчик со своими стихами в Пушкинском Доме «как память о Ней». Она здесь имеет в виду мою сестру, Наталью Ильиничну Игнатову, с которой Анна Андреевна была в очень дружеских отношениях. Ей посвящено стихотворение «Отрывок из дружеского послания» (См. Анна Ахматова. «Стихотворения», М., 1958, стр. 59). Т. К.»

Е. М. Ольшанской — печатается впервые по автографу, хранящемуся в собрании Е. М. Ольшанской (Киев).

Евдокия Мироновна Ольшанская (р. 1929) — поэт, создательница первой в нашей стране крупнейшей коллекции материалов о жизни и творчестве Анны Ахматовой.

Стр. 236. ... стихи... (про вокзал)... — вошли в сборник стихов Е. М. Ольшанской «Диалог» (Киев, 1970, с. 23):

Только взглядом, болью сожженным,
Все, что чувствую, передам...
Плакать можно одним лишь женам,
Провожая мужей к поездам.

Подгляжу их слезы нечаянно,
С удивленьем подумаю я:
«Ну зачем такое отчаянье?
Возвратятся же к ним мужья!»

Я была б такой терпеливою,
Ждать могла бы любые сроки я...
На вокзалах плачут счастливые,
Улыбаются одинокие.

Жоржу Нива — в изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 3, Париж, 1983, с. 354.

Жорж Нива (р. 1935) — французский славист, профессор Женевского университета.

В 1962 г. в переводе Ж. Нива был напечатан очерк С. К. Маковского о Николае Гумилеве, который он переслал Ахматовой. К сожалению, Ж. Нива так и не получил «подробного и убедительного» второго письма, которое намеревалась написать ему Ахматова. Известно, что о воспоминаниях С. К. Маковского, напечатанных за границей, Ахматова отзывалась крайне отрицательно.

В. А. Горенко — журн. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1974, № 9, с. 512—518 (публикация К. и Э. Профферов). В СССР — журн. «Звезда», 1989, № 6, с. 151 (публикация М. Кралина).

Виктор Андреевич Горенко (1896—1979) — младший брат Ахматовой. С 1918 г. жил на Сахалине, в 1929 эмигрировал в Китай, а с 1947 жил в США. Письма печатаются по фотокопиям, присланным составителю Виктором Андреевичем в 1974 году.

Стр. 237. *Все лето буду у себя на даче в Комарове с Ханной.* — Ханна Вульфовна Горенко — первая жена В. А. Горенко. В 1950-е годы вернулась в СССР, в 60-х годах была домоправительницей на даче Ахматовой.

А. Г. Найману — кн.: Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 25—27, 146, 157, 160—161, 170—172, 179—182, 191, 223—224; письма 2, 24, 25 печатаются по автографам ЦГАЛИ.

Анатолий Генрихович Найман (р. 1936) — поэт, переводчик; с 1962 года литературный секретарь Ахматовой.

Стр. 238. *На целый ряд Ваших писем...* — Об этом письме А. Г. Найман пишет: «Я получил его из ее рук, хотя написано оно не мне, вернее — не именно мне. Это одно из «писем к NN», которые наиболее основательный исследователь ахматовской поэзии Тименчик назвал посланиями «на предъявителя». В последнее десятилетие жизни она написала их несколько, и несколько человек, один из них я, могли бы с достаточным основанием, ссылаясь на ту или иную конкретную фразу, считать себя их адресатами. То, о котором идет речь, лежало в старом итальянском сундуке, кренденце, стоявшем в ее комнате и полном рукописями, папками, тетрадами, старыми корректурами и т. п. В один из зимних дней 1964 г., прервав беседу, коснувшуюся тогдашнего поэтического бума и поворота в ее судьбе (публикация на Западе «Реквиема», итальянская премия и т. д.), она сказала: «Откройте кренденцу и найдите там такое-то письмо». Я нашел, в него был вложен еще один исписанный лист, о котором разговор дальше. «Это вам». Я прочел оба и положил листки на стол. «Это вам». Я поблагодарил и спрятал их в карман». (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», с. 25).

Стр. 239. *Вчера я сама в первый раз прочла эту роковую книгу.* — Речь идет о сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения», ГИХЛ, М., 1961.

Стр. 241. *...безмолвная и таинственная Марина рисует меня.*— Марина Павловна Басманова, художница, в то время — невеста И. А. Бродского.

Стр. 242. *Ника устроила для Вас письмо о Леопарди.*— Ника Николаевна Глен (р. 1928) — редактор Гослитиздата, переводчица, близкий друг Ахматовой. *Борис произносит о Вашей пьесе очень большие слова...*— Борис Викторович Ардов — младший сын В. Е. Ардова; речь идет о пьесе, которую А. Г. Найман предлагал для театра «Современник». *Лида Ч. нашла эпиграф ко всем моим стихам...*— Речь идет о Лидии Корнеевне Чуковской; эпиграф, предложенный ею к ахматовским стихам, — это строчки из четверостишия, открывающего цикл «Черепки» (см. т. 1 наст. изд., с. 257—258). *Вечером приходила Раневская. Алексей пригласил ее в свою картину: «Три толстяка».*— А. В. Баталов готовился снимать фильм по политической сказке Юрия Олеши «Три толстяка». Ф. Г. Раневская согласилась сниматься в фильме, но в конце концов тетушку Ганимед сыграла Рина Зеленая.

Стр. 243. *Анюта по ошибке захватила томик Мистраль и мои стихи. Пусть Таня вернет их на место.*— Речь идет о художнице А. С. Шервинской, старшей дочери переводчика С. В. Шервинского, и о книге Габриэлы Мистраль (1889—1957) — чилийской поэтессы, лауреата Нобелевской премии. В 1963 году вышел сборник стихов Г. Мистраль в переводе О. Савича: на некоторое время эта книга стала главным чтением Ахматовой; Таня Макарова — поэтесса и переводчица, дочь М. И. Алигер. *Вчера у меня были Карпушкин и Маруся.*— Карпушкин — редактор ахматовских переводов Тагора; Маруся — Мария Сергеевна Петровых, тоже участвовала в работе Ахматовой над переводами Тагора. *Наташа Горбаневская принесла мне «Польшу».*— Наталья Горбаневская — поэтесса, в настоящее время живет в Париже; «Польша» — журнал, в котором были напечатаны стихи польской поэтессы Веславы Шимборской в переводе Ахматовой. *Н. А.* — Нина Антоновна Ольшевская.

Стр. 244. *Саша — Александр Павлович Нилин, ближайший друг братьев Ардовых. Кома...*— Вячеслав Всеволодович Иванов, лингвист, филолог, носивший такое домашнее имя. *Была у меня и ленинградская гостыя — Женя Берковская.*— Евгения Михайловна Берковская (1900—1966) — в 50-е годы литературный секретарь Ахматовой. *7-ою у здешних Хайкиных будет исполнена моя «Тень».*— А. Найман комментирует: «Стихотворение «Тень», посвященное Саломее Андрониковой, о которой перед поездкой в Англию Ахматова написала в дневнике: «Мы не виделись 49 лет, да и не увидимся, она ведь слепая». — было положено на музыку Артуром Лурье, и ноты присланы в Москву. Хайкины были кузенами Ардова, но «Тень» исполнялась дома не у Бориса Эммануиловича Хайкина, известного дирижера, и не у его брата, известного физика, а у сына физика, женатого на музыкантше. Сохранилась магнитофонная запись того вечера, дважды спетый романс, а затем стихи Ахматовой, которые она с охотой стала после музыки читать». («Рассказы о Анне Ахматовой», с. 177—178). *Вчера у нас были Слонимы и Ильина, сегодня Муравьев принесет летнее пальто...*— Илья Львович Слоним — скульптор и его жена Татьяна Максимовна Литвинова, писательница и художница; Наталья Иосифовна Ильина — писательница, мемуаристка; Владимир Сергеевич Муравьев — литературовед, переводчик.

Стр. 247. *Сейчас у меня был Ал-ей Алекс.*— Алексей Александрович Сурков — поэт, возглавлявший в то время Союз писателей.

Стр. 250. *...решаюсь беспокоить Асю Давыдовну.*— Имеется в виду мать А. Г. Наймана. *Вчера у меня был Миша Мейлах с Арсени-*

см.— Михаил Борисович Мейлах — литературовед; Арсений Александрович Тарковский (1907—1989) — поэт, стихи которого Ахматова ценила очень высоко.

Ф. И. Малову — печатается впервые по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 112, л. 42, 42 об.).

Федор Иванович Малов — сельскохозяйственный работник, читатель. Ахматова редко отвечала на письма читателей, но письмо Ф. И. Малова (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 1283) привлекло ее оригинальностью и своеобразием языкового строя автора. Вот письмо Ф. И. Малова:

«Дорогая Анна Андреевна!

«В вере и во плоти воскресаемся!» — так говаривал в комаристые лесные навечерия мой дедушка, нелюдимый пеньколом, увалистый в ходьбе старвер, неистовый веровоитель, клянущий всю свою каторжную жизнь предательство, продажность, духовное зловоние и пресмыкательство, хотя грамоте не разумел, курсов гомилетики, литургики не проходил, а кончила всего лишь одну академию — мозоли от выщербленного и тускло облудившего мужицкого топорика. Это он, наш трудовой дед, кричал, замахивался на свою старуху Харламовну, когда та доводила его, молчаливого старвера, до каленого бешенства: «Суешься ты, щепеня мне разум, щепетуха отпетая!» Откуда эта языковая ярость, самостийность в не книжном, лесном, обороделом затворнике, молчальнике великом!.. И главное: в вере и во плоти воскресаемся!!!

Вся эта заузь, смутность, волнительная истома непреодолимая охлынула меня ровнехонько год назад, как только прочитал я Ваши «Полночные стихи», опубликованные в «Литературной газете». Стихи, как теперь говорится, потрясли меня. Да, потрясли, разжалобили, опалили, хотя я и далек от поэзии, раскрывающей возвышенное и бесмертие. Стихия моя — высокие нагулы и привесы, беспривязное содержание скота, круглогодовая яйценоскость, плановые опоросы, гранулированные удобрения, наземное силосование. Видите, как далеко стою я от высокой поэтессы, коей при каких-то обстоятельствах могла выпасть участь убийцы божественного слова поэзии. Ее, в слове которой мы и во плоти воскресаемся, перефразирую, простите, деда своего.

Я собирался написать Вам сразу, в огне опаления. Собирался ото всей души поблагодарить Вас, почтеннейшая Анна Андреевна, за благостное прободение презело очерствелой моей души, видимо, ничем не отличающейся от высохшей греческой губки: трескуча, мертва, ни единого живого микробика в безвлажных спорах! Но гербициды, плановые опоросы, мышьяная возня в отсеках измотавшей души, в соединении с великими тревогами и шалостями времени, так-таки и помешали мне исполнить читательское намерение свое. Поэтам много писалось. Надоедало, небось. И не было бы бедой — промолчи такой неуклюжий читатель стихов, каким я себя считаю. Тем более, сегодняшних поэтов я не читаю, хотя среди них немало и очень даровитых, читательскими откликами не занимаюсь, времени свободного у меня нет совсем. Затворник и молчальник, как и покойный лесной дед. Право, хорошо делал, промолчавши целый год. И все-таки Ваш полночный цикл выбил меня из обычных упрочившихся обыкновений: так Вы своими стихами меня взвеселили, обрадовали, встряхнули. Вспомнились канувшие в тысячелетнюю давность Тютчев, Лермонтов, Клюев. (Опять, опять у меня неуклюжее лезет, простите великодушно!)

Ото всей души желаю Вам, Анна Андреевна, доброго здоровья и всяческого житейского благополучия. Извините, пожалуйста, за такой нескладный отзыв читательский.

Прекрасное и поэзия — не моя тема. Мы насчет силоса, насчет опоросов больше.

Бабые лето, 1964

Фед. Малов»

Джанкарло Вигорелли — печатается по изд.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 2, Мюнхен, 1968, с. 307—308.

Джанкарло Вигорелли — итальянский писатель, генеральный секретарь Европейского Содружества Писателей. Письмо написано Ахматовой после получения от Вигорелли извещения о том, что ей, вместе с итальянским поэтом Марио Луци, присуждена международная премия «Этна-Таормина».

Г. П. Корниловой — печатается впервые по автографам, хранящимся у адресата.

Галина Петровна Корнилова (р. 1928) — прозаик.

Стр. 252. Возвращаю корректуру, сделанную академиком Жирмунским. — Речь идет о гранках последнего сборника стихов Ахматовой «Бег времени». Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) — академик, автор работ о творчестве Ахматовой. Лесневский Станислав Стефанович — литературовед. ...посылаю Вам, как обещала «Решку». — В те годы Г. П. Корнилова работала зав. отделом поэзии журнала «Знамя» и пыталась опубликовать в этом журнале фрагменты «Поэмы без героя» и воспоминания Ахматовой об Амедео Модильяни. Эти попытки оказались безуспешными.

И. А. Бродскому — газ. «Ленинградский рабочий», 1989, 23 июня (публикация Я. Гордина).

Иосиф Александрович Бродский (р. 1940) — поэт, лауреат Нобелевской премии; в настоящее время живет в США.

Стр. 254. Стихи на смерть Элиота... — Речь идет о стихах И. Бродского (опубликованы в альманахе «День поэзии», 1967, Л., с. 134—135).

Стр. 255. ...Вам бы понравилась моя встреча с Гарри. — Речь идет о друге И. Бродского — Г. Гинзбурге-Воскове.

А. Т. Твардовскому — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...», М., 1989, с. 348.

Александр Трифонович Твардовский (1910—1971) — поэт, редактор «Нового мира». А. Т. Твардовский присутствовал на торжественном заседании во дворце Урсино в Катании по случаю присуждения Ахматовой международной литературной премии «Этна-Таормина».

М. И. Дикман — печатается впервые по автографу (ЛГАЛИ, ф. 344, оп. 3, ед. хр. 366).

Мина Исаевна Дикман (1910—1989) — редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

Стр. 255. По окончательной договоренности с А. А. Сурковым решено напечатать целиком 1-ю часть моей поэмы... — М. И. Дикман была редактором последнего сборника стихов Ахматовой «Бег времени». А. А. Сурков, который в течение многих лет принимал самое активное участие в издательских делах Ахматовой, не остался в стороне и при решении окончательной судьбы «Бега времени». Именно по его настоянию Ахматова была вынуждена отказаться от первоначального плана — напечатать в своем последнем сборнике «Поэму без героя» целиком. В «Деле по изданию «Бега времени» (ЛГАЛИ, ф. 344, оп. 3, ед. хр. 366, с. 18—19) хранится письмо А. Суркова главному редактору «Советского писателя» М. Смирнову от 12 февраля 1965 г. Стоит привести этот документ, показывающий, в какой зависимости находи-

лась Ахматова от своего литературного «опекуна»: «Но я категорически считаю, что «Триптих» из книги надо снять, что не на пользу Ахматовой пойдет завершение книги и так довольно сильно окрашенной закатными тонами, поэмой, отбрасывающей и автора, и с ним вместе читателя в предреволюционный Петербург, в мир мистики и фантазмагорий, являющихся странным декадентским рецидивом на фоне стихов второй части книги.

О своем мнении насчет поэмы я, параллельно с письмом к Вам, пишу Анне Андреевне. Я знаю, что она хочет обязательно оставить поэму в книге. Я догадываюсь о личных мотивах этой настойчивости. Но я стараюсь убедить автора, что в нынешнюю пору, когда она, наконец, восстановила свои права на внимание широкого советского читателя и вышла на простор широкого международного признания, «Триптих» с его подчеркнута дореволюционной поэзией и поэтикой и ненужными двусмысленностями вроде шкатулки с тройным дном, симпатических чернил и зеркального письма — ни к чему».

С. И. Четверухину — печатается впервые по автографу ГПБ. *Серафим Ильич Четверухин* (1911—1983) — писатель и художник. В 1936 г. был осужден по статье 58, п. 6 и 10; в 1957 г. реабилитирован. В 1965 г. прислал Ахматовой цикл стихотворений, написанных в лагере и ссылке на Воркуте (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 2016). Письмо Ахматовой — отклик на эти стихи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Э н у м а Э л и ш.— При жизни Ахматовой были напечатаны только четыре стихотворных отрывка из пьесы («Новый мир», 1964, № 6, с. 172; повторены в сб. «Бег времени», с. 397). Эти же четыре отрывка и еще два, один из которых («Два голоса») не имеет отношения к пьесе, были опубликованы В. М. Жирмунским в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 334—336. Другие стихотворные фрагменты пьесы публиковались М. Кралиным (журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 89—93; альм. «День поэзии 1979», М., 1979, с. 201—202) и В. А. Черных (Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 374—380). В журн. «Искусство Ленинграда», 1989, № 1, с. 12—35 была опубликована реконструкция пьесы (под названием «Пролог, или Сон во сне»), сделанная М. Кралиным по автографам ГПБ.

Настоящая публикация коренным образом отличается от всех предшествовавших. Ее цель: 1) объединить разрозненные фрагменты пьесы и дать представление о «сожженной драме» в целом; 2) показать варианты авторских замыслов при работе Ахматовой над восстановлением пьесы.

По-видимому, не существует не только законченного, но и чернового текста пьесы. В ГПБ и ЦГАЛИ сохранились лишь отдельные фрагменты, которые с большим трудом поддаются соединению в одно смысловое целое. Составитель предлагает свою версию пьесы, предполагая, что могут быть и другие. Поэтому «Энума элиш» печатается не в основном тексте, а в приложении к настоящему тому.

Сама Ахматова придавала большое значение этой пьесе. О работе над ней она сообщала в своих последних интервью, стихи из пьесы она читала на торжественном заседании при вручении ей международной премии «Этна-Таормина» в 1964 году. Основным занятием Ахматовой после завершения ею работы над «Поэмой без героя»

(1962) стала работа над пьесой. Этой работе были отданы последние четыре года жизни. И то, что пьеса дошла до нас только в виде черновых набросков, не должно служить препятствием на ее пути к читателю: как драматург, Ахматова до сих пор была совершенно неизвестна. Между тем, написав «Энума элиш», она доказала, что «даже то, что принято считать недоступным для больших лириков,— театр» — ей было подвластно. Да, поначалу пьеса кажется непривычной для читателей, знакомых с традиционной ахматовской манерой. Но стихи, предназначенные для исполнения на сцене, очевидно, и не могли быть похожими на все то, что она писала ранее.

Творческая история пьесы сложна и противоречива. Многие в ней еще не до конца ясно. Настоящий комментарий отнюдь не претендует на правоту в последней инстанции: ведь, по сути дела, это первая попытка реконструкции и истолкования драмы на основе всех выявленных к настоящему времени источников.

Первая, впоследствии уничтоженная Ахматовой, редакция пьесы была написана в Ташкенте в 1942—1944 годах. О ее содержании мы можем судить по скупым записям самой Ахматовой и по «Второй книге» Н. Я. Мандельштам, где подробно пересказывается сюжет драмы. Однако трудно судить, слышала ли Н. Я. Мандельштам драму в Ташкенте или Ахматова рассказывала о ней Надежде Яковлевне в 1960-х годах, когда принялась восстанавливать пьесу.

Драма писалась одновременно с «Поэмой без героя» — о тесной взаимосвязи между этими произведениями пишет Ахматова в прозе о поэме: «В Ташкенте у нее (т. е. у «Поэмы без героя» — М. К.) появилась еще одна попутчица — пьеса «Энума элиш» — одновременно шутовская и пророческая, от которой и пепла нет» (см. т. 1, наст. изд., с. 360). Действительно, поэма и пьеса настолько тесно переплелись между собой, что в пародийных прозаических комментариях к пьесе Ахматова то и дело мистифицирует читателя, смешивая эти произведения водно целое. Это и неудивительно: ведь в поэме и в пьесе одним из главных персонажей является «Гость из Будущего», прототипом которого послужил один и тот же человек. Но в судьбе поэмы и пьесы есть и существенные различия. Если «Поэма без героя» писалась Ахматовой с небольшими перерывами, на протяжении почти двадцати пяти лет ее жизни, и окончательная ее редакция не только почти вдвое превышает первоначальную, но и существенно разнится от нее по содержанию, то пьеса «вздумала возвращаться» к автору спустя 17 лет после ее сожжения. Надо думать, что Ахматова все эти годы помнила свою пьесу. Однако недаром в «Поэме без героя» сказано:

Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.

Вспоминая пьесу в 60-х годах, Ахматова многое в ней сознательно изменила, переосмыслила и переадресовала. В процессе этой работы в художественной ткани пьесы появились противоречия, преодолеть которые Ахматова так и не могла. В этом, по-видимому, и кроется одна из причин, по которым она не закончила драму.

Безусловно, можно проводить параллели между ташкентской драмой и первоначальной, ташкентской, редакцией «Поэмы без героя», как и между фрагментами драмы, которую Ахматова восстанавливала в 60-х годах, и окончательной редакцией поэмы. Как известно, наиболее существенной переработке в окончательной редакции поэмы подвергся образ В. Г. Гаршина. После возвращения из Ташкента в Ле-

нинград и последовавшего за тем разрыва с Гаршиным Ахматова сняла посвящение «другу», резко изменила характеристику Гаршина, в Третьей части поэмы. Что касается «Гостя из Будущего», то прототипом этого персонажа, по мнению Э. Г. Герштейн, тоже первоначально был В. Г. Гаршин, который приходил в Шереметевский дворец к Ахматовой, «повернув налево с моста». Но впоследствии Ахматова утверждала, что прообразом «Гостя из Будущего» был сэр Исайя Берлин, встреча с которым имела столь роковые последствия для Анны Андреевны. В случае с поэмой можно говорить о переустройстве поэтической биографии Ахматовой в связи с новыми жизненными коллизиями. То же можно сказать и о ее драме. В восстановленной Ахматовой в 60-е годы драме «Энума элиш» под «Гостем из Будущего» подразумевается тот же сэр Исайя Берлин. В цикле «Синque», адресованном, как принято считать, тому же И. Берлину, четвертое стихотворение звучит так:

Знаешь сам, что не стану славить
 Нашей встречи горчайший день.
 Что тебе на память оставить,
 Тень мою? На что тебе тень?
 Посвящение сожженной драмы,
 От которой и пепла нет,
 Или вышедший вдруг из рамы
 Новогодний страшный портрет?

Кому же была посвящена «сожженная драма»? По свидетельству И. Д. Хлопиной, близкой знакомой В. Г. Гаршина, стихи цикла «Синque» первоначально были посвящены именно ему. Существует и документальное свидетельство этому: в архиве Н. Л. Дилакторской стихотворение «Не дышали мы сонными маками», продиктованное Ахматовой в 1945 году, имеет дату: «январь 1944 года». (Напомним, что встреча Ахматовой с И. Берлином состоялась 26 ноября 1945 года). Думается, что и сожженная драма была первоначально посвящена В. Г. Гаршину и что именно он был первоначальным прототипом Гостя из Будущего.

Героиня второго действия пьесы, Соннамбула, видит в пятне на каменной стене осажденный Ленинград и Тень на каменной стене. Видимо, в осажденном Ленинграде самым близким для Ахматовой человеком был В. Г. Гаршин. «Живу в смертной тревоге за Ленинград, за Владимира Георгиевича», — писала Ахматова Н. И. Харджиеву 6 апреля 1943 г. (см. наст. том, с. 202). Ахматова не могла не смотреть за семь тысяч километров, в родной город, где страдали и умирали любимые люди. Тот же взгляд, преодолевающий необъятные просторы, находим и в посвященном Гаршину стихотворении «Глаз не свожу с горизонта...» (см. наст. том, с. 43).

Ахматова вернулась в Ленинград из эвакуации 31 мая 1944 года. Ехала она с надеждой стать женой В. Г. Гаршина. Но «горчайший день» их встречи обернулся для нее жестоким разочарованием: любимый человек повел себя совсем не так, как она ожидала. Вскоре последовал разрыв их отношений. А 11 июня 1944 года пьеса «Энума элиш», по утверждениям Ахматовой, была сожжена ею в Фонтанном Доме. Разрыв между Ахматовой и Гаршиным произошел недели через две после возвращения Анны Андреевны в Ленинград, до празднования юбилея А. С. Пушкина (см. об этом в статье Ю. И. Будыко «История одного посвящения». — «Русская литература», 1984, № 1, с. 238). Празднование происходило 11 июня 1944 года, и этот день Ахматова провела в городе, носящем имя великого поэта, где высту-

пала на радиомитинге. Вряд ли в этот же день, вернувшись в Ленинград, она могла пойти из квартиры друзей Рыбаковых, где тогда жила, в пустынный Фонтанный Дом, чтобы сжечь там свою пьесу. Вероятно, утверждение Ахматовой о том, что она сожгла пьесу 11 июня, не более чем легенда. О том, что пьеса существовала после 11 июня 1944 года, говорят и свидетельства очевидцев. Приятельница Ахматовой С. К. Островская, которая познакомилась с ней 21 сентября 1944 года, рассказывала составителю этого издания, что Ахматова читала ей пьесу. «Пьеса была записана в коричневой тетради с клеенчатым переплетом, никаких стихов в ней не было, а по стилю это напоминало острую гротесковую прозу в манере сатиры раннего Булгакова». В. Г. Адмони также рассказывал составителю, что он и его жена, Т. И. Сильман, слушали пьесу из уст Ахматовой, скорее всего, в 1946 году. С другой стороны, Э. Г. Герштейн свидетельствует, что, приехав в Москву в 1946 году, Ахматова сказала ей, что сожгла пьесу «по художественным соображениям». Можно высказать гипотезу: Ахматова сожгла «Энума элиш» 13 января 1945 года, т. е. в тот день, когда написала стихотворение «А человек, который для меня...», посвященное все тому же Гаршину и свидетельствующее об окончательном разрыве отношений между ними. Возможно, что уже цитированное стихотворение «Знаешь сам, что не стану славить...» отсылает читателя именно к этому старому Новому году 1945 года.

Сэр Исая Берлин в своих мемуарах, подробно описывая разговоры с Ахматовой 26/27 ноября 1945 года, ни словом не упоминает о драме, хотя касается и «Поэмы без героя» и даже «Реквиема». Вероятнее всего, ко времени его приезда в Ленинград драмы уже не существовало. Интересно и другое. В драме, которую Ахматова восстанавливала в 1960-х годах, упоминаются «пять встреч в страшном полумертвом городе», а в уста Гостя из Будущего Ахматова вкладывает реплики, как бы действительно когда-то произнесенные реальным человеком, послужившим прототипом этого персонажа. Естественно, у читателя возникает соблазн соотнести эти пять встреч с реальным сэрмом Исией Берлином. Однако, по признанию самого сэра Исая, встреч было не пять, а всего две. Познакомившись с реконструкцией пьесы, опубликованной в журнале «Искусство Ленинграда», сэр Исая Берлин отказался узнать себя в Госте из Будущего. Все это лишний раз свидетельствует о том, что и слова о «пяти встречах» могут указывать на Гаршина, что он, как прототип, сохранил свое значение и в восстановленных фрагментах пьесы. Но, как и в окончательной редакции «Поэмы без героя», в драме начала 60-х годов образ Гостя из Будущего наделен многими подробностями, навеянными роковой встречей с И. Берлином.

В записной книжке 1962 года мы находим очень важное упоминание о драме: «Пьеса Энума элиш, состоящая из трех частей: 1) На лестнице, 2) Пролог, 3) Под лестницей. Писалась в Ташкенте после тифа (1942 г.), окончена на Пасху 1943. (Читала Козловским, Асе <Сухомлиновой>, Булгаковой, Раневской, <А. Н.> Тихонову, Адмони. (Сожгла 11 июня 1944 в Фонтанном Доме. В этой пьесе был предсказан во всех мельчайших подробностях весь 1946 г. Уцелела песенка слепого:

Не бери сама себя за руку,
Не води сама себя за реку)».

Тифозный бред 1942 года оказался для Ахматовой мощным творческим импульсом. Сохранился автобиографический отрывок, посвященный этому событию: «Кстати о бреде. Круглоголовый человек

без лица сел на стул около моей кровати и рассказал мне все, что случится со мной, когда я вернусь в Ленинград. Запись его рассказа я сожгла вместе со всей остальной прозой того времени». (В. В и л е н к и н. «В сто первом зеркале». М., 1986, с. 204).

Конечно, дело заключается не только в тифозном бреде. Литературный и околотитературный ташкентский быт, встреча в Ташкенте с «иностранцем», поляком Юзефом Чапским (см. о нем т. 1 наст. изд., с. 427), за последствия которой она могла серьезно опасаться, видимо, способствовало зарождению сюжета, предвосхитившего жизненную драму Ахматовой 1946 года: встречу с Исайей Берлином, вызвавшую гнев Сталина, последовавшую вскоре вслед за этим кару — доклад Жданова (в пьесе — «товарищ Ж.») и Постановление 1946 года.

Ташкентская драма представляла собой, по словам Н. Я. Мандельштам, «острое и хищное» произведение, где лунатическая героиня-поэт противостояла бездушному чиновнически-писательскому миру с характерными для него соперничеством, доношением, неизбежным судом и смертью. «Первые слушатели сравнивали «Пролог» с Гоголем, Кафкой, Сухово-Кобылиным и еще невесть с чем. В нем, несомненно, были элементы Сухово-Кобылина, потому что речь шла о чиновничестве, а сама мысль о чиновничестве располагает к некоторому абстрагированию, к действию, по слаженности напоминающему балет, к почти механической точности движений. У Ахматовой речь шла не о департаментском, а о писательском чиновничестве: героиню судят писательским судом и тут же упрятывают в каталажку» (Н. Я. Мандельштам. «Наш союз». — журн. «Знание — сила», 1989, № 6, с. 64). Н. Я. Мандельштам называет пьесу «Прологом», и не случайно. Хотя в первоначальном виде пьеса носила название «Энума элиш», а «Прологом» именовалось второе действие этой пьесы, в 60-х годах сама Ахматова, сосредоточившись в основном на переработке именно второго действия, все чаще стала называть всю пьесу «Прологом». Под этим названием она и стала известна среди тех, кому Ахматова читала ее в последние годы жизни.

В 1964 году Ахматова получила предложение от Дюссельдорфского театра о постановке пьесы на его сцене. Видимо, она всерьез думала о такой возможности. Переговоры с немецким театром велись через В. Г. Адмони — друга Ахматовой, специалиста в области немецкой литературы. 15 октября 1965 года профессор К. И. Томилин писал Ахматовой: «Общество немецких писателей сцены в Гамбурге просило меня сообщить, окончили ль Вы «Пролог» и, если он уже напечатан — прислать ему один экземпляр для перевода на немецкий язык» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 1026). Заинтересовавшись предложением Дюссельдорфского театра, Ахматова начала специально для этого отбирать материал в отдельный конверт с надписью: «Пролог, или Сон во сне». Прежнее название — «Энума элиш» — видимо, было отвергнуто ею как абсолютно непонятное для немецких зрителей. При отборе материала не могли не возникнуть соображения цензурного характера, поскольку пьеса имела конкретно-политическую окраску. Анна Ахматова становится поневоле цензором самой себя: в конверт вкладываются те фрагменты, из которых вылушены наиболее рискованные реплики, намеки на Сталина. Они остаются на страницах записных книжек. В конце концов Ахматова, видимо, поняла бесперспективность этой самоцензуры. «А у меня вовсе нет конца — а запрещение спектакля и железный занавес...» — такова ее последняя дневниковая запись о пьесе, сделанная за две недели до смерти.

Завершению пьесы помешали и причины чисто творческого порядка. Восстанавливая пьесу, Ахматова вводит в нее новые персона-

жи: «Голос (Последняя Беда)», а также героя «Большой исповеди». («Большая исповедь», очевидно, должна была стать центром Второго действия.) Эти персонажи перекликаются с «посланцем давнего века» и «незнакомым человеком» «из грядущего века» в окончательной редакции «Поэмы без героя». Но если «Поэма без героя» оказалась достаточно вместительной для того, чтобы в ней нашли место новые строфы, то более жесткая драматургическая конструкция «ташкентской драмы» входила в противоречие с новыми персонажами и новыми сюжетными поисками Ахматовой. Она никак не могла объединить их в одно художественное целое. «Замысел рушится», — записывает она в дневнике 12 ноября 1964 года.

«Главное — это величие замысла», — говорил младший современник Анны Ахматовой Иосиф Бродский. «Энума элиш», при всей фрагментарности и незаконченности, поражает именно величием замысла.

В настоящем издании, при реконструкции основного текста «Энума элиш», делается попытка восстановления первоначального авторского варианта пьесы с учетом тех текстуральных изменений, внесенных Ахматовой в 1960-х годах, которые не разрушают целостность произведения. В «набросках и вариантах» драмы даются те пласты, которые так или иначе входят в противоречие с первоначальным авторским замыслом.

Стр. 259. *Энума элиш*. — Название ахматовской драмы восходит к древней ближневосточной традиции. У ориенталистов принято так называть — по первым словам текста, означающим «Когда вверху», — древнеавилонскую (не позднее XVI в. до н. э.) поэму о сотворении мира. Эту поэму переводил на русский язык второй муж Ахматовой — В. К. Шилейко (местонахождение этого перевода неизвестно). Слова «Энума элиш» были для Ахматовой, не имевшей у себя текста этого произведения, видимо, чем-то вроде символа или заклинания, придававшего пьесе ореол восточной мудрости. Пьеса писалась в Ташкенте. Ташкент был местом действия пьесы, и вся она была насквозь пропитана ташкентскими, то есть для Ахматовой — восточными — реалиями. Но Ахматова, скорее всего, не помнила правильного перевода слов «Энума элиш» и считала, что они означают «Там вверху». По свидетельству Э. Г. Бабаева, этим словам придавался, кроме того, иронический смысл: «Я помню разговоры о пьесе у Анны Андреевны и у Козловских. «Там наверху» говорилось, как говорят про начальство: «Там наверху»... (Из письма составителю от 23 октября 1989 г.).

Лестница прикреплена к стене высокого дома. — По словам Н. Я. Мандельштам («Знание — сила», 1986, № 6, с. 64) «Ахматова перетащила на сцену лестницу балаханы, где мы с ней вместе <...> жили». Другая ташкентская знакомая Ахматовой, Зоя Туманова, описывая дом, где та жила, поясняет: «В Ташкенте тех лет балаханы во всех дворах — на втором этаже длинный, вдоль дома, балкон-коридор, туда выходят двери и окна. Взбираются по деревянным лестницам. И здесь такая же («Звезда Востока», 1989, № 6, с. 159).

Секретарша нечеловеческой красоты. — В связи с этим персонажем Э. Г. Бабаев вспоминает: «Одну мизансцену Анна Андреевна разыгрывала сама, и очень искусно, изображая секретаршу, которая, продолжая какой-то посторонний разговор, не оглядываясь, указывала за спиной в канцелярской книге, лежащей на столе, нужную графу и небрежно добавляла: "Распишитесь!"» (Из письма составителю от 23 октября 1989 г.).

Стр. 260. *Небось скрипач?* — В теме скрипача отразились ташкентские (музыкальные) впечатления Ахматовой, особенно ее дружба с композитором А. Ф. Козловским, по некоторым сведениям, даже писавшим музыку к «Прологу»; *Чакону* Ахматова слышала в августе 1956 года в Старках — летнем доме Шервинских, у которых она тогда гостила, от их зятя — альтиста Ф. С. Дружинина. Вот его слова о «Чаконе»: «Теперь я часто говорю студентам, что исполнитель — скрипач или альтист — существует до или после Чаконы Баха. <...> Впервые я рискнул одолеть эту часть второй партиты для скрипки-соло на большом альте после окончания консерватории, уже в аспирантуре. <...> Оказалось, что Анна Андреевна никогда не слышала этой музыки и ничего не знает о ней. <...> Сейчас мне трудно сказать, как я играл, но наградой моих усилий было впечатление, которое произвела Чакона на Анну Андреевну, впечатление, близкое к потрясению. <...> Суровая и величественная красота Чаконы, монументальность и архитектоника ее формы, неиссякаемая фантазия и изобретательность Баха в построении и следовании полифоническим вариациям навсегда остались в сердце Анны Андреевны» (Т. М. Лисичкина, Е. Е. Степанов. «В Старках у Шервинских» — «Литературная учеба», 1989, № 3, с. 164—165). Следует заметить, что все упоминания Чаконы в «Энума элиш» сопряжены с танцем Сомнамбулы: «Когда будешь танцевать Чакону, брось мне розу».

Стр. 262. *Дорогою ценю и неожиданной...* и т. д. — Эта строфа представляет собой переработку четверостишия, датированного августом 1946 г. и посвященного, по всей вероятности, В. Г. Гаршину (см. т. 1 наст. изд., с. 270):

Дорогою ценю и неожиданной
Я узнала, что помнишь и ждешь.
А быть может, и место найдешь
Ты — могилы мой безымянной.

То ли цвет неба над Римом, то ли стук вагона в Альпах... — Речь идет о путешествии в конце 1964 года в Италию, где Ахматова получила литературную премию «Этна-Таормина». Ср. в записях М. И. Будыко «Рассказы Ахматовой» («Звезда», 1989, № 6, с. 86): «Недавняя поездка в Италию — поезд через Альпы идет очень быстро, качается, ночью бессонница. Страшные Альпы зимой, когда их никто не видит. Ночь и пустой город, через который мчится поезд. Попытка написать об этом стихи». Известно, что при вручении премии Ахматова читала стихи из «Пролога».

Стр. 263. *...спящая встает...* — Героиня «Энума элиш» — Сомнамбула, лунатичка; все, что она делает, делается во сне. Тема лунатизма имеет биографическую подоснову: об отношении «добродетельных обывательниц» Царского Села к лунатизму молодой Ахматовой писала в своих мемуарах В. С. Срезневская («Дафнис и Хлоя» — «Звезда», 1989, № 6, с. 141). Отражением биографических фактов, связанных с лунатизмом, стали строки из второй «Северной элегии», текстуально связанной с «Энума элиш»: «И вот я, лунатически ступая, // Вступила в жизнь и испугала жизнь» (т. 1 наст. изд., с. 261). Но более всего лунатизма, конечно, в драме «Энума элиш», которую А. Г. Найман именно поэтому назвал «одним из самых, как кажется, чернокнижных произведений Ахматовой» («Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 55).

Дарани (правильнее — *дхрани*) — как правило, неосмысленное, как бы заумное высказывание, служащее цели самоорганизации духа человека, который его произносит. Дхрани нередко предписывается

повторять лишь при определенных условиях, в частности, в известное время суток, а также известное число раз. Эти особенности произнесения дхарани отразились в стихотворном наброске Ахматовой (ГПБ), датированном 24 мая 1961 г.:

Как будто я всё ведала заранее,
Как будто я алмазную дарани
В то утро очень много раз прочла.

Я десять лет буду одна.— Сэр Исайя Берлин покинул СССР, где работал в составе Британского посольства, 5 января 1946 года. Десять лет спустя, летом 1956 года, он вновь приехал в Москву, но Ахматова уклонилась от встречи с ним, ограничившись телефонным разговором (см. об этом: Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», т. 2, Paris, 1980, с. 171). Эта «невстреча» отразилась спустя десять лет в стихах (см. т. 1 наст. изд., с. 419—420). Одиночество и «молчание» Ахматовой в течение десяти лет, явившиеся прямым следствием Постановления 1946 года, были, по ее мнению, результатом встреч с Берлином, как уже указывалось выше.

Стр. 265. *Я был с тобой столько раз...*— далее упоминаются «двойники» героини: *Маргарита*— из Первой части «Фауста» Гёте; *Саломея*, попросившая в награду за свою пляску голову Иоанна Крестителя (Евангелие от Марка 6, 22—29), и *Эмма Бовари*— героиня романа Г. Флобера «Госпожа Бовари»,— грешницы и жертвы. *Знаменитая современница*— сама Ахматова, встречающая с «не пришедшим» гостем 1941 год в «Поэме без героя» (т. 1 наст. изд., с. 322).

Стр. 266. <Часть третья>. Ахматова читала Н. Я. Мандельштам ташкентскую драму. Вот как та передает содержание Третьей части драмы:

«По <...> шаткой лестнице спускается героиня— ее разбудили среди ночи, и она идет судиться в ночной рубашке. <...>— Внизу на сцене стоит большой стол, покрытый казенным сукном. За столом сидят судьи, а со всех сторон сбегаются писатели, чтобы поддержать праведный суд. У одного из писателей в руках пакет, из которого торчит рыба голова, у другого— такой же пакет, но с рыбьим хвостом. <...>— Писатели с пайковыми пакетами и рукописями мечутся по сцене, наводя справки относительно судебного заседания. Они размахивают свернутыми в трубку рукописями («Не люблю свернутых рукописей. Иные из них тяжелы и промаслены временем, как труба архангела»). Они пристают с вопросами, где будет суд, кого собираются судить и кто назначен общественным обвинителем. Они обращаются друг к другу и к «секретарше нечеловеческой красоты», которая сидит на авансцене за маленьким столиком с десятком телефонных аппаратов. Писатели демонстрируют секретарше свою готовность идти на суд и приветствовать все несомненно справедливые решения судей. Все распределение благ всегда будет проходить через секретаршу, следовательно, она лицо важное. В ее руках— квартиры, пайки, дачи, рыбы хвосты и головы. «Секретарша нечеловеческой красоты» отмахивается от пайковых писателей и на все вопросы отвечает стандартной <...> фразой: «Не все сразу— вас много, а я одна»... <...>— Открывается заседание. Весь смысл происходящего в том, что героиня не понимает, в чем ее обвиняют. Судьи и писатели возмущены, почему она отвечает невпопад. На суде встретились два мира, говорящие как будто на одном, а на самом деле— на разных языках. «Пролог» (то есть «Энума элиш».— М. К.) был написан в прозе, и каждая реплика резала как нож. Это были донельзя отто-

ченные и сгущенные формулы официальной литературы и идеологии Ими шугают героиню, когда она лепечет стихи, оборванные и жалобные строчки о том, что в мире есть воздух и вода, земля и небо, листья и трава, словом, «блаженное где-то» из ахматовских стихов. Едва она начинает говорить, как поднимается шум, и ей объясняют, что никто не дал ей права бормотать стихи и пора задуматься, на чью мельницу она льет воду рифмованными строчками, а кроме того, нельзя забывать, что она подсудимая и отвечает перед народом — вот он народ с рыбьими головами и промасленными рукописями — за все, что проносится в ее голове... Ее освещают прожекторами, и луч скользит по голове, перебирая волосы.— Страха героиня не испытывает. То, что она чувствует, совсем не страх, а глубокое сознание, что человеку нет места на земле — в мире писательской и чиновничьей нечисти. Здесь на суде человек может только поражаться и недоумевать. Нежить не способна лишить ее жизни, потому что суд происходит вне жизни. Она попадает в тюрьму и там впервые чувствует себя свободной. Из камеры слышен ее голос, читающий стихи, а по лестнице и сцене топчутся писатели, и у них как лейтмотив звучит жалоба: «Писатели не читают друг друга»... Они требуют постановления, которое обяжет писателей читать все, что пишут их собраты по перу и союзу... Голос героини крепнет. Идет своеобразный диалог, или переключка писателей и заключенной. Смысл ее слов нечто вроде позднее записанного: „Из-под каких развалин говорю <...>”» (Н. Я. Мандельштам. «Наш союз». — «Знание — сила», 1989, № 6, с. 64—65). «А все разговоры героев — самые обычные, «моча в норме», как говорила А. А., точно такие, как зафиксированные в различных судилищах и отречениях, чьи протоколы велись хотя и безграмотными, но внимательными секретаршами нечеловеческой красоты» (Из первой редакции «Второй книги» Н. Я. Мандельштам. Цит. по сб.: Анна Ахматова. «Requiem». М., 1989, с. 179). В другом месте Н. Я. Мандельштам подчеркивает, что фразу, повторяемую секретаршей: «Вас много, а я одна», — «мы слышали везде и повсюду» («Воспоминания». Нью-Йорк, 1970, с. 269).

Трудно сказать, насколько точно передала Н. Я. Мандельштам Третью часть такой, какой она была написана в Ташкенте. Но следует заметить, что некоторые детали в ее рассказе совпадают с текстами или устными рассказами и других друзей Ахматовой. Ср., например, в записях Л. Д. Стенич-Большинцовой: «Свидетели обвинения — писатели; в руках у них пайки: рыбы головы, хвосты» (Архив составителя). Если же Н. Я. Мандельштам достаточно точна, то, вопреки ее суждениям об аполитичности «Пролога» 1960-х гг., драма стала жестче и откровеннее: писательский суд сменяется уголовно-политическим, рядом с товарищем Ж. появляется Некто в голубой фуражке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тема суда вообще занимает одно из центральных мест в позднем творчестве Ахматовой (см. т. 1 наст. изд., с. 413). Специального внимания заслуживают в этом отношении два недавно опубликованных наброска осени 1960 г., в которых легко угадываются мотивы будущего «Пролога». Оба напечатаны Р. Д. Тименчиком в сб.: «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана». М., 1989, с. 376:

<1>

Он не друг и не враг, и не демон

Кто он, что он, и с кем он, и где он

Помнит все, что нельзя позабыть.

Не его я когда-то губила

И не траурный хор встрепенулся
В милой вечности, там средь ветвей —
Это он осторожно коснулся
Заколдованной жизни моей.

И в последнюю речь подсудимой
Все мои превращают стихи.

<2>

Ты кто-то из прежней жизни,
А кто — не вспомнить теперь...
На чьей мы скорбели тризне,
В какой мы гибли отчизне,
Зачем мне стучишься в дверь?

Из каких ты склубился бредней
И какого ты ждешь венца?
Уж не ты ль тот самый — последний,
Который после конца?

В последнюю речь подсудимой
Мои превратили стихи.

Редактор с ассирийской бородой был, по-видимому, важным персонажем в ташкентской драме и, возможно, имел жизненный прототип. Как художественный образ он родственен в то же время трусливому редактору из «Поэмы без героя» («Мой редактор был недоулен...» — см. т. 1 наст. изд., с. 335—336) и автору «до смешного правдивых» примечаний к поэме (Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 519); Баба также входила в число главных персонажей «Энума элиш». По другому замыслу, это имя было передано «самой верной» ученице академика, исследовавшего «Гаванскую находку» (см. стр. 303).

Стр. 266—267. ...исключается из всех литературных организаций и т. д. — ср. в автобиографической заметке Ахматовой «Для памяти», касающейся Постановления 14 августа 1946 г.: «Зощенко и Ахматова были исключены из Союза писателей, то есть обречены на голод» («Литературное обозрение», 1989, № 5, с. 6).

Стр. 267. Афганцем в Узбекистане называют горячий ветер с юга, налетающий сильными внезапными порывами. Некто в голубой фуражке — то есть в форме сотрудника карательных органов тех лет. Ср. в стихотворении «К смерти», вошедшем в «Реквием»: «Чтоб я увидела верх шапки голубой // И бледного от страха управдома» (т. 1 наст. издания, с. 200). Согласно воспоминаниям А. П. Сухомлиновой, дата этого стихотворения — 19 августа 1939 г. — не соответствует действительности, а написано оно было в Ташкенте в 1942 г. во время тифозного бреда (А. Сухомлинова. «Простите нас, Анна Андреевна...» — «Книжное обозрение», 1989, 23 июня).

Стр. 268. Переплыла реку Пяндж... — пограничную между СССР и Афганистаном. Комизм обвинения усиливается тем, что речь идет о горной реке с быстрым и порожистым течением. Зайченко и Ахматов — обыгрывание имен М. М. Зощенко и самой Ахматовой, главных объектов травли в Постановлении 1946 г. и последующей кампании.

Стр. 269. ...только что разрешенной и увенчанной премией пьесы... — это не просто плод комического преувеличения Ахматовой. То, что подобные вещи могли происходить в действительности, Ахматова знала на своем собственном опыте. По свидетельству В. Я. Ви-

ленкина, сборник «Из шести книг», а точнее — его первая часть («Ива»), значился в списке кандидатур на Сталинскую премию еще до выхода в свет (В. Виленкин. «В сто первом зеркале». М., 1987, с. 17). «Прохор Сыч — сын партизана». — По мнению Э. Г. Бабаева, здесь намек на С. М. Городецкого, выпустившего в Ташкенте в 1942 г. сборник «Думы», насыщенный лубочными стихами на «воинскую» тему (Письмо составителю от 23 октября 1989 г.). См. такие произведения Городецкого 1941 г., как стихотворения «Партизан» и «Иван Иванов», а также поэму «Три сына».

Стр. 270. ...*между нами два океана*. — В конце 1942 г. и начале 1943 г. И. Берлин работал в Британском посольстве в Вашингтоне. От героини его отделял Тихий океан на востоке и Атлантический — на западе. Ср. слова Тени (стр. 263): «Ведь я за океаном, а ты здесь, в горах».

Стр. 271. ...*Фрейд тут ни при чем*. — Отрицательное отношение Ахматовой к теориям австрийского психиатра З. Фрейда хорошо известно. А. Г. Найман запомнил, в частности, такие ее слова: «Фрейд — искусство враг номер один. Искусство светом спасает людей от темноты, которая в них сидит. А фрейдизм ищет объяснения всему низкому и темному на уровне именно низкого и темного — потому-то он так и симпатичен обывателю» (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой». М., 1989, с. 219). В данном случае Ахматова вполне справедливо опасается, как бы слова ее героини не были истолкованы в духе фрейдистских представлений о роли сновидений в обнаружении подсознательных мотивов поведения человека.

Наденешь паранджу и пойдешь в сквер продавать фиалки. — Образ Женщины в парандже навеян реалиями ташкентской жизни эвакуационной поры. Э. Г. Бабаев вспоминает: «Еще я помню продавщицу фиалок в сквере перед университетом. Фиалки лежали в плетеной корзине (из тонких ивовых прутьев). Паранджу она закидывала за голову на спину. Лицом была похожа на Кумскую сивиллу Микельанджело (и немного смахивала на Надежду Яковлевну Мандельштам)» (Из письма составителю от 23 октября 1989 г.). Можно высказать осторожное предположение, что мотив фиалок мог иметь для автора еще и некоторый биографический оттенок: во время выступления в Колонном зале Дома союзов 3 апреля 1946 г., которое, как думала Ахматова, также послужило одним из толчков к последующим гонениям, она, читая стихи, «надменно нюхала букетик фиалок» (З. Масленникова. «Портрет Анны Ахматовой». — В сб.: «Панорама искусств», 9, М., 1986, с. 153).

Стр. 272. *Топ ёроух*... — цитируются два первых стиха из заключительного четверостишия стихотворения Ш. Бодлера «Мученица» («Une Martyre»). Следующие за ними два стиха Ахматова взяла эпиграфом к циклу «Cinq». Тень героини бодлеровского стихотворения, убитой своим возлюбленным, сопровождает его во время блужданий по свету, и он обречен оставаться верным ей так же, как и она ему. Парафраз этого же бодлеровского стихотворения мы находим еще в одном стихотворном наброске Ахматовой (ЦГАЛИ):

Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице
И в мире блуждает, и верен — как я — до конца,
Был шуткой почти что и беглою небылицей
В сравненьи с тобой и терновою тенью венца.

Стр. 274. *Так-то вы, женщины, и попадаетесь*. — Биографический источник этой фразы раскрывается в устном рассказе Ахматовой, сохраненном А. Г. Найманом: «...когда Гумилев был в Африке, она поч-

ти безвыходно сидела дома и лишь однажды заночевала у подруги. В эту ночь он вернулся. Она, приехав наутро и увидев его, заговорила, застывая врасплох, что надо же такому случиться, первый раз за несколько месяцев спала не дома — и именно сегодня. Кажется, при этом присутствовал ее отец, и не то он, не то муж обронил, когда она замолчала: "Вот так все вы, бабы, и попадаетесь!"» (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой». М., 1989, с. 205).

Невернее шотландской королевы... — то есть Марии Стюарт. В ЦГАЛИ есть набросок 1962 г.:

Путь мой предсказан одною из карт,
Тою, которою буду...
Из королев — на Марию Стюарт,
Гамлетову Гертруду.

Поставив Марию Стюарт в один ряд с матерью Гамлета, Ахматова в очередной раз продемонстрировала глубокую неприязнь к попыткам идеализации этой «шотландской королевы». Н. А. Роскина вспоминает слова Ахматовой по поводу приглашения ее Б. Л. Пастернаком на мхатовскую премьеру «Марии Стюарт» Ю. Словацкого в его переводе: «Я никогда не могла понять, что находили в этой женщине? Мужеубийца. Почему ее так идеализировали? Помните, в начале ей камеристка говорит — в ответ на ее слова о страшном грехе, — ну, ничего, вы тогда были еще молоденькая!» «И рассмеялась», — добавляет мемуаристка. (Н. А. Роскина. «Как будто прощаюсь снова...» — «Звезда», 1989, № 6, с. 96). Вместе с тем Ахматова включала Марию Стюарт в число своих великих двойников (или двойников-грешниц) наряду, скажем, с Федрой) и не случайно вставляла ее девиз в текст «Пролога» (см. стр. 283).

Знаешь, что с М. из-за стихов случилось! — Имеется в виду судьба О. Э. Мандельштама; в следующем фрагменте этот же мотив дан в более обобщенном варианте: «Ты знаешь, что теперь бывает за стихи».

Стр. 276. *Снятся улыбающейся Еве...* — Снящийся Еве сон (для Сомнамбулы — это «сон во сне»), в котором она проходит «через грозные века» грядущей истории, несомненно, переключается со «Сном Адама» Н. С. Гумилева (1909?). В европейской традиции тема сна Адама и Евы, усвоенных Люцифером, который проводит их во сне сквозь всю историю человечества, нашла яркое воплощение в произведении венгерского классика Имре Мадача «Трагедия Человека» (1861). Первый русский перевод (Н. А. Холодковского) вышел в 1904 г. и получил значительный общественный резонанс.

Стр. 278. *...трагическая осень...* — автоцитата из стихотворения «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» (т. 1 наст. изд., с. 272). Впрочем, Ахматова употребляла это выражение и в быту (Наталья Ильина. «Анна Ахматова в последние годы ее жизни». — «Октябрь», 1977, № 2, с. 113). Отметим, что разговор с Н. Ильиной происходил осенью 1955 г., а цитированное стихотворение написано в августе 1956 г.

Знаешь сам, что не стану славить... — четвертое стихотворение из цикла «Cinque» (т. 1 наст. изд., с. 231).

Стр. 279. *...становится на одно колено.* — Ср. на стр. 272: «Неизвестный становится на одно колено и с смертельным криком исчезает». Вероятно, здесь вспоминается эпизод, относящийся к знакомству Ахматовой с Ю. Чапским в Ташкенте в 1942 г. (см. т. 1 наст. изд., с. 427). Выше уже отмечалось, что в образе Гостя из Будущего соединяются подробности, связанные с разными лицами — В. Гарши-

ным, вероятно, Ю. Чапским, И. Берлином. Но Берлин, во всяком случае, прав, когда он сопоставляет собственное знакомство с Ахматовой и ее «встречу-разлуку» с Чапским: «Толчок, который испытала Ахматова от моего посещения, кажется мне в значительной мере обусловленным тем случайным фактом, что мне выпало быть лишь вторым иностранным гостем, которого она видела после первой мировой войны» (Исайя Берлин. «Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг.». Пер. А. Г. Наймана; опубликовано в его кн. «Рассказы о Анне Ахматовой». М., 1989, с. 281—282).

Стр. 280. *Крещенский сочельник* — дата прощальной встречи И. Берлина с Ахматовой 5 января 1946 г. накануне Крещения (см. «Третье и последнее» посвящение к «Поэме без героя» — т. 1 наст. изд., с. 321—322), которая произошла в старом дворце, то есть Фонтанном Доме, куда гость пришел, повернув налево с моста (автотитата из «Поэмы без героя»; см. т. 1 наст. изд., с. 325).

Стр. 281. *...вернешь ...чувство Родины...* — Ср. записанные Л. К. Чуковской слова Ахматовой из разговора с ней 19 сентября 1962 г.: «Малия передал мне слова Берлина: "Ахматова и Пастернак вернули мне родину". Лестно, не правда ли» (Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», т. 2, Paris, 1980, с. 432; об упомянутом в записи американском слависте М. Э. Малия см. там же, с. 605, прим. 257).

Ариадна, согласно обычной версии предания, была предательски оставлена Тезеем на острове Наксос, после того как она, из любви к нему, помогла ему убить Минотавра. О *Дидоне*, брошенной Энеем, и роли этого предания в поэтической легенде Ахматовой см. т. 1 наст. изд., с. 421. *Жанна д'Арк* вошла в этот ряд, возможно, в силу того, что Карл VII, который был обязан ей троном, не пришел к ней на помощь, когда она попала в руки сперва бургундцев, а затем англичан.

«Что вы наделали — как же я теперь буду жить?» и «Я никогда не женюсь...» и т. д. — Обе эти фразы, возможно, произносились когда-то каким-то конкретным лицом. К словам «когда мне больно от ее лица», есть параллель в наброске начала 1960-х годов: «Что больно от того лица // Тебе когда-то было» (ЦГАЛИ).

Стр. 283. *...как Жанна.* — Имеется в виду история отречения Жанны д'Арк. Ахматова рассказала ее Л. К. Чуковской 19 сентября 1962 г. в связи с разговором о верноподданническом письме П. Я. Чаадаева шефу жандармов, графу Орлову, в котором он в недостойных выражениях отзывался об А. И. Герцене. «В крови остается страх, — передает Чуковская слова Ахматовой. — Чаадаев испугался повторения. <...> Сохранились допросы Жанны д'Арк. На третьем ей показали в окно приготовленный костер. И она отрекалась. На четвертом снова стала утверждать свое. Ее спросили: почему же вы вчера были согласны? «Я испугалась огня». — Молчание. Мы обе поглядели в окно. — «Я испугалась огня», — повторила Анна Андреевна нежным, берущим за душу жалобным голосом. И еще раз по-французски: „...J'ai <eu> peur du feu, ...» (Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», т. 2, Paris, 1980, с. 434). Несколько иную версию отречения Жанны д'Арк, основанную на подлинных документах, см. в кн.: В. И. Райцес. «Процесс Жанны д'Арк». М.-Л., 1964, с. 117.

Там будут цветы и вереск, серебряное море, гранит... — Речь идет о Комарове или — обобщенно — о финских землях, оказавшихся в составе СССР после второй мировой войны.

Осквернили пречистов Слово... — Четверостишие из стихотворения «Все ушли, и никто не вернулся...» (т. 1 наст. изд., с. 245).

My end is in my beginning — английский перевод девиза Марии Стюарт, который был вышит на драпировке ее трона; во французском оригинале: «En ma fin est mon commencement».

Мне голос был... — автоцитата из стихотворения «Когда в тоске самоубийства...» (т. 1 наст. изд., с. 143).

Стр. 291. *То я голову твою несла...* — Одним из источников этого мотива может быть стихотворение Н. С. Гумилева «Царица» (обращенное к Ахматовой), герой которого, оказавшись не в силах убить царицу, погибает под «стальной секирой палача». Голова певца Орфея, согласно античному мифу, после того, как его растерзали фракиянки, доплыла по реке Гебру до Эгейского моря и нашла свое последнее пристанище на острове Лесбос. Стихотворение М. Лозинского «Не забывшая» (1912), которое Ахматова считала лучшим из посвященных ей в те годы стихов, заканчивается словами: «Я уношу от безутешных волн // Замученную голову Орфея» (см. наст. том, с. 351).

Стр. 295. *Олоферн*. — Апокрифическая библейская «Книга Юдифь» гласит, что ее героиня, ради спасения родного города, соблазнила ассирийского полководца Олоферна и отрубила ему голову его собственным мечом; *Зверолов, царевич Ипполит!* — В трагедии Еврипида «Ипполит» герой чтит выше всех богов Артемиду, покровительницу охоты, и «Своры он // По зверю там гоняет с нею рядом» (Перевод И. Ф. Анненского).

Стр. 298. *...говорила Федра* <...> *свои невероятные признания...* — Имеются в виду признания Федры в запретной любви к своему пасынку Ипполиту. Две темы запретной, преступной любви введены в «Большую исповедь»: любовь Федры к Ипполиту и любовь Паоло и Франчески.

Франческа — персонаж из V песни дантовского «Ада». Хотя в «Большой исповеди» мотив «дантовского круга» не назван прямо, как в монологах из раздела VI, он все же присутствует здесь упоминанием о Франческе да Римини и некоторыми сопутствующими деталями.

Существует набросок стихотворения 1963 г. (ЦГАЛИ), объединяющего мотивы «Большой исповеди» (мотив нежности и имя любовника Франчески — Паоло) и стихотворения «В Зазеркалье» из «Полночных стихов» (см. т. 1 наст. изд., с. 296).

Но мы от этой нежности умрем
..... и повсюду третья
Не оставляет никогда вдвоем,
Как призрак отлетевшего столетья.
..... : душит мак
И говорит со мной опять виола,
И мы летим, и снова всюду мрак,
И, кажется, я говорю: «Паоло».

Дантовский круг пьесы и «адский круг» стихотворения «В Зазеркалье» — это второй круг V песни «Ада». В этом круге находятся «те, кто подчиняют разум страсти» (ст. 39). Слова «И мы летим, и снова всюду мрак» являются реминисценцией того, как во мраке второго круга летят грешные души, несомые нескончаемым адским ветром. Тот же ветер мы встречаем и в «Большой исповеди»: *не из ада ль // Повеял ветер...* Но только две грешные души кружатся вместе (и навеки вместе) в адском ветре. Это души Франчески да Римини

и Паоло Малатесты. (Данте, впрочем, рассчитывая на осведомленность читателя, не называет по имени ни Паоло, ни его брата, супруга Франчески, Джанчотто Малатесту, убившего обоих любовников и осужденного за братоубийство мучиться в девятом круге вместе с Каином.) Преступная любовь Франчески и Паоло выражалась сперва только в «нежных мечтаниях» («dolci sospirì») (ср. мотив нежности у Ахматовой: *И эта нежность не была такой // Как та, которую поэт какой-то // В начале века назвал настоящей // И тихой почему-то*). Роковым для героев Данте стало чтение ими некоего романа из цикла повествований о рыцарях Круглого Стола. В этом романе Галеот, видимо, уговаривал Гиневру, супругу короля Артура, отдать свою любовь рыцарю Ланселоту. В тот момент, когда в книге совершается первый поцелуй, Паоло, в свою очередь, целует Франческу. «Книга и ее автор стали для них Галеотом». «И в этот день мы больше не читали»,— гласит следующий стих (ст. 138). Отсюда — прямая цитата у Ахматовой — «больше не читавшая» Франческа. Еще раз тема Франчески возникает у Ахматовой в следующем наброске (ЦГАЛИ):

Что-то о прекрасном Ланчелоте
Я с тобой тогда не дочитал.

Форма «Ланчелот» — здесь отблеск итальянской фонетики Данте. ...«*Сии живые воды*»...— цитата из стихотворения Пушкина «Была пора, наш праздник молодой...» (1836).

Стр. 299. *Как та, которую поэт какой-то // В начале века назвал настоящей*...— Подразумевается стихотворение самой Ахматовой 1913 г.: «Настоящую нежность не спутаешь // Ни с чем, и она тиха» (т. 1 наст. изд., с. 53).

Стр. 301. *Дай мне, ане, три*.— Ане (точнее анé) — почтительное обращение к женщине старшего возраста. Ахматова обыгрывает здесь звуковую близость этого слова к ее собственному имени. Ср. рассказ С. А. Сомовой о том, как Гафур Гулям приглашал Ахматову на праздник открытия нового канала в Голодной степи, говоря ей: «Вас зовут Анна, а по-узбекски ана — мать. Поедем со мной в кишлак на янги ер — новую землю, там завтра пускают первую воду на пустынные поля». Ахматова сделала отрицающий знак рукой, но Гафур взял эту руку за локоть: «Как мать, вы должны...» Она благодарно улыбнулась...» (С. А. Сомова. «Мне дали имя — Анна». — «Москва», 1984, № 4, с. 188).

Стр. 302. *Моя биография (по Л. Л. Ракову)*...— то есть кем-то мистифицированная. По некоторым сведениям, Ахматова была знакома с ленинградским искусствоведом и писателем Львом Львовичем Раковым (1904—1970) и читала в рукописи его книгу «Новейший Плутарх, или Воображаемые портреты». Эту книгу Раков написал, находясь в заключении, в соавторстве с Д. Н. Альшицем и А. П. Париним. Книга представляет собой свод биографий людей, которых никогда не существовало, но почти в каждой биографии можно отыскать черты реальных людей, смешанные с фантастикой и мистификацией.

Стр. 303. *Чтоб шею завернуть, я не имею шарфа*...— неточная цитата из стихотворения О. Э. Мандельштама «Мы напряженного молчанья не выносим». В подлиннике: «Чтоб горло повязать, я не имею шарфа» (сб.: О. Мандельштам. «Камень», 3-е изд. М., Пг., 1923, с. 45).

Стр. 305. ...вопрос о его смерти окутан столь непроницаемой гайной, что никому даже не приходило в голову постараться распутать его...— Образ Арлекина имеет несомненные биографические черты М. А. Кузмина (ср. т. 1 наст. изд., с. 434). Однако по рассказам самой Ахматовой, смерть М. А. Кузмина ничего таинственного не содержала: «Он очень мужественно умер в 1936 году в Ленинграде. У него была грудная жаба и тяжелая астма, он лежал в Марининской больнице. Его простудили, забыв закрыть форточку. В день смерти к нему пришел его приятель, Юркун, они долго разговаривали, в заключение К. сказал: «Теперь остались только детали». Когда Юркун одевался в гардеробе, ему сообщили, что К. умер» (Михаил Будыко. «Рассказы Ахматовой». — «Звезда», 1989, № 6, с. 81).

Стр. 306. ...автор колдовской музыки к «Интермедии». — Имеется в виду композитор Артур Лурье (1891—1966). На самом деле он написал музыку не к «Интермедии», а на слова «Второго посвящения» из «Поэмы без героя» (см. об этом наст. том, с. 336).

Подпоручик Кижэ — персонаж анекдота из времен Павла I («Рассказы В. И. Даля о временах Павла I» — «Русская старина», 1870, т. 2, с. 295—296). Этот анекдот послужил сюжетом для рассказа Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кижэ» (1928 г.).

«Тоже Кристофер Марло». — Английский драматург Кр. Марло (1564—1593) — один из тех, кому приписывается авторство шекспировских пьес. Ахматова интересовалась проблемой установления авторства Шекспира. Разговоры на эту тему передает в своих воспоминаниях В. Редептер («Это для тебя на всю жизнь». — «Вопросы литературы», 1987, № 3, с. 195—210).

Стр. 307. ...плавает не хуже щуки. — Эти слова можно сопоставить с рассказами Ахматовой о ее молодости: «Я плавала, как щука» (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 104).

...из известного фильма «Рим в 11 часов». — В фильме итальянского кинорежиссера Дж. Де Сантиса «Рим, 11 часов» (1952) кульминационный эпизод — обвал лестницы под тяжестью толпы женщин, пришедших претендовать на вакантное место машинистки. Л. К. Чуковская в записи от 3 января 1957 г. упоминает о том, что прозвание «Рим, 11 часов» Ахматова дала лестнице, ведущей в квартиру Ардовых, у которых она жила тогда в Москве (вероятно, в этой квартире и написан комментируемый фрагмент). (Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», т. 2, Paris, 1980, с. 178).

Стр. 307—308. ...цитату о ее «провалах» ... она повторяет сносно... — Трагическая ирония, сквозящая в этих словах, заставляет вспомнить один эпизод из жизни Ахматовой. В 1954 году ее и М. М. Зощенко пригласили в Союз писателей на встречу с английскими студентами. На бестактный вопрос одного из них о том, как она относится к Постановлению 1946 года, Ахматова ответила: «Оба документа — и речь товарища Жданова, и постановление Центрального Комитета партии — я считаю совершенно правильными». (Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», т. 2, Paris, 1980, с. 49).

Трещотка прокаженного... — цитата из стихотворения «Пролог», написанного Ахматовой в 1960 году (см. т. 1 наст. изд., с. 224—225).

Двойников своих она может считать дюжинами. — В этих строках ощутим биографический подтекст. В одной из автобиографических заметок Ахматова писала: «У меня склублился не то двойник, не то оборотень, который мирно прожил в чьем-то представлении все эти десятилетия, не вступая ни в какой контакт со мной, с моей истинной

судьбой. Невольно напрашивается вопрос, сколько таких двойников или оборотней бродит по свету и какова будет их окончательная роль». (Цит. по кн.: Лев Озеров. «Работа поэта», М., 1963, с. 194).

Стр. 309. ...работы художника А.— то есть Н. И. Альтмана. Портрет Ахматовой, написанный Натаном Альтманом в 1914 году, долгое время находился в запасниках Русского музея в Ленинграде. Этот портрет был не только «самым известным», но и «на особом счету» у Ахматовой, «хотя тышлеровский и Тырсы ей нравились больше» (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 212). По другим свидетельствам, альтмановский портрет Ахматова не любила «как всякую стилизацию в искусстве» (Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», т. 2, Paris, 1980, с. 265).

Стр. 311. Любимова — Антонина Васильевна Любимова, художник, автор дневниковых записей об Анне Ахматовой (ГПБ); Лида — Лидия Корнеевна Чуковская; Володя Корнилов — Владимир Николаевич Корнилов, поэт, прозаик; «Семисвечник» — незавершенный цикл стихов Ахматовой (см. наст. том, с. 96—97); М. И. — Михаил Иванович Будыко, ученый, специалист в области наук о земле, друг Ахматовой. В записях его бесед с Ахматовой сохранился краткий, но точный пересказ прозы 1962 года («Звезда», 1989, № 6, с. 82); мальчик-птица — этот образ заимствован Ахматовой из стихотворения Н. С. Гумилева «Дева-птица» (Н. С. Гумилев. «Огненный столп», Пб., 1921, с. 54—57). В этом стихотворении героиня жалуется пастуху:

Хоть мальчик-птица,
Исполненный дивных желаний,
И должен родиться
В Броселиане,

Но злая
Судьба нам не даст наслажденья,
Подумай, пастух, должна я
Умереть до его рожденья.

...квартет Шостаковича, который он посвятил своей памяти.— Имеется в виду 8-й квартет (1960). Биографические обстоятельства его создания раскрыты в статье Л. Лебединского «О некоторых музыкальных цитатах в произведениях Д. Шостаковича» («Новый мир», 1990, № 3, с. 263—264).

Статья Н. В. Н.— Имеется в виду статья поэта и критика Николая Владимировича Недоброво «Анна Ахматова» (журн. «Русская мысль», 1915, № 7, разд. 2, с. 50—68). Эту статью Ахматова «до конца жизни считала лучшим из всего, что было когда-либо о ней написано» (В. Виленкин. «В сто первом зеркале», М., 1987, с. 284).

Стр. 312. Бродский Иосиф Александрович (р. 1940) — поэт, в 1964 году был «за тунеядство» осужден и сослан в Архангельскую область. Ахматова хлопотала за него. Обстоятельства, связанные с телефонным звонком по этому поводу А. И. Микояну, в то время Председателю Президиума Верховного Совета СССР, требуют уточнения. «Гимн Народу» — стихотворение И. А. Бродского.

<20 февраля 1966> Прощеное воскресенье.— Эта запись сделана Ахматовой в дневнике всего за две недели до смерти (5 марта 1966 года). Об особом значении для Ахматовой Прощеного воскресенья вспоминает А. Найман: «В Прощеное воскресенье 1963 года <она> сказала: «В этот день мама выходила на кухню, низко кла-

нялась прислуге и сурово говорила: «Простите меня грешную». Прислуга так же кланялась и так же сурово отвечала: «Господь простит. Вы нас простите». Вот и я теперь у вас прошу: „Простите меня грешную”» (Анатолий Найман. «Рассказы о Анне Ахматовой», М., 1989, с. 50).

«В прошлом году в Мариенбаде».— Эту книгу французского писателя, основателя «нового романа», Алена Роб-Грийе (р. 1922) Ахматова прочитала в 1966 году. Роман, по своей поэтике и образному строю, показавшись Анне Андреевне настолько близким ее пьесе, что она называет его «убийцей «Пролога»».

Мих. Кралин

Составитель настоящего двухтомника выражает сердечную благодарность за помощь при подготовке этого издания *А. Н. Анфертьеву, А. Н. Анфертьевой, Э. Г. Бабаеву, И. Н. и М. Н. Баженовым, сэру Исае Берлину, Э. Г. Герштейн, Л. Н. Гумилеву, М. М. и С. Н. Дилакторским, М. А. Дудину, В. К. Лукницкой, В. С. Муравьеву, А. Г. Найману, А. М. Румянцеву, К. Н. Суворовой, А. Г. Терехову, Р. Д. Тименчику, Э. Б. Томашевской.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
произведений АННЫ АХМАТОВОЙ, вошедших в 1—2 тт.

- «А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...» — 2, 43
«А в книгах я последнюю страницу...» — 1, 223
«А ведь мы с тобой...» (Любовная. Песенки, 3) — 1, 267
«А все, кого я на земле застала...» (На Смоленском кладбище. Трещотка прокаженного, 6) — 1, 227
«А вы, мои друзья последнего призыва!...» (In memoriam) — 1, 210
«А за правой стенкой, откуда...» — 1, 346
«А как музыка зазвучала...» — 1, 303
«А княгиня моя, где захочет жить...» (Из завещания Василька) — 2, 85
«А Смоленская нынче именинница...» — 1, 166
«А там, где сочиняют сны...» (Вместо послесловия. Полночные стихи) — 1, 298
«...А там мой мраморный двойник...» (В Царском Селе, II) — 1, 26
«А тебе еще мало по-русски...» (Вереница четверостиший, 4) — 1, 238
«А тот, кого учителем считаю...» (Учитель. Венок мертвым, I) — 1, 249
«А, ты думал — и тоже такая...» — 1, 164
«А ты теперь тяжелый и унылый...» — 1, 131
«А умирать поедем в Самарканд...» — 2, 88
«А человек, который для меня...» (Без даты) — 1, 285
«А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...» — 1, 77
«А я говорю, вероятно, за многих...» — 2, 73
«А я иду, где ничего не надо...» — 1, 302
«А я молчу, я тридцать лет молчу...» (Северные элегии, 7) — 1, 265
«А я росла в узорной тишине...» (Ива) — 1, 188
«А я уже стою на подступах к чему-то...» (Смерть, II) — 1, 219
Август — 2, 63
Август 1940 («Когда погребают эпоху...». В сороковом году, 1) — 1, 204
Александр у Фив («Наверно, страшен был и грозен юный царь...». Античная страничка, II) — 1, 276
Алиса (1—2) — 2, 15
Амедео Модильяни — 2, 144
Анафема («Это и не старо, и не ново...». Из заветной тетради, 14) — 1, 247
«Ангел, три года хранивший меня...» — 1, 149
Античная страничка (I—II) — 1, 276
«Ах! — где те острова...» (Из забытого) — 2, 87
«Ах, дверь не запирала я...» (Белой ночью) — 1, 37
Бег времени («Что войны, что чума? — конец им виден скорый...». Вереница четверостиший, 1) — 1, 237
«Бедствие это не знает предела...» (Скорость) — 2, 66
Бежецк («Там белые церкви и звонкий, святящийся лед...») — 1, 144
Без даты («А человек, который для меня...») — 1, 285
Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...». Трилистник московский, 2) — 1, 293
«Безвольно пощады просят...» — 1, 50
Белая ночь («Небо бело страшной белизною...») — 2, 27
Белой ночью («Ах, дверь не запирала я...») — 1, 37

- Белый дом («Морозное солнце. С парада...») — 1, 105
 «Белым камнем тот день отмечу...» (С самолета, 2) — 1, 221
 «Беспамятна лишь жизнь — такой не назовем...» — 2, 80
 «Бессмертен день, когда одною грудью...» (30 июня 1950) — 2, 56
 «Бессмертник сух и розов. Облака...» — 1, 94
 Бессонница («Где-то кошки жалобно мяукают...») — 1, 59
 «Бесшумно ходили по дому...» — 1, 102
 Библиейские стихи (1—3) — 1, 152
 «Бисерным почерком пишете, Лизе...» — 2, 26
 «Блаженный мир — зеленый мир...» — 2, 48
 «Божий Ангел, зимним утром...» — 1, 88
 «Больничные молитвенные дни...» — 2, 74
 Борис Пастернак («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...») — 1, 182
 Борису Пастернаку (1—3) (Венок мертвым, VII) — 1, 232
 Бреды («Самолет приблизился к Парижу...») — 2, 93
 «Будем вместе, милый, вместе...» — 1, 105
 «Будешь жить, не зная лиха...» — 1, 66
 «Буду тихо на погосте...» — 1, 104
 «Буду черные грядки холить...» — 1, 174
 «Бывает так: какая-то истома...» (Творчество. Тайны ремесла, 1) — 1, 277
 «Бывало, я с утра молчу...» (Песенка) — 1, 142
 «Был блаженной моей колыбелью...» — 1, 82
 «Был ещим этот сон или не вещим...» (Сон. Шиповник цветет, 8) — 1, 271
 «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» — 1, 75
 «Была над нами, как звезда над морем...» (И последнее. Полночные стихи, 7) — 1, 298
 «Было душно от жгучего света...» (Смятение, 1) — 1, 45
 «Быть страшно тобою хвалимой...» — 2, 100
- В Выборге («Огромная подводная ступень...») — 1, 300
 «В городе райского ключаря...» — 2, 32
 «В заветных ладанках не носим на груди...» (Родная земля) — 1, 291
 В зазеркалье («Красотка очень молода...». Полночные стихи, 3) — 1, 296
 «В каждом древе распятый Господь...» (Вереница четверостиший, 6) — 1, 238
 «В каждых сутках есть такой...» — 1, 134
 «В комнате моей живет красивая...» — 2, 14
 «В которую-то из сонат...» (Эов. Полночные стихи, 5) — 1, 297
 В лесу («Четыре алмаза — четыре глаза...») — 2, 19
 В мае («Сталинградской страды...». Победа, 1) — 2, 50
 «В ней что-то чудотворное горит...» (Музыка) — 1, 284
 В пионерлагере («Как будто заблудившись в нежном лете...») — 2, 61
 «В последний год, когда столица наша...» — 2, 32
 «В последний раз мы встретились тогда...» — 1, 50
 «В промежутки между грозами...» — 2, 34
 «В прошлое давно пути закрыты...» (Эхо) — 1, 289
 В разбитом зеркале («Непоправимые слова...». Шиповник цветет, 11) — 1, 272
 «В ремешках пенал и книги были...» — 1, 65
 «В садах впервые загорелись маки...» (Говорят дети) — 2, 60
 «В скорбях, страстях, под нестерпимым гнетом...» — 2, 101
 В сороковом году (1—4) — 1, 204

- В тифу («Где-то ночка молодая...») — 1, 218
- «В то время я гостила на земле...» (Эпические мотивы, 1) — 1, 157
- «В том доме было очень страшно жить...» (Северные элегии, 3) — 1, 261
- «В тот давний год, когда зажглась любовь...» (Другой голос, II) — 1, 146
- «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (Из цикла «Ташкентские страницы») — 1, 287
- «В углу старик, похожий на барана...» — 2, 18
- В Царском Селе (I—III) — 1, 26
- «В второй горнице колдунья...» (Хозяйка. Новоселье, 1) — 1, 222
- «Важно с девочками простились...» — 1, 211
- «Вам жить, а мне не очень...» (Из заветной тетради, 16) — 1, 248
- «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» — 1, 89
- «Веет ветер лебединый...» — 1, 149
- Венеция («Золотая голубятня у воды...») — 1, 70
- Венок мертвым (I—XI) — 1, 249
- Вереница четверостиший (1—16) — 1, 236
- «Верьте мне вы или не верьте...» — 1, 347
- «Весенним солнцем это утро пьяно...» (Обман, 1) — 1, 33
- «Вестей от него не получишь больше...» (Утешение) — 1, 98
- «Весь ты сыгранный на шарманке...» (Городу) — 2, 94
- Ветер войны — 1, 207
- «Вечер тот казни достоин...» — 2, 38
- «Вечерние часы перед столом...» — 1, 66
- «Вечерний звон у стен монастыря...» — 2, 30
- «Вечерний и наклонный...» (Разлука) — 1, 86
- Вечерняя комната («Я говорю сейчас словами теми...») — 2, 14
- Вечером («Звенела музыка в саду...») — 1, 47
- «Взоры огненной огня...» (Вереница четверостиший, 7) — 1, 238
- «Видел я тот венец златокованный...» (Предсказание) — 1, 145
- «Вижу, вижу лунный лук...» — 1, 101
- «Вижу выцветший флаг над таможей...» — 1, 61
- «Вкруг него дорогие тени...» — 1, 348
- «Вместо мудрости — опытность, пресное...» — 1, 76
- Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...». Полночные стихи) — 1, 295
- Вместо послесловия («А там, где сочиняют сны...». Полночные стихи) — 1, 298
- «Вместо праздничного поздравленья...» (Шиповник цветет) — 1, 268
- «Вновь Исакий в облаченьи...» (Стихи о Петербурге, 1) — 1, 68
- «Вновь подарен мне дремотой...» — 1, 93
- Во сне («Черную и прочную разлуку...». Шиповник цветет, 3) — 1, 269
- Воронеж («И город весь стоит оледенелый...») — 1, 193
- Воспоминания об Александре Блоке — 2, 136
- 8 ноября 1913 года («Солнце комнату наполнило...») — 1, 62
- «Вот беда в чем, о дорогая...» — 1, 349
- «Вот и берег северного моря...» — 1, 155
- «Вот и dospорился яростный спорщик...» (Черепки, III) — 1, 258
- «Вот она, плодоносная осень!...» — 1, 292
- «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (Венок мертвым, VI) — 1, 251
- «Вражье знамя...» (Ленинградские четверостишия, 1) — 2, 49
- «Врачуй мне душу, а не то...» — 2, 101
- Все было подвластно ему — 2, 133
- «Все в Москве пропитано стихами...» — 1, 299

- «Все души милых на высоких звездах...» (Царскосельские строки, II) — 1, 175
- «Все как раньше: в окна столовой...» (Гость) — 1, 71
- «Все, кого и не звали,— в Италии...» (Из заветной тетради, 12)—1, 246
- «Все мне видится Павловск холмистый...» — 1, 93
- «Все мы бражники здесь, блудницы...» — 1, 48
- «Все небо в рыжих голубях...» (Еще одно лирическое отступление) — 1, 218
- «Все обещало мне его...» — 1, 87
- «Все опять возвратится ко мне...» (Луна в зените, 3) — 1, 214
- «Все отнято: и сила, и любовь...» — 1, 80
- «Все расхищено, предано, продано...» — 1, 161
- «Все тоскует о забытом...» (Алиса, 1) — 2, 15
- «Все ушли, и никто не вернулся...» (Из заветной тетради, 9) — 1, 245
- «Все это было — твердая рука...» — 2, 76
- «Все это разгадаешь ты один...» (Венок мертвым, III) — 1, 249
- «Всегда нарядай всех, всех розовой и выше...» (Тень. В сороковом году, 3) — 1, 205
- «Всем обещаньям вопреки...» (Из «Черных песен», II) — 1, 291
- «Вспыхнул над молом первый маяк...» (Победа, 2) — 1, 212
- «Всю ночь не давали заснуть...» (Из первой тетради) — 2, 8
- Вторая годовщина («Нет, я не заплакала их...») — 1, 229
- «Вы меня, как убитого зверя...» (Из заветной тетради, 4) — 1, 243
- «Вы так вели по бездорожью...» (К стихам. Вереница четверостиший, 5) — 1, 238
- «Вы чудачки, вы лучший путь...» — 2, 73
- «Выбрала сама я долю...» — 1, 107
- «Высокие своды костела...» — 1, 56
- «Высоко в небе облачко серело...» — 1, 29
- «Высокомерьем дух твой помрачен...» — 1, 104
- Выход книги («Тот день всегда необычаен...». Из заветной тетради, 1) — 1, 241
- «Гаагский голубь реял над вселенной» (<Из погибшей поэмы>) — 2, 89
- «Где ароматом веяли муссоны...» — 2, 58
- «Где, высокая, твой цыганенок...» — 1, 99
- «Где дремала пустыня, там ныне сады...» — 2, 53
- «...Где на четырех высоких лапах...» (Под Коломной. Трещотка прокаженного, 7) — 1, 227
- «Где-то кошки жалобно мяукают...» (Бессонница) — 1, 59
- «Где-то ночка молодая...» (В тифу) — 1, 218
- «Герб небес изогнутый и древний...» — 2, 7
- Гибель («Как будто страшной песенки...». Новоселье, 4) — 1, 223
- «Глаз не свожу с горизонта...» — 2, 43
- «Глаза безумные твои...» (Забытое четверостишие) — 2, 85
- Говорят дети («В садах впервые загорелись маки...») — 2, 60
- «Годовшину последнюю праздной...» — 1, 185
- Голос памяти («Что ты видишь, тускло на стену смотря...») — 1, 58
- «Голубя ко мне не присылай...» (Милому) — 1, 115
- «Город сгинул, последнего дома...» — 1, 119
- Городу («Весь ты сыгранный на шарманке...») — 2, 94
- Городу Пушкина (1—2) — 1, 282
- «Горят твои ладони...» — 1, 52
- «Господеви поклонитесь...» (Причитание) — 1, 154
- «Господь немилостив к жнецам и садоводам...» — 1, 87
- Гости («...ты пьян...». Новоселье, 2) — 1, 222
- Гость («Всё как раньше: в окна столовой...») — 1, 71

- «Да, я любила их, те сборища ночные...» — 1, 114
 «Дай мне горькие годы недуга...» (Молитва) — 1, 99
 «Дал Ты мне молодость трудную...» — 1, 62
 «Далеко в лесу огромном...» (Колыбельная) — 1, 173
 Данте («Он и после смерти не вернулся...») — 1, 187
 Два голоса — 2, 47
 Два стихотворения («Подушка уже горяча...»; «Тот же голос, тот же взгляд...») — 1, 23—24
 Два стихотворения («Ты всегда таинственный и новый...»; «Пропадают льдины, звеня...») — 1, 133—134
 21 декабря 1949 года («Пусть миру этот день запомнится навеки...») — 2, 52
 «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» — 1, 112
 27 января 1944 года («И в ночи январской беззвездной...». Победа, 3) — 2, 50
 «Двадцать четвертую драму Шекспира...» (Лондонцам. В сороковом году, 2) — 1, 205
 «Дверь полуоткрыта...» — 1, 29
 Двустипшие («От других мне хвала — что зола...») — 1, 192
 9 декабря 1913 года («Самые темные дни в году...») — 1, 82
 «День шел за днем — и то и се...» (Последнее возвращение. Трещотка прокаженного, 2) — 1, 225
 «Десять лет и год твоя подруга...» — 2, 40
 «Для суда и для стражи незрима...» — 2, 99
 «Для того ль тебя носила...» — 1, 99
 «Долгим взглядом твоим истомленная...» — 1, 169
 «Долго шел через поля и села...» — 1, 109
 «Дополнения к статье «Каменный гость» Пушкина» — 2, 126
 «Дорогою ценной и неожиданной...» (Шиповник цветет, 5) — 1, 270
 Дорожная, или Голос из темноты («Кто чего боится...». Песенки, 1) — 1, 266
 «Дострадать до огня над могилой...» — 2, 90
 «Древний город словно вымер...» — 1, 85
 Другая песенка («Как сияло там и пело...». Шиповник цветет, 7) — 1, 271
 «Другие уводят любимых...» (Подражание Кафке. Из заветной тетради, 8) — 1, 244
 Другой голос (I—II) — 1, 145
 «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» — 1, 73
 «Дымное исчадьё полнолунья...» (Надпись на портрете) — 1, 229
 «Дьявол не выдал. Мне всё удалось...» — 1, 143
 «Если б все, кто помощи душевной...» (Из заветной тетради, 6) — 1, 243
 «Если бы брызги стекла...» — 2, 77
 «Если бы тогда шальная пуля...» — 2, 95
 «Если бы ты музыкой была...» (Мартовские элегии) — 2, 69
 «Если в небе луна не бродит...» — 2, 35
 «Если плещется лунная жуть...» — 1, 180
 «Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама...» — 2, 43
 «Есть в близости людей заветная черта...» — 1, 80
 «Есть три эпохи у воспоминаний...» (Северные элегии, 6) — 1, 264
 «Еще весна таинственная млела...» — 1, 118
 «Еще говорящую трубку...» — 2, 70
 «Еще недавно плоская коса...» (Приморский парк Победы) — 2, 60
 Еще об этом лете («И требовала, чтоб кусты...») — 2, 76
 Еще одно лирическое отступление («Все небо в рыжих голубях...») — 1, 218

- Еще тост («За кротость твою и за верность мою...». Трилистник московский, 3) — 1, 293
- «Жарко веет ветер душный...» (Обман, II) — 1, 34
- «Ждала его напрасно много лет...» — 1, 140
- «Женский голос, как ветер, несется...» (Слушая пение) — 1, 284
- «Жить — так на воле...» (Pro domo mea, 4) — 1, 207
- «Жрицами божественной бессмыслицы...» — 2, 36
- «За вновь распаханное поле...» (Тост) — 2, 55
- «За заставой воеет шарманка...» (Петербург в 1913 году) — 1, 291
- «...За ландышевый май...» — 2, 41
- «За кротость твою и за верность мою...» (Еще тост. Трилистник московский, 3) — 1, 293
- За меня не будете в ответе...» (Вереница четверостиший, 9) — 1, 239
- «За наши пламенные зори...» (Победа, 2) — 2, 50
- «За озером луна остановилась...» — 1, 151
- «За плечом, где горит семисвечник...» (<Наброски к циклу «Семисвечник»>) — 2, 96
- «За такую скоморошину...» (Вереница четверостиший, 3) — 1, 237
- «За то, что я грех прославляла...» — 2, 29
- «За узором дымных стекол...» — 2, 25
- «Заболеть бы как следует, в жгучем бреде...» — 1, 151
- «Забудут? — Вот чем удивил!..» (Pro domo mea, 3) — 1, 206
- Забывтое четверостишие («Глаза безумные твои...») — 2, 85
- Завещание («Моей наследницею полноправной будь...») — 2, 28
- «Завещать какой-то дикой скрипке...» — 2, 92
- «Загорелись иглы венчика...» — 2, 20
- «Зажженных рано фонарей...» (Призрак) — 1, 172
- «Зазвонили в Угличе рано...» — 2, 94
- Закливание («Из тюремных ворот...») — 1, 186
- «Заключенье не бывшего цикла...» (Последний день в Риме) — 2, 80
- «Запад клевгата и сам же верил...» (Из заветной тетради, 11) — 1, 246
- «Заплаканная осень, как вдова...» — 1, 174
- Запретная роза («Ты о ней, как о первой невесте...») — 2, 98
- «Заснуть огорченной...» (Луна в зените, 1) — 1, 213
- Застольная («Под узорной скатертью...». Песенки, 2) — 1, 266
- «Зачем вы отравили воду...». (Из стихотворений 30-х годов, 3) — 1, 255
- «Зачем притворяешься ты...» — 1, 95
- Защитники Сталина («Это те, что кричали: «Варраву!..». Из заветной тетради, 17) — 1, 248
- «Звалась Soleil ты или Чайной...» (Пятая роза) — 1, 294
- «Звенела музыка в саду...» (Вечером) — 1, 47
- «Здесь беда со мной случилась...» — 2, 85
- «Здесь все меня переживет...» (Приморский сонет) — 1, 283
- «Здесь всё то же, то же, что и прежде...» — 1, 59
- «Здесь девушки прекраснейшие спорят...» (Эпиграмма) — 2, 41
- «Здесь Пушкина изгнание началось...» (Кавказское) — 1, 183
- «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...» — 1, 54
- «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» — 2, 38
- «Земля хотя и не родная...» — 1, 300
- «Земная слава как дым...» — 1, 134
- «Земной отрадой сердца не томи...» — 1, 146
- «Знаешь сам, что не стану славить...» (Cinque, 4) — 1, 231
- «Знаю, знаю — снова лыжи...» — 1, 69
- Зов («В которую-то из сонат...». Полночные стихи, 5) — 1, 297
- «Золотая голубятня у воды...» (Венеция) — 1, 70

- «И анютиных глазок стая...» — 2, 74
 «И будешь ты из тех старух...» — 2, 92
 «И было сердцу ничего не надо...» (Вереница четверостиший, 11) — 1, 239
 «И было этим летом так отрадно...» — 2, 77
 «И в великой нашей отчизне...» — 2, 54
 «И в День Победы, нежный и туманный...» (Памяти друга) — 1, 213
 «И в Киевском храме Премудрости Бога...» — 1, 119
 «И в недрах музыки я не нашла ответа...» (<Наброски к циклу «Музыка»>) — 2, 105
 «И в ночи январской беззвездной...» (27 января 1944 года. Победа, 3) — 2, 50
 «И в памяти, словно в узорной укладке...» (Луна в зените, 4) — 1, 214
 «И в памяти черной пошарив, найдешь...» (Три стихотворения, 2) — 1, 290
 «И в пестрой суете людской...» (Первый дальнбойный в Ленинграде) — 1, 207
 «И в тайную дружбу с высоким...» — 1, 130
 «И весеннего аэродрома...» (С самолета, 3) — 1, 222
 «И вовсе я не пророчица...» — 1, 258
 «И Вождь орлиными очами...» — 2, 53
 «И возникает мой сонет...» — 2, 99
 «И вот, наперсдор тому...» (Из стихотворений 30-х годов, 6) — 1, 256
 «И вот одна осталась я...» — 1, 137
 «И время прочь, и пространство прочь...» (Наяву. Шиповник цветет, 2) — 1, 269
 «И все, кого сердце мое не забудет...» — 2, 44
 «И все пошли за мной, читатели мои...» — 2, 65
 «И встретил Иаков в долине Рахиль...» (Рахиль. Библейские стихи, 1) — 1, 152
 «И всюду клевета сопутствовала мне...» (Клевета) — 1, 169
 «И город весь стоит оледенелый...» (Воронеж) — 1, 193
 «...и даже просмотреть те сотни тысяч строк...» — 2, 100
 «И жар по вечерам, и утром вялость...» — 2, 24
 «И жесткие звуки влажили, дробясь...» (<Наброски к циклу «Музыка»>) — 2, 105
 «И как будто по ошибке...» (Читая Гамлета, 2) — 1, 24
 «И как всегда бывает в дни разрыва...» (Разрыв, 2) — 1, 192
 «И каялись они Серпом и Молотом...» (Вереница четверостиший, 16) — 1, 240
 «И когда друг друга проклинали...» — 1, 24
 «И комната, в которой я болею...» (Смерть, III) — 1, 219
 «И кружку пенили отцы...» — 2, 88
 «И кто-то, во мраке дерев незримый...» (Отрывок) — 1, 51
 «И луковки твоей не тронул золотой...» — 2, 94
 «И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...» — 2, 82
 «И мальчик, что играет на волынке...» — 1, 27
 «И меня по ошибке пленило...» — 2, 71
 «И месяц, скучая в облачной мгле...» (Новогодняя баллада. Из заветной тетради, 3) — 1, 242
 «...И мне показалось, что это огни...» (Отрывок) — 1, 285
 «И мнится — голос человека...» — 1, 85
 «И мы забыли навсегда...» (Петроград, 1919) — 1, 144
 «...И на ступеньки встретить...» — 1, 49
 «...И на этом сквозняке...» (Вереница четверостиший, 12) — 1, 239
 «И наконец ты слово произнес...» (Тринадцать строчек. Полночные стихи, 4) — 1, 297

- «И не дослушаю впотьмах...» — 2, 94
«И неоплаканною тенью...» — 2, 40
«И никакого розового детства...» (Северные элгии, 2) — 1, 260
«И осталось из всего земного...» — 1, 301
«И отнять у них невозможно...» — 2, 93
«И отрок играет безумцу царю...» (Мелхола. Библейские стихи, 3) — 1, 154
«...И отступилась я здесь от всего...» (Нас четверо. Венок мертвым, VIII) — 1, 253
«И очертанья «Фауста» вдали...» — 2, 46
«И по собственному дому...» — 2, 84
И последнее («Была над нами, как звезда над морем...». Полночные стихи, 7) — 1, 298
«И праведник шел за посланником Бога...» (Лотова жена. Библейские стихи, 2) — 1, 153
«И прекрасней мраков Рембранта...» — 2, 94
«И с тобой, моей первой причудой...» (Подражание И. Ф. Анненскому) — 1, 42
«И с ухватками византийца...» — 1, 348
«И северная весть на севере застыла...» — 2, 76
«И сердце то уже не ответится...» (Венок мертвым, XI) — 1, 254
«И скучно оно и богато...» (Вереница четверостиший, 13) — 1, 240
«И слава лебедью плыла...» (Вереница четверостиший, 14) — 1, 240
«И снова осень валит Тамерланом...» (Борису Пастернаку, 1. Венок мертвым, VII) — 1, 252
«И странный спутник был мне послан адом...» — 2, 103
«И та, что сегодня прощается с милым...» (Клятва) — 1, 207
«...И теми стихами весь мир озарен...» — 2, 95
«И требовала, чтоб кусты...» (Еще об одном лете) — 2, 76
«...и третье, что нами владеет всегда...» (Почти в альбом) — 2, 75
«И ты ко мне вернулась знаменитой...» (Надпись на поэме «Триптих») — 2, 44
«И ты мне все простишь...» — 2, 40
«И увидел месяц лукавый...» (Шиповник цветет, 4) — 1, 270
«И уже, заглушая друг друга...» — 1, 348
«...и умирать в сознаньи горделивом...» — 2, 78
«И целый день, своих пугаясь стонов...» — 1, 142
«И чем грозите вы?..» (Поджигателям) — 2, 58
«И через все, и каждый миг...» — 2, 36
«И черной музыки безумное лицо...» — 2, 68
«И это б могла, и то бы могла...» — 2, 72
«И это грозило обоим...» — 2, 98
«И это станет для людей...» (Шиповник цветет, 16) — 1, 276
«И юностью манит, и славу сулит...» — 2, 72
«И я не имею претензий...» — 2, 99
«И яростным вином блудодеянья...» — 1, 302
Ива («А я росла в узорной тишине...») — 1, 188
Из «Дневника путешествия» («Светает — это Страшный суд...») — 1, 302
Из забытого («Ах! — где те острова...») — 2, 87
Из заветной тетради (1—17) — 1, 241
Из завешания Василька («А княгиня моя, где захочет жить...») — 2, 85
Из Итальянского дневника (Мэчелли) («Мы по ошибке встретили год...») — 2, 80
«Из памяти твоей я выну этот день...» — 1, 111
Из первой тетради («Всю ночь не давали заснуть...») — 2, 8

- «Из перламутра и агата...» (Явление луны. Луна в зените, 7) — 1, 215
 <Из погибшей поэмы> («Гаагский голубь реял над вселенной...») — 2, 89
- Из поэмы «Русский Трнانون» — 1, 176
 Из стихотворений 30-х годов (1—7) — 1, 254
 «Из тюремных ворот...» (Заклинание) — 1, 186
 Из цикла «В пути» («Совсем вдали висел какой-то мост...») — 2, 81
 Из цикла «Сожженная тетрадь» («Пусть мой корабль пошел на дно...») — 2, 62
 Из цикла «Ташкентские страницы» («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...») — 1, 287
 Из цикла «Юность» (I—II) — 1, 189
 Из «Черных песен» (I—II) — 1, 290
 Из четверостиший — 1, 301
 Измена («Не оттого, что зеркало разбилось...». Новоселье, 3) — 1, 223
- «Из-под каких развалин говорю...» (Надпись на книге. Из заветной тетради, 13) — 1, 247
 «Из-под смертного свода кургана...» — 2, 78
 Имя («Татарское, дремучес...». Вереница четверостиший, 2) — 1, 237
 «Институтка, кухня, Джульета!...» — 1, 347
 Исповедь («Умоляк простивший мне грехи...») — 1, 64
 «Истевают звуки в эфире...» (Cinque, 2) — 1, 230
 «Их будет семь — я так решила...» (Северные элегии) — 1, 259
 Июль 1914 (I—II) — 1, 96
- К музыке («Стала я, как в те года, бессонной...») — 2, 80
 К стихам («Вы так вели по бездорожью...». Вереница четверостиший, 5) — 1, 238
- Кавказское («Здесь Пушкина изгнание началось...») — 1, 183
 «Каждый день по-новому тревожен...» — 1, 55
 «Казалось мне, что песня спета...» (Наследница. Из заветной тетради, 5) — 1, 243
 «Как белый камень в глубине колодца...» — 1, 116
 «Как будто заблудившись в нежном лете...» (В пионерлагере) — 2, 61
 «Как будто страшной песенки...» (Гибель. Новоселье, 4) — 1, 223
 «Как в трапезной — скамейки, стол, окно...» (Луна в зените, 8) — 1, 215
 «Как велит простая учтивость...» (Смятение, 3) — 1, 45
 «Как вплелась в эти темные косы...» — 1, 67
 «Как вышедший из западных ворот...» — 2, 86
 «Как долог праздник новогодний...» — 2, 35
 «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...» — 2, 96
 «Как и жить мне с этой обузой...» (Муза. Тайны ремесла, 3) — 1, 278
 «Как люблю, как любила глядеть я...» — 1, 84
 «Как мог ты, сильный и свободный...» — 1, 151
 «Как невеста получаю...» — 1, 88
 «Как ни стремилась к Пальмире я...» (Пальмира, 1) — 1, 220
 «Как песню слагаешь ты легкий танец...» (Тамаре Платоновне Карсавиной) — 2, 27
 «Как площади эти обширны...» — 1, 90
 «Как поздно! Устала, зеваю...» (Алиса, 2) — 2, 15
 «Как сияло там и пело...» (Другая песенка. Шиповник цветет, 7) — 1, 271
 «Как слепоглухонемая...» — 2, 73
 «Как соломинкой, пьешь мою душу...» — 1, 31
 «Как страшно изменилось тело...» — 1, 136
 «Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой!...» — 2, 70

- «Как ты можешь смотреть на Неву...» — 1, 83
 «Как у облака на краю...» (Cinque, 1) — 1, 230
 «Как хорошеешь ты день ото дня...» (Москве) — 2, 55
 «Какая есть, желаю вам другую...» (Луна в зените, 9) — 1, 216
 «Какие странные слова...» (Ответ) — 1, 81
 «Какое нам в сущности дело...» (Первое предупреждение. Полночные стихи, 2) — 1, 296
 «Каменный гость» Пушкина — 2, 111
 «Качаясь на волнах афира...» (Песня мира) — 2, 56
 Клевета («И всюду клевета сопутствовала мне...») — 1, 169
 Клеветникам (I—II) — 2, 54
 Клеопатра («Уже целовала Антония мертвые губы...») — 1, 187
 Клятва («И та, что сегодня прощается с милым...») — 1, 207
 «Когда б вы знали, как спокойно...» (Клеветникам, II) — 2, 55
 «Когда в мрачнейшей из столиц...» — 1, 91
 «Когда в тоске самоубийства...» — 1, 143
 «Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...» — 1, 217
 «Когда о горькой гибели моей...» — 1, 131
 «Когда погребают эпоху...» (Август 1940. В сороковом году, 1) — 1, 204
 «Когда уже к неведомой отчизне...» (<Наброски к циклу «Музыка»>) — 2, 105
 «Когда умрем, темней не станет...» — 2, 17
 «Когда человек умирает...» — 1, 191
 «Когда я называю по привычке...» — 1, 301
 «Когда я ночью жду ее прихода...» (Муза) — 1, 185
 «Кого когда-то называли люди...» — 1, 303
 «Кое-как удалось разлучиться...» — 1, 164
 Колыбельная («Далеко в лесу огромном...») — 1, 173
 Колыбельная («Я над этой колыбелью...») — 2, 47
 «Кому и когда говорила...» (Черепки, IV) — 1, 258
 «Кому-то желтый гроб несут...» — 2, 29
 Конец Демона («Словно Врубель наш вдохновенный...». Вереница четверостиший, 8) — 1, 238
 «Конечно, мне радости мало...» — 2, 41
 «Копай, моя лопата...» (Ленинградские четверостишия, 2) — 2, 50
 «Косноязычно славивший меня...» — 1, 49
 «Красотка очень молода...» (В Зазеркалье. Полночные стихи, 3) — 1, 296
 «Кто знает, что такое слава!..» (Пушкин. Трещотка прокаженного, 9) — 1, 228
 «Кто чего боится...» (Дорожная, или Голос из темноты. Песенки, 1) — 1, 266
 «Лежала тень на месяце двурогом...» — 2, 88
 Ленинград в марте 1941 года («Cadran solaire на Меншиковом доме...») — 1, 194
 «Ленинградские голубые...» — 2, 43
 Ленинградские четверостишия (1—3) — 2, 49
 «Ленинградскую беду...» (Причитание) — 1, 211
 Летний сад («Я к розам хочу, в тот единственный сад...») — 1, 286
 Лилии («Я лилий нарвала прекрасных и душистых...») — 2, 5
 Лирическое отступление Седьмой элегии («...Пауки в окне...») — 2, 90
 Листки из дневника (о Мандельштаме) — 2, 151
 Лишняя («Тешил — ужас. Грела — выюга...». Песенки, 4) — 1, 267
 Лозинский — 2, 138
 Лондонцам («Двадцать четвертую драму Шекспира...». В сороковом году, 2) — 1, 205

- Лотова жена («И праведник шел за посланником Бога...». Библейские стихи, 2) — 1, 153
- Луна в зените (1—9) — 1, 213
- «Луна освещает карнизы...» (Маскарад в парке) — 2, 11
- «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» — 1, 118
- «Лучше б я по самые плечи...» (Трещотка прокаженного, 4) — 1, 226
- «Любо вам под половицей...» — 2, 42
- Любовная («А ведь мы с тобой...». Песенки, 3) — 1, 267
- Любовь («То змейкой, свернувшись клубком...») — 1, 25
- «Любовь всех раньше станет смертным прахом...» — 1, 302
- «Любовь покоряет обманно...» — 1, 27
- Майский снег («Прозрачная ложится пелена...») — 1, 95
- Мальчик сказал мне: «Как это больно!»... — 1, 56
- Мартовская элегия («Прошлогодних сокровищ моих...») — 1, 288
- Мартовские элегии («Если бы ты музыкой была...») — 2, 69
- Маскарад в парке («Луна освещает карнизы...») — 2, 11
- Маяковский в 1913 году («Я тебя в твоей не знала славе...») — 1, 194
- «Меж сосен метель присмирела...» (Предвесенняя элегия. Полночные стихи, 1) — 1, 295
- Мелхола («И отрок играет безумцу царю...». Библейские стихи, 3) — 1, 154
- «Меня влекут дороги Подмосковья...» — 2, 63
- «Меня и этот голос не обманет...» — 2, 63
- «Меня, как реку...» (Северные элегии, 5) — 1, 263
- «Меня покинул в новолунье...» — 1, 42
- Милому («Голубя ко мне не присылай...») — 1, 115
- «Мне безмолвие стало домом...» — 2, 102
- «Мне больше ног моих не надо...» — 2, 16
- «Мне веселее ждать его...» — 2, 102
- «Мне все твоя мерещится работа...» (Художнику) — 1, 184
- «Мне летние просто невнятные улыбки...» (Три осени. Трещотка прокаженного, 5) — 1, 226
- «Мне, лишенной огня и воды...» (Черепки, 1) — 1, 257
- «Мне не надо счастья малого...» — 1, 118
- «Мне ни к чему одические рати...» (Тайны ремесла, 2) — 1, 277
- «Мне с Морозовой класть поклонны...» (Последняя роза) — 1, 294
- «Мне с тобою пьяным весело...» — 1, 33
- Многим («Я — голос ваш, жар вашего дыханья...». Из заветной тетради, 2) — 1, 241
- «Многое еще, наверно, хочет...» (Тайны ремесла, 9) — 1, 280
- «Могла ли Биче словно Дант творить...» (Эпиграмма. Тайны ремесла, 7) — 1, 280
- «Моей наследницею полноправной будь...» (Завещание) — 2, 28
- «Мою Музой оказалась мука...» — 2, 83
- «Может быть, потом ненавидел...» — 2, 78
- «Можжевельника запах сладкий...» (Июль 1914, II) — 1, 97
- «Мои молодые руки...» (Из цикла «Юность, I) — 1, 189
- Молитва («Дай мне горькие годы недуга...») — 1, 99
- «Молитесь на ночь, чтобы вам...» — 2, 106
- «Молюсь оконному лучу...» — 1, 23
- «Морозное солнце. С парада...» (Белый дом) — 1, 108
- Москве («Как хорошеешь ты день ото дня...») — 2, 55
- «Муж хлестал меня узорчатым...» — 1, 35
- Мужество («Мы знаем, что ныне лежит на весах...») — 1, 208
- Муза («Как и жить мне с этой обузой...». Тайны ремесла, 3) — 1, 278

- Муза («Когда я ночью жду ее прихода...») — 1, 185
 «Муза-сестра заглянула в лицо...» (Музе) — 1, 39
 «Муза ушла по дороге...» — 1, 77
 Музе («Муза-сестра заглянула в лицо...») — 1, 39
 Музыка («В ней что-то чудотворное горит...») — 1, 284
 Музыка («Сама себя чудовищно рождая...») — 2, 81
 Музыка («Ты одна разрыть умеешь...») — 2, 82
 «Мурка, не ходи, там сыч...» — 1, 42
 «Мы знаем, что ныне лежит на весах...» (Мужество) — 1, 208
 «Мы на сто лет состарились, и это...» (Памяти 19 июля 1914) — 1, 106
 «Мы не встречаться больше научились...» — 1, 302
 «Мы не умеем прощаться...» — 1, 98
 «Мы по ошибке встретили год...» (Из Итальянского дневника) — 2, 80
 «На дом Софокла в ночь слетел орел...» (Смерть Софокла. Античная страничка, I) — 1, 276
 «На землю саван тягостный возложен...» (Первое возвращение) — 1, 25
 «На Казанском или на Волковом...» — 2, 28
 «На пороге белом рая...» — 1, 168
 «На разведенном мосту...» — 2, 37
 «На руке его много блестящих колец...» — 2, 7
 «На свиданье с белой ночью...» — 2, 103
 На Смоленском кладбище («А все, кого я на земле застала...») (Трещотка прокаженного, 6) — 1, 227
 «На сотни верст, на сотни миль...» (С самолета, 1) — 1, 221
 «На стеклах нарастает лед...» (Из стихотворений 30-х годов, 2) — 1, 255
 «На столике чай, печения сдобные...» — 2, 12
 «На шее мелких четок ряд...» — 1, 141
 <Наброски к циклу «Музыка»> — 2, 105
 <Наброски к циклу «Семисвечник»> — 2, 96
 «Наверно, страшен был и грозен юный царь...» (Александр у Фив. Античная страничка, II) — 1, 276
 «Навстречу знаменам, навстречу полкам...» (Победа, 6) — 2, 51
 Над водой («Стройный мальчик пастушок...») — 2, 19
 «Над черною бездной с тобою я шла...» — 2, 5
 Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...». Из заветной тетради, 3) — 1, 247
 Надпись на книге («Почти от залетейской тени...») — 1, 179
 Надпись на незаконченном портрете («О, не вздыхайте обо мне...») — 2, 21
 Надпись на портрете («Дымное исчадье полнолуныя...») — 1, 229
 Надпись на поэме «Триптих» («И ты ко мне вернулась знаменитой...») — 2, 44
 «Нам бы только до взморья добраться...» (Побег) — 1, 90
 «Нам встречи нет. Мы в разных станах...» — 1, 162
 «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...» (Победа, 5) — 2, 51
 «Нам свежесть слов и чувства простоту...» — 1, 81
 «Напрасно кровавою пеленой...» (Клеветникам, I) — 2, 54
 «Напруги и голос, и слух...» — 2, 97
 Нас четверо («...И отступилась я здесь от всего...». Венок мертвым, VIII) — 1, 253
 Наследница («Казалось мне, что песня спета...». Из заветной тетради, 5) — 1, 243
 «Настоящую нежность не спутаешь...» — 1, 53

- «Настоящую оду...» (Царскосельская ода) — 1, 281
- «Наше священное ремесло...» (Трещотка прокаженного, 10) — 1, 228
- Наяву («И время прочь, и пространство прочь...». Шиповник цветет, 2) — 1, 269
- «Не будем пить из одного стакана...» — 1, 52
- «Не бывать тебе в живых...» — 1, 167
- «Не в лесу мы, довольны аукать...» — 1, 86
- «Не в таинственную беседку...» — 1, 303
- «Не давай мне ничего на память...» — 2, 106
- «Не должен быть очень несчастным...» (Читатель. Тайны ремесла, 5) — 1, 278
- «Не дышали мы сонными маками...» (Cinque, 5) — 1, 231
- «Не здороваются, не рады...» (Сосны) — 2, 73
- «Не знала б, как цветет айва...» (Отрывок) — 2, 46
- «Не знаю, что меня вело...» — 2, 100
- «Не кралось полуденным бродом...» — 2, 97
- «Не кружился в Европах бальных...» — 1, 347
- «Не лги мне, не лги мне, не лги мне...» — 2, 83
- «Не лирою влюбленного...» (Пролог. Трещотка прокаженного, 1) — 1, 224
- «Не любишь, не хочешь смотреть?...» (Смятение, 2) — 1, 45
- «Не мешай мне жить — и так не сладко...» — 2, 65
- «Не мудрено, что похоронным звоном...» — 1, 300
- «Не на листопадном асфальте...» (Ночное посещение. Полночные стихи, 6) — 1, 297
- «Не напрасно я носила...» — 2, 99
- «Не недели, не месяцы — годы...» (Разрыв, 1) — 1, 192
- «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» — 1, 117
- «Не оттого, что зеркало разбилось...» (Измена. Новоселье, 3) — 1, 223
- «Не повторяй — душа твоя богата...» — 1, 301
- «Не прислал ли лебедя за мною...» — 1, 181
- «Не пугайся, я еще похожей...» (Шиповник цветет, 14) — 1, 274
- «Не смеялась и не пела...» (Прощальная. Песенки, 5) — 1, 268
- «Не смущаюсь я речью обидною...» — 2, 37
- «Не с такими еще разлучалась...» — 2, 95
- «Не с теми я, кто бросил землю...» — 1, 147
- «Не столицей европейской...» (Немного географии. Из стихотворений 30-х годов, 1) — 1, 254
- «Не странно ли, что знали мы его...» — 2, 38
- «Не страдай меня грозной судьбой...» — 1, 287
- «Не тайны и не печали...» — 1, 114
- «Не то чтобы тебя ищущ...» — 2, 69
- «Не убил, не проклял, не предал...» — 2, 30
- «Не хулил меня, не славил...» — 1, 112
- «Небо бело страшной белизною...» (Белая ночь) — 2, 27
- «Небо мелкий дождик сеет...» — 1, 113
- «Небывалая осень построила купол высокий...» — 1, 157
- «Невидимка, двойник, пересмешник...» (Поздний ответ. Венок мертвым, V) — 1, 251
- «Недуг томит — три месяца в постели...» — 2, 75
- Немного географии («Не столицей европейской...». Из стихотворений 30-х годов, 1) — 1, 254
- «Непогребенных всех — я хоронила их...» — 2, 65
- «Непоправимые слова...» (В разбитом зеркале. Шиповник цветет, 11) — 1, 272
- «Нет, ни в шахматы, ни в теннис...» — 2, 84

- «Нет, царевич, я не та...» — 1, 110
«Нет, я не выплакала их...» (Вторая годовщина) — 1, 229
«Ни в лодке, ни в телеге...» — 1, 101
«Ни вероломный муж, ни трепетный жених...» — 2, 95
«Ничего не скажу, ничего не открою...» — 2, 26
«Но в мире нет власти грозней и страшней...» — 2, 106
«Но кто подумает мог, что шестьдесят четвертый...» — 2, 98
«Но сущий вздор, что я живу грустя...» (Подвал памяти. Из цикла «Юность», II) — 1, 190
«Но тебе не дала я кольца...» — 2, 68
«Но я предупреждаю вас...» (Pro domo mea, 2) — 1, 206
Новогодняя баллада («И месяц, скучая в облачной мгле...». Из заветной тетради, 3) — 1, 242
Новоселье (1—4) — 1, 222
«Ноченька!..» (Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду) — 1, 210
Ночное посещение («Не на листопадном асфальте...». Полночные стихи, 6) — 1, 297
«Ночь моя — бред о тебе...» — 2, 8
Ночью («Стоит на небе месяц, чуть живой...») — 1, 140
«Нужен мне он или не нужен...» — 2, 100
«О Боже, за себя я все могу простить...» — 2, 32
«О, горе мне! Они тебя сожгли...» (Городу Пушкина, 1) — 1, 282
«О, есть неповторимые слова...» — 1, 120
«О, жизнь без завтрашнего дня!..» — 1, 163
«О, знала ль я, когда в одежде белой...» — 1, 179
«О, как меня любили ваши деды...» — 2, 105
«О, молчи! От волнующих, страстных речей...» — 2, 6
«О, не вздыхайте обо мне...» (Надпись на неоконченном портрете) — 2, 21
«О нет, я не тебя любила...» — 1, 135
«О своем я уже не заплачу...» (Вереница четверостиший, 10) — 1, 239
«О спутник мой неосторожный...» (Последнее письмо) — 2, 22
«О тебе вспоминаю я редко...» — 1, 89
«О, это был прохладный день...» — 1, 79
Обман (I—IV) — 1, 33—35
«Огромная подводная ступень...» (В Выборге) — 1, 300
«Один идет прямым путем...» (Pro domo mea, 1) — 1, 206
«Одни глядятся в ласковые взоры...» — 1, 183
«Одно, словно кем-то встревоженный гром...» (Последнее стихотворение. Тайны ремесла, 6) — 1, 279
«Он весь сверкает и хрустит...» (Сад) — 1, 41
«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!..» — 1, 57
«Он и после смерти не вернулся...» (Данте) — 1, 187
«Он и праведный и лукавый...» (Август) — 2, 63
Он любил... («Он любил три вещи на свете...») — 2, 12
«Он не траурный, он не мрачный...» (Рисунок на книге стихов) — 1, 283
«Он прав — опять фонарь, аптека...» (Три стихотворения, 3) — 1, 290
«Он, сам себя сравнивший с конским глазом...» (Борис Пастернак) — 1, 182
«Она сначала обожжет...» (Песня о песне) — 1, 74
«Они летят, они еще в дороге...» — 1, 78
«Опять подошли «незабвенные даты»...» — 1, 285
«Опять проходит полонез Шопена...» (При музыке) — 2, 64
Освобожденная («Чистый ветер ели колышет...». Победа, 4) — 2, 50
«Особенных претензий не имею...» — 2, 62

- «Оставь, и я была как все..» — 2, 84
«Оставь нас с музыкой вдвоем...» — 2, 79
«От других мне хвала — что зола...» (Двустушие) — 1, 192
«От любви твоей загадочной...» — 1, 138
«От меня, как от той графини...» — 2, 65
«От странной лирики, где каждый шаг — секрет...» — 1, 301
«От тебя приходила ко мне тревога...» — 2, 27
«От тебя я сердце скрывала...» — 1, 181
«От этих антивстреч...» — 2, 106
Ответ («Какие странные слова...») — 1, 81
Ответ («Я получила письмо...») — 2, 24
«Отлетела от меня удача...» — 2, 29
Отрывок («...И кто-то, во мраке деревьев незримый...») — 1, 51
Отрывок («...И мне показалось, что это огни...») — 1, 285
Отрывок («Не знала б, как цветет айва...») — 2, 46
Отрывок («Так вот где ты скитаться должна...») — 2, 104
Отрывок из уничтоженных стихов («...Оттого, что мы все пойдем...») — 2, 88
«Отстояли нас наши мальчишки...» — 2, 48
«...Оттого, что мы все пойдем...» (Отрывок из уничтоженных стихов) — 2, 88
- «Падение Берлина» («Я в два часа четыре долгих года...») — 2, 51
Пальмира (I—II) — 1, 220
Памяти Анты («Пусть это даже из другого цикла...» Венок мертвым, X) — 1, 254
Памяти Вали (1—2) — 1, 209
Памяти В. С. Срезневской («Почти не может быть, ведь ты была всегда...») — 1, 299
Памяти 19 июля 1914 («Мы на сто лет состарились, и это...») — 1, 106
Памяти друга («И в День Победы, нежный и туманный...») — 1, 213
Памяти Сергея Есенина («Так просто можно жизнь покинуть эту...») — 1, 188
«Память о солнце в сердце слабеет...» — 1, 28
«...Пауки в окне...» (Лирическое отступление Седьмой элегии) — 2, 90
«Пахнет гарью. Четыре недели...» (Июль 1914, I) — 1, 96
Первая песенка («Таинственной невестричи...». Шиповник цветет, б) — 1, 270
Первое возвращение («На землю саван тягостный возложен...») — 1, 25
Первое предупреждение («Какое нам в сущности дело...». Полночные стихи, 2) — 1, 296
Первый дальнбойный в Ленинграде («И в пестрой суете людской...») — 1, 207
«Первый луч — благословенье Бога...» — 1, 116
«Перед весной бывают дни такие...» — 1, 106
«Переулочек, переул...» (Третий Зачатьевский) — 1, 147
«Перо задело о верх экипажа...» (Прогулка) — 1, 46
Песенка («Бывало, я с утра молчу...») — 1, 142
Песенка («Я на солнечном восходе...») — 1, 36
Песенки (1—6) — 1, 266
Песня мира («Качаясь на волнах эфира...») — 2, 56
Песня о песне («Она сначала обожжет...») — 1, 74
Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холодела...») — 1, 30

- Петербург в 1913 году («За заставой воеет шарманка...») — 1, 291
 Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...») — 1, 144
 «Пива светлого наварено...» — 2, 37
 Письма — 2, 177
 Письмо («Не кралось полуденным бродом...») — 2, 97
 «Пленник чужой! Мне чужого не надо...» — 1, 132
 «Плотно сомкнуты губы сухие...» — 1, 62
 «По аллее проводят лошадок...» (В Царском Селе, 1) — 1, 26
 «По волнам блуждаю и прячусь в лесу...» (Вместо посвящения. Полночные стихи) — 1, 295
 «По неделе ни слова ни с кем не скажу...» — 1, 132
 «По полу лучи луны разлились...» — 2, 8
 «По самому жгучему лугу...» (<Наброски к циклу «Семисвечник»>) — 2, 97
 «По твёрдому гребню сугроба...» — 1, 139
 «По той дороге, где Донской...» (Шиповник цветет, 9) — 1, 272
 Побег («Нам бы только до взморья добраться...») — 1, 90
 Победа («Славно начато славное дело...». 1—3) — 1, 212
 Победа (1—6) — 2, 50
 «Победа у наших стоит дверей...» (Победа, 3) — 1, 213
 Победителям («Сзади Нарвские были ворота...») — 1, 210
 «Поглядишь, как будто спросишь...» — 2, 34
 Под Колодной («...Где на четырёх высоких лапах...». Трещотка прокаженного, 7) — 1, 227
 «Под крышей промёрзшей пустого жилья...» — 1, 83
 «Под навесом тёмной риги жарко...» — 1, 38
 «Под рукоплесканья клеветы...» — 2, 100
 «Под узорной скатертью...» (Застольная. Песенки, 2) — 1, 267
 Подвал памяти («Но сущий вадор, что я живу грустя...». Из цикла «Юность», II) — 1, 190
 Поджигателям («И чем грозите вы?») — 2, 58
 «Подошла. Я волнения не выдал...» — 1, 94
 «Подошла я к сосновому лесу...» — 1, 103
 Подражание И. Ф. Анненскому («И с тобой, моей первой причудой...») — 1, 42
 Подражание Кафке («Другие уводят любимых...». Из заветной тетради, 8) — 1, 244
 Подражание корейскому («Приснился мне почти что ты...») — 2, 82
 «...подснежники белеют...» — 2, 95
 «Подумаешь, тоже работа...» (Поэт. Тайны ремесла, 4) — 1, 278
 «Подушка уже горяча...» (Два стихотворения, 1) — 1, 23
 «Позвони мне хотя бы сегодня...» — 2, 64
 Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...». Венок мертвым, V) — 1, 251
 «Пока не свалюсь под забором...» — 1, 167
 «Покинув рощи родины священной...» (Эпические мотивы, 2) — 1, 159
 Покорение пустыни («Чей дух извечно-молодой...») — 2, 57
 «Покорно мне воображенья...» — 1, 50
 Полночные стихи (1—7) — 1, 295
 «Помолись о нищей, о потерянной...» — 1, 61
 «Пора забыть верблюжий этот гам...» (Три стихотворения, 1) — 1, 289
 «После ветра и мороза было...» — 1, 48
 Последнее возвращение («День шел за днем — и то и се...». Трещотка прокаженного, 2) — 1, 225
 Последнее письмо («О спутник мой неосторожный...») — 2, 22

- Последнее стихотворение («Одно, словно кем-то встревоженный гром...». Тайны ремесла, 6) — 1, 279
- Последний день в Риме («Заключенье не бывшего цикла...») — 2, 80
- Последний тост («Я пью за разоренный дом...». Разрыв, 3) — 1, 193
- «Последнюю и высшую награду...» — 2, 45
- Последняя («Услаждала бредами...». Песенки, 6) — 1, 268
- Последняя роза («Мне с Морозовою класть поклоны...») — 1, 294
- Послесловие к «Ленинградскому циклу» («Разве не я тогда у креста...») — 2, 44
- «Постучись кулачком, я открою...» (Памяти Вали, 2) — 1, 209
- «Потускнел на небе синий лак...» — 1, 76
- Похороны («Я места ищу для могилы...») — 1, 32
- «Почернел, искривился бревенчатый мост...» — 1, 171
- Почти в альбом («...и третье, что нами владеет всегда...») — 2, 75
- Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...». Трилистник московский, 1) — 1, 293
- «Почти не может быть, ведь ты была всегда...» (Памяти В. С. Срезневской) — 1, 299
- «Почти от залетейской тени...» (Надпись на книге) — 1, 179
- Поэма без героя (Первая редакция) — 1, 304
- Поэма без героя (Окончательная редакция) — 1, 319
- Поэт («Подумаешь, тоже работа...». Тайны ремесла, 4) — 1, 278
- «Поэт не человек, он только дух...» — 2, 83
- «Прав, что не взял меня с собой...» (Из «Черных песен», 1) — 1, 290
- «Превращая концы в начала...» — 2, 106
- Предвесенняя элегия («Меж сосен метель присмирела...». Полночные стихи, 1) — 1, 295
- Предсказание («Видел я тот венец золотокованный...») — 1, 145
- При музыке («Опять проходит полонез Шопена...») — 2, 64
- При непосылке поэмы («Приморские порывы ветра...») — 1, 292
- «Привольем пахнет дикий мед...» — 1, 180
- «Приди как хочешь: под руку с другой...» (Сонет) — 2, 102
- «Приду туда, и отлетит томленья...» — 1, 104
- Призрак («Зажженных рано фонарей...») — 1, 172
- «Приморские порывы ветра...» (При непосылке поэмы) — 1, 292
- Приморский парк Победы («Еще недавно плоская коса...») — 2, 60
- Приморский сонет («Здесь все меня переживет...») — 1, 283
- «Приснился мне почти что ты...» (Подражание корейскому) — 2, 82
- «Приходи на меня посмотреть...» — 2, 22
- Причитание («Господеви поклонитесь...») — 1, 154
- Причитание («Ленинградскую беду...») — 1, 211
- «Пришли и сказали: «Умер твой брат!»...» — 2, 10
- Про стихи Нарбута («Это — выжимки бессонниц...». Тайны ремесла, 8) — 1, 280
- «Проводила друга до передней...» — 1, 53
- Прогулка («Перо задело о верх экипажа...») — 1, 46
- Проза о поэме — 1, 350
- «Прозрачная ложится пелена...» (Майский снег) — 1, 95
- Пролог («Не лирою влюбленного...». Трещотка прокаженного, 1) — 1, 224
- «Проплывают льдины, звеня...» (Два стихотворения, II) — 1, 134
- «Пророчишь, горькая, и руки уронила...» — 1, 166
- «Простишь ли мне эти ноябрьские дни?...» — 1, 72
- «Пространство выгнулось и пошатнулось время...» — 2, 66
- «Просыпаться на рассвете...» — 1, 129
- «Протертый коврик под иконой...» — 1, 70
- «Прошло пять лет,— и залечила раны...» — 2, 59

- «Прошлогодних сокровищ моих...» (Мартовская элегия) — 1, 288
 Прощальная («Не смеялась и не пела...». Песенки, 5) — 1, 268
 «Птицы смерти в зените стоят...» — 1, 208
 «Пуускай австралийка меж нами незримая сядет...» — 2, 81
 «Пуускай огонь сигнальный не горит...» (Ленинградские четверости-
 шия, 3) — 2, 50
 «Пусть голоса органа снова грянут...» — 1, 165
 «Пусть грубой музыки обрушится волна...» — 2, 89
 «Пусть даже вылета мне нет...» — 2, 83
 «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» (Шиповник цветет, 12) —
 1, 273
 «Пусть миру этот день запомнится навеки...» (21 декабря 1949 го-
 да) — 2, 52
 «Пусть мой корабль пошел на дно...» (Из цикла «Сожженная тет-
 радь») — 2, 62
 «Пусть это даже из другого цикла...» (Памяти Анты. Венок мерт-
 вым, X) — 1, 254
 «Пустые белые святки...» — 2, 26
 «Пустых небес прозрачное стекло...» — 1, 96
 Путем вся земли (Китежанка) — 1, 232
 «Путник милый, ты далече...» — 1, 160
 Пушкин («Кто знает, что такое слава!...». Трещотка прокаженного,
 9) — 1, 228
 Пушкин и дети — 2, 110
 Пятая роза («Звалась Soleil ты или Чайной...») — 1, 294
 «Пятидесятый год — как бы водораздел...» (1950) — 2, 57
 «Пятым действием драмы...» (Царскосельские строки, I) — 1, 174
 «Разве не я тогда у креста...» (Послесловие к «Ленинградскому цик-
 лу») — 2, 44
 «Разве я стала совсем не та...» (Пальмира, II) — 1, 221
 Разлука («Вечерний и наклонный...») — 1, 86
 «Разлука призрачна — мы будем вместе скоро...» — 2, 76
 Разрыв (1—3) — 1, 192
 Рахиль («И встретил Иаков в долине Рахиль...». Библейские стихи,
 1) — 1, 152
 Реквием — 1, 196
 Рисунок на книге стихов («Он не траурный, он не мрачный...») —
 1, 283
 «Родилась я ни поздно, ни рано...» — 1, 117
 Родная земля («В заветных ладанках не носим на груди...») — 1, 291
 Романс («Что тоскуешь, будто бы вчера...») — 2, 79
 «Россия Достоевского. Луна...» (Северные элегии, 1) — 1, 259
 «Руки голы выше локтя...» (Рыбак) — 1, 40
 Русский Трианон — 1, 176
 Рыбак («Руки голы выше локтя...») — 1, 40
 С армянского («Я приснюсь тебе черной овцою...». Из стихотворений
 30-х годов, 4) — 1, 256
 «С грозных ли площадей Ленинграда...» (Луна в зените, 2) — 1, 214
 «С Новым годом! С новым горем!..» (Из стихотворений 30-х годов,
 7) — 1, 257
 «С первым звуком, слетевшим с рояля...» — 2, 33
 С самолета (1—3) — 1, 221
 Сад («Он весь сверкает и хрустит...») — 1, 41
 «Сама Нужда смирилась, наконец...» — 2, 102
 «Сама себя считая только эхом...» — 2, 90

- «Сама себя чудовищно рождая...» (Музыка) — 2, 81
 Самой поэме («Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке...») — 2, 71
 «Самолет приблизился к Парижу...» (Бреды) — 2, 93
 «Самые темные дни в году...» (9 декабря 1913 года) — 1, 82
 «Светает — это Страшный суд...» (Из «Дневника путешествия») — 1, 302
 Северные элегии (1—7) — 1, 259
 Севморпуть («Чей разум угадал сквозь льды...») — 2, 58
 «Сегодня мне письма не принесли...» — 2, 20
 «Сегодня я туда вернусь...» (Четыре времени года) — 2, 68
 «Семь тысяч и три километра...» (Черепки, II) — 1, 258
 «Сердце бьется ровно, мерно...» (Стихи о Петербурге, 2) — 1, 69
 «Сердце к сердцу не приковано...» — 1, 29
 Сероглазый король («Слава тебе, безысходная боль!...») — 1, 40
 «Сжала руки под темной вуалью...» — 1, 28
 «Сжала тебя волнистым овалом...» (Старый портрет) — 2, 12
 «Сзади Нарвские были ворота...» (Победителям) — 1, 210
 «Синий вечер. Ветры кротко стихли...» (Обман, III) — 1, 34
 «Сказал, что у меня соперниц нет...» — 1, 146
 Сказка о черном кольце (1—3) — 1, 156
 Скорость («Бедствие это не знает предела...») — 2, 66
 «Скучно мне оберегать...» — 2, 39
 «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» — 1, 75
 «Слава тебе, безысходная боль!...» (Сероглазый король) — 1, 40
 Слава миру! — 2, 49
 С армянского («Я приснюсь тебе черной овцою...»). Из стихотворений 30-х годов, 4) — 1, 256
 «Славно начато славное дело...» (Победа, 1) — 1, 212
 «Сладок запах синих виноградин...» — 2, 9
 «Словно ангел, возмутивший воду...» — 1, 130
 «Словно Врубель наш вдохновенный...» (Конец Демона. Вереница четверостиший, 8) — 1, 238
 «Словно дальнему голосу внимаю...» (Венок мертвым, IX) — 1, 254
 «Словно дочка слепого Эдипа...» (Борису Пастернаку, 3. Венок мертвым, VII) — 1, 253
 «Словно память «Народной воли»...» — 1, 348
 «Словно по чьему-то повелению...» (Ташкент зацветает) — 1, 220
 «Словно тяжким огромным молотом...» — 2, 18
 Слово о Данте — 2, 134
 Слово о Пушкине — 2, 109
 «Слух чудовищный бродит по городу...» — 1, 150
 Слушая пение («Мужский голос, как ветер, несется...») — 1, 284
 «Смеркается, и в небе темно-синем...» (Эпические мотивы, 3) — 1, 159
 Смерть (I—III) — 1, 219
 «Смерть одна на двоих. Довольно!...» — 2, 97
 Смерть Софокла («На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...»). Античная страничка, I) — 1, 276
 «Смуглый отрок бродил по аллеям...» (В Царском Селе, III) — 1, 26
 Смятение (1—3) — 1, 45
 «Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!...» — 2, 17
 «Со дня Купальницы-Аграфены...» — 1, 65
 «Со шпаной в канавке...» (Трешотка прокаженного, 8) — 1, 228
 «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» — 1, 173
 «Совсем вдали висел какой-то мост...» (Из цикла «В пути») — 2, 81
 «Совсем не тот таинственный художник...» (Сонет) — 1, 186
 Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...»). Шиповник цветет, 1) — 1, 269

- «Солнце комнату наполнило...» (8 ноября 1913 года) — 1, 62
 Сон («Был вещим этот сон или не вещим...». Шиповник цветет, 8) — 1, 271
 Сон («Я знала, я снюсь тебе...») — 1, 107
 Сонет («Приди как хочешь: под руку с другой...») — 2, 102
 Сонет («Совсем не тот таинственный художник...») — 1, 186
 Сонет («Я тебя сама бы увенчала...») — 2, 96
 «Соседка — из жалости — два квартала...» — 2, 42
 «Сослужу тебе верную службу...» — 1, 162
 Сосны («Не здороваются, не рады!...») — 2, 73
 «Сочтенных дней осталось мало...» — 2, 35
 «Спокоен ход простых суровых дней...» — 2, 27
 «Справа Днепр, а слева клены...» — 2, 34
 «Справа раскинулись пустыри...» — 1, 212
 «Сразу стало тихо в доме...» — 1, 128
 Среди морозной праздничной Москвы...» (Без названия. Трилистник московский, 2) — 1, 293
 «Стал мне реже снится, слава Богу...» — 1, 105
 «Стала я, как в те года, бессонной...» (К музыке) — 2, 80
 «Сталинградской страды...» (В мае. Победа, 1) — 2, 50
 Стансы («Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...») — 1, 195
 Старый портрет («Сжала тебя золотистым овалом...») — 2, 12
 «Стекланный воздух над костром...» — 2, 93
 Стекланный звонок («Стекланный звонок...») — 2, 45
 Стихи о Петербурге (1—2) — 1, 68
 «Стоит на небе месяц, чуть живой...» (Ночью) — 1, 140
 «Столько просьб у любимой всегда...» — 1, 54
 «Столько раз я проклинала...» — 1, 100
 «Стояла долго я у врат тяжелых ада...» — 2, 13
 «Страх, во тьме перебирая вещи...» — 1, 162
 «Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...» (Стансы) — 1, 195
 «Стройный мальчик пастушок...» (Над водой) — 2, 19
 «Стряслось небывалое злое...» — 2, 77
 «Судьба ли так моя переменялась...» — 1, 115
 «Таинственной невестречи...» (Первая песенка. Шиповник цветет, 6) — 1, 270
 Тайны ремесла (1—9) — 1, 277
 «Так беспомощно грудь холодела...» (Песня последней встречи) — 1, 30
 Так вот где ты скитаться должна...» (Отрывок) — 2, 104
 «Так вот он — тот осенний пейзаж...» (Северные элегии, 4) — 1, 262
 «Так много камней брошено в меня...» (Уединение) — 1, 73
 «Так не зря мы вместе бедовали...» (Из заветной тетради, 7) — 1, 244
 «Так отлетают темные души...» — 1, 190
 «Так просто можно жизнь покинуть эту...» (Памяти Сергея Есенина) — 1, 188
 «Так раненого журавля...» — 1, 103
 «Так уж глаза опускали...» — 2, 79
 «Там белые церкви и звонкий, светящийся лед...» (Бежецк) — 1, 144
 «Там музыка рыдала без меня...» (<Наброски к циклу «Музыка»>) — 2, 105
 «Там оперный еще томится Зибель...» — 2, 83
 «Там тень моя осталась и тоскует...» — 1, 112
 Тамаре Платоновне Карсавиной («Как песню, слагаешь ты легкий танец...») — 2, 27

- «Татарское, дремучее...» (Имя Вереница четверостиший, 2) — 1, 237
Ташкент зацветает («Словно по чьему-то повелению...») — 1, 220
«Твой белый дом и тихий сад оставляю...» — 1, 73
«Твой месяц май, твой праздник — Вознесенье...» — 2, 103
Творчество («Бывает так: какая-то истома...». Тайны ремесла, 1) — 1, 277
Творчество («Я помню все в одно и то же время...») — 2, 67
«Твоя свирель над тихим миром пела...» — 2, 20
«Тебе, Афродита, слагаю танец...» — 2, 11
«Тебе покорной? Ты сошел с ума!..» — 1, 148
Тень («Всегда нарядней всех всех розовой и выше...». В сороковом году, 3) — 1, 205
«Теперь никто не станет слушать песен...» — 1, 138
«Теперь прощай, столица...» — 1, 139
«Течет река неспешно по долине...» — 1, 141
«Тешил — ужас. Грела — выюга...» (Лишняя. Песенки, 4) — 1, 267
«То змейкой, свернувшись клубком...» (Любовь) — 1, 25
«То лестью новогоднего сонета...» — 2, 99
«То ли я с тобой осталась...» — 2, 9
«То пятое время года...» — 1, 107
«То, что я делаю, способен делать каждый...» (Трещотка прокаженного, 3) — 1, 225
Тост («За вновь распаханное поле...») — 2, 55
«Тот август, как желтое пламя...» — 1, 171
«Тот голос, с тишиной великой споря...» — 1, 97
«Тот город, мной любимый с детства...» — 1, 184
«Тот день всегда необычаен...» (Выход книги. Из заветной тетради, 1) — 1, 241
«Тот же голос, тот же взгляд...» (Два стихотворения, 2) — 1, 24
Третий Зачатьевский («Переулочек, переул...») — 1, 147
«Третью весну встречаю вдали...» (Луна в зените, 5) — 1, 214
Трещотка прокаженного (1—10) — 1, 224
Три осени («Мне летние просто невятны улыбки...». Трещотка прокаженного, 5) — 1, 226
«Три раза пытаться приходила...» — 1, 39
Три стихотворения (1—3) — 1, 289
30 июня 1950 («Бессмертен день, когда одного грудью...») — 2, 56
Трилистник московский (1—3) — 1, 293
Тринадцать строчек («И наконец ты слово произнес...». Полночные стихи, 4) — 1, 297
«Туманом легким парк наполнился...» — 1, 43
«Ты, Азия, — родина родин!..» — 2, 45
«Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...» — 1, 295
«Ты всегда таинственный и новый...» (Два стихотворения, 1) — 1, 133
«Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» (Шиповник цветет, 10) — 1, 272
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» — 1, 60
«Ты любила меня и жалела...» — 2, 103
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» — 1, 163
«Ты мог бы мне снится и реже...» — 1, 142
«Ты напрасно мне под ноги мечешь...» (Шиповник цветет, 13) — 1, 274
«Ты о ней, как о первой невесте...» (Запретная роза) — 2, 98
«Ты одна разрыть умеешь...» (Музыке) — 2, 82
«Ты — отступник: за остров зеленый...» — 1, 128
«Ты первый сдался — я молчала...» — 2, 73
«Ты первый, ставший у источника...» — 2, 31

- «Ты письмо мое, милый, не комкай...» — 1, 64
 «Ты поверь, не змеинное острое жало...» — 2, 22
 «Ты приедешь в черной карете...» — 1, 348
 «Ты пришел меня утешить, милый...» — 1, 63
 «Ты прости мне, что я плохо правлю...» — 2, 40
 «...ты пьян...» (Гости. Новоселье, 2) — 1, 222
 «Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке...» (Самой поэме) — 2, 71
 «Ты смертную не можешь сделать душу...» — 2, 87
 «Ты стихи мои требуешь прямо...» (Через много лет. Шиповник цветет, 15) — 1, 275
 1950 («Пятидесятый год — как бы водораздел...») — 2, 57
 «Тяжела ты, любовная память!..» — 1, 75
- «У кладбища направо пылил пустырь...» (Читая Гамлета, 1) — 1, 24
 «У меня есть улыбка одна...» — 1, 53
 У самого моря («Бухты изрезали низкий берег...») — 1, 121
 «Угадаешь ты ее не сразу...» — 2, 86
 «Углем наметил на левом боку...» — 1, 60
 «Угощу под заветнейшим кленом...» — 2, 74
 «Удивляйтесь, что была печальней...» — 2, 90
 Уединение («Так много камней брошено в меня...») — 1, 73
 «Уж я ль не знала бессонницы...» (В сороковом году, 4) — 1, 205
 «Уже кленовые листья...» (Царскосельская статуя) — 1, 92
 «Уже красуется на книжной полке...» (Сожженная тетрадь. Шиповник цветет, 1) — 1, 269
 «Уже целовала Антония мертвые губы...» (Клеопатра) — 1, 187
 «Уложила сыночка кудрявого...» — 2, 41
 «Улыбнулся, вставши на пороге...» — 2, 36
 «Умирая, томлюсь о бессмертии...» — 1, 63
 «Умолк вчера неповторимый голос...» (Борису Пастернаку, 2. Венок мертвым, VII) — 1, 252
 «Умолк прошивший мне грехи...» (Исповедь) — 1, 64
 «Услаждала бредами...» (Последняя. Песенки, 6) — 1, 268
 «Услышишь гром и вспомнишь обо мне...» (Почти в альбом. Трилистник московский, 1) — 1, 293
 Утешение («Вестей от него не получишь больше...») — 1, 98
 «Уходи опять в ночные чащи...» — 2, 49
 Учитель («А тот, кого учителем считаю...». Венок мертвым, I) — 1, 249
- «Хвалы эти мне не по чину...» — 2, 67
 Хозяйка («В этой горнице колдунья...». Новоселье, I) — 1, 222
 «Хозяйка румяна, и ужин готов...» — 2, 103
 «Хорони, хорони меня, ветер...» — 1, 38
 «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» — 1, 155
 «Хорошо поют синицы...» — 2, 39
 «Хочешь знать, как все это было...» — 1, 30
 Художнику («Мне все твоя мерещится работа...») — 1, 184
 «Хвалимые, хвалимые!..» — 2, 70
- Царскосельская ода («Настоящую оду...») — 1, 281
 Царскосельская статуя («Уже кленовые листья...») — 1, 92
 Царскосельские строки (I—II) — 1, 174
 «Цветов и неживых вещей...» — 1, 55
 «Цветы, холодные от рос...» — 2, 30
 «Целый год ты со мной неразлучен...» — 1, 83
 «Целый день провела у окошка...» — 2, 18

- «Чей дух извечно-молодой...» (Покорение пустыни) — 2, 57
 «Чей разум угадал сквозь льды...» (Севморпуть) — 2, 58
 «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» — 1, 138
 Через 23 года («Я гашу те заветные свечи...») — 1, 298
 Через много лет («Ты стихи мои требуешь прямо...». Шиповник цветет, 15) — 1, 275
 Черепки (I—IV) — 1, 257
 «Черная вилась дорога...» — 1, 84
 «Чернеет дорога приморского сада...» — 1, 86
 «Черную и прочную разлуку...» (Во сне. Шиповник цветет, 3) — 1, 269
 «Четыре алмаза — четыре глаза...» (В лесу) — 2, 19
 Четыре времени года («Сегодня я туда вернусь...») — 2, 68
 «Чистый ветер ели колышет...» (Освобожденная. Победа, 4) — 2, 50
 Читатель («Не должен быть очень несчастным...». Тайны ремесла, 5) — 1, 278
 Читая Гамлета (1—2) — 1, 24
 «Что бормочешь ты, полночь наша?..» — 1, 346
 «Что войны, что чума? — конец им виден скорый...» (Бег времени. Береница четверостиший, 1) — 1, 237
 «Что нам разлука? — Лихая забава...» (Из заветной тетради, 10) — 1, 246
 «...что с кровью рифмуется...» — 2, 106
 «Что таятся в зеркале? — Горе...» — 2, 101
 «Что там хлопотало за дверью стеклянной...» — 2, 101
 «Что тоскуешь, будто бы вчера...» (Романс) — 2, 79
 «Что-то неладно со мною опять...» — 2, 49
 «Что ты бродишь, неприкаянный...» — 1, 148
 «Что ты видишь, тускло на стену смотря...» (Голос памяти) — 1, 58
 «Что у нас общего? Стрелка часов...» — 2, 75
 «Чугунная ограда...» — 1, 165
 «Чьи нас душили кровавые пальцы...» — 2, 99
 «Шелестит о прошлом старый дуб...» — 2, 17
 «Шелестит, опадая, орешник...» («Наброски к циклу «Семисвечник», 2») — 2, 96
 Шепчет: «Я не пожалею...» — 1, 150
 Шиповник цветет (1—16) («Вместо праздничного поздравленья...») — 1, 268
 «Широк и желт вечерний свет...» — 1, 110
 «Широко распахнуты ворота...» — 1, 170
 «Шутки — шутками, а сорок...» (Из заветной тетради, 15) — 1, 247
 «Щели в саду вырыты...» (Памяти Вали, 1) — 1, 209
 Эзума элиш — 2, 259
 Эпиграмма («Здесь девушки прекраснейшие спорят...») — 2, 41
 Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...». Тайны ремесла, 7) — 1, 280
 Эпические мотивы (1—3) — 1, 157
 «Эта встреча никем не воспета...» — 1, 136
 «Это — выжимки бессонниц...» (Про стихи Нарбута. Тайны ремесла, 8) — 1, 280
 «Это и не старо, и не ново...» (Анафема. Из заветной тетради, 14) — 1, 247
 «Это просто, это ясно...» — 1, 129
 «Это рысьи глаза твои, Азия...» — 1, 217
 «Это с тобой я встречала тогда...» — 2, 93

- «Это те, что кричали: «Варраву!..» (Защитники Сталина) — 1, 248
 «Это ты осторожно коснулся...» — 2, 103
 «Этой нвы листы в девятнадцатом веке увяли...» (Городу Пушкина, 2) — 1, 283
 Эхо («В прошлое давно пути закрыты...») — 1, 289
- «Я бросила тысячи звонниц...» — 2, 69
 «Я была на краю чего-то...» (Смерть, I) — 1, 219
 «Я в два часа четыре долгих года...» («Падение Берлина») — 2, 51
 «Я в этой церкви слушала Канон...» — 2, 86
 «Я видел поле после града...» — 2, 25
 «Я всем прощение дарую...» (Вереница четверостиший, 15) — 1, 240
 «Я выбрала тех, с кем хотела молчать...» — 2, 78
 «Я гашу те заветные свечи...» (Через 23 года) — 1, 298
 «Я гибель накликала милым...» — 1, 168
 «Я говорю сейчас словами теми...» (Вечерняя комната) — 2, 14
 «Я — голос ваш, жар вашего дыханья...» (Многим. Из заветной тетради. 2) — 1, 241
 «Я горькая и старая. Морщины...» — 2, 33
 «Я давно не верю в телефоны...» — 2, 67
 «Я еще не таких забывала...» — 1, 347
 «Я еще сегодня дома...» — 2, 81
 «Я живу, как кукушка в часах...» — 1, 32
 «Я знала, я снюсь тебе...» (Сон) — 1, 107
 «Я знаю, с места не сдвинуться...» (Из стихотворений 30-х годов, 5) — 1, 256
 «Я знаю, ты моя награда...» — 1, 113
 «Я и плакала и каялась...» — 1, 44
 «Я играю в ту самую игру...» — 2, 78
 «Я иду навстречу виденью...» — 1, 346
 «Я именем твоим не оскверню уст...» — 2, 39
 «Я к розам хочу, в тот единственный сад...» (Летний сад) — 1, 286
 «Я лилий нарвала прекрасных и душистых...» (Лилии) — 2, 5
 «Я любимого нигде не встретила...» — 2, 31
 «Я места ищу для могилы...» (Похороны) — 1, 32
 «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (Венок мертвым, IV) — 1, 250
 «Я над этой колыбелью...» (Колыбельная) — 2, 47
 «Я написала слова...» (Обман, IV) — 1, 35
 «Я на солнечном восходе...» (Песенка) — 1, 36
 «Я научилась просто, мудро жить...» — 1, 58
 «Я не была здесь лет семьсот...» (Луна в зените, 6) — 1, 215
 «Я не знаю, ты жив или умер...» — 1, 110
 «Я не любви твоей прошу...» — 1, 46
 «Я не любила с давних дней...» (Cinq, 3) — 1, 231
 «Я не люблю цветы — они напоминают...» — 2, 87
 «Я не сойду с ума, и даже не умру...» — 2, 96
 «Я окошка не завесила...» — 1, 136
 «Я подымаю трубку — я называю имя...» — 2, 70
 «Я получила письмо...» (Ответ) — 2, 24
 «Я помню все в одно и то же время...» (Творчество) — 2, 67
 «Я приснюсь тебе черной овцою...» (С армянского. Из стихотворений 30-х годов, 4) — 1, 256
 «Я пришла к поэту в гости...» — 1, 72
 «Я пришла сюда, бездельница...» — 1, 37
 «— «Я пришла тебя сменить, сестра...» — 1, 67
 «Я пью за разоренный дом...» (Последний тост. Разрыв, 3) — 1, 193

- «Я слышу иволги всегда печальный голос...» — 1, 135
 «Я смертельна для тех, кто нежен и юн...» — 2, 13
 «Я сошла с ума, о мальчик странный...» — 1, 31
 «Я спросила у кукушки...» — 1, 132
 «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...» (Другой голос, I) — 1, 145
 «Я с тобой не стану пить вино...» — 1, 65
 «Я сказала, в глаза не глядя...» — 2, 100
 «Я так молилась: «Утоли...» — 1, 79
 «Я там иду...» — 2, 101
 «Я тебя в твоей не знала славе...» (Маяковский в 1913 году) — 1, 194
 «Я тебя сама бы увенчала...» (Сонет) — 2, 96
 «Я улыбаться перестала...» — 1, 78
 «Я умею любить...» — 2, 6
 Явление луны («Из перламутра и агата...». Луна в зените, 7) —
 1 215

- «Cadrans solaires на Меншиковом доме...» (Ленинград в марте 1941 го-
 да) — 1, 194
 Cinque (1—5) — 1, 230
 «De profundis... Мое поколение...» (Венок мертвым, II) — 1, 249
 In memoriam («А вы, мои друзья последнего призыва!..») — 1, 210
 Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду («Ноченька!..») — 1, 210
 Pro domo mea (1—4) — 1, 206

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

	Стр. текста	Стр. прим.
Лилии	5	314
«Над черною бездной с тобою я шла...» . .	5	314
«О, молчи! От волнующих страстных ре- чей...»	6	314
«Я умею любить...»	6	314
«На руке его много блестящих колец...» . .	7	314
«Герб небес изогнутый и древний...» . . .	7	314
Из первой тетради («Всю ночь не давали заснуть...»)	8	314
«Ночь моя — бред о тебе...»	8	314
«То ли я с тобой осталась...»	9	314
«Сладок запах синих виноградин...» . . .	9	314
«Пришли и сказали: «Умер твой брат!»...»	10	314
«Тебе, Афродита, слагаю танец...» . . .	11	315
Маскарад в парке	11	315
Он любил...	12	315
«На столике чай, печенья сдобные...» . .	12	315
Старый портрет	12	315
«Я смертельна для тех, кто нежен и юн...»	13	315
«Стояла долго я у врат тяжелых ада...» .	13	315
«В комнате моей живет красивая...» . . .	14	315
Вечерняя комната	14	315
Алиса		
1. «Все тоскует о забытом...»	15	315
2. «Как поздно! Устала, зеваю...» . . .	15	315
«Мне больше ног моих не надо...»	16	316
«Шелестит о прошлом старый дуб...» . . .	17	316
«Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!»	17	316
«Когда умрем, темней не станет...» . . .	17	316
«В углу старик, похожий на барана...» . .	18	316
«Целый день провела у окошка...» . . .	18	316
«Словно тяжким огромным молотом...» . .	18	316
В лесу	19	316
Над водой	19	316
«Загорелись иглы венчика...»	20	316
«Твоя свирель над тихим миром пела...»	20	316
«Сегодня мне письма не принесли...» . . .	20	316
Надпись на неоконченном портрете	21	316
«Ты поверь, не змеиное острое жало...» . .	22	317
«Приходи на меня посмотреть...»	22	317
Последнее письмо	22	317
«И жар по вечерам, и утром вялость...» . .	24	317
Ответ	24	317
«За узором дымных стекол...»	25	317
«Я видел поле после града...»	25	317
«Ничего не скажу, ничего не открою...» . .	26	317
«Бисерным почерком пишете, Lise...» . . .	26	317
«Пустые белые святки...»	26	317
Тамаре Платоновне Карсавиной	27	317
«От тебя приходила ко мне тревога...» . .	27	318

«Спокоен ход простых суровых дней...» . . .	27	318
Белая ночь	27	318
«На Казанском или на Волковом...»	28	318
Завещание	28	319
«За то, что я грех прославляла...»	29	319
«Кому-то желтый гроб несут...»	29	319
«Отлетела от меня удача...»	29	319
«Не убил, не проклял, не предал...»	30	319
«Вечерний звон у стен монастыря...»	30	319
«Цветы, холодные от рос...»	30	319
«Я любимого нигде не встретила...»	31	319
«Ты первый, ставший у источника...»	31	319
«В последний год, когда столица наша...»	32	319
«О Боже, за себя я все могу простить...»	32	319
«В городе райского ключаря...»	32	320
«С первым звуком, слетевшим с рояля...»	33	320
«Я горькая и старая. Морщины...»	33	320
«Поглядишь, как будто спросишь...»	34	320
«В промежутки между грозами...»	34	320
«Справа Днепр, а слева клены...»	34	320
«Сочтенных дней осталось мало...»	35	320
«Если в небе луна не бродит...»	35	320
«Как долог праздник новогодний...»	35	320
«Жрицами божественной бессмыслицы...»	36	321
«Улыбнулся, вставши на пороге...»	36	321
«И через все, и каждый миг...»	36	321
«На разведенном мосту...»	37	321
«Не смущаюсь я речью обидною...»	37	321
«Пива светлого наварено...»	37	321
«Не странно ли, что знали мы его?..»	38	321
«Здравствуй, Питер! Плохо, старый...»	38	321
«Вечер тот казни достоин...»	38	322
«Хорошо поют синицы...»	39	322
«Скучно мне оберегать...»	39	322
«Я именем твоим не оскверню уст...»	39	322
«И ты мне все простишь...»	40	322
«Ты прости мне, что я плохо правлю...»	40	322
«Десять лет и год твоя подруга...»	40	322
«И неоплаканною тенью...»	40	322
«Конечно, мне радости мало...»	41	322
Эпиграмма («Здесь девушки прекраснейшие спрят...»)	41	322
«...За ландышевый май...»	41	323
«Уложила сыночка кудрявого...»	41	323
«Соседка — из жалости — два квартала...»	42	323
«Любо вам под половицей...»	42	323
«Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама...»	43	323
«Глаз не свожу с горизонта...»	43	323
«Ленинградские голубые...»	43	324
«А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет...»	43	324
«И все, кого сердце мое не забудет...»	44	324
Послесловие к «Ленинградскому циклу»	44	324
Надпись на поэме «Триптих»	44	324
«Последнюю и высшую награду...»	45	324
«Ты, Азия, родина родин!..»	45	324

Стеклянный звонок	45	324
«И очертанья «Фауста» вдали...»	46	324
Отрывок («Не знала б, как цветет айва...»)	46	325
Два голоса	47	325
Колыбельная («Я над этой колыбелью...»)	47	325
«Отстояли нас наши мальчишки...»	48	325
«Блаженный мир — зеленый мир...»	48	325
«Уходи опять в ночные чаши...»	49	325
«Что-то неладно со мною опять...»	49	325
ИЗ СБОРНИКА «СЛАВА МИРУ!»	49	326
I. Великая Отечественная война		
Ленинградские четверостишия		
1. «Вражье знамя...»	49	331
2. «Копай, моя лопата...»	50	331
3. «Пускай огонь сигнальный не горит...»	50	331
Победа		
1. В мае («Сталинградской страды...»)	50	331
2. «За наши пламенные зори...»	50	331
3. 27 января 1944 года («И в ночи январской беззвездной...»)	50	331
4. Освобожденная («Чистый ветер ели колышет...»)	50	331
5. «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»	51	332
6. «Навстречу знаменам, навстречу полкам...»	51	332
«Падение Берлина» (<i>Отрывок</i>)	51	332
II. Слава миру		
21 декабря 1949 года	52	332
«И Вождь орлиными очами...»	53	332
«Где дремала пустыня, там ныне сады...»	53	332
«И в великой нашей отчизне...»	54	332
Клеветникам	54	332
I. «Напрасно кровавою пеленой...»	54	332
II. «Когда б вы знали, как спокойно...»	55	332
Тост	55	332
Москва	55	332
Песня мира	56	332
30 июня 1950	56	332
1950	57	332
Покорение пустыни	57	332
Севморпуть	58	332
«Где ароматом веяли муссоны...»	58	332
Поджигателям	58	332
«Прошло пять лет,— и залечила раны...»	59	332
Говорят дети	60	332
Приморский парк Победы	60	332
В пионерлагере	61	332
«Особенных претензий не имею...»	62	333
«Пусть мой корабль пошел на дно...»	62	333
«Меня и этот голос не обманет...»	63	333
«Меня влекут дороги Подмосковья...»	63	333
Август	63	333
«Позвони мне хотя бы сегодня...»	64	333
При музыке	64	333

«От меня, как от той графини...»	65	333
«И все пошли за мной, читатели мои...» . . .	65	334
«Непогребенных всех — я хоронила их...» . .	65	335
«Не мешай мне жить — и так не сладко...» . .	65	335
Скорость	66	335
«Пространство выгнулось и пошатнулось время...»	66	335
«Я давно не верю в телефоны...»	67	335
Творчество	67	335
«Хвалы эти мне не по чину...»	67	335
Четыре времени года	68	335
«Но тебе не дала я кольца...»	68	335
«И черной музыки безумное лицо...»	68	335
«Я бросила тысячи звонниц...»	69	335
Мартовские элегии («Если бы ты музыкой была...»)	69	335
«Не то чтобы тебя ищу...»	69	335
«Я подымаю трубку — я называю имя...» . . .	70	335
«Еще говорящую трубку...»	70	335
«Как! Только десять лет, ты шутишь, Боже мой!..»	70	336
«Хулимые, хвалимые!..»	70	336
«И меня по ошибке пленило...»	71	336
Самой поэме	71	336
«И юностью манит, и славу сулит...»	72	336
«И это б могла, и то бы могла...»	72	336
«Ты первый сдался — я молчала...»	73	336
«Вы чудаки, вы лучший путь...»	73	336
«Как слепоглухонемая...»	73	336
«А я говорю, вероятно, за многих...»	73	336
Сосны	73	336
«И анютиных глазок стая...»	74	336
«Угощу под заветнейшим кленом...»	74	336
«Больничные молитвенные дни...»	74	336
«Недуг томит — три месяца в постели...» . .	75	336
Почти в альбом	75	336
«Что у нас общего? Стрелка часов...»	75	337
«Все это было — твердая рука...»	76	337
«И северная весть на севере застыла...» . . .	76	337
Еще об этом лете (<i>Отрывок</i>)	76	337
«Разлука призрачна — мы будем вместе ско- ро...»	76	337
«Если бы брызги стекла...»	77	337
«И было этим летом так отратно...»	77	337
«Стряслось небывалое злое...»	77	337
«Из-под смертного свода кургана...»	78	337
«Я играю в ту самую игру...»	78	337
«Я выбрала тех, с кем хотела молчать...» . . .	78	337
«...и умирать в сознании горделивом...» . . .	78	337
«Может быть, потом ненавидел...»	78	337
«Оставь нас с музыкой вдвоем...»	79	337
«Так уж глаза опускали...»	79	337
Романс	79	337
Последний день в Риме	80	337
Из Итальянского дневника (<i>Мэчелли</i>)	80	337
«Беспамятна лишь жизнь — такой не назо- вем...»	80	338

К музыке	80	338
«Совсем вдали висел какой-то мост...» . . .	81	338
«Пускай австралийка меж нами незримая сядет...»	81	338
«Я еще сегодня дома...»	81	338
Музыка («Сама себя чудовищно рождая...»)	81	338
Музыке («Ты одна разрыть умеешь...»)	82	338
«И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...»	82	338
Подражание корейскому	82	338
«Не лги мне, не лги мне, не лги мне...» . . .	83	339
«Поэт не человек, он только дух...» . . .	83	339
«Пусть даже вылета мне нет...»	83	339
«Моею Музой оказалась мука...»	83	339
«Там оперный еще томится Зибель...» . . .	83	339
«Оставь, и я была как все...»	84	339
«Нет, ни в шахматы, ни в теннис...» . . .	84	339
«И по собственному дому...»	84	339

ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО И «ЗАБЫТОГО»

Забывтое четверостишие	85	339
Из завещания Василька	85	339
«Здесь беда со мной случилась...»	85	339
«Я в этой церкви слушала Канон...»	86	339
«Как вышедши из западных ворот...»	86	339
«Угадаешь ты ее не сразу...»	86	339
«Я не люблю цветы — они напоминают...» . . .	87	340
(Из забытого) («Ах! — где те острова...»)	87	340
«Ты смертнюю не можешь сделать душу...»	87	340
Отрывок из уничтоженных стихов	88	340
«И кружку пенили отцы...»	88	340
«Лежала тень на месяце двурогом...»	88	340
«А умирать подем в Самарканд...»	88	340
«Пусть грубой музыки обрушится волна...»	89	341
<Из погибшей поэмы> («Гаагский голубь рея над вселенной...»)	89	341
«Дострадать до огня над могилой...»	90	341
«Удивляйтесь, что была печальней...»	90	341
«Сама себя считая только эхом...»	90	341
Лирическое отступление Седьмой элегии	90	341
«Завещать какой-то дикой скрипке...»	92	341
«И будешь ты из тех старух...»	92	341
«Стеклянный воздух над костром...»	93	341
«Это с тобой я встречала тогда...»	93	341
Бреды	93	341
«И отнять у них невозможно...»	93	341
Городу	94	341
«И не дослушаю впотьмах...»	94	342
«Зазвонили в Угличе рано...»	94	342
«И луковки твоей не тронул золотой...»	94	342
«И прекрасней мраков Рембранта...»	94	342
«...подснежники блеют...»	95	342
«Ни вероломный муж, ни трепетный же- них...»	95	342
«...И теми стихами весь мир озарен...»	95	342
«Если бы тогда шальная пуля...»	95	342
«Не с такими еще разлучалась...»	95	342

«Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...»	96	342
«Я не сойду с ума и даже не умру...» . . .	96	342
Сонет («Я тебя сама бы увенчала...») . . .	96	342
<Наброски к циклу «Семисвечник»>		
<1> «За плечом, где горит семисвеч- ник...»	96	342
<2> «Шелестит, опадая, орешник...» . . .	96	342
<3> «По самому жгучему лугу...»	97	342
«Напряги и голос и слух...»	97	342
Письмо («Не кралось полуденным бродом...»)	97	342
«Смерть одна на двоих. Довольно!..»	97	342
«...и это грозило обоим...»	98	342
Запретная роза	98	343
«Но кто подумать мог, что шестьдесят чет- вертый...»	98	343
«И возникает мой сонет...»	99	343
«То лестью новогоднего сонета...»	99	343
«Не напрасно я носила...»	99	343
«И я не имею претензий...»	99	343
«Чьи нас душили кровавые пальцы?..» . . .	99	343
«Для суда и для стражи незрима...»	99	343
«Быть страшно тобою хвалимой...»	100	343
«Под рукоплесканья клеветы...»	100	343
«...и даже посмотреть те сотни тысяч строк...»	100	343
«Не знаю, что меня вело...»	100	343
«Я сказала, в глаза не глядя...»	100	343
«Нужен мне он или не нужен...»	100	343
«Я там иду...»	101	343
«Что там клокотало за дверью стеклянной...»	101	343
«В скорбях, в страстях, под нестерпимым гнетом...»	101	343
«Что таится в зеркале? — Горе...»	101	344
«Врачуй мне душу, а не то...»	101	344
Сонет («Приди как хочешь: под руку с дру- гой...»)	102	344
«Сама Нужда смирилась, наконец...»	102	344
«Мне безмолвие стало домом...»	102	344
«Мне веселее ждать его...»	102	344
«Хозяйка румяна, и ужин готов...»	103	344
«Ты любила меня и жалела...»	103	344
«Это ты осторожно коснулся...»	103	344
«Твой месяц май, твой праздник — Возне- сенье...»	103	344
«И странный спутник был мне послан адом...»	103	344
«На свиданье с белой ночью...»	103	344
Отрывок («Так вот где ты скитаться дол- жна...»)	104	344
«О, как меня любили ваши деды...»	105	344
<Наброски к циклу «Музыка»>		
<1> «И в недрах музыки я не нашла ответа...»	105	345
<2> «И жесткие звуки влажнели, дро- бьсь...»	105	345
<3> «Там музыка рыдала без мсня...»	105	345

<4> «Когда уже к неведомой от- чизне...»	105	345
«Превращая концы в начала...»	106	345
«Не давай мне ничего на память...»	106	345
«От этих антивстреч...»	106	345
«...что с кровью рифмуется...»	106	345
«Молитесь на ночь, чтобы вам...»	106	345
«...Но в мире нет власти грозней и страш- ней...»	106	345

ПРОЗА

Слово о Пушкине	109	347
Пушкин и дети	110	347
«Каменный гость» Пушкина	111	347
<Дополнения к статье «"Каменный гость" Пушкина» (1958—1959)>	126	348
Все было подвластно ему	133	348
Слово о Данте	134	348
Воспоминания об Александре Блоке	136	348
Лозинский	138	349
Амедео Модильяни	144	352
Листки из дневника (О Мандельштаме)	151	355

ПИСЬМА

С. В. фон Штейну	177	364
В. Я. Брюсову	187	365
А. А. Блоку	187	366
Н. С. Гумилеву	188	366
Г. И. Чулкову	189	367
Ф. К. Сологубу	190	367
А. И. Гумиловой	191	367
Л. М. Рейснер	191	367
А. Э. Вакар	192	368
В. К. Шилейко	192	368
О. А. Глебовой-Судейкиной	198	369
Н. И. Харджиеву	198	369
М. Л. Лозинскому	207	371
О. Э. Мандельштаму	211	372
Э. Г. Герштейн	211	372
В. Г. Гаршину	217	373
И. Н. Томашевской	217	373
Н. А. Ольшевской-Ардовой	221	374
В. А. Сутугиной	224	374
Б. Л. Пастернаку	225	374
Н. Я. Мандельштам	226	374
Л. Н. Гумилеву	228	375
В. С. Срезневской	230	375
Э. Г. Бабаеву	230	375
В. Я. Виленкину	230	376
Алексису Ранниту	231	376
К. И. Чуковскому	233	376
М. В. Латманивову	234	376
С. Г. Вейнбергу	234	377
Д. Е. Максимова	235	377
Т. И. Коншиной	235	377
Е. М. Ольшанской	236	377

Жоржу Нива	236	378
В. А. Горенко	236	378
А. Г. Найману	238	378
Ф. И. Малову	250	380
Джанкарло Вигорелли	251	381
Г. П. Корниловой	251	381
И. А. Бродскому	253	381
А. Т. Твардовскому	255	381
М. И. Дикман	255	381
С. И. Четверухину	256	382

ПРИЛОЖЕНИЕ

Энума элиш. Драма в трех частях	259	382
<Наброски и варианты драмы «Энума элиш»>	270	
<Дополнения к драме «Энума элиш»>	302	
Примечания	313	
Алфавитный указатель произведений Анны Ахматовой, вошедших в 1—2 тт.	400	

ПОПРАВКИ

Том	Стр.	Строка	Напечатано:	Надо:
1	142	9 сн.	Смерть выслала дозорных по домам.	Смерть выслала дозорных по дворам.
»	210	8 св.	Заплаканы взоры любви...	Заплаканы взоры Любви...
»	415	21 сн.	Бориса Андреевича Пильняка (1894—1937)	Бориса Андреевича Пильняка (1894—1938)
»	416	20 св.	С Михаилом Алексеевичем...	С Михаилом Афанасьевичем...
»	443	8 сн.	«Русский трианон»	«Русский Трианон»

Анна Андреевна АХМАТОВА
Собрание сочинений в двух томах

Том II

Редактор тома Н. Н. Кудрявцева

Оформление художника А. Т. Яковлева

Технический редактор В. Н. Веселовская

ИБ 2227

Сдано в набор 15.03 — 8.07.90.
Подписано к печати 31.07.90.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 23.10. Усл. кр.-отт. 23.94. Уч.-изд. л. 24.95.
Тираж 1 700 000 экз. (2-й завод: 250 001—500 000).
Заказ № 5211. Цена 2 р. 10 к.

Набрано и сматрицировано в ордене Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии издательства «Звезда», 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 84.

Индекс 70658